

Бібліятэка Бацькаўшчыны

Міжнароднае грамадскае аб'яднанне
«Згуртаванне беларусаў свету «Бацькаўшчына»

Кніга 17

Сяргей Шабельцаў

**Беларусы ў Аргенціне:
грамадская дзейнасць
і рээміграцыя ў СССР
(1930–1960-я гг.)**

Зборнік дакументаў і ўспамінаў

Мінск
«Медысонт»
2009

УДК [325.2+94](=161.3)(82)(093)

ББК 63.3

Ш12

Серыя заснавана ў 2004 годзе

Навуковыя рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук, прафесар У. К. Коршук,
кандыдат гістарычных навук М. У. Глеб

Рэдактар:

Наталля Гардзіенка

*Аўтар і МГА «ЗБС «Бацькаўшчына» выказваюць падзяку кіраўніку
Дабрачыннага фонду «Этнічны голас Амерыкі» (ЗША)
Ірэне Калядзе-Смірновай за дапамогу ў выданні кнігі*

Шабельцаў, С. В.

Ш12 Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.) : зборнік дакументаў і ўспамінаў / Сяргей Шабельцаў. — Мінск : Медысонт, 2009. — 368 с. — (Бібліятэка Бацькаўшчыны ; кн. 17).

ISBN 978-985-6887-50-8.

У кнізе «Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.)», што з’яўляецца 17-й у серыі «Бібліятэка Бацькаўшчыны», размешчаныя дакументы і ўспаміны пра беларускую дыяспору ў Аргенціне, а таксама пра рээмігрантаў, якія пераехалі з гэтай краіны ў СССР. Прадстаўленыя матэрыялы адлюстроўваюць светапогляд беларускіх імігрантаў, іх грамадскую і палітычную дзейнасць у Аргенціне, працэс іх рээміграцыі ў СССР і ўладкавання на Радзіме.

УДК [325.2+94](=161.3)(82)(093)

ББК 63.3

ISBN 978-985-6887-50-8

© Шабельцаў С. В., 2009

© МГА «ЗБС «Бацькаўшчына», 2009

© Афармленне. СТАА «Медысонт», 2009

БЕЛАРУСКАЯ ДЫЯСПАРА Ё АРГЕНЦІНЕ

Прапанаваная чытачу кніга прысвечаная цікавай і важнай з'яве гісторыі — беларускай дыяспары ў Аргенціне. У гэтай краіне нашы суайчыннікі паспяхова супрацьстаялі асіміляцыйным працэсам і выявілі свае здольнасці ў справе ўласнага нацыянальнага самасцверджання. Калі параўнаць дзейнасць беларускіх імігрантаў у розных дзяржавах, то найбольшы ўплыў на палітыку і сацыяльнае жыццё краіны пасялення беларусы мелі менавіта ў Аргенціне. Між тым, на працягу многіх гадоў вывучэнне дыяспары было фрагментарным і ў значнай ступені несла адзнаку ідэалагізаванасці.

У гэтым зборніку робіцца спроба на аснове архіўных матэрыялаў, беларускай перыёдыкі, успамінаў рээмігрантаў раскрыць асноўныя напрамкі дзейнасці па-прасавецку арыентаваных беларусаў у Аргенціне, іх памкненні і шляхі адаптацыі як у Паўднёвай Амерыцы, так і ў Савецкім Саюзе пасля іх рээміграцыі.

Жыццё беларусаў у Аргенціне і раней уяўляла цікавасць для даследчыкаў як у Беларусі, так і сярод дыяспары. Навуковая распрацоўка гэтай тэматыкі пачалася пасля Другой сусветнай вайны: да гэтага часу палітыка ізаляцыянізму ў Савецкім Саюзе — а значыць, і адмяжоўванне ад замежных суайчыннікаў — мела вынікам тое, што тэма дыяспары стала закрытай для вывучэння ў СССР. Разам з тым, у Заходняй Беларусі, што ўваходзіла ў 1920–1930-я гады ў склад Польшчы, у друку актыўна асвятлялася жыццё землякоў у розных краінах. Трыбунай беларускіх эмігрантаў была газета «*Krynica*» (з 1925 г. — «*Bielaruskaja Krynica*»), што выдавалася з 1919 да 1940 г. у Вільні. Орган партыі «Беларуская хрысціянская дэмакратыя» часта змяшчаў на сваіх старонках інфармацыю ад карэспандэнтаў і чытачоў з замежжа, у тым ліку і з Аргенціны.

Падзеяй, што вывела СССР з міжнароднай ізаляцыі, стаў напад нацысцкай Германіі. У Канадзе, ЗША і Аргенціне сярод беларускіх і ўкраінскіх імігрантаў разгарнуўся рух дапамогі радзіме, і прадстаўнікі СССР пачалі з імі стасавацца. Пасля разгрому Германіі сярод заходняй дыяспары з'явіліся тысячы па-антысавецку настроеных беларусаў, якія дзяліліся з суайчыннікамі сваімі ўражаннямі ад СССР. Прасавецкая частка дыяспары адказала на гэта контрагітацыяй і правядзеннем кампаніі дыскрымінацыі павяенных уцекачоў як памагатых нацызму.

Канфрантацыя ўнутры дыяспары выклікала ў СССР неабходнасць вывучэння жыцця замежных беларусаў, але савецкія навукоўцы займаліся вывучэннем толькі «працоўнай эміграцыі», што супрацьстаяла «нацыяналістам». Пры гэтым падрабязна разглядаліся пытанні дапамогі імігрантаў СССР у гады вайны¹, але замоўчваліся такія праблемы як барацьба ўнутры дыяспараў, уплыў савецкіх дыпламатычных прадстаўнікоў на беларускія арганізацыі. Не аналізавалася рээміграцыя беларусаў з Лацінскай Амерыкі ў Савецкі Саюз у сярэдзіне 1950 — пачатку 1960-х гг. і дзейнасць беларусаў у Аргенціне пасля 1956 г.

У 1975 г. была абароненая кандыдацкая дысертацыя А. Рудэнікі «Грамадска-палітычная і культурная дзейнасць прагрэсіўных беларускіх імігрантаў у Аргенціне (1925–1955 гг.)». У гэтай дысертацыі, выкананай на аснове марксісцка-ленінскай метадалогіі, аналізуюцца прычыны масавай эміграцыі з беларускіх земляў, разглядаюцца ўмовы жыцця імігрантаў у Аргенціне. Удзел беларусаў у рабочым і камуністычным руху ў краіне новага пасялення характарызуецца як прагрэсіўная дзейнасць. У той жа час аўтар не згадваў пра савецкую прапаганду, што ішла з пасольства СССР, пра ўдзел імігрантаў у палітычнай барацьбе ў Аргенціне пасля 1946 г., калі яны сталі савецкімі грамадзянамі. Дзейнасць імігрантаў вызначалася як палітычна-нейтральная, а пераслед іх аргенцінскімі ўладамі быў ілюстрацыяй рэпрэсіўнага характару буржуазнага ладу.

¹ Стрелко А. А. Солидарность славян Аргентины с СССР в годы Великой Отечественной войны // СССР — Аргентина: 30 лет дипломатических отношений. Сборник статей. — М., 1976. — С. 40–46. Бойко П. Н. Солидарность аргентинского народа с Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны // Советский Союз — Латинская Америка в годы второй мировой войны. К 30-летию победы. Сборник статей и воспоминаний. — М., 1975. — С. 56–75.

У 1980 г. у Кіеве выйшла манаграфія А. Стралко «Славянскае насельніцтва ў краінах Лацінскай Амерыкі». У ёй адлюстроўваецца іміграцыйная палітыка краінаў кантыненту, пазначаныя этапы перасялення славянаў і ў агульных рысах акрэслена іх грамадска-палітычная дзейнасць да сярэдзіны 1950-х гг. Але ў гэтай кнізе толькі згадваюцца беларусы ў Аргенціне і адсутнічае аналіз іх грамадскай працы. Толькі мімаходзь згадваецца пра стварэнне Славянскага Саюзу ў Аргенціне і пра пераслед «дэмакратычных таварыстваў і арганізацый славян» у другой палове 40-х гг. XX ст.

Недастатковасць навуковых працаў кампенсавалася публікацыямі тых беларусаў і ўкраінцаў, якія ў сярэдзіне 1950-х гг. пераехалі ў СССР. Кіраўніцтва СССР скарыстала факт рээміграцыі для прапаганды перавагаў сацыялістычнага ладу. У савецкі перыяд выйшлі асобнымі кнігамі ўспаміны беларуса П. Кунды², украінцаў П. Губарчука³ і А. Катоўскага⁴. У іх адлюстроўваюцца асноўныя моманты жыццёвага шляху гэтых імігрантаў: цяжкое існаванне на Бацькаўшчыне пры польскай уладзе, перезд у Аргенціну, змена працаў, уступленне ў кампартыю, надзеі на вяртанне пасля 1939 г. Звесткі пра клубную работу і супрацоўніцтва з савецкімі дыпламатамі — вельмі кароткія. Толькі па некалькіх невялічкіх сюжэтах можна здагадацца аб ступені ўдзелу беларусаў у прафсаюзнай і камуністычнай дзейнасці ў Аргенціне.

У СССР былі надрукаваныя ўспаміны кіраўніка Славянскага Саюзу ў Аргенціне П. Шастакоўскага⁵. Гэты рускі дваранін у 1920 г. разам з сям'ёй уцёк з бальшавіцкага Петраграду ў Еўропу, а потым пасля доўгіх блуканняў асеў у Буэнас-Айрэсе. Пасля нападу нацыскай Германіі на СССР ён на працягу года выдаваў часопіс, дзе змяшчаліся публікацыі ў падтрымку СССР. У гэты час ім зацікавіліся мясцовыя камуністы. У выніку П. Шастакоўскаму прапанавалі ўзначаліць Славянскі камітэт у Аргенціне (будучы Славянскі Саюз), на што той даў згоду. Паваеннае жыццё, звязанае з рухам славянаў у Аргенціне, у мемуарах паказанае схематычна і непадрабязна. Як і ў выпад-

² Кунда П. В поисках заокеанского рая. — Минск, 1963. — 31 с.

³ Губарчук П. За океаном (Повісьць). — Київ, 1960. — 146 с.

⁴ Котовський А. Х. На берегах Ла-Плати. — Львів, 1988. — 167 с.

⁵ Шостаковский П. П. Путь к правде — Минск, 1960. — 356 с.

ку з успамінамі іншых рээмігрантаў, гэта тлумачыцца, верагодна, тым, што ў СССР існавалі абмежаванні на распаўсюд інфармацыі такога кшталту.

У адрозненне ад гісторыкаў СССР, даследчыкі дзяспары, якія грунтаваліся на антысавецкай пазіцыі, надавалі ўвагу найперш дзейнасці нацыяналістычных таварыстваў. У брашуры, выдадзенай Згуртаваннем беларусаў у Аргенціне (ЗБА)⁶, беларускія таварыствы, арыентаваныя на СССР, лічацца камуністычнымі, падлеглымі ўплыву «агентаў Масквы» і савецкага пасольства ў Буэнас-Айрэсе.

У канцы 1980-х гг. у СССР назіраецца рост цікавасці да суайчыннікаў, што жывуць за мяжой, і пасля распаду Савецкага Саюзу гэтая цікавасць толькі павялічваецца. Камуністычная ідэалагізацыя тэмы знікла, і ў друку з'явілася шмат артыкулаў пра беларускае замежжа. Публікацыі даследчыкаў, прысвечаныя беларусам у Аргенціне, мелі пераважна публіцыстычны характар⁷, уяўлялі сабой, у сваёй большасці, кампіляцыю працаў А. Рудэнкі і выдадзенай у 1953 г. у Буэнас-Айрэсе брашуры ЗБА. Ва ўмовах лібералізацыі былі надрукаваныя ўспаміны лідэра ЗБА К. Мерляка — «Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі». У сваіх успамінах ён згадвае пракамуністычныя арганізацыі суайчыннікаў, з якімі ЗБА ўвесь час змагалася.

Прасавецкія імігранты пасля распаду СССР атрымалі магчымасць па-новаму зірнуць на дзейнасць сваіх клубаў у Аргенціне. Былы рээмігрант К. Шэрман у сваім эсе «Мерыканцы» звярнуў увагу на тыя недахопы і праблемы, якія раней не ўздымаліся ў савецкай літаратуры: адсутнасць працы па развіцці беларускай мовы ў дзяспары, панаванне савецкай прапаганды ў клубах, праблемы рээмігрантаў сярэдзіны 1950-х гг. Пры гэтым выяўляецца «недавыказанасць» раней выдадзеных успамінаў. На жаль, К. Шэрман не быў пастаянным чальцом беларускіх

⁶ Bielorusia y los bielorusos en la Republica Argentina. — Buenos-Aires, 1953. — 76 p.

⁷ Папоўская Т. Беларуская эміграцыя міжваеннага перыяду ў Францыі і Аргенціне // Беларусіка — Albaruthenica: кніга 2. Фарміраванне і развіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Матэрыялы канферэнцыі (19–20 жніўня 1992 г.). — Мн., 1993. — С. 173–180. Шалястовіч К. Беларусы Аргенціны. Гісторыка-публіцыстычны партрэт нашага суайчынніка з берагоў Рыо-дэ-ла-платы // Голас Радзімы. — 1993. — 15 красавіка – 29 мая.

арганізацыяў (толькі двойчы быў у клубе імя Бялінскага), таму пасля прачытання ягоных успамінаў мы не можам казаць пра паўнаважасны «погляд знутры» на арганізацыі.

Хаця беларуская дыяспара не стала прадметам комплекснага даследавання, навуковыя даследаванні закранаюць асобныя перыяды жыцця беларусаў у Аргенціне. Так, у дысертацыі А. Ціхамірава «*Беларуская эміграцыя: 90-я гады XIX ст. — 1917 г.*» аналізуецца дарэвалюцыйнае перасяленне нашых суайчыннікаў на берагі Ла-Платы. Характарыстыка беларусаў другой хвалі з боку агентаў польскага эміграцыйнага ўраду падаецца ў працы Ю. Грыбоўскага «*Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945 гадоў*».

Такім чынам, выдадзеная навуковая і публіцыстычная літаратура закранае толькі асобныя бакі беларускай дыяспары. Выданні не пазбаўленыя недакладнасцяў, многія з іх ідэалагічна заангажаваныя ў дзейнасць беларусаў у Аргенціне, што абумоўлена часам напісання працаў. Гэтыя недахопы выкліканыя і недасяжнасцю для даследчыкаў дакументальных выданняў па тэме беларускай дыяспары ў Аргенціне. Дадзенае выданне мае на мэце ў пэўнай ступені запоўніць гэты прабел, даць магчымасць чытачу скласці ўласнае меркаванне пра жыццё беларусаў у самы актыўны перыяд іх грамадскай дзейнасці: канец 30–50-я гг. XX ст.

Пачатак фармавання беларускай дыяспары ў Аргенціне прыпадае на канец XIX ст., калі для надання імпульсу развіццю эканомікі аргенцінскі ўрад праводзіў палітыку стымулявання еўрапейскай іміграцыі. Шмат гадоў стымулям да дзеяння для мясцовых палітыкаў быў лозунг: «Кіраваць — значыць засяляць».

Вылучаюць тры хвалі беларускай іміграцыі ў Аргенціну: першая — да Першай сусветнай вайны (канец XIX ст. — 1914 г.); другая — міжваенны перыяд (1921–1939 гг.); трэцяя — пасля Другой сусветнай вайны (1945–1952 гг.).

Статыстычны іміграцыйны ўлік у Аргенціне праводзіцца з 1857 г. Ад гэтага году і да 1915 г. у Срэбную рэспубліку выехалі з Расійскай імперыі 161 422 чалавекі⁸. На жаль, гэтая статы-

⁸ Шейнбаум Л. С. Аргентинский этнос. Этапы формирования и развития. — М, 1984. — С. 107.

стыка не фіксавала этнічнай прыналежнасці і веравызнання імігрантаў, а толькі краіну, адкуль яны выехалі. Таму ўсіх прыездных з Расіі запісвалі «русо», нягледзячы на тое, што этнічных рускіх сярод іх было няшмат. У асноўным пераважалі габрэі (яны складалі абсалютную большасць «русо»), за імі ішлі немцы, палякі, прыбалты. На долю праваслаўных «рускіх», да ліку якіх расійскія даследчыкі традыцыйна залічвалі і праваслаўных беларусаў, прыпадала невялікая колькасць прыбылых. Да таго ж, яны звычайна прыязджалі ў Аргенціну на кароткі тэрмін — сезонную працу, у адрозненне ад тых жа немцаў і габрэяў, якія з'язджалі з Расіі назаўсёды. На думку аргенцінскага загадчыка статыстыкі, за дваццаць гадоў да 1910 г. у рэспубліцы засталася 85 тыс. выхадцаў з Расіі⁹. Пры гэтым расійскіх габрэяў у гэты час у Аргенціне налічвалася 70 тыс¹⁰. Значыць, беларусаў трэба шукаць сярод астатніх 15 тыс. перасяленцаў з Расіі.

Беларусы сустракаліся сярод расійскіх падданых на берагах Ла-Платы. Яшчэ пры канцы 1880-х гг. гродзенскі губернатар Н. Бацюшкаў адзначаў «узмоцненае перасяленне сялянскага насельніцтва губерні ў Амерыку (Аргенціну). Гэты рух у 1888 і 1889 гадах набыў велізарныя памеры... узрушанае рухам і прывабнымі казкамі пра велічэзныя заробкі ў Амерыцы насельніцтва плаціла агентам за паслугі па першым патрабаванні»¹¹. Жаданне выехаць было выкліканае найперш эканамічнымі прычынамі: сялянскім малазямеллем і захаваннем феадальных перажыткаў у вёсцы. Калі ў канцы XIX ст. перасяленне беларусаў за межы Расійскай імперыі было нешматлікім і закранала Віленскую, Гродзенскую і часткова Мінскую губерні, то з 1905 г. яно набыло масавы характар, і да яго далучыліся сяляне Усходняй Беларусі.

Сярод краінаў, куды кіраваліся беларусы, найпрывабнейшымі выглядалі Злучаныя Штаты Амерыкі. На думку А. Ціхамірава, даследчыка гэтай першай эміграцыйнай хвалі, 9/10 беларусаў, якія перабіраліся праз акіян, перасяліліся ў ЗША¹². У Аргенціне

⁹ Крюков Н. Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. — СПб., 1911. — С. 442.

¹⁰ Крюков Н. Тамсама. — С. 227.

¹¹ Солоневич Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет её существования, 1802–1902. — Гр., 1901. — С. 97.

¹² Ціхаміраў А. В. Беларуская эміграцыя. 90-я гады XIX ст. — 1917 г.: Дыс. ... канд. гіст. навук. — Мн., 1993. — С. 109.

пабывалі, на думку публіцыста К. Шалястовіча, 30–40 тыс. беларусаў¹³. Гэтая лічба ўяўляецца відавочна перабольшанай: на долю «рускіх» (маюцца на ўвазе праваслаўныя) прыпадае каля 5% людзей, што выязджалі з Расійскай імперыі¹⁴. Пры экстрапаляцыі гэтых звестак на эмігрантаў, якія кіраваліся ў Аргенціну (што не зусім карэктна, але дае магчымасць падаць хаця б які парадак лічбаў), атрымаем колькасць прыблізна 8 тыс. «рускіх». Сярод іх, паводле звестак кіраўніцтва праваслаўнай царквы ў Буэнас-Айрэсе, беларусы складалі 25–30% (55–70% украінцы і 8–10% расійцы).¹⁵ Колькасць праваслаўных беларусаў, такім чынам, паводле самых аптымістычных ацэнак, — 2,4 тыс. чалавек. Для вызначэння агульнай колькасці беларусаў да гэтай лічбы варта было б дадаць цяжкавызначальную колькасць беларусаў-каталікоў. Але і ў гэтым разе агульная колькасць прыбылых беларусаў наўрад ці перавышала 5 тыс., а колькасць людзей, што засталіся на берагах Ла-Платы, і за тое меншая.

Нашыя суайчыннікі пераязджалі ў Аргенціну звычайна дзеля таго, каб зарабіць грошай і вярнуцца дахаты. Падчас жніва яны збіралі збожжа, а паміж сезонамі працавалі на будаўніцтве. Але вяртанне з Аргенціны для расійскіх падданных было звязанае са шматлікімі складанасцямі: адсутнасцю наўпроставага паражнага шляху паміж Буэнас-Айрэсам і портамі Расійскай імперыі, вялікай адлегласцю паміж краінамі, што забірала амаль усё заробленае. Таму здаралася, што беларусы, сярод якіх пераважалі маладыя мужчыны, вырашалі застацца, бралі шлюб і асядалі на новым месцы. Той, хто выбіраў лёс каланіста, быў вымушаны кіравацца на неабжытыя ўскраінныя землі (у асноўным на поўнач краіны), бо прыдатная зямля цэнтральных правінцыяў знаходзілася ў руках аргенцінскіх латыфундыстаў. На поўначы ва ўмовах нязвычайна субтрапічнага клімату пачынаць даводзілася з высечкі лясоў, уладкавання свайго надзелу (чакры): пабудовы простага жылля, гаспадарчых пабудоваў, набывання скаціны. Гэта цяжкая карпатлівая праца ўдалечыні ад цывілізацыі, на якую адважваліся толькі моцныя духам людзі.

¹³ Шалястовіч К. Беларусы Аргенціны. Гісторыка-публіцыстычны партрэт нашага суайчынніка з берагоў Рыо-дэ-ла-платы // Голас Радзімы. — 1993. — 15 красавіка 1993.

¹⁴ Афанасьев А. Л. Польны в чужих полях. — Мн., 1985. — С. 226, 229.

¹⁵ Ціхаміраў А. В. Тамсама. — С. 171–172.

Прыцягненне еўрапейцаў да засваення паўднёваамерыканскіх прастораў прыпыніла Першая сусветная вайна. Але пазней плынь эмігрантаў ізноў хлынула, праўда, з меншай сілай. У 1920–1930-я гг. у Аргенціну не маглі перасяліцца жыхары Савецкага Саюзу; беларусы пераязджалі з Заходняй Беларусі, што апынулася пасля 1921 г. у складзе Польшчы. Прычынай пераезду быў цяжкі эканамічны стан (малазямелле і нізкі ўзровень жыцця), але былі і палітычныя (пераслед камуністаў альбо абмежаванне выкарыстання беларускай мовы), а таксама прычыны рэлігійнага характару (дыскрымінацыя праваслаўных). Статыстыка зафіксавала ў гэты перыяд часты прыезд у Буэнас-Айрэс «поляко» — грамадзянаў Польшчы. Этнічны склад «поляко» вызначыць складана. Польскія даследчыкі лічаць, што сярод 220 тыс. польскіх грамадзянаў у Аргенціне ў канцы 1930-х гг. было: габрэяў — 100 тыс., палякаў — 50 тыс., украінцаў — 50 тыс., беларусаў — 20 тыс.¹⁶. Магчыма, колькасць апошніх заніжаная, бо беларусаў-каталікоў польскія даследчыкі традыцыйна лічаць палякамі.

Азначым, што масава прыбылыя імігранты не сталі набываць аргенцінскае грамадзянства. «Аргенціна ўяўляе сабой унікальны выпадак сярод усіх краін, прыймаючых імігрантаў, т. я. калі мы параўнаем яе з ЗША, то там натуралізавалася 70% супроць толькі 2% тых, хто гэта зрабіў у Аргенціне»¹⁷. Імігранты без аргенцінскага грамадзянства маглі свабодна ўладкоўвацца на працу, былі абароненыя юрыдычна, але не мелі права займацца палітычнай дзейнасцю.

У 1920–1930-я гг. беларусы, сяляне паводле сацыяльнага паходжання, скіроўваліся як па ранейшым маршруце (на поўнач у штаты Місьюнэс і Чака), так і на поўдзень (дзе клімат падобны да сібірскага) на нафтаздабычу ў Камадора-Рывадавія. Але багата іх асела і ў гарадах, асабліва ў Буэнас-Айрэсе, — адразу па прыездзе ці праз пэўны час пасля пражывання ў сельскай мясцовасці. З часам у Аргенціну перабіраліся і беларусы, што

¹⁶ Грыбоўскі Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945. — СПб., 2006. — С. 406.

¹⁷ Альварес К. Х. Интеграция рускоязычных иммигрантов в Аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: — М., 2005. — С. 14.

эмігравалі ў Парагвай, эканамічнае развіццё і клімат якога не задавальнялі перасяленцаў.

Узаемадачыненні прыездных і мясцовых жыхароў складаліся не заўсёды прязна. Імігранты браліся за любую працу, адрозніваліся працалюбствам, і прадпрымальнікі часцей наймалі іх, а не сваіх суайчыннікаў-крэолаў. Таму простыя аргенцінцы часам варожа ставіліся да «поляко», разглядалі іх як крыніцу сваіх бедаў. Беларусы ж насцярожана глядзелі на «мясцовых», бо тыя мелі адрозны ад іх лад жыцця: іначай апрапаналіся, размаўлялі на незразумелай мове, шмат забаўляліся, не любілі працаваць.

У гэтых умовах беларусы імкнуліся трымацца супольна з украінцамі, з якімі пераехалі ў Новы Свет і маглі размаўляць без перакладчыка. Звязаныя агульным грамадзянствам, блізкасцю гістарычных лёсаў і моваў, яны часта падзялялі адны і тыя ж ідэалагічныя ўстаноўкі. Сярод іх атрымалі распаўсюджанне камуністычныя перакананні, выкліканыя рэвалюцыйнымі падзеямі пасля 1917 г. на іх Радзіме (у якіх яны альбо іх сваякі ў той ці іншай меры бралі ўдзел). Аргенцінская ж рэчаіснасць, дзе быў распаўсюджаны культ нажывы і адсутнічала рэальная падтрымка з боку дзяржавы, не адпавядала ўяўленням перасяленцаў пра справядлівае грамадства. Узніклія ўкраінска-беларускія арганізацыі часта мелі пракамуністычны характар.

Гэты ідэалагічны складнік дзейнасці імігрантаў варта адзначыць асобна. У іх вачах СССР з'яўляўся дзяржавай, у якой ажыццявіліся ўяўленні людзей пра справядлівае грамадства, дзе ўсё збудавана на карысць простага чалавека працы. Жыццё ў СССР малявалася як поўная гармонія, якая стала магчымай дзякуючы камуністычнай партыі, што кіруе краінай на базе марксіска-ленінскай тэорыі. Праз тое, што «справядлівае» упершыню перамагла на іх Радзіме (у склад СССР уваходзіла і частка Беларусі), беларусы часта разумелі камуністычную дзейнасць у Аргенціне не проста як працу, скіраваную на пабудову аналагічнага савецкаму грамадства. Гэта была дзейнасць, скіраваная на перастварэнне свету «па-наску», што судзейнічала іх нацыянальнай кансалідацыі.

У 1929 г. левыя арганізацыі ўкраінцаў у Аргенціне аб'ядналіся ў «Союз украінських робітничых арганізацый» (СУРО), які заклікаў імігрантаў змагацца за лепшыя ўмовы жыцця і далучыцца да страйкавага руху. У верасні 1930 г. у краіне адбыўся

дзяржаўны пераварот генерала Урыбуру, у выніку якога да ўлады ўпершыню ў XX ст. прыйшлі вайскоўцы. Ваенная хунта стварыла «*Sección especial contra el comunismo*» (Асобны аддзел па барацьбе з камунізмам) і распачала рэпрэсіі супраць СУРО: некаторыя кіраўнікі былі высланыя з краіны, а сама арганізацыя сышла ў падполле. У 1932 г. прэзідэнтам Аргенціны стаў генерал Хуста, і кіраванне стала больш памяркоўным. Гэта зрабіла магчымым узнаўленне працы СУРО, але з прычыны, што сярод сяброў гэтага аб'яднання было шмат беларусаў, арганізацыя стала называцца *СУБРА* («*Союз українских і беларускіх рабочых арганізацыяў*»). Гэта была першая арганізацыя ў Аргенціне, дзе ў назве прагучала слова «беларускі».

А. Рудэнка, савецкі даследчык дзейнасці «прагрэсіўных» беларусаў у Аргенціне, характарызуе СУБРА як спецыфічную форму арганізацыі імігрантаў, утвораную камуністамі. У 1934 г. у краіне дзейнічалі 52 аддзелы СУБРА з агульнай колькасцю сяброў блізу 3 тыс. чалавек. «Найбольш перадавым рабочым-імігрантам партыйная арганізацыя СУБРА давала рэкамендацыі для ўступлення ў шэрагі КПА»¹⁸. (Гэта пры тым, што, нагадаем, імігранты не мелі права займацца палітычнай дзейнасцю). Усімі аддзяленнямі СУБРА кіравалі камуністы, якія знаходзілі сваіх прыхільнікаў сярод перасяленцаў з Польшчы. Украінцы і беларусы ўдзельнічалі ў страйках, руху каланістаў, распаўсюджвалі перыядычныя выданні КПА, расклеівалі ўлёткі. У 1935 г., згодна з парадай КПА, СУБРА быў распушчаны, сталі стварацца і легальныя нацыянальныя таварыствы.

Польская іміграцыйная арганізацыя ў Аргенціне «Дом Польскі» імкнулася аб'яднаць усіх выхадцаў з П Рэчы Паспалітай, у тым ліку і беларусаў. У першую чаргу гэта датычыла беларусаў-каталікоў. У «Доме Польскім» было створанае праўленне Беларускага таварыства ў Аргенціне, але праз некалькі месяцаў гэтае таварыства распалася.¹⁹ Справа ў тым, што старшыня «Дома Польскага» лічыў, што ўсе філіялы

¹⁸ Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук: — М., 1975. — С. 13–14.

¹⁹ Руденко А. В. Белорусы в Аргентине // Расы и народы. — Вып. 9. — 1979. — С. 261.

арганізацыі павінныя прытрымлівацца духу польскага патрыятызму. А прадстаўнік беларусаў М. Берняковіч на паседжанні «Дома Польскага» адкінуў дадзены пастулат і абвясціў, што «беларусы не жадаюць служыць тут інтарэсам тых, ад каго пакуталі на Радзіме»²⁰.

Пасля гэтых падзеяў ствараліся незалежныя беларускія арганізацыі. У снежні 1934 г. у Буэнас-Айрэсе ўзнікла і першае беларускае культурна-асветніцкае таварыства «*Беларуская Грамада*», на чале з сябрам КПА В. Качаргой. У снежні 1936 г. было створанае таварыства «Культура», у студзені 1937 г. — «Беларуская бібліятэка імя І. Луцкевіча», а ў кастрычніку 1938 г. — таварыства «Белавеж». Да 1939 г. Гэтыя таварыствы дзейнічалі незалежна адно ад аднаго, а 21 мая 1939 г. яны аб'ядналіся ў Федэрацыю беларускіх таварыстваў і арганізацыяў у Аргенціне.

Чальцы Беларускай федэрацыі ў памяшканні таварыства «Беларуская Грамада» (1939 г.)

²⁰ К. Бресский // Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925 — 1955 гг.): Дис. ...канд. истор. наук: — М., 1975. — С. 151.

Узначалілі аб'яднанне *Уладзіслаў Гайлевіч, Мікалай Мярэчка і Я. Пятручак*. Пры дапамозе Федэрацыі ўзніклі беларускія таварыствы на Док-Судзе (раён Буэнас-Айрэсу) і ў г. Берыса (адпаведна ў 1939 г. і ў 1941 г.).

У створаных арганізацыях беларусы ладзілі вечары сустрэчаў, канцэрты, танцы, вывучалі іспанскую мову і іншае. Напрыклад, 25 чэрвеня 1938 г. таварыства «Культура» (кіраўнік — Вінцэнт Крукоўскі) зладзіла свой першы публічны выступ. Лятучкі-афішы на іспанскай, рускай і беларускай мовах паведамлялі: «Навіна, якой не бывала. Першы раз у Аргенціне ў беларускай мове. Дня 25 чэрвеня а 9 гадзіне вечара ў выгодным салёне «Форвэртс», Рынкон 1141, Беларускае Таварыства «Культура» наладжвае вялікі спэтакль і фамільную забаву. У праграме «Мікітаў лапаць»... Беларускія дэлямацыі... Хто пабачыць камэдыю «Мікітаў лапаць», перанясецца мысляй на сваю далёкую Бацькаўшчыну, пабачыць жыццё роднай вёскі, пачуець на сцэне родную мову і ўспомніць пра далёкае прошлае...»²¹

Такім чынам, напярэдадні Другой сусветнай вайны імігранты з Польшчы сфармавалі свае арганізацыйныя структуры паводле нацыянальнай прыкметы. Беларусы аб'ядналіся ў свае арганізацыі, ідэалагічна адныя. Яны шчыльна супрацоўнічалі з падобнымі ўкраінскімі арганізацыямі — бібліятэкай імя Тараса Шаўчэнкі, таварыствам імя Лысенкі, «Аматорів містэцтва» ды іншымі. Былі і ўкраінска-беларускія арганізацыі, што працягвалі традыцыю сумеснай працы ў рамках СУБРА. Гэтыя аб'яднанні, дзе было шмат прыхільнікаў ідэі пабудовы справядлівага грамадства, кіраваліся сябрамі КПА альбо былі пад іх моцным уплывам. Таму ў савецкай гістарыяграфіі іх было прынята называць «прагрэсіўнымі» альбо «перадавымі».

Згадваючы арганізацыі этнічна блізкіх да беларусаў імігрантаў, варта адзначыць і тое, што ўкраінская дыяспара не вычэрпвалася (як беларуская) толькі наяўнасцю пракамуністычных таварыстваў. Існавалі і нацыяналістычныя таварыствы «Прасвіта» і «Відроджэння», якія вельмі негатыўна ставіліся як да Польшчы, так і да Савецкага Саюзу. А рускія перасяленцы адрозніваліся ад беларусаў ідэалагічна і паводле сацыяльнага статусу. Гэта былі прадстаўнікі белага руху, якіх было да

²¹ Цыт. па: Мірачыцкі Л. «Крыніца»: беларусы ў Аргенціне // Навіны Беларускай акадэміі. — 22.11.1991.

2000 чалавек²². Яны не аб'ядналіся ў нейкае адно таварыства, а самай вядомай іх арганізацыяй была газета «Русский в Аргентине». То бок беларусы — прыхільнікі СССР былі антаганістамі як украінскіх нацыяналістаў, так і рускіх белаэмігрантаў.

Адзначаныя супярэчнасці выразна выявіліся ў 1939 г.: прадстаўнікі варажых арганізацыяў Аргенціны па-рознаму адрэагавалі на пачатак Другой сусветнай вайны. Украінцы з «Просвіты» і «Відроджэння» насцярожана сустрэлі ўвод савецкіх войскаў на тэрыторыю Заходняй Украіны. А «перадавыя» імігранты лічылі, што Чырвоная Армія вызваліла заходніх украінцаў і беларусаў ад нацыянальнага і сацыяльнага прыгнёту Польшчы. Сярод іх было распаўсюджанае меркаванне, што на радзіме ўладу ўзялі ў свае рукі працоўныя, усталяваўся справядлівы лад, пры якім рабочыя і сяляне пазбаўлены ад эксплуатацыі і прыгнёту.

Ідэалагічнае становішча ў асяродку перасяленцаў з Польшчы аналізавалі ўпаўнаважаныя Польскіх узброеных сілаў (ПУС), якія прыбылі ў Аргенціну ў 1940 г. для арганізацыі набору добраахвотнікаў у ПУС з ліку грамадзянаў Польшчы за мяжой. Яны адзначылі панаванне сярод адной часткі ўкраінцаў камуністычных поглядаў, а ў другой — пранямецкія настроі. І абедзве групыкі ваража ставіліся да Польшчы. Пра беларусаў у справаздачах польскіх упаўнаважаных казалася, што «сярод іх досыць высокі працэнт камуністаў, але іх будзе найлягчэй выкарыстаць для польскай справы»; «беларусы горш за іншыя нацыянальнасці арганізаваныя. Існуе некалькі таварыстваў пракамуністычных поглядаў, якія згуртавалі вакол сябе няшмат сяброў. Беларусы параскіданыя па ўсёй Аргенціне, дзе пераважна працуюць у сельскай гаспадарцы. Знаходзяцца ў кепскіх матэрыяльных умовах, таму жыццё ў Польшчы ўзгадваюць з добрай настальгіяй і выказваюць шкадаванне, што пераехалі ў Лацінскую Амерыку. Іх надта лёгка спаланізаваць і схіліць на свой бок, бо яны не маюць ніякага ўяўлення пра сваю дзяржаўнасць»²³.

²² Подрез С. В. Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке: Дис. ... канд. истор. наук. — М., 2005 — С. 44.

²³ Грыбоўскі Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945 гадоў. — СПб., 2006. — С. 407–408.

У выніку набору ў ПУС з Аргенціны накіраваліся змагацца ў польскіх фармаваннях 1263 чалавекі, сярод якіх былі 92 альбо 110 беларусаў²⁴. Але сярод тых, хто назваўся з тых ці іншых прычынаў «палякам», маглі быць і беларусы. Упаўнаважаныя ПУС адзначалі, што сярод тых, хто прыйшоў на пункты вярбоўкі, пераважаюць выхадцы з «крэсаў усходніх», што «сярод палякаў часта сустракаюцца прыездныя да Польшчы беларусы і ўкраінцы. Вельмі часта сярод іх існуюць змешаныя шлюбы... шмат спаланізаваных «рускіх» з гледзішча праваслаўнай канфесіі»²⁵. Наплыў беларусаў і ўкраінцаў на вербавальныя пункты быў адзначаны пачынаючы з лета 1941 г., пасля нападу Германіі на СССР. Упаўнаважаныя ПУС тлумачылі гэта тым, што сярод іх «трапляецца шмат камуністаў, якія спачуваюць Савецкаму Саюзу, аднак падчас прызыву яны гэтага не дэкларуюць...»²⁶

22 чэрвеня 1941 г. стала штуршком да яднання прасавецкіх імігрантаў, якія лічылі сябе абавязанымі дапамагчы Радзіме ў змаганні супраць нацызму. Беларускія камітэты дапамогі ствараліся ў розных рэгіёнах Аргенціны, часта пры культурна-асветніцкіх таварыствах. На чале камітэтаў у большасці выпадкаў былі сябры КПА. У лістападзе 1941 г. быў створаны аб'яднаны *Беларускі дэмакратычны камітэт* (БДК). Акрамя таго, беларусы ўдзельнічалі і ў працы ўкраінскіх камітэтаў дапамогі. Уся беларуская дыяспара з чэрвеня 1941 г. па кастрычнік 1946 г. дапамагла СССР грашыма і рэчамі на суму больш за 1 млн. пэса²⁷. Да па-прасавецку настроеных украінцаў і беларусаў у Аргенціне далучылася частка рускіх імігрантаў, хаця другая іх частка засталася на антысавецкіх пазіцыях (вядомым прадстаўніком апошніх быў святар Канстанцін Ізразцоў). Антысавецкія пазіцыі займалі і ўкраінскія нацыяналісты.

Салідарнасць з Савецкім Саюзам беларусы выказвалі і беручы ўдзел у славянскім руху. У 1941 г. Савецкім Саю-

²⁴ Грыбоўскі Ю. Тамсама. — С. 410.

²⁵ Грыбоўскі Ю. Тамсама. — С. 412.

²⁶ Грыбоўскі Ю. Тамсама. — С. 409.

²⁷ Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 1975. — С. 19.

зам ініцыяваўся сусветны рух славянскай салідарнасці, і ў Аргенціне ў снежні 1941 г. утварыўся «Камітэт па аб'яднанні славянаў». Ён ухваліў прынцыпы, высунутыя на Усеславянскім мітынгу, што адбыўся ў жніўні 1941 г. у Маскве²⁸. На ім казалася пра імкненне бачыць вольнае развіццё славянскіх народаў у рамках сваёй дзяржаўнасці, адкідалася выкарыстанне ідэяў панславізму ў імперыялістычных мэтах, і быў прыняты зварот да ўсіх славянскіх народаў з заклікам аб'яднацца ў барацьбе супраць нямецкага фашызму²⁹.

Актыўны ўдзел у арганізацыі Камітэту па аб'яднанні славян брала КПА. Аб'яднанне славян у Аргенціне (іх налічвалася 800 тыс.), няхай і пры актыўным удзеле камуністаў, выглядала натуральнай кансалідацыяй народаў, зацікаўленых у разгроме агульнага ворага. Старшынём славянскага руху быў князь Валконскі, а пазней рускі эмігрант Павел Шастакоўскі, які задавальняў камуністаў. Для каардынацыі дзеянняў усіх антыфашысцкіх арганізацыяў Аргенціны было запланаванае правядзенне славянскага кангрэсу ў Буэнас-Айрэсе, але аргенцінскія ўлады, прыхільныя да Германіі, забаранілі правядзенне з'езду з прычыны «камуністычнага характару славянскага руху і падтрымцы яго Масквой»³⁰. Былы сябра КПА беларус Павел Бойка адзначыў: улады бачылі пагрозу ў тым, што «аргенцінскія камуністы разглядалі рух па аказанні матэрыяльнай падтрымцы Савецкаму Саюзу як галоўны напрамак, як цэнтральнае звяно не толькі руху салідарнасці з народамі, якія падвергліся фашысцкай агрэсіі, але і ўсёй барацьбы за шырокае нацыянальнае адзінства дэмакратычных і антыфашысцкіх сілаў краіны»³¹. З вышэйсказанага вынікае, што камуністы выкарыстоўвалі кампанію дапамогі СССР для распаўсюду свайго ўплыву.

²⁸ Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938–1945 гг.). — М., 1962. — С. 394.

²⁹ Международная солидарность трудящихся... — С. 319.

³⁰ Стрелко А. А. Солидарность славян Аргентины с СССР в годы Великой Отечественной войны // СССР — Аргентина: 30 лет дипломатических отношений. — М., 1976 — С. 43.

³¹ Бойко П. Н. Солидарность с Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны // Советский Союз — Латинская Америка в годы второй мировой войны. К 30-летию Победы. — М., 1975. — С. 65.

Арганізатары неажыццёўленага славянскага кангрэсу вырашылі правесці яго ў сталіцы Уругвая Мантэвідэа. З'езд адбыўся 23–25 красавіка 1943 г. пад назвай 1-га Лацінаамерыканскага славянскага кангрэсу. З 390 дэлегатаў Кангрэсу 260 чалавек прадстаўлялі Аргенціну, сярод іх было 70 украінцаў, 58 югаславаў, 50 беларусаў, 42 чэхі і славакі, а таксама рускія, балгары, палякі і македонцы. Дэлегацыю аргенцінскіх беларусаў узначальваў М. Берняковіч.

*Дэлегацыя беларусаў Аргенціны
на Першым лацінаамерыканскім славянскім кангрэсе
ў Мантэвідэа (Уругвай)*

У Аргенціне становішча радыкальна змянілася пасля ваеннага перавароту 4 чэрвеня 1943 г., падрыхтаванага «Групай аб'яднаных афіцэраў» на чале з палкоўнікам Хуанам Дамінга Перонам. Новы ўрад скасаваў канстытуцыю і распачаў пераслед левых арганізацыяў. Па краіне пракацілася хваля рэпрэсіяў, і ў першую чаргу яна закранула камуністаў. Уздзельнікі руху дапамогі СССР, звязаныя з КПА, выклікалі непрыхаванае раздражненне ўладаў. Таму неўзабаве пасля дзяржаўнага перавароту БДК быў зачынены, а некаторыя актывісты руху арыштаваныя па абвінавачанні ў прыхільнасці да камунізму.

Як відаць з вышэйсказанага, і культурна-асветніцкая праца, і дзейнасць па зборы сродкаў Савецкаму Саюзу часта арганізаваліся і накіроўваліся сябрамі КПА. У таварыствах беларускіх імігрантаў збіраліся грошы ў фонд КПА, а кантроль за іх выдаткоўваннем з боку шараговых сяброў практычна адсутнічаў. Аргенцінскія ўлады пераследвалі беларусаў, бо лічылі іх усіх камуністычна ангажаванымі. Але з гэтым пагаджаліся далёка не ўсе беларускія таварыствы. Да пачатку 1940-х гг. таварыствы «Культура» і «Бібліятэка імя І. Луцкевіча» сталі заяўляць, што ім не даспадобы ўплыў камуністаў на працу таварыстваў, а таксама тое, што таварыствы празмерна ўмешваюцца ў палітычнае жыццё Аргенціны. Яны прапаноўвалі праводзіць толькі культурна-асветніцкую працу. У маі 1943 г. таварыствы «Культура» і «Бібліятэка імя І. Луцкевіча» былі выключаныя з «Федэрацыі беларускіх таварыстваў і арганізацыяў у Аргенціне». Таму пасля перавароту 4 чэрвеня 1943 г. яны не былі зачыненыя аргенцінскімі ўладамі. На базе гэтых двух таварыстваў быў створаны ў кастрычніку 1944 г. *Беларускі цэнтр дапамогі Радзіме* (БЦД).

Раскол беларускай дыяспары на прыхільнікаў «культурніцтва-неўмяшальніцтва» і тых, хто займаў актыўную палітычную пазіцыю на баку КПА, быў неглыбокім. Шараговыя сябры і тых, і другіх групавак сімпатызавалі Савецкаму Саюзу, і сярод абедзвюх групаў былі як прыхільнікі, так і нязгодныя з супрацоўніцтвам з КПА. Канечне, у таварыствах «Культура» і «Бібліятэка імя І. Луцкевіча» прыхільнікаў палітычнай барацьбы ў Аргенціне было няшмат, а сярод кіраўніцтва яны, верагодна, адсутнічалі. Але менавіта адмова ад супрацоўніцтва з КПА з боку часткі таварыстваў абумовіла супрацьстаянне ўнутры беларускай дыяспары, што назіралася ажно да пачатку 1950-х гг., калі былі створаныя інтэрнацыянальныя клубы савецкіх грамадзянаў.

Пасля перамогі СССР у Вялікай Айчыннай вайне БДК выйшаў з надполля і разам з БЦД узяў удзел у кампаніі дапамогі Савецкаму Саюзу. Праводзіўся збор грошай і матэрыяльных сродкаў на аднаўленне Беларусі і дапамогу сіротам вайны. У 1946 г. у Буэнас-Айрэсе пасля ўсталявання дыпламатычных стасункаў паміж СССР і Аргенцінай з'явілася пасольства Савецкага Саюзу. Ад пазіцыі савецкіх дыпламатаў залежала многае ў спрэчцы ўнутры беларускай дыяспары. Савецкія супрацоўнікі

ўзялі бок супернікаў «культурніцтва», што засведчылі газеты беларускіх нацыяналістаў паваяннага часу.

Беларусы, якія трапілі ў Аргенціну ў паваянны перыяд, у адрозненне ад папярэдняй іміграцыі, былі палітычнымі ўцекачамі, ненавідзелі камуністычны лад. Як нацыяналісты яны негатыўна ставіліся да кампаніяў дапамогі «турме народаў» і да савецкіх прадстаўнікоў наагул. Адаючы належнае іх згуртаванасці ў Аргенціне і жаданню бачыць Беларусь незалежнай дзяржавай, усё ж адзначым іх слабы ўплыў на дыяспару з прычыны сваёй нешматлікасці — не больш за тысячу чалавек, у найлепшым выпадку можна казаць пра сотні чалавек. Таму змяніць кардынальным чынам стан справаў у беларускім асяродку яны не здолелі. Створанае паваяннымі імігрантамі ў 1948 г. *Згуртаванне беларусаў у Аргенціне (ЗБА)*, якое налічвала да 200 сябраў, ні разу не згадалі апытаныя аўтарам людзі даваеннай «старой» іміграцыі.

Прадстаўнікі трэцяй палітычнай хвалі іміграцыі сяліліся ў гарадах. Кантакты паміж новапрыбылымі і землякамі першых хваляў здараліся, але часта мелі канфліктны характар. Адразу ж па прыбыцці ў Аргенціну паваянных перасяленцаў прадстаўнікі «прагрэсіўнай» іміграцыі збіраліся перад гатэлямі і нападлі на іх. Як згадваў адзін з новапрыбылых, Кастусь Мерляк, іх абвінавачвалі ў здрадзе Радзіме і супрацоўніцтве з немцамі, «называлі іх фашыстамі й крычалі: «Едзьце назад!» Бурныя дыскусіі і бойкі адбываліся ў сталоўках і рэстаранах на працягу некалькіх гадоў. Такія інцыдэнты здараліся праз нахабнае захаванне збіральнікаў грошай на дапамогу ахвярам фашызму або ў часе вельмі частых зборак на «боты Сталіну»³². Нягледзячы на неспадзненне палітычных пазіцыяў беларускія нацыяналісты цікавіліся жыццём «старых» імігрантаў. Сярод іх вылучаўся лідэр ЗБА — вышэйзгаданы К. Мерляк. З ягонага боку былі і спробы завабіць некаторых беларусаў у сваю арганізацыю (праўда, безвыніковыя).

Што датычыць арганізацыйнага жыцця па-прасавецку арыентаваных беларусаў, то пасля вайны тут адбыліся вялікія змены. 7–8 верасня 1946 г. адбыўся Першы кангрэс беларускіх

³² Мерляк К. Дзейнасць Кастуса Мерляка на эміграцыі. — Мн., 1994. — С. 64.

арганізацыяў. Выклікае здзіўленне назва гэтага форуму — «Першы», у той час як першы кангрэс адбыўся ў 1939 г. Новым адлікам як бы падкрэслівалася, што папярэднія з'езды былі «неспраўднымі», а павяненныя будучы аб'ядноўваць усіх суайчыннікаў. Большасць з дэлегатаў з'езду былі камуністамі, а ўзначаліў створаны «Саюз беларускіх культурных арганізацый» сябра КПА Трафім Ляшук, з вялікім досведам партыйнай і прафсаюзнай працы, рэкамендаваны на гэтую пасаду ЦК КПА. З васемнаццаці сяброў праўлення больш за палову былі камуністамі. Кангрэс вырашыў ўзмацніць работу па аказанні дапамогі радзіме і рэкамендаваць усім беларускім арганізацыям удзельнічаць у працы Славянскага камітэту³³.

Пасля з'ездаў украінскіх і беларускіх «прагрэсіўных» таварыстваў, што адбыліся ў ліпені і ў верасні 1946 г., у лістападзе 1946 г. прайшоў II Славянскі кангрэс, што сабраў усе «перадавыя» арганізацыі славянаў Аргенціны. У ім бралі удзел 491 дэлегаты ад 115 арганізацыяў. Беларускія арганізацыі прадстаўлялі 104 дэлегаты, украінскія — 87. (Для параўнання: рускіх на гэтым форуме было 4 дэлегаты, а колькасна беларусаў перавысілі толькі югаславы — 162 дэлегаты). Кангрэс заклікаў славян працягваць дапамагаць СССР і краінам Усходняй Еўропы, а таксама змагацца супраць імперыялізму і рэшткаў фашызму ў краіне. Саюз беларускіх культурных арганізацыяў увайшоў у Славянскі Саюз, а ў цэнтральным кіраўніцтве аб'яднання славянаў былі беларусы Антон Драмазонак і Трафім Ляшук. Старшынём Славянскага Саюзу стаў П. Шастакоўскі, а генеральным сакратаром — А. Драмазонак.

Беларускія імігранты жадалі атрымаць савецкае грамадзянства: яшчэ да з'яўлення савецкага пасольства ў Аргенціне яны звярталіся з такімі просьбамі ў дыпламатычную місію СССР ва Уругваі. Пасля з'яўлення пасольства СССР у Буэнас-Айрэсе беларусы сталі масава прымаць савецкае грамадзянства. Пасля гэтага ў КПА было прынятае рашэнне аб выхадзе з партыі савецкіх грамадзян, каб пазбегнуць правакацыяў з боку іх палітычных супернікаў. Аднак былыя камуністы не спынілі ранейшай працы, таму выхад з партыі быў шмат у чым толькі

³³ Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 1975. — С. 21.

фармальнасцю. Як і раней, сябры беларускіх таварыстваў праводзілі патрэбную КПА агітацыю, удзельнічалі ў мітынггах, дапамагалі матэрыяльна.

Арганізацыяй, у рамках якой зручна было праводзіць пракамуністычную дзейнасць, быў Славянскі Саюз. Ва ўсім свеце назва «Савецкі Саюз» з'яўлялася эўфемізмам Расіі, і сярод аргенцінцаў была распаўсюджаная думка, што любы рускі чалавек — гэта камуніст. І калі б беларусы («*gusos blancos*») праводзілі агітацыю, то гэта выклікала б рэпрэсіі з боку ўладаў, якія камуністаў пераследвалі. А ў рамках славянскага руху прапаганда выглядала як інфармаванне імігрантаў-славянаў пра тое, што адбываецца на іх гістарычнай радзіме. Ва Усходняй Еўропе ўсталёўваліся камуністычныя рэжымы, і Славянскі Саюз у Аргенціне быў выгадным для СССР сродкам распаўсюду сваёй прапаганды ў аргенцінскім асяродку, дзе было нямала эмігрантаў з гэтых краінаў.

Рост папулярнасці славянскага руху выклікаў занепакоенасць аргенцінскіх уладаў. Прэзідэнт Перон падтрымаў ідэю стварэння адзінага фронту барацьбы з камунізмам у заходнім паўшар'і: «Я не крытыкую расійскі камунізм, але я вораг гэтага камунізму ў Аргенціне. У гэтым на два лагеры — Захад і Усход — падзеленым свеце мы стаім, безумоўна, на баку Захаду. Усход супярэчыць нашай культуры, нашай рэлігіі, нашай гісторыі і нашым пачуццям. Я не прыхільнік ні капіталізму, ні сацыялізму, а прытрымліваюся той кропкі зору, якую мы вызначаем як «трэцію»».³⁴

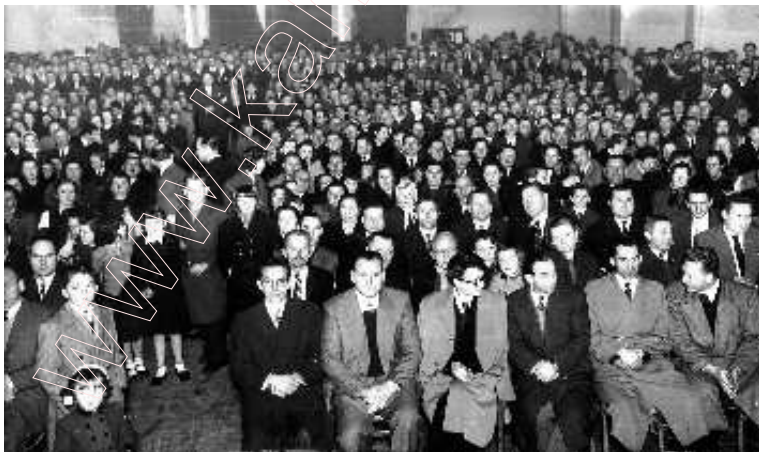
Пераслед Славянскага Саюзу актывізаваўся ў 1947 г., калі была створаная Перанісцкая партыя, а апазіцыйныя аб'яднанні адчувалі рост уціску з боку ўладаў (на адрас КПА гучалі пагрозы рэпрэсіяў). 1947 г. — гэта і пачатак «халоднай вайны», і гэта Перон выгадна для сябе выкарыстаў. Улады забаранілі выхад на радыё «Славянскай гадзіны», а потым зачынілі друкарню «славян». 3 чэрвеня 1949 г. улады забаранілі дзейнасць Славянскага Саюзу і 210 арганізацыяў, якія ў яго ўваходзілі (у тым ліку і Саюз беларускіх культурных арганізацыяў). Беларускія актывісты Т. Ляшук, А. Драмазонак, І. Шоц былі кінутыя за краты. Аднак не ўсе беларускія арганізацыі былі закрытыя: працягвала функ-

³⁴ Розмова корэспандэнта «Діарію ілюстрадо» з Х. Перонам // Украінскае слова. — 1948. — 1 лют.

цыянаваць «Бібліятэка імя І. Луцкевіча». З гэтай арганізацыяй паўтарылася гісторыя 1943 г.: напярэдадні забароны Саюзу беларускіх культурных арганізацыяў яна была выключаная з гэтага аб'яднання.

Падрабязна сітуацыю вакол «Бібліятэкі імя І. Луцкевіча» апісаў К. Мерляк у газете «Бацькаўшчына», і гэты артыкул прадстаўлены ў нашым зборніку. «Бібліятэка імя І. Луцкевіча» была выключаная з Саюзу беларускіх культурных арганізацыяў на Трэцім беларускім кангрэсе (18–19 верасня 1948 г.): прадстаўнікі гэтай арганізацыі не палічылі кангрэс трэцім, бо гэта не ўлічвала ўсю работу беларусаў да 1945 г. Пасля роспуску Славянскага Саюзу савецкія дыпламаты прынялі рашэнне аб закрыцці гэтага таварыства (што было зроблена), і гэта адлюстроўвае значнасць уплыву савецкіх прадстаўнікоў на жыццё беларускай дыяспары за тым часам.

У пачатку 1950-х гг. нацыянальныя арганізацыі прасавецкіх імігрантаў не аднавілі сваёй дзейнасці; былі сфармаваныя культурна-спартыўныя клубы савецкіх грамадзянаў, у якія ўваходзілі прадстаўнікі ўсіх нацыянальнасцяў. У Буэнас-Айрэсе і ў правінцыі працавалі наступныя клубы: імя М. Горкага (налічваў 5000 сябраў), імя М. Астроўскага (2000 чал.), імя А. Пушкіна

Урачыстае паседжанне прасавецкіх імігрантаў. У першым радзе сярод іншых — прадстаўнікі пасольства СССР

(1000 чал.), імя В. Бялінскага (200 чал.), імя У. Маякоўскага (800 чал.), імя А. Талстога (500 чал.), імя П. Тычыны (1500 чал.), імя Л. Украінкі (300 чал.)³⁵. Акрамя трох апошніх, усе клубы былі ўтвораныя ў пачатку 1950-х гг., і большасць арганізацыяў насіла імёны савецкіх пісьменнікаў. Найбольш масавай арганізацыяй у Буэнас-Айрэсе, вакол якой аб'ядналіся савецкія грамадзяне, было таварыства ўзаемадапамогі «Беларускае вогнішча», якое ў 1955 г. аб'ядноўвала 11 тыс. чалавек розных нацыянальнасцяў (беларусаў, украінцаў, літоўцаў і іншых).

У клубах савецкіх грамадзянаў былі арганізаваныя курсы рускай мовы, харавыя і тэатральныя калектывы, гурткі па вывучэнні творчасці «прагрэсіўных» пісьменнікаў. Праца ў клубах мела пракамуністычны характар: вывучалі савецкія песні, літаратуру і перыёдыку. Савецкія грамадзяне за мяжой адзначалі (як і ўвесь савецкі народ) рэвалюцыйныя святы. У палітычнае жыццё Аргенціны клубы ўжо не ўмешваліся: у той час многія імігранты чакалі дазволу вярнуцца на Радзіму. Жаданне вяр-

У порце Буэнас-Айрэса провады К. Кутаса (у акулерах), які вяртаецца на Радзіму (17.10.1958 г.)

³⁵ Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. — М., 1975. — С. 24.

нуцца падагравалася прапагандысцкай літаратурай, у якой апа-вядалася пра поспехі СССР. Нататкі ў «прагрэсіўных» газетах, у якіх раздуваліся адны падзеі і замоўчваліся іншыя (напрыклад, сталінскія рэпрэсіі), падтрымлівалі, у канечным выпадку, існыя ў імігранцкім асяродку сацыяльныя і палітычныя міфы. Савецкі грамадзянін ганарыўся тым, што адбываецца на ягонай Радзіме, адчуваў жаданне вярнуцца назад ва Украіну альбо Беларусь. Масавы выезд беларусаў у СССР стаў магчымым толькі пасля савецкага ўказу аб амністыі 1955 г., а найбольшай плыню перасяленцаў адзначаны наступны, 1956 г.

Адзначым, што ў сярэдзіне 1950-х гг. пакідалі Аргенціну і беларусы трэцяй хвалі — яны кіраваліся ў ЗША. Антысавецкая арганізацыя ЗБА ў канцы 1950-х гг. спыніла сваю актыўную дзейнасць. Калі, праз шмат гадоў, К. Мерляк, які выехаў у 1954 г. у ЗША, наведаў Аргенціну, то высветлілася, што ягоныя нешматлікія таварышы, якія засталіся ў гэтай краіне, не бачыліся пятнаццаць гадоў³⁶. Як пісаў у савецкую газету «Голас Радзімы» актывіст «старой» іміграцыі Сцяпан Філютовіч, «...крапіўнае семя не прывілося на нашай глебе, і нацыяналістычная прапаганда сама па сабе знікла»³⁷.

Пасля ад'езду беларускіх актывістаў у СССР, а таксама рэпрэсіяў аргенцінскіх уладаў у канцы 1950-х гг. у адносінах да клубай савецкіх грамадзянаў дзейнасць гэтых арганізацыяў стала малазаўважнай. Але перыяд 1930–1950-х гг., калі беларусы разгарнулі сваю грамадскую працу, займае выключна важнае месца ў жыцці беларускай дыяспары. Аргенціна дэманструе унікальны выпадак, калі нашыя суайчыннікі за мяжой не проста стварылі свае арганізацыйныя інстытуты і назвалі іх «беларускімі» (што было на той перыяд не так ужо і натуральна). Яны праводзілі грамадска-палітычную дзейнасць, якая стала значнай з'явай для Срэбнай рэспублікі на тры дзесяцігоддзі. Прыцішваць палітычную актыўнасць беларусаў уладам даводзілася пачынаючы з 1930-х гг. Дзякуючы нашым суайчыннікам КПА стала прыкметнай палітычнай сілай, і з ёй не маглі не лічыцца кіраўнікі краіны. Славянскі Саюз у Аргенціне,

³⁶ Шалястовіч К. Мы вас разумеем, але зразумеце і вы нас // Голас Радзімы. — 1992. — 22 кастрычніка.

³⁷ Філютовіч С. Роздум старога эмігранта // Голас Радзімы. — 1966. — № 39.

што меў уплыў не толькі на славянаў і прапагандаваў інакшы ад капіталістычнага шлях развіцця, меў цвёрдае апірышча ў абліччы беларусаў. Савецкія дыпламаты, што ўпершыню адкрылі сваё прадстаўніцтва ў Аргенціне, мелі сярод беларусаў надзейных памагатых у справе вывучэння краіны і прыстасавання свайго жыцця да аргенцінскага рытму. І тое, што зроблена суайчыннікамі ў далёкай краіне, мы не павінныя ігнараваць, бо гэта частка жыццёвага досведу беларускага народа, які варта ўлічваць і выкарыстоўваць.

Яшчэ большую значнасць досвед імігрантаў набывае ў сувязі з пераездам часткі з іх у сярэдзіне 1950-х гг. з Аргенціны ў СССР. У часы існавання «жалезнай заслоны» паміж Захадам і краінамі сацыялістычнага лагера савецкія грамадзяне былі пазбаўленыя магчымасці на асабістым досведзе спазнаць жыццё ў заходніх краінах. Аргенціна, канечне, не з'яўлялася прыкладам развітай капіталістычнай краіны, але і краінай трэцяга свету яе назваць цяжка. І з'яўленне на адной шостаі частцы сушы тысячаў людзей, якія дзесяцігоддзямі жылі там, дзе не ступала нага савецкага чалавека, было феноменальнай падзеяй у СССР.

Агулам у Савецкі Саюз пераехала прыблізна паўтары-дзе тысячы беларусаў з Аргенціны. Гэты пераезд былых грамадзянаў Польшчы (у асноўным украінцаў і беларусаў) у савецкіх дакументах пазначылі тэрмінамі «рээміграцыя». Безумоўна, беларусы вярталіся на Радзіму, з якой эмігравалі ў 1920–1930-х гг. (хаця дзеці, народжаныя ў Лацінскай Амерыцы, ехалі следам за бацькамі, па сутнасці, проста «эмігравалі» з Аргенціны). Нюанс жа у тым, што беларусы з'язджалі ў Новы Свет, пакідаючы польскую дзяржаву, а вярталіся ў Савецкі Саюз. Пра савецкую грамадска-палітычную сістэму яны маглі ведаць толькі з прапагандысцкай літаратуры і газетаў. Усе, хто пераехаў у СССР, убачылі розніцу паміж тым, што пісалі савецкія выданні, і тым, як насамерэч жывуць савецкія людзі.

У Аргенціне з 1955 да 1982 г. больш за пятнаццаць гадоў дзяржавай кіравалі ваенныя рэжымы (хунты), што незаконна прыйшлі да ўлады (1955–1958; 1962–1963; 1966–1973; 1976–1983). Хунты абмяжоўвалі дэмакратычныя свабоды, выкарыстоўвалі рэпрэсіі супраць іншадумства, пераследавалі сяброў камуністычнай партыі і, як вынік гэтага, перашкаджалі працы клубаў савецкіх грамадзянаў. У 1959 г. прэзідэнт

А. Франдзісі выдаў дэкрэт аб забароне дзейнасці КПА, а таксама арганізацыяў прыхільнікаў міру, куды ўваходзіла шмат савецкіх грамадзянаў. У тым жа годзе паліцыя закрыла клуб імя М. Астроўскага, а ў 1960 г. — таварыства «Беларускае вогнішча». Пры гэтым частку сябраў праўлення «Беларускага вогнішча» арыштавалі, а маёмасць арганізацыі канфіскавалі. Арганізацыя выезду з Аргенціны ў СССР пасля гэтага лічылася крыміналам: у падобнай дзейнасці абвінавацілі і арыштавалі супрацоўніка ўкраінскай газеты «Знання» Налівайку³⁸. А ў пачатку 1960-х гг. уладамі былі закрытыя (хаця і на кароткі тэрмін) усе клубы і перыядычныя выданні савецкіх грамадзянаў.

Даведка савецкага таварыства па сувязях з суайчыннікамі «Украіна» (Кіеў) паведамляе, што пастанена 1.01.1974 г. з 160 тыс. «суайчыннікаў», што жылі ў Аргенціне, савецкае грамадзянства мелі 40 тыс. чалавек. З іх 37 тыс. былі «мясцовымі савецкімі грамадзянамі», а 3 тыс. — «перамешчанымі (пасляваеннымі) савецкімі грамадзянамі». Сярод «суайчыннікаў» было 120 тыс. украінцаў, 10 тыс. — беларусаў, 18 тыс. — латышоў, 13 тыс. — літоўцаў, а «рускіх мала»³⁹. У 1960-я гг. адкрыліся і дзейнічалі дзевяць культурна-спартыўных клубаў савецкіх грамадзянаў і харчовы кааператыў «Прагрэс», якія аб'ядноўвалі 4 тысячы актыўных сябраў. Шэсць клубаў — імя А. Пушкіна, імя М. Горкага, імя В. Бялінскага, імя М. Астроўскага, імя У. Маякоўскага і «Дніпро» — месціліся ў Буэнас-Айрэсе. Клуб «Восток» функцыянаваў у г. Берыса, імя І. Франко — у г. Санта-Фэ і яшчэ адзін клуб імя А. Пушкіна — у г. Расарыё. У таварыствах маглі працаваць бібліятэкі, мастацкая самадзейнасць, танцавальныя гурткі, хор, гурткі па вывучэнні рускай мовы, жаночыя і моладзевыя камііі. Асноўнымі святамі, адзначанымі ў клубах, былі 7 Лістапада, Дзень Савецкай Арміі, 8 Сакавіка, 1 Мая і 9 Мая (яны звычайна сумяшчаліся). Апроч іх ладзіліся ўрачыстасці з нагоды заснавання клуба, адзначаліся таксама і аргенцінскія святы.

Кіраніўцтва клубаў папярэдне ўзгадняла ўсе значныя мерапрыемствы з пасольствам СССР, што сведчыць пра тое,

³⁸ Вуйко І. «Чакереро». // Полторацкі О. Брати далекі і рідні. [Про життя українців в Канаді, США та деяких латиноамерик. краінах] — Київ, 1967. — С. 39. — 48.

³⁹ Товариство «Україна». Папка «Аргентина». — Справка о клубах соотечественников за 1974 г.

што яно было важным элементам арганізацыйнай сістэмы «прагрэсістаў». У савецкіх дыпламатаў былі вялікія магчымасці для стымулявання працы беларусаў і ўкраінцаў у патрэбным кірунку: праз іх аказвалася фінансавая падтрымка, імігрантам давалася магчымасць з'ездзіць у СССР на экскурсію альбо навучанне. Праз пасольства ішла вялікая колькасць паштовых пераводаў з СССР, бо звычайным чынам многія пасылкі з Савецкага Саюзу не даходзілі да адрасатаў (верагодна, гэта адбывалася праз адміністрацыю аргенцінскай пошты, якая праглядала пасылкі і лісты). Дыпламатычная ж пошта не праглядалася.

Кантралюючы па-прамаскоўску настроеных беларусаў і ўкраінцаў, савецкія дыпламаты ініцыявалі правядзенне тых альбо іншых акцыяў у дыяспары: па распаўсюдзе савецкай прапаганды, барацьбе за мір і г. д., падчас якіх аказвалася і падтрымка КПА. Ад'езд у 1950-я гг. у СССР актыўнай часткі імігрантаў, старэнне і смерць перасяленцаў, асіміляцыя моладзі, вяртанне ў Аргенціну расчараваных рээмігрантаў у 1960-я гг. самым негатыўным чынам адбіліся на «савецкай калоніі». Гэта мела вынікам заняўданне працы ў клубах, дзе ўжо не верылі свята ў камуністычныя ідэалы, а супрацоўнічалі з пасольствам СССР хутчэй з меркантильных меркаванняў.

Акрамя барацьбы за камуністычныя ідэалы «прагрэсіўныя» беларусы і ўкраінцы служылі для пасольства СССР апірышчам у аргенцінскім асяродку пры тлумачэнні замежнай палітыкі СССР. Гэта датычыць, у першую чаргу, падзеяў, якія набывалі шырокі міжнародны розгалас: увод савецкіх войскаў у 1968 г. у Чэхаславакію, у 1979 г. у Афганістан і г. д. Пасля гэтых акцыяў па Аргенціне пракатвалася антысавецкая і антыкамуністычная кампанія, якая не магла не закранаць савецкіх грамадзянаў. У такіх выпадках савецкія дыпламаты праводзілі сустрэчы з Цэнтральным кіраўніцтвам клубаў: напрыклад, 7 верасня 1968 г. тлумачылася пазіцыя СССР адносна падзеяў у Чэхаславакіі. Савецкі консул адзначаў і вострую неабходнасць высылкі з СССР гатовых матэрыялаў для «прагрэсіўных» газет у сувязі з актывізацыяй антысавецкіх настрояў у Аргенціне (праявай чаго было затрыманне савецкіх грамадзянаў пасля прагляду фільму ў клубе пасольства)⁴⁰.

⁴⁰ Цэнтральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВОУ). Ф. 4629, оп. 1, спр. 27, л. 33–34.

У афіцыйных справаздачах савецкіх дыпламатаў і кіраўніцтва клубаў праглядаецца празмерная ідэалагізацыя дзейнасці імігрантаў. Між тым, гэты аспект клубнай працы займаў нязначнае месца: клубы ператварыліся ў месцы сустрэчы старых сяброў альбо месцы правядзення святаў, далёкіх ад ідэалогіі. Імігранты старэйшага пакалення, якіх сярод сяброў клубу была большасць, проста бавілі там вольны час: «Толькі сабраўшыся ў сваім культурным таварыстве, можам мы сардэчна пагаварыць адзін з адным, успомніць нашыя традыцыі, песні і ўсё, што перажывалі на роднай зямлі, сярод роднага народа. Нават у сваёй уласнай сям’і многім не ўдаецца зведаць такое шчасце, што называецца, «адвесці душу»»⁴¹.

Культурная дзейнасць некаторых таварыстваў удала ўпісвалася ў аргенцінскае жыццё. Напрыклад, беларусы г. Берыса, аб’яднаныя ў клубе «Восток», актыўна ўдзельнічалі ў штогадовых фестывалях нацыянальных супольнасцяў падчас Свята Імігранта, якое да гэтага часу ладзіцца ў Аргенціне. Падчас фестывалю на цэнтральных вуліцах Сталіцы Імігранта — г. Берыса — танцавальныя гурткі паказваюць сваё майстэрства і спрыт. Напрыклад, у месячным часопісе «Verisso» (за верасень 1981 г.) на першай старонцы быў размешчаны фотаздымак з фестывальнага парадку з беларускай парай на першым плане⁴². Падчас Свята Імігранта выбіраецца і Каралева Прыгажосці: кожная этнічная група пасылае сваю прыгажуню на конкурс. Дарэчы, 22 верасня 2001 г. Каралевай была абраная Хуліяна Салаўян, прадстаўніца беларускай супольнасці.

У 1982 г. у Аргенціне адбыліся важныя ўнутрыпалітычныя змены. Пасля паразы ад Вялікабрытаніі падчас канфлікту за Фолклэндскія (Мальвінскія) выспы (вясна-лета 1982 г.) ваенны ўрад быў дыскрэдытаваны ў вачах свайго народа. Пасля грандыёзных маніфестацыяў і страйкаў вайскоўцы вымушаныя былі прызначыць на 30 кастрычніка 1983 г. прэзідэнцкія выбары. На выбарах перамог прадстаўнік Радыкальнага грамадзянскага саюзу Р. Альфансін, які ўступіў на пасаду 10 снежня 1984 г. Падчас ягонага кіравання былі адноўлены дэмакратычныя свабоды і адбыліся гучныя палітычныя працэсы супраць

⁴¹ Філотовіч С. Адна, як маці // Голас Радзімы. — 1980. — 21 лютага.

⁴² Цяўлоўскі Э. Беларусы ў Бэрыса (Аргенціна) // Беларус. — 1982. — № 297.

вайскоўцаў: усе лідэры папярэдняй хунты былі асуджаныя на доўгія тэрміны зняволення.

Савецкі Саюз падтрымаў Аргенціну падчас Фолклэндскага крызісу, і гэта выклікала значнае пацяпленне ў стасунках паміж краінамі. Ужо ў 1982 г. адкрылася найпростая авіялінія паміж Буэнас-Айрэсам і Масквой, а ў кастрычніку 1986 г. упершыню ў гісторыі прэзідэнт Аргенціны наведаў СССР, дзе былі падпісаныя пагадненні пра эканамічнае, навуковае і культурнае супрацоўніцтва. У новых умовах перад савецкімі клубамі акрыліся больш шырокія магчымасці для пракамуністычнай дзейнасці. Аднак у 1980-х гг. прасавецкія беларусы і ўкраінцы не выказалі асаблівай ідэалагічнай зацікаўленасці. Загадчык консульскім аддзелам пасольства СССР П. Бадаеў паведамляў: «Назіраецца пасіўнасць, нерашучасць у прыняцці рашэнняў аб правядзенні вялікіх грамадскіх акцый праз боязь быць абвінавачанымі ў палітычнай дзейнасці. Клубы самаізаляваліся і не выдуць працы па далучэнні новых сябраў, у тым ліку з нейтралісцкіх колаў. Сябры клубаў збіраюцца на прагляды мастацкай самадзейнасці і вечарыны, не займаючыся абмеркаваннем бягучых праблем, межнай палітыкі СССР, палітычнай самаадукацыяй зноў жа праз боязь быць абвінавачанымі ў «палітыцы» і ў сувязі з адсутнасцю людзей, якія могуць прачытаць лекцыю ці зрабіць абагульненне»⁴³. Савецкія дыпламаты адзначалі і няведанне імігрантамі другога і трэцяга пакалення мовы іх продкаў: гэта было негатыўнай з'явай, бо яны не маглі чытаць савецкую перыёдыку.

Пра крызіс у прасавецкай дыяспары сведчыць і скарачэнне яе колькасці ў параўнанні з папярэднім дзесяцігоддзем амаль у два разы: у 1985 г. савецкае грамадзянства ў Аргенціне мелі 21,5 тыс. чалавек⁴⁴. Толькі 2 тыс. савецкіх грамадзянаў бралі ўдзел у працы клубаў. Афіцыйна прадстаўляць інтарэсы прасавецкіх украінцаў і беларусаў перад уладамі стала Федэрацыя клубаў савецкіх грамадзянаў у Аргенціне. Рашэнне пра яе стварэнне было прынятае 20 красавіка 1986 г. на Першым кангрэсе прадстаўнікоў культурна-спартыўных клубаў. 18 чэрвеня таго ж году акты Кангрэсу і статут Федэрацыі былі натарыяльна завераныя, і пасля гэтага створаная арганізацыя атрымала статус юрыдычнай асобы.

⁴³ ЦДАВОУ. Ф. 4629, оп. 1, спр. 427, л. 137–138.

⁴⁴ ЦДАВОУ. Ф. 4629, оп. 1, спр. 373, л. 139.

Палітыка перабудовы ў СССР унесла карэктывы і ў жыццё клубаў савецкіх грамадзянаў у Аргенціне. Пытанні развіцця нацыянальнай культуры ў дыяспары, аб месцы рэлігіі ў жыцці грамадства былі нечаканымі для «прагрэсіўных» беларусаў і ўкраінцаў. Пры існаванні разнастайнай інфармацыі, што вымагае самастойнага аналізу, яны адчувалі сябе некамафортна, цяжка рэагавалі на крытыку ў свой адрас. Верагодна, яны лічылі ўсё гэта непаразуменнем, якое хутка міне. Распад СССР стаў поўнай нечаканасцю для прасавецкай дыяспары: многія ўспрынялі яго як часовую з’яву і спадзяюцца на аднаўленне былога адзінства. У Аргенціне ж яны вырашылі не раз’ядноўвацца: Кангрэс суайчыннікаў, які адбыўся ў канцы 1992 г., вырашыў захаваць Федэрацыю культурна-спартыўных клубаў савецкіх грамадзянаў⁴⁵, якая існавала да 2004 г. У 2004 г. была створаная (і да гэтага часу дзейнічае) FISIBRU (Federacion de instituciones culturales inmigrantes belorrasas, rusas y ucranianas) — Федэрацыя культурных арганізацыяў беларускіх, рускіх і ўкраінскіх імігрантаў.

У прапанаваным зборніку прадстаўлення дакументальныя матэрыялы і ўспаміны, што паказваюць дзейнасць беларускіх імігрантаў у Аргенціне ў найбольш актыўны перыяд іх дзейнасці — канец 1930 — пач. 1960-х гг. XX ст. Гэта перыяд станаўлення арганізацыйных структураў беларусаў, актыўнай дзейнасці па падтрымцы СССР падчас і пасля Вялікай Айчыннай вайны, рээміграцыі беларусаў на Радзіму ў другой палове 1950-х гг.

Структура зборніка прапануе два напрамкі для аналізу беларускай дыяспары ў Аргенціне. Па-першае, гэта даследаванне грамадскай дзейнасці беларусаў у Аргенціне, іх працы для Савецкага Саюзу, калі яны жылі ў дыяспары. Найперш гэта датычыць збору сродкаў для дапамогі СССР падчас і пасля Другой светнай вайны, удзелу ў працы Славянскага Саюзу ў Аргенціне, дапамогі пасольству СССР і КПА. Па-другое, гэта пошук адказу на пытанне: кім з’яўляліся беларусы для СССР па вяртанні на Радзіму? У сярэдзіне 1950-х гг. яны рээмігравалі і, пры сутыкненні з савецкай рэчаіснасцю, былі вымушаныя вырашаць жыццёвыя праблемы перасяленцаў (праца, жылло і г. д.). Многія

⁴⁵ Шалястовіч К. Беларусы Аргенціны. Гісторыка-публіцыстычны партрэт нашага суайчынніка з берагоў Рыо-дэ-ла-платы // Голас Радзімы. — 1993. — 27 мая.

прагнулі вярнуцца назад у Аргенціну, настолькі нечакана цяжкай сталася адаптацыя да савецкага грамадства. Сярод былых жыхароў Аргенціны нават распаўсюдзілася думка, што савецкія ўлады дзеля нейкай мэты спецыяльна завабілі іх у СССР.

Самы аб'ёмны — трэці раздзел зборніка — складаецца з успамінаў рээмігрантаў, запісаных аўтарам у 2002–2009 гг. У апо ведах перасяленцаў адлюстроўваюцца аргенцінскія ўражанні, праца ў клубах савецкіх грамадзянаў, пераезд у СССР, уладкаванне на новым месцы. У гэтых успамінах ёсць інфармацыя, неабходная для адказаў на пастаўленыя пытанні. Мяркуем, што запісы гутарак з рээмігрантамі значна пашыраюць базу крыніцаў па даследаванні дыяспары і таму з'яўляюцца найбольш каштоўным матэрыялам, змешчаным у гэтым зборніку.

На старонках дадзенага выдання надрукаваныя матэрыялы з Нацыянальнага архіву Рэспублікі Беларусь (НАРБ), архіву МУС РБ, Дзяржаўнага архіву Расійскай Федэрацыі (ГАРФ), «Центральнага дзяржаўнага архіва грамадскіх аб'яднань Украіны» (ЦДАГОУ). Змяшчаюцца артыкулы з газет, друкаваных у Беларусі («*Беларуская крывіца*», «*Голас Радзімы*»), і надрукаваных у дыяспары «*Белорусского иллюстрированного календаря*» (на 1941, 1943, 1948 гг.), газетаў «*Новая Газета*», «*Світло*», «*Бацькаўшчына*», «*Беларус*». Акрамя таго пададзеныя выпіскі з справаздачнага зборніку пра Першы лацінаамерыканскі Кангрэс («*Primer Congreso Eslavo Latino-Americano*») і ўказ з «*Ведомостей Верховного Совета СССР*» за 1955 г.

Усе дакументы (за выключэннем лістоў Сцяпана Самасюка) надрукаваныя з захаваннем арыгінальнага тэксту, з выпраўленнем толькі відавочных абдруковак. Тэкст лістоў С. Самасюка (раздзел 2) падаецца ў адаптаваным выглядзе паруску з захаваннем дыялектызмаў і моўных асаблівасцяў. Пры неабходнасці пераклад дакументу падаецца ў канцы адпаведнага раздзелу. Частка дакументаў друкуецца са скаротамі: ненадрукаваныя звесткі не маюць непасрэднага дачынення да тэмы, альбо частка тэксту нечытальная. Прапушчаная частка тэксту пазначаная шматкроп'ем у востравугольных дужках (<...>). У раздзелах дакументы падаюцца, як правіла, храналагічна, за выключэннем тых выпадкаў, калі для зручнасці чытача асобныя матэрыялы, тэматычна блізкія і звязаныя міжсобку, змешчаныя побач. Пры неабходнасці тлумачэння назвы таго ці іншага дакумента, такія тлумачэнні змяшчаюцца ў квадратных дужках (□).

РАЗДЗЕЛ 1

БЕЛАРУСКІЯ ІМІГРАНТЫ Ў АРГЕНЦІНЕ (1930 – сяр. 1950-х гг.)

У гэтым раздзеле змешчаныя матэрыялы, якія адлюстроўваюць працэс станаўлення беларускіх арганізацыяў у Аргенціне, датычаць працы імігрантаў на падтрымцы Савецкага Саюзу. Гэтая падтрымка — дапамога падчас і пасля Вялікай Айчыннай вайны (збор грошай, вопраткі, матэрыяльных сродкаў), удзел у славянскім руху Аргенціны. Пры гэтым у беларускіх арганізацыях адбылося размежаванне з прычыны адмовы «Бібліятэкі імя І. Луцкевіча» супрацоўнічаць з Камуністычнай партыяй Аргенціны.

Для таго, каб зразумець матывы дзеянняў беларусаў у Аргенціне, трэба ўяўляць іх менталітэт. Для гэтага ў зборніку змешчаныя артыкулы з беларускіх выданняў у Буэнас-Айрэсе — газеты «Новая Газета» і «Белорусского иллюстрированного календаря». У артыкулах адлюстроўваецца прыхільнасць імігрантаў да СССР, іх жаданне вярнуцца на Радзіму. Частка публікацыяў характарызуе цяжкасці жыцця беларусаў у Аргенціне, паведамляе пра стварэнне Беларускай федэрацыі ў гэтай краіне. У Нацыянальнай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь ёсць толькі два выпускі «Белорусского иллюстрированного календаря», адзін з якіх (на 1943 г.) захоўваецца ў выглядзе мікрафільму, а другі (на 1948 г.) — як ксеракопія. «Белорусские иллюстрированные календари» на 1941 г. і на 1947 г., як і зборнік артыкулаў і матэрыялаў «Primer Congreso Esclavo Latino-Americano» ўзятыя для публікацыі з прыватных збораў рээмігрантаў.

Блізкасць украінскіх і беларускіх імігрантаў абумовіла стварэнне іх сумесных арганізацыяў. Таму часта ўкраінскае «прагрэсіўнае» выданне — газета «Світло» — змяшчала на

сваіх старонках інфармацыю пра беларусаў. Нумары газеты «Світло» захоўваюцца ў фондах Нацыянальнай бібліятэкі Украіны і Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі.

У першым раздзеле змяшчаецца таксама даведка Міністэрства замежных справаў БССР «Граждане белорусской национальности, проживающие за границей», накіраваная ў ЦК КПБ (НА РБ). Нягледзячы на тое, што даведка датуецца 1959 г., са зместу становіцца зразумелым, што матэрыялам для яе складання была газета «Эхо», якая выдавалася ў Аргенціне падчас Вялікай Айчыннай вайны. Таму было мэтазгодна змясціць даведку менавіта ў першым раздзеле (да 1959 г. звесткі пра беларускія арганізацыі ў Аргенціне безнадзейна састарэлі).

У раздзеле таксама змешчаныя артыкулы з антысавецкай газеты «Бацькаўшчына», што выходзіла ў Мюнхене, але друкавала артыкулы пра жыццё беларускай дыяспары ва ўсім свеце. Асноўным карэспандэнтам гэтай газеты ў Аргенціне быў павасненны эмігрант К. Мерляк, які падпісваўся і як «Мацкевич». Падшыўкі газеты «Бацькаўшчына» знаходзяцца ў зборах Нацыянальнай бібліятэкі Рэспублікі Беларусь і бібліятэкі Акадэміі навук РБ.

№ 1

[Артыкул беларускай газеты «Біеларускаја крынiца»*]

Piśmo z Arhientyny

Kažuć ludzi — nia cenić čaławiek naležna swajej Krainy, pakul z jaje nia wyjedzie. Ščyraja praūda! U čužoj staranie chočacca widzieć rodny kraj, chočacca čuć rodnuju pieśniu, chočacca hawaryć rodnaj mowaj. Dyk ja biarusia za piaro i pišu da ūsich swaich rodnych Bielarusaū praz hazetu, kab choć hetakim sposabam zdawolić swaju dušu prahnučuju łučnaści z rodным Краjem, ludźmi i rodnaj kulturaj.

Padrobna apisywać usiaho, što lezie ū mazhi, nia budu, bo hetaha i na wałowaj skury nia śpisaū by. Arhientyna kraj bahaty. Ja elektrotechnik i ū swaim fachu pracuju. Našych bielarusaū fachoūcaū tut amal niama, Bielarusy emihrujuć za mora tolki z muskułami — zdolnyja da ciazkaj i h. zw. čornaj raboty. Ale i nia dziwa, bo ū bielaruskim Kraju nadta mała fachowych šcolaū i nawuka ū ich dla bielaruskaj moładzi nie dastupnaja — doraha treba płacić za nawuku ū škołach, a bielarusy biednyja. Bielarusy, adnak, trymajucca ū Arhientynie dobra — bielarusaū bezrobotnych amal niama. Ahułam kažučy — bielarusy pracawać lubiać, dyk ich na rabotu achwotna biaruć. Adna biada z našymi ludźmi, što niekatoryja lubiać «wypywać», ale bolšaść — heta ludzi aščadnyja i ćwiordyja.

«Bielaruskaja Kulturna-Praświetnaja Hramada»

Arhientynskija bielarusy ūžo majuć swaju arhanizacyju — «Bielaruskaju Kulturna-Praświetnuju Hramadu», centr katoraj znachodzicca ū Buenos-Aires Calle Charlone 383.

Centrala hetaj arhanizacyi maje šyrokija mety i ūžo pačynaje ich realizawać. Pry centrali zasnawana bibliateka, u jakoj krychu jość knižak bielaruskich z Kraju, ale hazet, pakulšto, mała jość.

Woś hetym piśmom ja prašu ūsie redakcyji bielaruskich hazet wysyłać swaje wydañni ū biblijateku «Bieł. Kult. Praśw. Hramady» ū Buenos-Aires, bo uprawa ab isnawañni niekatorych hazet nia wiedaje i nia maje ichnich adrasoū. Pry hetym prašu bielaruskija kniharni

* «Bielaruskaja krynica» — газета, друкаваны орган партыі «Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя». У 1935 г. выдавалася ў Вільні лацінскім і часткова кірылічным шрыфтам. На старонках газеты друкаваліся і лісты беларускіх эмігрантаў з розных краінаў свету, у прыватнасці, з Аргенціны.

wysyłać u našuju biełaruskuju ū Arhientynie biblijateku cenniki knih, kab uprawa maħła wypisywać kniŭki biezpasredna z Kraju.

Hetaja arhanizacija ūtrymljwajecca z siabroŭskich składak i z imprezaŭ. Siabroŭskija składki — pa 1 pezie ū miesiac; akuratna płaćiac składki bołš 60 proc. siabroŭ. T-wa raźwiwaecca dobra.

Braty biełarusy!

Pišyce swaim znajomym i swajakom u Arhientynie, kab zapiswalisia ū swaju arhanizaciju «Biełaruskaja Kulturna-Prašwietnaja Hramada» i pašlice im adras hetaj arhanizaciji.

Ciapier napišu paru sloŭ ab ahulnym ŭiacci ū Arhientynie. Tutka najlepš majucca pramysloŭcy, pašla handlary i čynoŭniki, a najhorš majucca rabotniki. Ale ūsie lepš ŭywuć, jak u našym Kraju.

Emihrant.

Biełaruskaja krynica, 24 listpada 1935 h.

[№№ 2–4 — артыкулы з «Новой Газеты»* ад 29.10.1939 г.]

№ 2

Первый концерт Бел. Федерации

Согласно опубликованного объявления в прошлом номере «Н. Г.» 21-го октября состоялся первый большой концерт-бал, организованный новоосновавшейся Федерацией Белорусских О-в и Организаций в Аргентине.

Несмотря на то, что погода была плохая, на концерт пришло свыше тысячи человек. Что касается самой постановки концерта, вернее технических способностей выступавших на сцене артистов, то я здесь не имею ввиду восхвалять или унижать их. Скажу лишь то, что всю программу концерта выполнили члены, как мужчины, так и женщины, всех трех Обществ,

* «Новая газета» — тыднёвая газета беларускіх імігрантаў у Буэнас-Айрэсе ў 1930-х гг. (да 1941 г.). На яе старонках перадрукоўваліся артыкулы з савецкіх газетаў, змяшчаліся заклікі да ўдзелу ў кампаніі дапамогі Рэспубліканскай Іспаніі, справаздачы аб дзейнасці беларускіх арганізацыяў. У пачатку 1940-х гг. на старонках «Новой газеты» з'явіліся артыкулы, якія крытыкавалі ўмяшальніцтва беларускіх імігрантаў у палітычную дзейнасць, што тлумачылася ўплывам таварыстваў «Культура» і «Бібліятэка імя І. Луцкевіча». Пасля выключэння з КПА кіраўніцтва газеты (рэдактара П. Ляшэвіча і выдаўцу Л. Гузіча) «Новая газета» спыніла сваю дзейнасць.

входящих в состав Федерации. Пусть зрители сами оценивают постановку, т. е. артистов, по их заслугам. Если же некоторые артисты и не вполне хорошо справились со своей задачей, то думаю, что зрители войдут в положение, ибо артисты не являются профессионалами, а товарищами.

Что самое важное, так это то, что посетители оценили действия всех трех Правлений Белорусских О-в, создавших Федерацию в Аргентине. Многие приветствовали членов Федеративного правления и одобряли объединенное действие белорусских культурных организаций.

По окончании концертной программы начался бал, который продолжался до 4-х час. утра. Одни танцевали, а другие проводили время в буфете в кругу своих знакомых. Федеративное Правление осталось весьма удовлетворено этим первым успешным концертом.

Всем присутствовавшим на концерте, своим участием оказавшим моральную и материальную помощь в развитии Белорусских О-в, Федеративное Правление выражает большую благодарность.

По поручению Ф. Правления

В. Гайлевич.*

Новая Газета, 29.10.1939 г.

№ 3

Крокодиловы слезы

Уважаемый Редактор «Н. Г.»!

Прошу, поместите нижеследующий ответ редактору «Русского в Аргентине»**, проливающим крокодиловы слезы.

Теперь редактор белогвардейской газеты «Р. в А.» уже не только позорно лжет и клеветает на издательство «Новой Газеты», но он также начинает проливать крокодиловы слезы, будто бы из сожаления к «малограмотным простакам» белоруссам и даже к бе-

* **Гайлевіч Уладзіслаў Іосіфавіч** (? — пасля 1985 г., Буэнас-Айрэс) — адзін з ініцыятараў утварэння і першы старшыня «Федэрацыі беларускіх арганізацыяў у Аргенціне» (1939). Сябра кіраўніцтва «Бібліятэкі імя І. Луцкевіча» (Буэнас-Айрэс). Адзін з тых, хто складаў унутраную апазіцыю ў беларускай прасавецкай дыяспары, бо крытычна ставіўся да супрацоўніцтва з КПА.

** «**Русский в Аргентине**» — газета рускіх белаэмігрантаў; выходзіла на рускай мове ў 30–40-я гг. XX ст. у Буэнас-Айрэсе.

лорусским культурно-просветительным организациям, «которые попались на удочку и продолжают культивировать пренебрежительное отношение к интеллигенции и к образованным». Когда 4–5 лет тому назад в Б. Айресе не было ни одной белорусской организации, белогвардейцы в «Р. в А.» как будто совершенно не знали о том, что в Аргентине находится десятки тысяч белорусов. Они тогда не обращали никакого внимания на «отсталых» и не считали надобным проливать крокодиловы слезы.

Теперь же, когда белоруссы и украинцы, путем самообразования, начинают повышать свой культурный уровень, без услуг белогвардейцев, редактор «Р. в А.» начал «беспокоиться темными и бедными», которых обманывают троцкисты. Мы знаем, что если бы белоруссы и украинцы, вместо культурной работы пьянствовали, играли в карты и вообще развратничали, белогвардейцы радовались бы в душе и никому ничего не говорили бы.

В царской России когда-то эти господа украинцев называли малороссами, а про белоруссов даже совсем не упоминали. Белоруссы были вычеркнуты из истории. Эти господа тогда старались русифицировать украинское и белорусское население, а теперь свою «культуру» хотят в массы проводить. Поздно вы господа обдумались учить белоруссов. Мы помним ваше прошлое и знаем, что вы собой представляете в настоящее время и к чему стремитесь в будущем. Мы теперь имеем свои культурные организации и свои демократические газеты и обойдемся без вас. Мы вашими предложениями совершенно не нуждаемся и не просим у вас никакой помощи. Несмотря на это вы к нам нахально навязываетесь. Ни один интеллигентный человек этого себе не может позволить. И если вы позволяете — у вас нет ни интеллигентности, ни стыда. И какое вы можете дать образование другим?

Вы господа в своей газете пишете, что в России теперь: «На все государственные и технические должности назначают исключительно людей со средним и высшим образованием, а интеллигенция пользуется особыми заботами и вниманием правительства». Вы, господин редактор «Р. в А.», чуть не сказали, что и всех белогвардейцев там назначают. Почему же в таком случае вы не едете в Россию? Разве вам лучше за границей скитаться? Ведь вы себя считаете «высоко образованными»? Потому что вы боитесь за свою шкуру. Там скоро обнаружили бы все ваши преступления.

«Предостерегая» от «троцкизма» русскую, белорусскую и украинскую трудовую эмиграцию, этот белогвардейский писак в своей газете, в ном. 479, в статье «Троцкизм по-американски», в то же самое время агитирует за Троцкого. Как хитро он это не делает, но все таки видно, что агитирует. Он пишет: «Сам Троцкий считает себя правоверным коммунистом, последователем Маркса и Ленина» Становится ясно, что если бы белогвардейцы в «Р. в А.» действительно боролись против Троцкого, то они писали бы, что троцкизм — это авангард мировой контрреволюции, ничего общего с марксизмом не имеющий. Никакими уловками вы нас не проведете. Вы шьете черными нитками по белому и поэтому сразу все хорошо видно.

Если вы считаете, что члены белорусских и украинских обществ слишком отсталые, то почему же вы не постарались создать хотя одно общество из этих отсталых людей? Там вы могли бы свободно поставить своих «образованных» лекторов, учителей, не допустить «троцкистов» и таким образом не на словах, а на деле оказали бы услугу белорусам. Вы не делаете этого, потому что ваша цель не просвещать белоруссов, а затемнять.

«Новую Газету» русские и белорусские эмигранты поддерживают и будут поддерживать, ибо знают, что в Издательстве таковой стоят люди честные, а не такие шарлатаны какими являетесь вы, господа. Пролетели ваши «славные денечки». Уже двадцать лет как пролетели. Никогда они уже не возвратятся. Оставьте вы лучше нас в покое господа.

Долой со своим «Р. в А.»!

Да здравствует наша демократическая «Новая Газета»!

Бс. Айрес. **В. Шишка.**

Новая Газета, 29.10.1939 г.

№ 4

Ниже публикуем имена и фамилии погибших в борьбе с фашизмом в Испании белорусских и украинских добровольцев:

Белорусы:

Серожик Николай
Шикайло Иван
Сюсюра Феодосий
Томасевич Евстафий
Пилипук Василий

Кокотко Илья
Кошуба Константин
Чикалевский Антон
Сосновский Петр
Горог Григорий

Корнейчук Михаил
Ковыльчук Александр
Кулик Максим
Качан Савка
Микуцкий Иван

Кузьмич Тимофей
Нетудыхата Димитрий
Хасон Куприян
Унглик Альбэрто
Василко Платон
Ничипорук Кирил.

<...>

Новая Газета, 29.10.1939 г.

[№№ 5–10 — артыкулы з «Белорусского иллюстрированного календаря на 1941 г. Федераций белоруских товариществ и организаций у Аргентине»*]

№ 5

Прадмова

Пытанне аб выданні беларускага календара на 1941 год паднята на 1-ім беларускім кангрэсе у Буэнас Айрес, які адбыўся 26-га мая 1940 г. Выданне календара было прыпару-чана Управе Федэрацыі Беларускіх Таварыстваў Арганізацыяў у Аргенціне, якая такім чынам вызначыла рэдакцыйную калегію, у склад якой увайшлі прадстаўнікі усіх беларускіх таварыстваў.

Не камэрчаскіе, а чыста культурныя мэты мела на увазе рэдакцыя, прыступаючы да выдання календара. Як ужо усім вядома, што мы тут нямаем сваёй літэратуры мясцовага выдання, якая бы шырока адбівала палажэнне і імкненне беларускай эміграцыі, разкіданай на усіх кутках Аргентыны, а так-жа і другіх краін Паўдневай Амэрыкі. З гэтай прычыны мы лічым выпуск 2-га календара запоўніць сабой хоць часткова пустату у гэтай галіне.

Магчыма, што знойдуцца людзі, якія выкрыюць недадаткі у матэрыяле даннага календара і будуць крытыкаваць нашу ра-боту. Магчыма, што яны будуць мець рацыю у гэтым выпадку, аднак зрабіць гэта можыць толькі той, хто нізнакомы з усімі

* «Белорусский иллюстрированный календарь» — друкаванае выданне беларусаў у Аргенціне. Выходзіў раз на год на рускай і беларускай мовах з 1939 г. (у 1947 г. назва — «Иллюстрированный календарь»). Выдаваўся ў Буэнас-Айрэсе ў друкарні беларуса Іосіфа Альсевіча. На старонках выдання размяшчаліся справаздачы аб дзейнасці беларускіх арганізацыяў, рэлігійны каляндар на наступны год (для каталікоў і праваслаўных асобных), артыкулы аб СССР, заклікі дапамагаць СССР, вершы, парады, карысная інфармацыя.

труднасьцімі, якія прыходзіцца пірамагаць ў сувязі з выданнем даннага календара. Хто разумеіць усе гэтыя труднасьці, з якіх галоўнай з'яўляецца адсутнасць інтэлектуальных сілаў, гэта знача людзей ня толька з вышэйшай, алі і з сярэдняй навукай, той ня крытыкаваць, а вітаць нас будзе.

Каб асьвяціць шірэй і больш рэальна палажэньне нашай эміграцыі ў Пауд. Амэрыцы, мы зварочваліся за пасярэдніцтвам «Новай Газэты» да усіх зямлякоў, з прозбай супрацоўнічаць разам з намі з выданні гэтага календара.

Так сама як у 1-ім беларускім календары мы парашілі публікаваць большую частку матар'ялаў в расейскай мове. Выясняіцца гэта тым, што эмігранты Зах. Беларусі пабеларуску ня могуць чітаць з прычыны адсутнасці беларускіх школ. Календар названы беларускім з за таго, што ен прадзначаны для беларускай эміграцыі.

Гэту прадмову рэд-калегія парашіла напісаць у трох мовах гішпанскай, беларускай і расейскай.

Гэты каляндар змяшчаіць у сабе 10 наступных аддзелаў:

1. Прадмова у трох мовах.
2. Каляндар з выказам днеў месяца сьвятаў і. г. д.
3. Культурны дзеячі Аргентыны.
4. Гістарычны нарыс Беларусі.
5. Жіцьце беларускай эміграцыі у Аргентыне.
6. Беларуская Фэдэрацыя.
7. Літэратурны аддзел.
8. Навуковы аддзел.
9. Гумар і сатыра.
10. Практычныя парады.

У састаў календара уваходзяць такжа фатаграфічныя зняткі, статыстыка, народныя пасловіцы і пагаворкі і г. д.

Выдавецтва.

Белорусский иллюстрированный календарь на 1941 год. — Буэнос-Айрес, 1940. — С. 4–5.

№ 6

Жизнь Белоруссов в Аргентине

Тяжелые условия материальной жизни и национальное угнетение белоруссов в бывшей Польше — вот те причины, которые заставили белорусскую молодежь оставить родной край и искать счастья за границами.

Чтобы выехать за границу, необходимы были деньги и поэтому уезжающие должны были продать не только последних коров, лошадей и т. д., но даже свои десятины земли. Собрав деньги на дорогу, со слезами на глазах, они прощались с родными и уезжали в незнакомые места.

Много белорусской молодежи выехало в европейские государства, но большинство направилось в Южную Америку, особенно в Аргентину, которую агенты разукрашивали как «обетованную» землю. Вот здесь и коснемся, вкратце, жизни белоруссов в Аргентине.

С первых дней по прибытии в новую незнакомую страну, эмигранты сразу наталкивались на печальное положение. Не зная местного языка, ни ремесла, они вынуждены были работать за низкую плату, а иногда долгое время скитаться совсем без работы. Но благодаря трудолюбию и не смотря на тропический климат, к которому европейцу трудно привыкнуть, белоруссы устраивались на кое-каких работах, кто где мог. Многие работают на железных дорогах, полевых работах — при уборке хлопка, кукурузы и т. д., но многим и такой работы нет и, помимо их воли, они должны заниматься попрошайничеством, а для переезда с одного места на другое пользоваться товарными поездами. Устроившись на крыше вагона или же внутри его, они совершают путешествия, заканчивающиеся очень часто трагической смертью таких пассажиров.

К разным невзгодам нашего эмигранта на чужбине, присоединялась и тоска по родине. Раньше получаемые письма из родины рассказывали о большой тоске и горе. Бедное экономическое положение родных в бывшей Польше заставляло их постоянно просить помощи у своих родителей, сыновей и т. д., проживающих в Аргентине, которые сами переживали материальную нужду и не могли ничего послать нуждающимся.

И вот, прожившая несколько лет в такой тяжелой обстановке, белорусская молодежь, не смотря на свои молодые годы, выглядят уже стариками и многие даже потеряли здоровье.

Всех белоруссов в Аргентине около 50 тысяч. Это трудовая эмиграция, которая придерживается демократических настроений. Белоруссы в Аргентине не только переживали и переживают экономический кризис, но и упали духом, ибо не имели никакой надежды на лучшие для них дни. О возвращении на родину не приходилось и думать: денег на дорогу редко кто имел,

а потом не хотели опять попасть под угнетения б. польских панов. И так, день за днем, с понурой головой они ожидали чего-то лучшего, но вместо лучшего — экономические условия для белоруссов в Аргентине все время ухудшаются, особенно в настоящее время, когда в Европе идет братоубийственная война, когда аргентинские торговые сношения с Европой, из-за той же войны, пали до минимума и растет недостаток многих материалов, импортировавшихся раньше из воюющих стран. Фабрики и мастерские в Аргентине прекращают работу, хозяева-капиталисты увольняют рабочих из своих предприятий. Кроме того, белоруссы в Аргентине не имеют своего дипломатического представителя, который интересовался бы о жизни своих соотечественников и, брошенные на произвол судьбы, они должны заботиться о себе сами.

Поэтому известная часть отважнейших сынов Белоруссии начала организовывать Белорусские Культурно-Просветительные общества в Аргентине, чтобы поднять культурный уровень среди белоруссов. В настоящее время насчитывается пять таких культ. обществ, которые объединились в одну организацию под названием: Белорусская Федерация. Все это немного ободрило белоруссов на чужбине, но особенной радостью души белоруссов наполнили настоящие события, т. е. освобождение Западной Белоруссии — нашей родины от бывших польских панов и объединение ее с Восточной Белоруссией в одну национальную и свободную страну.

Благодаря объединению, исчезло угнетение белорусских крестьян и рабочих и настала для них более счастливая жизнь. Открыты белорусские школы; всякому доступно учиться в них; малоземельные наделены землею, безработным дана работа и т. д.

Белорусские эмигранты, проживающие на чужбине, с нетерпением ожидают момента, когда можно будет возвратиться на родину.

Е. Синица

Белорусский иллюстрированный календарь на 1941 год. — Буэнос-Айрес, 1940. — С. 44–45.

№ 7

Белорусская Федерация

В настоящий момент в состав Белорусской Федерации входят пять белорусских обществ.

По сравнению с количеством нашей эмиграции в Аргентине, число наших членов немного превышает два процента, но если обратить внимание, где проживает наша эмиграция и какого она происхождения, то окажется, что наши эмигранты, в смысле организации, не есть на последнем месте по сравнению с другими национальностями.

1927-28 г. г. ознаменовались наплывом нашей эмиграции в Южную Америку; как с пожара, оставляя свои бедные хижины, неслись наши эмигранты в свет, в поисках лучшей жизни, и большинство очутилось в Аргентине. Организация, культура, литература для подавляющего большинства нашей эмиграции были чужды. Да, и на самом деле, откуда можно было надеяться с первых дней своего приезда в эмиграцию, что наш эмигрант будет мечтать о всем ему необходимом в жизни. Первоначально каждый боялся за свое существование, не такой уж показалась Америка на деле, какой ее заэлектризовали агенты, получая сто семь долларов за проезд. Несколько лет понадобилось для того, чтобы кое-как устроиться, привыкнуть к городской жизни, научиться кое-какому ремеслу, да и это удалось немногим. Так как все, почти без исключения, выходцы из деревень, то мало кто знал кое-какое ремесло и должны были разъезжаться по всей республике и заниматься простыми работами на железных дорогах, в крестьянских хозяйствах и т. п.

Часть Белорусской эмиграции, в особенности в городе Буэнос-Айресе, приспособившись к городской жизни, положило начало общественной жизни. В конце 1934 года организовалось первое Б. К. — П. Общество. По своему названию, как культурное общество, оно полностью не оправдывало своего имени. На это потребовалось много времени, чтобы выбранное правление в данном обществе приспособилось и ликвидировало несуразности среди членов и дало полностью культурное течение.

В начале 1937 года открылось Б. Общество «Культура» и Б. Библиотека им. Луцкевича. С первых дней жизни, между Белорусскими Обществами, несмотря на одинаковые культурные их стремления, возникли противоречия из-за постановки спек-

таклей, ибо каждое общество стремилось завоевать симпатию публики для себя и этим мешало одно другому.

В каждом обществе усилился экономический кризис. Среди членов стали проявляться идеи, как бы уничтожить противоречия и улучшить положение, угрожающее существованию обществ. На страницах «Н. Г.» начали появляться мнения об объединении всех обществ.

В начале 1939 года вопрос ставился к обсуждению на годовых собраниях во всех трех обществах и в каждом был принят подавляющим большинством. Правления всех обществ получили полномочия от своих членов создать Федерацию. С этого времени началась подготовка выполнения данного решения. 21 мая 1939 года, в помещении Б. К. — П. общества на улице Росети 119, было выбрано первое Белорусское Федеративное Правление.

С этого времени начался перелом, в сторону улучшения, во всех обществах. Первый концерт, устроенный Федерацией, был встречен одобрительно со стороны членов и симпатизантов. Лица, раньше препятствовавшие объединению, в этот вечер отказались от своих прошлых мнений, потеряли аргументы своих доказательств против Федерации и этим покончили со всеми бывшими противоречиями. Устраиваемые ежемесячно Федерацией спектакли, концерты, а также кино вечера, проходят с огромным успехом. Не только Белоруссы обратили внимание на свою лучшую работу, но также и другие национальности, и все это потому, что объединились и дошли до полного согласия между собой.

В первых месяцах своего существования, Федеративное Правление сделало предложение, о вступлении в Федерацию, Белорусскому обществу «Беловежь» (организовано 23 октября 1938 года) в Авежанеде, на что общество «Беловежь» отозвалось согласием и 5 ноября 1939 года на своем собрании постановило присоединиться к Белорусской Федерации.

Федеративное Правление, в согласии со всеми правлениями и активистами, нашло нужным реорганизовать некоторые культурные кружки: реорганизовать хор, драмкружок и создали культурную комиссию; провели трехмесячную кампанию по вербовке членов, что дало толчок для расширения наших обществ. В настоящее время приступили к открытию организации молодежи, несмотря на то, что у нас насчитывается малый

процент молодежи. Дали возможность и право каждому члену пользоваться книгами в любом из всех обществ. Федеративное Правление опубликовало в «Н. Г.» (ном. 106) постановление к белорусским эмигрантам, проживающим в провинции, на каких основаниях они могут быть членами и Б. Федерации и пользоваться книгами. На это постановление уже многие отозвались письменно, выразив желание стать членами Федерации.

На Авежанеде, в окрестностях Док-Суда, при помощи Федерации, открыто новое белорусское общество. На 1940 год был издан первый белорусский календарь, чтобы белорусские эмигранты могли высказать свои мнения на страницах его, а также проверить ход событий в Белорусских Обществах. Белорусский календарь, издаваемый на 1941 год, преследует те же самые цели.

Второй год существует Белорусская Федерация. 26 мая 1940 года состоялась первая Федеративная конференция (на улице Росети 119, в гор. Буэнос-Айресе), на которой присутствовало 54 делегата от пяти обществ, с мандатами, а также присутствовали желающие члены, без мандатов. Конференция обсуждала вопрос о прошлой и будущей работе, а затем приступила к перевыборам Федеративного Правления.

В заключении нужно сказать, что с началом Федерации начинается более планомерная работа среди Белорусских Обществ. Слово «Федерация» среди белорусских эмигрантов с каждым днем звучит громче и яснее.

И пусть Белорусские Эмигранты крепят свои общества, создают культуру и движут прогресс для будущих поколений!

Председ. Ф. П. **Н. Меречко.**

*Белорусский иллюстрированный календарь на 1941 год. —
Буэнос-Айрес, 1940. — С. 46–48.*

№ 8

Новая весна в Западной Белоруссии

Местами снега уж не стало,
Знать приближается весна,
Но не такая, как бывало,
Теперь веселая она.

Бывало, только снег растает,
Полесье к небу стоны шлет,

Народ в нужде изнемогает,
И к пану в наймиты идет.

А у кого здоровья много
И ростом тоже ничего,
Тогда за сторожа лесного,
Наш пан берет раба сего.

Теперь у нас совсем другое,
Народ по-новому живет.
Полесье наше дорогое
Оставил страшный панский гнет.

Уж больше нет панов над нами
И будет так уже вовек.
Пахать и сеять будем сами, —
Сказал полесский человек.

И вот теперь, когда снег тает
И зеленеет в поле рожь,
Полесье дружно восклицает:
Скорее нам весну даешь!

Панам не служим уже боле,
Мы новой граждане страны,
Мы с песней будем ехать в поле,
Мы с нетерпеньем ждем весны.

«Теперь не панскими волами, —
Все повторяет молодежь, —
Пахать мы будем тракторами,
Нам поскорей колхоз даешь!»

Еще местами снег белеет,
А сердце радостно поет.
Народ полесский веселеет,
Весну радостную он ждет.

А. Полесская.

*Белорусский иллюстрированный календарь на 1941 год. —
Буэнос-Айрес, 1940. — С. 64.*

№ 9

Женщина в Советской Белоруссии

Что такое «ностальгия»? В любом словаре можно найти объяснение: это — тоска по родине. Если у любого человека спросить, о чем именно он тоскует, то почти никто не сможет объяснить. По лесам и полям? Но леса имеются и в России, и в Швейцарии, и в Канаде. По полям рекам? Но поля есть и в Норвегии, и в Бельгии, и в Аргентине. По нашим деревням? Но такую радость, как неудобные избы, плохие дороги и т. д. можно найти повсюду! Значит, тоска по родине необъяснима. И только те народы, чья родина вошла в состав СССР могут объяснить, к чему они стремятся и о чем тоскуют. Как женщина, рожденная в Белоруссии, я могу судить о ее прогрессе. Там, на нашей родине, у женщин не осталось и сотой части тех забот, которые тяготят ее на чужбине. Самый главный вопрос — работа — там разрешен! Не может возникнуть безработицы там, где правительство заботится о постройке дорог шоссейных и железных, о разработке всех естественных богатств страны, о рациональной вырубке лесов, о постройке фабрик и заводов, которые бы да ли все нужное для населения в 200.000.000. И как логичное следствие такой работы, нужны бесчисленные специалисты по всем отраслям. Женщины, уравниваемые в правах с мужчинами, там изучают все: есть женщины-летчицы, агрономы, механики, трактористы, садоводы, лесоводы, океанографы, директора заводов, электротехники и т. д. Для всего этого есть школы, институты, курсы и университеты. Женщины, занятые учебой и работой по своей специальности, перестает быть нянькой и кухаркой, не переставая быть матерью!

Но вместо того, чтобы воспитывать детей как попало, в семье, для детей имеются детские сады, площадки, пионерские организации, где они получают коллективное воспитание и образование, где их постепенно и разумно готовят — физически и духовно, — к роли полезных граждан.

Многие не понимающие или не желающие понимать того, что происходит в СССР, думают, что такой образ жизни разрушает семью. Семью невозможно разрушить. Если люди любят друг друга, то никто не может помешать им жить вместе! А если не любят, то семья — не семья, а рабство. Вспомним, что представляла семья при царском режиме? Мужа забирали в солдаты, и все знали, что «солдатка» — это, в большинстве случаев, почти публичная женщина. А снохачество? А венерические болез-

ни, которыми солдаты награждали своих жен по возвращении? А огромная детская смертность из-за отсутствия медицинской помощи? А хлеб из мякины в неурожайные годы?

Все это сгинуло вместе со старым режимом. Наша родина идет вперед гигантскими шагами. Женщина там имеет ученье, отдых, труд, социальное обеспечение, спокойствие за судьбу своих детей и все, что может дать человеку высшая культура и цивилизация. Наравне с мужчиной она перестала быть рабой на работе и в семье, наравне с мужчиной она строит лучшее будущее!

Мы знаем, что такое тоска по родине, и мы умеем объяснить причины нашей тоски.

Е. Цетлин.

*Белорусский иллюстрированный календарь на 1941 год. —
Буэнос-Айрес, 1940. — С. 115–116.*

№ 10

Смерть эмигранта

Под знойными лучами тропического солнца,
Средних лет эмигрант умирал.
И в последних минутах своей жизни,
Он Беларусь свою вспоминал.
Вспоминал, где провел детство,
Природу, семью и друзей.
Жгучим сознанием, бессильем томимый,
Он проклинал свет фальшивый:
Того, кто родины, свободы лишил,
И безжалостно кровь его пил,
Заставлял работать сверх сил,
И лишь чахоткой бедняка наградил.
В предсмертном полусознании лежал
И жизнь его совсем догорала.
«Нова Газета» весть принесла,
Что Беларусь свободной стала.
Улыбка по бледному лицу пробежала
И тихо устами шепнул:
«Храните свободу, Беларусь дорогую!»
И навсегда он уснул...

С. Филлютович.

*Белорусский иллюстрированный календарь на 1941 год. —
Буэнос-Айрес, 1940. — С. 102.*

[№№ 11–13 — артыкулы з «Белорусского иллюстрированного календаря на 1943 г.»]

№ 11

Белорусский Демократический Комитет Помощи нашей Родине

Белорусская колония в Аргентине состоит исключительно из крестьян, выходцев из Западной Белоруссии, которые оставили свою родину в поисках лучших условий жизни. Многие уже обзавелись семьями, приобрели маленькую собственность — в первую очередь жилые дома. Из этого можно заключить, что многие думали остаться здесь навсегда.

Но когда последовало известие, что Советский Союз включил в состав БССР Западную Беларусь, что случилось 17-го сентября 1939 года, то радости во всей Белорусской колонии не было конца. Это объединение всей Белоруссии в одну великую и неделимую семью праздновали с великой радостью все белоруссы. Многие начали думать о возвращении на родину по окончании войны. Но следующие событие дня 22-го июня 1941-го года, когда последовала страшная весть о нападении фашистских орд на нашу великую и свободную родину, разбило все мечты белоруссов и изменило их планы.

Этот предательский удар дегенерата Гитлера встряхнул все население страны, а в частности Белорусскую колонию. Но белоруссы не отдались панике, а наоборот, с первого дня нападения более передовые и сознательные люди принялись за работу по сбору денег и пожертвований на помощь родине и за организацию групп для коллективного и планомерного хода работы. Быстро создавались группы, которые распределяли работу между соотечественниками. Впоследствии, из представителей групп, создалось временное правление Белорусского Демократического Комитета, которое присоединилось к Аргентинскому Демократическому Комитету, откуда получало все материалы для сбора денег и пожертвований и куда сдавало весь результат своей работы. Администрация Комитета находилась на частной квартире председателя временного правления Викентия Круковского.

Но в виду расширения работы встал вопрос о необходимости собственного помещения, а чтобы провести это в жизнь, стала необходимой легализация Комитета. Первое собрание по пово-

ду этого вопроса состоялась 16 ноября 1941 года, на котором присутствовало 47 членов, где и было решено снять помещение и создать постоянное правление комитета, в состав которого вошли следующие члены: Председатель Викентий Круковский, секретарь Иван Шоц*; заместитель секретаря Иван Дашкевич; казначей Венцеслав Савицкий**; гласные: Иосиф Неделько, Иван Азарко и Станислав Припутневич.

Инициативной группе было поручено выработать соответствующие документы, средактировать устав и выхлопотать разрешение от властей на открытие Комитета. Новоорганизованный Комитет приступил к планомерной работе, рассылая обращения к соотечественникам, приглашая их сотрудничать и призывая вступать в члены. Комитет также издавал инструкции группам и отдельным лицам и распределял работу. Первого апреля 1942 года были представлены документы в министерство внутренних дел и 7-го этого же месяца получили ответ с разрешением на право открытия помещения.

После этого правление комитета открыло свое помещение на улице Гвардия Веха 4565, тел. 79 (Гомес) 0212. Работа начала выполняться более успешно. На призыв правления к белорусским женщинам эти ответили своей готовностью к работе. Многие жены, сестры, дочери и матери активистов белоруссов взялись за практическую работу по вязке полуверов, платков, шерстяных носков, изготовлению бинтов для раненых солдат, защитников родины и свободы. Эту работу выполняли белорусские женщины в разных отделениях и Хунта де ля Виктория, имея у себя на дому материалы этой организации; кроме того они собирали деньги на подписные листы, распродавали боны и т. д.

* **Шоц Іван Мікалаевіч** (? , в. Святыяны Смаргонскага р-на Гродзенскай вобл. — студзень 1972 г., Смаргонь) — адзін з кіраўнікоў Руху дапамогі Бацькаўшчыне ў Аргенціне, стваральнікаў Беларускага цэнтральнага дэмакратычнага камітэту дапамогі сіратам Вялікай Айчыннай вайны. З 1946 па 1949 г. — рэдактар газеты «Наш Голос» (Буэнас-Айрэс). Арыштаваны ў 1949 г. аргенцінскімі ўладамі. Рээміграваў на Радзіму ў 1955 г.

** **Савіцкі Вячаслаў (Венцаслаў) Іосіфавіч**, (7.12.1898, в. Савіцкія Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл. — 10.01.1984, Мінск) — адзін з лідэраў праўсавецкай беларускай дыяспары. У Аргенціне з 1926 г. У 1941–1948 гг. — старшыня Беларускага дэмакратычнага камітэту дапамогі. Неаднаразова арыштоўваўся паліцыяй. Рээміграваў на Радзіму ў 1955 г.

Вспоминая траурную годовщину нападения на нашу Родину, 21-го июня был устроен братский вечер в честь героически сражающихся наших братьев против варварских захватчиков и убийц, а также. Этот вечер посетили многие белоруссы. После речи председателя и отчета секретаря, который сказал, что за год войны Белорусским Комитетом собрано и послано на Родину 19.448 пезо и 70 ц.*, выступали с речами многие из присутствующих, выражая свое желание работать на помощь родине.

23 августа сего года был организован первый концерт-бал, на котором присутствовало около 2.000 человек и который оставил чистого заработка 1.358 пезо 95 ц. Такое посещение вечера доказало сознательность белоруссов и готовность помочь Родине для окончательной победы над врагом.

В настоящее время Комитет усиленно работает; правление собирается каждую неделю, обсуждает проделанную работу и вырабатывает план на будущее. На каждом заседании распределяется работа между членами правления и отчет дается на следующее заседание.

Группы работают самостоятельно под контролем правления и получают директивы от правления. Также многие белоруссы из провинции работают под руководством Комитета. Всех членов Комитета насчитывается больше 1.000. Многие белоруссы в разных городах страны работают автономными группами, не зависящими от Комитета, или состоят в разных Аргентинских Демократических Организациях помощи, но все они входят в Аргентинский Демократический Комитет.

В виду этого, Правление Комитета не может дать точного отчета, что проделала вся Белорусская колония в Аргентине для помощи Родине, ибо не располагает всеми данными.

Как видно из предлагаемого фотоснимка, не все члены правления продолжают свою работу на занятых местах. Некоторые должны были оставить по разным причинам, не зависящим от них, но те, которые остались, с помощью многих сотрудников честно продолжают работу. Все подробности о выполненных работах и отчеты, правление публикует в русской еженедельной газете «Эхо» на белорусской странице.

После того, как было нанято собственное помещение для администрации Комитета, работа много продвинулась вперед, что

---

* ц. — центаў.

подтверждает сальдо по сбору денег, сравнительно с периодом первого года. Теперь от 22 июня сего года по 1-ое октября было собрано и вручено А. Д. К. 9.647,35 п. Это свидетельствует о том, что правление уделило больше внимание пропаганде, публикуя призывы и разные статьи в газете «Эхо», а также устно и письмами. Это краткий отчет правления комитета для всей Белорусской колонии.

В заключение Правление Белорусского Демократического Комитета обращается ко всем белоруссам с просьбой не покладать рук и продолжать начатое дело до окончательной победы над врагом. А тех, которые еще до сего времени по разным причинам не принимают никакого участия в помощи Родине и не состоят ни в каких демократических организациях, — советуем задуматься над этим и взяться за дело, ибо долг всех белорусов един. Итак, товарищи белоруссы, за дело все, как один

Правление Комитета.

*Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 г. —
Буэнос-Айрес, 1942. — С. 118–122.*

№ 12

Белорусский Комитет Помощи СССР на Док Суде

После нападения Германии на нашу Родину 22-го июня 1941 года на Док Суде при Белорусском Культурном Обществе «Белосток» был организован Комитет Помощи СССР.

С первых дней широко была развернута работа, были розданы для распространения подписные листы, боны, карнеты, были организованы концерты, постановки пьес, кружечные сборы, пикники и т. п.

Все активные члены общества взялись за работу энергично, женщины жертвовали свой труд, вяжа перчатки, чулки, светеры и т. п. Жертвовали сами и собирали на подписные листы, продавали боны, распространяли карнеты, участвовали в постановках, концертах, пикниках.

За год от 22 июня 1941 года по 22 июня 1942 года было собрано и сдано в Аргентинский Ком. Помощи Советскому Союзу 7.491,80 пезо. В июле месяце 1942 года, после того, как в порт Буэнос-Айреса прибыл советский пароход «Маяковский», в Аргентине была организована компания сбора на четвертую погрузку с заданием которой было поставлено собрать 1000.000 пезо. Эта компания длилась всего три недели и зада-

ние было перевыполнено. Белорусский Комитет на Док Суде собрал на четвертую погрузку около 4.000 пезо. Всего от 22 июня 1941 г. по октябрь 1942 года было собрано 12.451,35 пезо. Это работа каких-нибудь 40 — 50 активных членов Белорусского О-ва на Док Суде.

Но этого мало. Мы должны собрать больше. Родина наша в опасности, враг занял всю Белоруссию, Украину, Прибалтику, подошел к Кавказским горам, к Ленинграду, Сталинграду и другим городам. Наши братья там, далеко за океаном, жертвуют все: отдают свои жизни за свободу Родины, за свою и нашу свободу. Мы должны понять, какие страдания переносят наши родные, которые находятся там в смертельной схватке с врагом, где борьба идет за жизнь всего демократического мира. Мы знаем, что наша родина победит, но еще нудно много пролить крови молодых советских людей, чтобы окончательно разбить орды фашистов. Советский народ должен перенести много страданий, чтобы избавить мир от бандитов средневековья. Наш долг перед Родиной, это помогать всем, что в наших силах, и тем только мы можем уменьшить страдания наших братьев.

Комитет.

*Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 г. —
Буэнос-Айрес, 1942. — С. 123–124.*

№ 13

Комитет Помощи Родине им. Григория Жукова

Оливос, пров. Буэнос-Айрес.

Наш комитет организован 17 июля 1941 года под названием «Координатора» и признан Демократическим Центральным Комитетом Помощи в Буэнос-Айресе.

Сразу по его организации многие из товарищей взялись активно за работу: искать и записывать новых членов и собирать фонд в помощь родине.

За год, а именно от 17 июля 1941 года до 30 августа 1942 года, в комитет записалось 127 членов. Собрано денег на покупку медикаментов и необходимых вещей на сумму 4.025,65 пезо; из украинской группы поступило 320,80 пезо; итого — 4.346,45 пезо. Деньги сданы в Демократический Центральный Комитет в Буэнос-Айрес.

Необходимо заметить, что работа в добыче фонда продвигалась довольно медленно. Причиной этому равнодушие мно-

гих членов, которые в свое время не взялись активно за работу. Встречались даже такие, которые получив орг. книжечки, сидели сложа руки и ожидали спокойно победы, чтобы скорее вернуться на родину, тратя даром столь драгоценные минуты. Второй причиной было существование небольших и разрозненных групп. Руководство комитета, опиравшееся на пару более активных товарищей не могло контролировать, вернее централизовать всей работы. А поэтому по инициативе передовых активистов группы решено было сделать общее собрание, которое и назначили на 30 августа 1942 года. На этом собрании присутствовали за малым исключением почти все члены и активисты групп, на нем была проведена широкая дискуссия с анализом проделанной работы, ошибок и упущений, сделанных членами или группами, после чего пришли к общему заключению: реорганизация комитета, объединение групп под одно руководство и выборы нового правления. С общего согласия комитету дали название «Комитет Помощи Родине им. **Григория Жукова**». После этого окончились все недоразумения и работа стала проводиться успешнее и более планомерно. За первый месяц завербованы 24 новых члена и также стали работать более практически по созданию фонда, который стал увеличиваться. Комитет Помощи Родине им. Гр. Жукова в Оливос обращается к своим соотечественникам, проживающим в этом районе с призывом стать членами нашего комитета помощи и совместно и по-братски, активно взяться за сборы для нашей родины. Этим вы выполните свой патриотический и человеческий долг перед Родиной. Пусть не останется ни одного украинца, белоруса или русского за рамками нашего комитета в Оливос. Все в ряды членов. Все на помощь! Чтобы денежный фонд предназначенный на 5-ую погрузку увеличился в десять раз по сравнению с четвертой.

**Правление Комитета Помощи нашей Родине
им. Григория Жукова**

Оливос, 7.X.1942.

*Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 г. —
Буэнос-Айрес, 1942. — С. 125–127.*

[№№ 14–15 — артыкулы з брашуры «Primer Congreso Esclavo Latino-Americano» (Montevideo)]

№ 14

Del delegado bieloruso T. Kulachok en nombre de la delegación bielorusa

Hermanos Eslavos:

Los delegados bielorusos de la América Latina, saludamos al Primer Congreso Esclavo, deseamos mayores éxitos. Con nuestra presencia participamos esta labor digna y proclamamos más nuestro repúdio a las hordas fascistas, cuales en nombre de su «nuevo orden», de los florecientes y pacíficos países hicieron ruinas, sometiendo a la gente humilde a la más bárbara esclavitud. La heroica resistencia del Ejército Rojo y sus continuas victorias sobre el enemigo; los martillazos aplicados por los valientes guerrilleros bielorusos y el juramento de ellos: «Vengaremos, expulsaremos o moriremos» obliga a nosotros no solamente a levantar nuestra voz en su favor como hermanos, sino participar a la elaboración de un plan concreto del trabajo para todos los eslavos en el futuro, y colaborar con toda energía para hacer cumplir la misión histórica del Congreso, el cual pondrá piedra fundamental a la Unión Esclava que será dique de defensa contra nuestro enemigo común en los países Latino-Americanos.

¡Viva el Primer Congreso Esclavo!

¡Viva la Unidad Esclava!

DE LA FEDERACION DE LAS SOCIEDADES Y ORGANIZACIONES BIELORUSAS EN LA ARGENTINA

La Federación de las Sociedades y Organizaciones Bielorusas en la República Argentina, saluda a este gran acto histórico para los Eslavos de América Latina, en el cual ha de sellarse la unidad tan necesaria en estas horas difíciles para la humanidad civilizada.

¡Viva la Unidad de los Eslavos!

¡Viva la Unión de los Pueblos Libres!

¡Viva el glorioso Ejército Rojo!

M. BIERNIAKOWICZ — Presidente

A. ULCZIK — Secretario¹.

*Primer Congreso Esclavo Latino-Americano — Montevideo,
1943. — P. 44.*

№ 15**Declaración de la Delegación Bielorusa**

Los Bielorusos residentes en la América Latina, saludamos con júbilo y emoción este gran acto histórico para los pueblos eslavos residentes en las tierras hospitalarias de este continente, en el cual ha de sellarse la unidad inquebrantable tan necesaria en estos momentos difíciles, no sólo para el pueblo eslavo, sino para toda la humanidad progresista y la civilización misma, amenazada por el bárbaro invasor que quiere terminar con todas las conquistas de la civilización, exterminando poblaciones enteras sin reparar en mujeres, ancianos y niños.

En nuestra patria floreciente, la tierra de Yanka Kupala, nuestra querida Bielorusia, invadida por el sanguinario invasor, se suceden, en forma innumerable, los crímenes.

Para terminar con todo el vestigio de nuestra cultura, nuestros sabios son asesinados, barbaramente destruidas nuestras universidades, museos, monumentos y todo lo que nos es muy querido.

Nuestra hermosa capital la ciudad de Minsk fué convertida en ruinas y masacrada la población indefensa. Pero a pesar de su vandalismo el bárbaro invasor no ha logrado doblegar a nuestro heroico pueblo, que jamás ha despedido las armas, tiene la fé inquebrantable en el triunfo de la civilización. En condiciones difíciles que hasta parecen imposibles, forman guerrillas y baten al enemigo en su retaguardia.

Los vengadores del pueblo, de los cuales muchos se han convertido en héroes nacionales aniquilan a los verdugos nazis sin piedad, descarrillan los trenes con tropas y abastecimientos, vuelan los puentes y depósitos de municiones y todo lo que le puede ser útil al invasor.

La rabia de la bestia nazi se acrecienta cuando se siente herida de muerte. Los triunfos del Ejército Rojo en Stalingrado, y en el frente Central y Norte, los triunfos aliados en la Africa y los bombardeos continuos de los aliados, el miedo al segundo frente tan temido por el nazi-fascismo, acrecientan el furor del invasor que se desata sobre las poblaciones. Cercada ya la victoria de los pueblos, nuestro primer deber, es volcar todas las energías para la pronta derrota de la barbarie hitleriana.

A cumplir ese deber nos comprometemos! Por eso la unidad de los eslavos es necesaria hoy más que nunca, para coordinar a intensificar la ayuda a los ejércitos en lucha contra el eje nazi-fascista

y en primer lugar al Ejército Rojo que soporta el mayor peso de la guerra.

Esprechar los lazos de amistad entre los Eslavos de América Latina y desenmascarar a los saboteadores y agentes del eje que infiltrados entre nuestras filas, actúan como quintacolumnistas contra la libertad y la independencia de las naciones de América.

¡VIVA EL PRIMER CONGRESO, SIMBOLO DE UNIDAD DE LOS ESLAVOS DE LA AMERICA LATINA!

(Firman 84 delegados)².

Primer Congreso Esloavo Latino-Americano — Montevideo, 1943. — P. 66.

[№№ 16–20 — артыкулы з газеты «Світло»* (Буэнос-Айрес)]

№ 16

Посмертна згадка

Дня 2-го лютого ц. р. на колоніі Пікада Губернадор Льопез, Місіонес, відбувся похорон одного з кращих активістів у допомоговому русі нашій Батьківщині цьої колоніі, г-на Антона Міляновича.

Антон Мілянович залишив раптово свою активність в користь батьківщини своїх батьків, бо він родився в далекій чужині, в Бразилії, але він выбрав собі батьківщину своїх батьків, бо вважав, що батьківщина його батьків, тобто Радянська Білорусь, є краща і справедливівша, ніж та, де він родився і тому він доложував всі свої зусилля, щоб допомогти в трудні дні.

Мілянович був чесною людиною й щирим патріотом батьківщини, якої він ніколи не бачив і не знав її добре, але постійно мріяв побачити її колись.

Перед своєю раптовою смертю, Мілянович виконував відповідальність скарбника в місцевім Комітеті Допомоги Батьківщині. Він виконував свою функцію з назвичайною щирістю і відданістю.

* «Світло» — газета ўкраїнскіх імігрантаў у Аргенціне, адлюстроўвала пункт гледжання па-прасавецку арыентаванай часткі ўкраінскай дыяспары. Украінскія «прагрэсіўныя» таварыствы актыўна супрацоўнічалі з беларускімі арганізацыямі, і, да таго ж, ва ўкраінскіх клубах было шмат беларусаў (як і ўкраінцы ўваходзілі ў склад беларускіх таварыстваў).

В останні хвилини свого життя, коли страшний біль його лишав майже без пам'яті, і тоді він просив свого батька, щоби передав товаришам касову книгу і всі гроші зібрані Комітетом.

Антон Мілянович розпрощався завчасу з білим світом — йому було тільки 24 роки. Оставив Мілянович дружину і двохлітню дочку.

Причина смерті його була така, що він був повнокровний і при тяжкій праці дуже спітнів, а спітнілого обвіяв холодний вітер, після чого сильно захворів і за три дні помер.

Смерть Антона Міляновича спричинила великий смуток і жалобу в колоністів Пікади Губернадор Льопез. Вся колонія його поважала і шанувала.

Спи дорогий Друже і товаришу. Нехай земля тобі буде пером.

Ананій Віткалюк³.

Світло, 15.03.1946.

№ 17

Хто вони такі?

Допис з Льос Елечос, Місіонес.

Дня 19 травня ц. р. в домівці Якова Тенчона зібралось 10 осібняків, які зорганізували «комітет допомоги» при Білоруським центрі. Богато людей запитують себе, що за комітет повстав, коли тут в нашій колонії Льос Елечос комітет допомоги існує ще з перших днів бандитського нападу гітлерівської Німеччини на нашу любу Батьківщину. І цей наш Комітет Допомоги ім. Г. Жукова працював не лише за легальщини, але також під час нелегальщини. І працювати за нелегальщини було назвичайно трудно. Треба було наражуватися на різні труднощі і небеспеки. Однак товариші працювали для допомоги, бо розуміли свій обов'язок перед своєю Батьківщиною. Працювали раньше і працюємо тепер. Комітет ім. Жукова, тепер нараховує около 200 членів.

Що хочут зробити ось цих 10 осібняків, що заснували новий «комітет»? Ті осібняки мають на меті сабажувати роботу допомоги нашій Батьківщині. І з такою, а не з іншою метою, ці осібняки, відщипенці зорганізувалися.

Подивімося що то за осібняки знаходяться в тій десятці. П. Степанюк був членом Компартії і докотився до цього, що його партія як дезорганізатора прогнала. Тепер він, щоби мсти-

тися на робітничих організаціях, пішов до білоруського центра. Він думає, що тепер зможе шкодити й розбивати допомогу і робітничі організації. Білоруський центр повинен радіти, що такі викидки та ренегати збігають під його опіку.

<...>

О. Мельничук⁴.
Світло, 30.08.1946.

№ 18 Чому працюють окремо білоруси від українців в Ляс Бреняс?

Подаємо до відома всім допомагачам Радянської Батьківщині, що в Ляс Бреняс зістав реорганізований Українсько-Білоруський Комітет. Комісія Комітету бачила, що між тими двома національностями заходили недорозуміння, а головню від першого Українського З'їзду в Буенос Айрес.

Повернувшись делегати із З'їзду, зараз же розіслались листи, скликаючи членство на збори для вияснення рішень З'їзду, але на жаль прибуло тільки 13 чоловік на так важну справу, як вияснення резолюцій цього З'їзду.

Потім, на день 27 жовтня минулого року було скликано річні збори всіх допомагачів на перевибір Комісії і обговорення плану праці, наданого Територіальним Комітетом Чако, який був наданий частинно на Ляс Бреняс 1.000 пез і 70 нових членів до нового року. Деякі товариші зобов'язались виповнити лісту по 50. — . Ці товариші були слідуючі: П. Дидек, К. Дробоскі, Д. Білевич, Р. Зубеня.

З тих всіх виповнив і перевиповнив Д. Білевич, якому належить пошана за його активну і часну працю.

Приступили до вибору нової управи, але вибрали тільки голову, бо управи не було з кого вибирати. Як відомо в управі були всі білоруси, не для того, що вони хотіли, але для того, що не було з кого вибирати. Від тих часів можна було бачити, що українська маса відстала від допомоги і допомога підупала нащо управа мусіла нераз серйозно задуматись, щоб винайти спосіб для вдержання добрих відносин українців з білорусами. Було рішено завести критику над тими товаришами, що не активували, але це не велось довго.

Як пришлося бачити секретаря Територіального Комітету, з яким обмінялись думками і він заявив, щоб призначити деле-

гатів на територіальний з'їзд на 8 грудня 1946 р. Делегатом на з'їзд було вибрано С. В. Іванюка.

На з'їзді товариш Мельничук говорив, що треба зорганізувати особіно білоруський і український Комітети, тоді побачимо по роботі, хто мав вину, а хто був правий, чи в такий спосіб уникнемо непорозумінь та покращаємо працю.

Для зорганізування тих двох комітетів, було препоручено С. Іванюкові, що він виконав. 14 грудня він зорганізував групу людей з самих українців, в управу якої ввійшли слідуючі товариші: К. Драбоскі — голова, Д. Силвонюк — секретар, О. Вілковський — скарбник, П. Дидек, Г. Ваврисевич — контрольна комісія.

Від того часу нововибрана комісія взяла на себе відповідальність допомогової роботи.

За короткий час група вже придбала 20 нових членів і працює з Територіальним Комітетом, розширяючи свою роботу.

А білоруси затвердили свій старий Комітет і працюють з матеріалами від Білоруського Центрального Комітету в Б. Айрес.

Тепер хочу дати пояснення для українців і білорусів, чому зробилось цю реорганізацію Українсько-Білоруського Комітету. Для того, що не вся маса брала участь в до помоговім русі і не мала відповідальності, а тільки дивилась на Комітет, що нібито він мав все зробити. Тепер згадана група має всю відповідальність, як перед Територіальним Комітетом, так перед Централєю Федерації. Тим самим з більшою відповідальністю зберемо більше допомоги сиротам на наших землях.

При виборах тих двох груп було добре вияснено, чому це так робиться, як одним так і другим. Не для того це зроблено, щоб ширити ненависть, а для того, щоб більше допомогти нашим рідним і сиротам, яких батьки віддали життя за нашу свободу, і всього людства. Ми працюємо особіно не для того, щоб сіяти ненависть одні до одних, а для того, щоб уміти плекати дружбу одні до одних та вчитись жити як в одній сем'ї. Якщо ми до цього не пристосуємось, то соромно нам буде, наколи повернемо на рідні землі і будемо так далеко відсталими від наших братів.

Товариші, живімо по братьки! Приглядаймося добре до ворожего елемента, якого ще до цього часу є багато і хоче проникнути в наші ряди та роз'єднувати нас в користь ворогів. Треба викривати фалшивий елемент і не допустити до здійснення підлої роботи.

Надіємось, що тих два Комітети поведуть успішно свою роботу для допомоги в дружній спосіб і виявлять багато здібностей перед своїми братами.

Хай живе братня любов між українцями і білорусами!

Хай живе єдність всіх слов'ян на еміграції!

Секретар Білоруської Групи **С. В. Іванюк**⁵.

Світло, 28.01.1947.

№ 19

З слов'янського свята на Док Суді

Дня 26 квітня в югославській залі на Док Суді відбувся концерт, організований чотирма допомоговими комітетами, а саме: українським ім. Тимошенка, білоруським, польським і югославським. На концерт прибуло біля дві тисячі чоловік. Так, що зал невмістив і половину людей.

В програмі концерту брали участь найвидатніші самодіяльні гуртки слов'янської колонії. Найбільшу увагу приковав у глядачів гурток фізкультурників з Валентін Альсіна. Цей гурток показав кілька спортивних фігур, якими здивував глядачів. Також чудові були і інші танцювальні, співацькі і музикальні виступи самодіяльних гуртків слов'янської колонії.

Під час концерту була читана телеграма від голови Слов'янського Союзу П. Шостаковського, в якій він повідомляв причину своєї відсутності. Ім'я голови Слов'янського Союзу присутні привітали овацією.

Взагалі, концерт мав великий як моральний, так і матеріальний успіх. Загальний прихід з концерту був 1.658 пез і 20 центів. Розходу було \$493.30. Чистого приходу — \$1.164.90⁶.

Світло, 16.05.1947.

№ 20

До відома Білоруським і Українським Колоніям

В зв'язку з наближенням літнього сезону — благо придатно до влаштування фестинів (пikніків) в зеленях побережжях річок, дня 16. серпня ц. р. відбулось зібрання білоруських і українських делегатів, які представляли двадцять три організації цих національностей. Ціллю цього зібрання було створити спільну комісію і вироблення плану для влаштування вказаних підприємств.

В підготовчу комісію увійшли слідуочі представники:

Голова — В. Нечепор, від Біл. Ц. М. Горького, секретар — І. Кобринець, від Б. І. Луцкевича, заст. секр. — І. Ясюкевич, від Біл. Т-ва Віжа Лінч, скарбник — Б. Козловський, від Біл. Т-ва Янка Купала. Контрольна комісія: П. Білей, від укр. т-ва Т. Г. Шевченка, С. Барабаш, від укр. тов. ім. Лесі Українки і В. Сайкевич, від біл. тов. ім. Якуб Колас.

Обговорюючи про підготовчу роботу і місце розположення всіх організацій, підготовча комісія рішила влаштувати згадані пікніки в двох зонах: на південній і західній. За цілий час літнього сезону 1947-48 рр. буде влаштовано десять пікніків, п'ять у Вісенте Льопес і п'ять у Кільмес. Такі розподілення дадуть можливості і нагоду брати участь в пікніках всім членам українських і білоруських організацій, згідно з їхніми бажаннями.

На своїм черговім засіданні комісія назначила підкомісії для улекшення праці і її успіхів: одну комісію на південну зону і одну на західну.

Пікніки відбудуться в слідуючих датах: в Кільмес — 30 листопада, 28 грудня, 18 січня, 1 лютого і 29 лютого. В Вісенте Льопес: 16 листопада, 2 грудня, 24 січня, 22 лютого і 7 березня.

Підготовча комісія закликає всіх українців і білорусів прибути масово на вище визначені пікніки, де проведете весело час серед своїх знайомих на свіжій повітрі.

В. Нечепор — голова

І. Кобринець — секретар⁷.

Світло, 16.10.1947.

[№№ 21–25 — артыкулы з «Белорусского Иллюстрированного Календаря на 1947 год»]

№ 21

Белорусский Демократический Комитет Помощи Родине

Белорусский Демократический Комитет Помощи Родине (Виктория 723) основался 15 июля 1941 года, другими словами, когда и месяца еще не прошло со дня предательского нападения нацистских орд на нашу Родину, Советский Союз. Не имея возможности, за дальностью расстояния, принять участие в битве с врагом рука об руку с нашими братьями, взявшими за оружие, белоруссы патриоты в Аргентине приступили к организации материальной и моральной помощи своей Родине. Никакие препятствия — ни гонения, ни преследования — не

могла остановить и не остановили патриотической работы белоруссов, верных сынов своей Родины, знавших, что их первый и главный долг заключается в помощи своим сражающимся братьям, своей разоренной Родине.

С 15 июля 1941 года по 31 августа 1943 года Белорусским Демократическим Комитетом было вручено Аргентинскому Федеративному Демократическому Комитету Помощи СССР, 50.953 пезо 63 сент., собранных его членами, число которых достигло 500 человек. В самое тяжелое для существования Комитета время — с 1 сентября 1943 года по 15 июля 1945 года, — им было сдано Советскому Красному Кресту 18.919 пезо 80 сент. Вследствие особых обстоятельств, количество членов общества в то время не могло быть уточнено.

Когда обстоятельства и условия работы изменились в лучшую для нас сторону, Комитет развил усиленную деятельность по вербованию новых членов и по сбору средств, проведя с большим успехом и всегда превышая намеченный план, — кампании за Падение Берлина и по Отстройке городов и сел Белоруссии. Следующая кампания на отстройку госпиталя в Минске в 50.000 пезо была также перевыполнена и дала 62.000 пезо.

Следующая кампания для помощи сиротам пострадавшим от войны, когда в пятимесячный срок нужно было собрать 75.000 пезо и одеть 2.000 детей, проходила уже при участии 4.500 членов, и была также перевыполнена: белоруссы, сознательные патриоты, собрали 100.847 пезо, много мужской и женской поношенной одежды, а также сшили и связали 2.000 курток для мальчиков, 900 шерстяных платьев для девочек и 300 шерстяных светеров; кроме того было сделано 2.050 пар ботинок для детей школьного возраста.

Все собранные деньги были сданы Советскому Красному Кресту, а вещи отправлены в Минск с Советскими пароходами.

С 1 октября 1946 года открылась новая кампания по сбору средств на покупку 10.000 пар ботинок, срок которой истекает 31 марта 1947 года, но уже, зная и имея доказательства в прошлом, горячего жертвенного патриотизма наших соотечественников в Аргентине, мы можем с уверенностью сказать, что и наша кампания будет не только выполнена, но и перевыполнена.

Верные товарищи и сознательные патриоты Белорусского Демократического Комитета Помощи Родине исполнили свой

долг перед своими героическими братьям и сестрами в Советской Белоруссии, перед своей великой и непобедимой Родиной.

Председатель **В. Савицкий** Кассир **С. Луб** Секретарь **И. Шоц**.

Белорусский Иллюстрированный Календарь на 1947 год. — Буэнос-Айрес, 1946. — С. 60–61.

№ 22

Белорусский Подкомитет Помощи Родине при Культ. — Пров. О-ве «Якуб Колас» на В. Альсине

Белорусский Подкомитет на В. Альсина основан в 1941 году, первые шаги работы производились при культурно-просветительном о-ве, носившем тогда название «Беловеж». Впоследствии в 1943 году все организации были закрыты. Несмотря на это, движение продолжалось в частном порядке. Сочувствующие патриоты не бросили своего долга перед Родиной. Естественно, что в это время работа сократилась на несколько процентов.

В 1945 году, когда запрещение было снято, вновь началась дружная работа подкомитета при культурно-просветительном о-ве «Якуб Колас». Число белоруссов, вступивших в организацию в окрестностях В. Альсины с каждым днем увеличивалось. 1-ую кампанию подкомитет выполнил на 3.000 песо; 2-ую кампанию на госпиталь «Минск» на 7,060 песо; при начале 3-ей кампании образовались отдельные группы под названием: 4 де Хунио, В. Спиндаля, В. Диаманте, В. Караса и Пинейро, которые составляют отдельные организации. В производстве 3-ей кампании с 1 мая по 31 сентября 1946 года работа двинулась энергично: собрано и сдано денег 5.094,15 песо, оказалось 84 активиста, мужчин и женщин, принявших участие в работе; сшито и сдано курток 351, платьев 156, штанов 155, фуфаяк 16; одежды собрано на сумму 1.790,25 песо.

В настоящее время в подкомитете состоит 310 членов, существует Женсекция. Однако, масса белоруссов в большом масштабе не участвует в этой работе. Подкомитет Помощи обращается ко всем белоруссам, проживающим в районе В. Альсина, призывая их вступить в ряды и принять участие в помощи Родине; это наш патриотический долг. Надо нам слиться в одну братскую семью. Мы не должны забывать, что минувшая война

нашей Родине обошлась очень дорого и мы, естественно, должны оказать ей помощь.

Да процветает Советский Союз и организации всех славянских народов!

Белорусский Иллюстрированный Календарь на 1947 год. — Буэнос-Айрес, 1946. — С. 41–44.

№ 23

Подкомитет Помощи Родине им. Черняковского*

Этот подкомитет образовался в зоне Патрисииос и Помпежа в июле 1945 года. С первых дней имели 14 активных члена, из них было выбрано правление из 7 следующих лиц: Председатель Павел Щербач, зам. Павел Герасимчук; секретарь Емельян Одинец, зам. Виктор Мишук; казначей Юстин Окулик, зам. Станислав Третьяк, и Игнатий Алексейчук заведующий литературой. Приняли кампанию на 1.000 пезо и 100 новых членов. Кампания была перевыполнена, что дало возможность организовать три группы: Алкорта, Боедо и Сентенера, и тем самым подготовиться ко второй компании на 5.000 пезо и 129 членов. С января до 30 марта кампанию перевыполнили.

Третью кампанию приняли на 7.000 пезо и 120 членов и взялись за создание культурного общества так как белоруссы этой зоны его не имели, а оно было необходимо. К 30 сентября 1946 года Подкомитет имени Черняковского перевыполнил на 718 пезо третью компанию. В настоящее время он имеет три группы со своими правлениями и эти правления групп составляют правление Подкомитета.

За период своего существования Подкомитет завербовал 420 членов, в том числе 64 женщины; создалось культурное общество «Янка Купала», имеющее около 200 членов. Четвертую кампанию Подкомитет принял на каждого члена 2 пары ботинок; повысить свои месячные взносы по мере своих сил и по мере возможности — 1 день заработка в месяц.

* Акрамя згаданых Камітэтаў дапамогі (пры таварыстве «Якуб Колас», ім. Чарнякоўскага) у «Белорусском иллюстрированном календаре на 1947 г.» прадстаўлены справаздачы беларускіх Камітэтаў дапамогі, якія дзейнічалі ў Буэнас-Айрэсе і наваколлі: на Віжа Лінч, Алівас, 1-й «Патэрналь», Палерма, Баракас, Херлі, Сарандзі, Віжа Спіноля, Лаважоль, Віжа Караза.

Надеемся, что белоруссы докажут на деле, что они могут выполнить свой долг.

Правление Подкомитета им. Черняковского

Белорусский Иллюстрированный Календарь на 1947 год. — Буэнос-Айрес, 1946. — С. 65–66.

№ 24

Белорусско-украинский Подкомитет Помощи Родине имени Павличенко на Пинеиро*?

С первых дней нападения гитлеровских бандитов на нашу Родину, 22 июня 1941 года, по всей Республике Аргентине стали организовываться Демократические Комитеты Помощи Родине. Все материалы брали в Центральном Комитете и таким образом, по силе своих возможностей, помогали Матери Родине до июля месяца 1943 года. По закрытии всех Комитетов и в том числе и ля Виктория, наш Комитет на прекращал работы и, благодаря некоторым товарищам активистам, собиралась помощь Родине. в мае месяце 1945 года, когда опять все комитеты были разрешены, наш Комитет присоединился к Комитету Помощи Родине на В. Альсина, имея в то время около 30 членов, с которыми проработали до мая месяца 1946 года, закончив кампанию на 50.000 пезо. Кампанию же на 75.000 пезо мы проводили сами, получая материалы из Белорусского Центрального Комитета Помощи Родине. План наш был собрать 1.500 пезо, и мы его перевыполнили; в это время начали вступать новые члены.

На кампанию обуť 10.000 детей, мы постановили собрать 3.000 пезо, т. е. обуť 200 детей; для этого каждый член обязался купить одну пару ботинок, каждый месяц кампании давать дневной заработок и приобрести одного члена. Так как в настоящее время число членов доходить до 60-ти, а также есть Женсекция и Кружок молодежи, то мы, белоруссы на Пинеиро, с честью выполним и перевыполним эту кампанию и тем докажем, что мы достойные граждане нашей Великой и Свободной Родины.

По поручению Правления Подкомитета **А. Керезь.**

Белорусский Иллюстрированный Календарь на 1947 год. — Буэнос-Айрес, 1946. — С. 66–69.

* Сярод Камітэтаў дапамогі Бацькаўшчыне была пэўная колькасць беларуска-ўкраінскіх Камітэтаў: у «Белорусском иллюстрированном календаре на 1947 г.» прадстаўленыя справаздачи Украінска-Беларускага Камітэту ў г. Касэрас і калоніі «Фрам» (Парагвай).

№ 25

Комитет Помощи в Росарио

Белорусский подкомитет помощи родине в городе Росарио (Вена 181) организован в октябре 1945 года группой активистов, которые занялись работой для помощи нашей родине. 14 июня 1946 года было выбрано правление подкомитета из следующих г-н.: председатель И. Ярмольчук, зам. Д. Семенюк; секретарь П. Вабель, зам. Н. Косевич; кассир Б. Максимчук, зам. А. Бунь. Гласные: М. Кукавский, К. Новойчик и М. Жидкий. Контрольная комиссия: С. Килбасник, Н. Цюнель, А. Сидорчук. Это правление до настоящего времени руководит подкомитетом.

Кампании, назначенные Белорусским Центральным Комитетом были выполнены достаточно хорошо. В настоящее время у нас насчитывается 90 членов. Это число с каждым днем увеличивается. Надеемся, что в скором будущем белоруссы города Росарио станут все в ряды помощи нашей родине.

За Комитет: председ. **И. Ярмольчук**, секр. **П. Вабель**.

Белорусский Иллюстрированный Календарь на 1947 год. — Буэнос-Айрес, 1946. — С. 121.

№ 26

[Артыкул з «Иллюстрированного Календаря на 1948 г.»]

Белорусский Центр Помощи Родине

Белорусский Центр Помощи Родине был основан активистами Белорусской библиотеки имени И. Луцкевича в октябре месяце 1944 года и за короткое время сделал 5 денежный посылков в Монтевидео: Всего на сумму — \$ 4.618.

Затем, когда убедились, что гораздо выгоднее будет превращать собранные деньги в материал, решили покупать шерстяную материю и начали кроить и шить детскую одежду.

В июне 1945 года был намечен скромный план: одеть 100 советских сирот, но ход работы вскоре показал, что план надо увеличить, поэтому поставили себе целью не только одеть, но и обути 1000 сирот.

В результате, план начатый в июне 1945 года и увеличенный в таком большом масштабе в течении 5-ти месяцев, был выполнен. 11 декабря 1945 года было отправлено одежды и обуви на общую сумму \$34.540.

Вместе с этими вещами было отправлено 88 штук вязанных вещей на сумму 650 песо, которые Славянский Комитет пере-

дал Белорусскому Центру Помощи Родине для отправки на Родину.

Первая посылка, состоящая из 36 ящиков одежды и обуви также была отправлена через посредство Аргентинского Красного Креста, который вышеупомянутую посылку направил в Английский Красный Крест, для передачи Советскому Красному Кресту.

В мае месяце 1946 года, нами было получено письмо от представителя Советского Красного Креста в Лондоне В. Соловьева, который извещал нас, что наша посылка получена Британским Красным Крестом и по просьбе представителей Советского Красного Креста отослана в СССР на советском пароходе «Николай Бауман», отошедшем 15 марта 1946 года из Лондона.

Вторая посылка, общей стоимостью \$28.261.50, была погружена 24 мая 1946 года, на советский пароход «А. Суворов».

Третья посылка, общей стоимостью \$42.023.50, была погружена 23 мая 1947 года, на советский пароход «Псков». До этого времени Белорусским Центром Помощи Родине было собрано — \$109.403 песо.

Указывая на число собранных вещей и их стоимость, нельзя не указать на работу членов Белорусской библиотеки имени И. Луцкевича, затем присоединившихся членов Украинского Культурного Центра и множество других отдельных лиц, не состоящих ни в каких организациях, но желающих помочь этому доброму и патриотическому делу, кто деньгами и кто своим трудом, так как двери Белорусского Центра Помощи Родине были открыты для каждого, кто желал внести свою лепту для пострадавших от войны на нашей Родине.

Начиная такую работу и в такое время, надо было положить много труда и старанья. В начале работа шла не легко, но никто на это не обращал внимания. Работали много, и большую часть работы приходилось делать вечерами после своих дневных занятий.

Таким путем были собраны и отосланы все предыдущие посылки, а в момент, когда пишутся эти строки, идет подготовительная работа четвертой кампании, по сбору одежды для 1000 сирот.

Этот Центр Помощи Родине совместно с демократическим комитетом помощи родине prepares общее собрание обеих

организаций для избрания правления единой Белорусской организации в Аргентине помощи сиротам отечественной войны.

Иллюстрированный календарь на 1948 год, Буэнос-Айрес, 1947 г. — С. 228–229.

№ 27

[Даведка МЗС БССР пра беларусаў за мяжой]

8 сентября 1959 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП БЕЛОРУССИИ

товарицу Мазурову Т. К.

При этом направляем Вам для сведения справку «Граждане белорусской национальности, проживающие за границей».

ПРИЛОЖЕНИЕ: Справка на 23 листах.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
БЕЛОРУССКОЙ ССР /К. Киселев/

Справка

<...> Судя по наличию различных общественных организаций, существовавших во время второй мировой войны, состоявших из выходцев Белоруссии, весьма значительная часть белорусских эмигрантов в настоящее время проживает в Аргентине. Так, например, по данным Всеславянского Комитета в Москве и русской эмигрантской газеты «Эхо» во время второй мировой войны и в послевоенный период в Аргентине существовали следующие белорусские организации и общества:

Город Буэнос-Айрес — Белорусское Общество «Культура». Председателем Правления Общества был Юльян Янович, заместитель — Николай Дмитришин, секретарь — Сидор Козюк.

Это Белорусское культурно-просветительское общество регулярно выпускало свою стенную газету «Наша мысль». При обществе имелаась библиотека. Была открыта женская секция, которая вела культурно-просветительную работу среди белорусских женщин и кружок молодёжи. Политическая ориентация общества — просоветская.

/Газета «Эхо» от 16/У-42 и 30/У. — 42 года/

Город Док-Суд — Белорусское культурно-просветительское общество. Характеристики на данное общество не имеется.

Город Бериссо — Белорусское культурно-просветительное общество.

Общество имело 170 членов. Имелся кружок молодёжи и женсекция. Политическая ориентация — прогрессивная.

/Газета «Эхо» от 30/У.1942 года/.

Город Буэнос-Айрес — Белорусское культурно-просветительное общество. Общество имело 150 членов.

При обществе была организована женская секция самостоятельности. Политическая ориентация — прогрессивная.

/Газета «Эхо» от 30/У. — 1942 года/

Город Буэнос-Айрес «Белорусский Национальный Демократический Комитет помощи родине».

Председателем этого общества был Хуан Шок. Во время войны Комитет организовывал сборы пожертвований для оказания помощи родине. Политическая ориентация — просветская.

/Газета «Эхо» от 18/У, 16.У, 23.У, 30.У — 1942 года/.

Город Буэнос-Айрес — Белорусская библиотека им. Луцкевича.

Председателем правления был Игнатий Мацкевич, зам. председателя — Станислав Петрушкевич, секретарь Николай Меречко. Это общество насчитывало свыше 300 членов. При библиотеке работала молодежная секция, в которой числилось 22 члена. Политическая ориентация — прогрессивная. /«Эхо» от 23/У. и 30/У. — 1942 года/.

Кроме белорусских обществ во время войны в Аргентине существовали также и Белорусско-украинские комитеты и общества.

В городе Буэнос-Айресе кроме перечисленных обществ существовала и Белорусская Федерация. Председателем Правления Федерации был М. Бернякович, зам. председателя — Иосиф Мелюг, секретарём — Фёдор Абрамышин.

Эта Федерация объединяла все белорусские общественные организации, работающие в Аргентине. В нее входили, например: Общества «Культура», Культурно-просветительные общества в Буэнос-Айресе, в Бериссо, в Док-Суде, Общество «Беловеж» и др.

В 1942 году Белорусской Федерацией был издан «Альманах 1942 года». Собственного печатного органа Федерация не имела, но она использовала для своих целей русскую газету «Эхо», в которой регулярно, в каждом номере отводилось место для «Белорусской страницы». Как Белорусская Федерация, так и

организации, входящие в нее, относились с большой симпатией к Советскому Союзу.

Во время Отечественной войны белорусскими эмигрантами в Аргентине был создан также «Белорусский Демократический Комитет Помощи Родине».

18 февраля 1948 года в своем письме на имя Центрального Комитета Красного Креста БССР руководство этого Комитета, сообщая о своей помощи, которую они оказали Родине, писало, что «когда фашистские орды напали на нашу Родину, жертвой которых в первую очередь было наше белорусское население, все проживающие здесь белорусы, желающие хоть чем-нибудь помочь своей Родине в тяжелую минуту и, не имея возможности стать в ряды её защитников, решили создать организацию, которую назвали «Белорусским Демократическим Комитетом Помощи Родине». В письме сообщается, что в 1943 году правительством Аргентины этот комитет был закрыт. Однако, далее указывается, среди белорусов не успокоилось стремление помогать своим братьям, пострадавшим от войны и, не обращая внимание на многие препятствия, активисты Белорусской библиотеки имени Луцкевича и общества «Культура» на собрании, состоявшемся на частной квартире в октябре 1944 года решили открыть самостоятельный комитет, который был назван «Белорусским Комитетом Помощи Родине и Об'единение Славян». За все время существования комитета в СССР было выслано 8 партий посылок с одеждой на общую сумму 109.403 песо.

В письме сообщается также, что комитету приходилось работать в весьма трудных условиях и что собранные вещи приходилось направлять в СССР через соседнюю республику Уругвай. «Работали все очень много и большую часть работы приходилось делать вечерами, после своих дневных занятий. Вечерами кроили, шили, развозили скроенное по домам, делали ящики для упаковки сшитого и т. д. Старались друг другу помочь и посоветовать в работе, имея все одно желание, чтобы чем больше и чем скорее сшить и чтобы сшитое скорее дошло по назначению», — так заканчивается письмо руководства бывшего Белорусского Комитета Помощи Родине в Аргентине на имя Центрального Комитета Красного Креста Белорусской ССР.

Центральный Комитет Красного Креста БССР 21 января 1949 г. в своем ответном письме подтвердил получение от комитета посылок и выразил искреннюю благодарность Правлению

Белорусского Центра Помощи Родине в лице его руководителей г. г. Круковского, Саливончика, Маркушевского и Трушкина.

В послевоенный период на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1944 года многие из эмигрантов-белорусов, украинцев и русских, проживающих в Аргентине, приняли советское гражданство и в настоящее время составляют там советскую колонию с количеством более 40 тыс. человек.

Все они являются членами различных клубов и проводят там среди русской, белорусской и украинской эмиграции культурно-массовую и политическую работу.

Бывшие руководители советской колонии в Аргентине Ляшук*, Леоник**, Пронько и другие в 1957–1958 гг. прибыли в БССР на постоянное жительство и работают на хозяйственно-административных должностях.

<...>

За последние 3 — 4 года из стран Латинской Америки и Канады на Родину вернулось на постоянное жительство более 2-х тысяч человек белорусских эмигрантов, которые поселились в основном в Брестской, Гродненской, Молодеченской областях и гор. Минске. Возвращение этой категории лиц продолжается и в настоящее время...

<...>

НА РБ, ф. 4п, оп. 62, д. 516, л. 106–126.

[№№ 28–30 — артыкулы з газеты «Бацькаўшчына»*** (Мюнхен)]

* **Ляшук Трафім Назаравіч** (1902–1962 г., Высокае, Брэсцкая вобласць, БССР) — вядомы дзеяч беларускай дыяспары ў Аргенціне. Член СУ-БРА і КПА. Аргенцінскія ўлады намагаліся яго дэпартаваць з краіны ў 1935 г. Да 1940 г. — сакратар прафсаюзу мясахладабоен у Аргенціне. Узначальваў арганізацыю КПА пры беларускім таварыстве «Белавеж». У 1946–1949 гг. — галоўны рэдактар газеты «Наш голас» (беларуская на рускай мове) і старшыня «Саюзу беларускіх культурных арганізацый». Арыштаваны ў 1949 г. аргенцінскай паліцыяй. Адным з першых пераехаў у СССР (1954 г.). Жыў у г. Высокае каля Брэсту.

** **Леонік Аляксандр Міхайлавіч** (лістапад 1922 г., в. Ячнае Стаўбцоўскага р-на Мінскай вобл. — 10.01.1984 г., Мінск) — 3 1937 г. у Аргенціне, адзін з лідэраў беларускай дыяспары — чалец кіраўніцтва таварыстваў «Якуб Колас» і «Беларускае вогнішча». Член КПА з 1941 г. Неаднаразова арыштоўваўся паліцыяй. 3 1958 г. у БССР.

*** «Бацькаўшчына» — газета беларускіх эмігрантаў, выдавалася ў 1947–1966 гг., ад 1950 г. выходзіла ў Мюнхене.

№ 28

Сталася гэта ў Аргентыне

Два з палавінаю месяцаў таму назад, у мястэчку Бэрысо, прадмесці гораду Ля Плята, а ўсяго 70 км. ад Буэнос Айрэс, здарыўся палітычна-крымінальны выпадак. Згодна апавядання аднаго беларуса зь Ля Плята, у Бэрысо быў брутальна замардаваны ў сваёй собскай хаце беларус, які нядаўна прыбыў у Аргентыну з Англіі. Перад гэтым выпадкам ён меў вострую дыскусію з тамашнімі камуністамі, якія, згодна прыпушчэння раскашчыка й агульнай арыентацыі, даканалі крымінальнага чыну.

Бэрысо — гэта новы пасёлак, які прымыкае да самага гораду Ля Плята, пабудованы ў вапашнія гады перад другой сусветнай вайной эмігрантамі беларусамі, украінцамі й палякамі, якія ўсе пагалоўна з’яўляюцца сяньня камуністамі. Там існуе «Беларускае Обшество ім. Георгія Скарыны», якое ўваходзіць у склад саюзу беларускіх арганізацый у Аргентыне, які ў сваю чаргу зьяўляецца сябрам «Уньён Эслава эн ля Аргентына» (камуністычная)*. На чале «Саюзу Беларускіх Арганізацыяў» стаіць беларус (як ён сябе называе) Трафім Лашук, які паходзіць зь Вялейскай акругі. Ён зьяўляецца дырэктарам газеты для «Белорусов ву Аргентыне» — «Наш Голас», якая друкуецца на расейскай мове. Гэта газета ёсць копіяй газеты «Беларуская Звязда» зь некаторымі дадаткамі аб камуністычным жыцці ў Аргентыне, што рэдагуецца ўрадаўцамі Савецкай Амбасады ў Буэнос Айрэс. Да гэтага Трафім Лашук зьяўляецца шэфам тайнай «міліцыі», якая створана летам 1948 году пад апекай савецкага прадстаўніцтва. Гэтая «міліцыя» мае за заданьне слядзіць за дзейнасцю ўсіх новапрыбылых славянаў у Аргентыну й усялякімі спосабамі перашкаджаць ў іх нацыянальнай працы.

* «Славянскі Саюз у Аргенціне» (1941–1949 гг.) — пракамуністычнае аб’яднанне славянаў, якое выказвала салідарнасць і падтрымку СССР, а таксама славянскім краінам, дзе пасля Другой сусветнай вайны ўсталяваліся рэжымы, падкантрольныя Маскве. На чале славянскага руху знаходзіўся «Камітэт па аб’яднанні славян» (ён жа — «Камітэт за славянскае адзінства», а пасля «Славянскі камітэт»), які з’яўляўся таксама выканаўчым камітэтам з’езда аргенцінскіх славянаў. Пасля II з’езда аргенцінскіх славянаў у 1946 г. «Славянскі камітэт», згодна з новым статутам, называўся «Славянскі Саюз у Аргенціне». У 1949 г. забаронены аргенцінскімі ўладамі.

Як выглядае з вышэйшага, такія выпадкі могуць здарацца.

Забіты беларус у Бэрысо ня быў зарэгістраваны ў ЗБА, а дзеля гэтага ўправе ЗБА не ўдалося даведацца ні яго пэрсанальных дадзеных, ні калі й якім чынам прыбыў у Аргентыну. На падставе рэляцыі вышэй успомненага беларуса, можама прыпушчаць, што ён быў у быўшай арміі Андэрса і прыехаў у Аргентыну на польскія дакумэнты, у выніку чаго быў зарэгістраваны ў паліцыі, як паляк. ЗБА, ня ведаючы яго паходжаньня ні прозьвішча, нідзе ня можа зрабіць ніякае інтэрвэнцыі, каб гэтым падаць да ведама адпаведным дзейнікам і звярнуць іхнюю ўвагу на будучыню.

<...>

Буэнос Айрэс, 15.1.49).

К. Мерляк.

Бацькаўшчына, 6.02.1949 г.

№ 29

Як савецкі консуль у Аргентыне ліквідаваў беларускую арганізацыю

(Ад собскага карэспандэнта з Аргентыны)

Другая з чаргі беларуская арганізацыя ў Аргентыне пад назвай «Бібліятэка імя Івана Луцкевіча» паўстала ў студзені 1937 году ў Буэнос Айрэс. Гэтая арганізацыя свайго часу ўзапраўды праводзіла грамадзка-нацыянальную дзейнасьць сярод беларускай эміграцыі ў Аргентыне, бо да яе належылі ведамыя беларускія патрыёты, якія палажылі падваліны пад пазнейшую Фэдэрацыю Беларускіх Арганізацыяў у Аргентыне, якая была паўстала ў травені 1939 году.

Беларускае грамадзкае жыцьцё ішло нармальным шляхам аж да часу прыезду, перш у Уругвай, а пазней у 1946 годзе у Аргентыну савецкага прадстаўніцтва. Пачынаючы з 1945 году ўраднікі кансуляту ў Уругваю, а пазней у Аргентыне пачалі нахабна ў мешвацца у грамадзкае жыцьцё беларусаў. Спачатку падаслалі сваіх агентаў, — зь іх найбольш ведамы Трафім Лашук і іншыя — якія падабралі сярод сяброў арганізацыяў бальшавіцкіх падхалімаў тыпу Карчыка ў Бэрысо й Цябуця ў Сан Марціно, распачалі надаваць русыфікацыйна-бальшавіцкі кірунак арганізацыйнаму жыцьцю.

І так разам зь Беларускай Фэдэрацыяй, яны ўцягнулі й Бібліятэку імя Івана Луцкевіча ў Славянскі Саюз, створаны

савецкімі агентамі, каб, пад прыкрыццём панславізму, пашыраць расейскі імперыялізм, бо гэтым-жа Саюзам і кураваў былі палкоўнік белагвардзеец П. Шастакоўскі* з другімі, якія стараліся выслужыць сабе «прабачэньне» ў «бацькі» Сталіна на паварот «на родину».

На трэйцім, а фактычна на дзевятым Кангрэсе Беларускіх Арганізацыяў, які адбываўся 18 й 19 верасня 1948 году, Бібліятэка імя Івана Луцкевіча была выключаная з Фэдэрацыі, а тым самым аўтаматычна із Славянскага Саюзу, за тое, што дэлегаты Бібліятэкі супрацівіліся называць гэты Кангрэс «трэйцім», бо ўзапраўднасьці быў ён дзевятым, лічачы ад 1939 году, калі паўстала Фэдэрацыя. Ім было шкода адной рэзалюцыяй Кангрэсу, на якім быў прысутны й савецкі прадстаўнік Сергеев, перачыркнучь усю існую працу й дасягненні на працягу некалькіх папярэдніх год дзеля таго толькі, што ня былі тады «запраўднымі» савецкімі.

Невядома дакуль захала-б савецкае ўмешваньне ў грамадзкае жыццё нашае эміграцыі, каб ня быў разьвязаны аргентынскімі ўладамі Славянскі Саюз у травені 1949, што наступіла пасля развалу Ўсеславянскага Кангрэсу, на які прыбылі навет дэлегаты з Масквы, у выніку выкліканай завірухі «цітаўцамі» супраць «сталінцаў» 23, 24 і 25 сакавіка 1949 году.

З разьвязаньнем Славянскага Саюзу, былі таксама разьвязаныя і ўсе арганізацыі, якія да яго належалі, а таксама закрытыя ўсе газеты, выдаваньня расейскімі камуністамі. Але пад гэты дэкрэт не падпала Бібліятэка імя Івана Луцкевіча, бо яна-ж была выключана з Славянскага Саюзу шэсьць месяцаў перад гэтым за непадпарадкаваньне савецкім дырэктывам.

Бібліятэка імя Івана Луцкевіча й надалей прадаўжала сваю дзейнасьць і, хаця яна вяла прабольшавіцкую работу, але й гэта савецкаму консулю не спадабалася. Ён ня мог мець даверу да тых, якія ўжо раз супрацівіліся ягоным загадам. Дык пастанавіў яе зліквідаваць. Пры праводжаньні ліквідацыі савецкі консуль

* **Шастакоўскі Павел Пятровіч** (1877–1962, Мінск) — рускі белаэмігрант (былы штабс-капітан расійскай лейб-гвардыі), які пакінуў Радзіму ў 1920 г. Старшыня Славянскага Саюзу ў Аргенціне. Пасля пераезду ў СССР (1955 г.) жыў у Мінску, дзе выйшлі яго ўспаміны «Путь к правде» (1960 г.). Успаміны ўнучкі П. Шастакоўскага Сільвіі Картэс-Пелэх гл. у раздзеле 3.

спадкаўся із здаровым беларускім супрацівам, якім кіраваў Мікалай Жданеня* з Бэрысо і Я. Пятрушак з Буэнос-Айрэс. Яны гаварылі: «Ўсё разумеем, але каб савецкі консуль намагаўся развязаць арганізацыю й расьцягваць грамадзкае дабро, дык гэтага зусім не разумеем. Калі-б гэта рабілі аргентынскія ўлады, капіталістыя, дык было-б лягчэй на гэта глядзець».

Бачачы, што да ліквідацыі нармальным спосабам ня дойдзе, савецкія прадстаўнікі пайшлі на іншы шлях. Савецкі консулят піша ліст у гішпанскай мове й падкладае яго сп. Мікалаю Жданеню, у якім гаворыцца, што «калі не перастанеце дзейнічаць супраць ліквідацыі Бібліятэкі, дык будзеццэ простым спосабам зьліквідаваньня» (!). Па атрыманы ліста, сп. Жданеня, доўга не чакаючы, пайшоў у паліцыю й там прадставіў усю справу. У паліцыі яму заявілі, што надалей можа рабіць, што ён хоча, але на падставе гэтага ліста й замэльдаваньня мае права ўжыць у собскай абароне ўсякай зброі. Даведаўшыся пра гэта, савецкі падхалім Карчык усё данёс консулю, які выклікаў сп. Жданеню й пачаў яму гразіць усімі спосабамі, якіх ужываюць на бацькаўшчыне энкавэдзістыя. Ён заявіў, што напіша аб гэтым у Маскву. Аднак сп. Жданеня гэтага не спалохаўся й даў яму адказ такі, што консулю аж пена выступіла на губы.

Гэта ня ёсць адзіным выпадкам, а, як нам ведама, ужо трэці падобны выпадак. Адзін быў тады, як быў памешчаны ў канцы мінулага году ў «Бацькаўшчыне» гістарычны артыкул з жыцьця беларускай эміграцыі ў Аргентыне. Тады таксама консуль заклікаў да сябе аднаго дзееча із старой эміграцыі й пачаў рабіць яму выгавар, чаму ён падаў дадзеныя адносна ўмешваньня савецкага консуля ў грамадзкае жыцьцё эміграцыі й г. п. Ён цьвердзіў, што гэта ёсьць проціў улады Савецкага Саюзу й партыі бальшавікоў. Гэты чалавек, які ні аб чым ня ведаў, адказаў, што ёсць людзі, якія лепш аб гэтым знаюць за яго, а пры гэтым — што консулят ня мае ніякага права ў такі спосаб зьвяртацца да грамадзяніна, які пражывае ў вольнай краіне, і запалохваць, што ён напішу Бэрыі. Забраўся й выйшаў.

З гэтага відаць, што не памагае прапаганда, якую саветчыкі сістэматычна праводзяць, выдаючы кмуністычныя газеты ў Аргентыне ў пяці мовах, выплачваючы на кожны нумар па

* У вялікай сям'і Жданеняў не было чалавека на імя Мікалай. Успаміны Змітра Жданені гл. у раздзеле 3.

2.000 пэзаў, ні грошы, якія плацяць сваім агентам і даношчыкам, — цяжка ўва ўсіх забіць нацыянальную сьведамасьць. Мы верым, што раней ці пазьней абудзіцца беларускае нацыянальнае сумленьне сярод старой беларускай эміграцыі ў Аргентыне, што эміграцыя гэтая дасьць належны адпор усім камуністычным агентам, як і афіцыйнаму прадстаўніку бальшавіцкай турмы народаў — савецкаму консулю ў Аргентыне.

К. Мацкевіч

Бацькаўшчына, 21.09.1952 г.

№ 30

Савецкая выстаўка ў Буэнос Айрэс

Ад даўжэйшага часу аргентынскі ўрад вёў гандлёвыя перагаворы з Савецкім Саюзам, у выніку якіх быў падпісаны 18 травеня сёлета гандлёвы дагавор між абедзьвюма дзяржавамі на суму 100 мільёнаў даляраў. Згодна гэтага дагавору Аргентына дае воўну, скуры, аліву, мяса, кансэрвы, масла і рад іншых спажывецкіх прадуктаў, у замен за што атрымлівае ад Саветаў зьялеза, бляху, алюмініў, вугаль і дзерава.

Карыстаючыся з нагоды гэтага дагавору, Савецкі Саюз, у знак прыязні, жагадаў зрабіць прапагандовую выстаўку сельска-гаспадарскіх, індустрыяльных лёгкіх і цяжкіх машынаў. Выстаўка была адкрытая ў Буэнос Айрэс 14 травеня сёлета й трывала цэлы месяц. Пад выстаўку было занята 13 000 кв. мэтраў, зь якіх 3 000 мэтраў заняў правізарычна пабудаваны дом. Ён знаходзіўся пасярэдзіне пляцу і зьмяшчаў у сабе драбнейшыя машыны, мэдыцынскія прылады, розныя тканіны, а таксама гарэлку ды шмат рэчаў, якіх савецкі жыхар ня бачыў і ў вочы. У розных камуністычных газэтах і часопісах, якія выходзяць у Аргентыне, перад выстаўкай, як і ў час яе, шумна пісалася, што Савецкі Саюз зьяўляецца гатовым даць усе магчымыя рэчы, што знаходзяцца на выстаўцы, па шмат даступнейшай цане і ў лепшай якасьці, чымся іншыя краіны, асабліва Амэрыка.

Выстаўку пачало наведваць шмат людзей, асабліва із старой эміграцыі зь земляў, занятых сяньня Савецкім Саюзам. Гэтыя людзі пад уплывам савецкай прапаганды зьяўляюцца сяньня перакананымі аб «шчасьлівым і радасным жыцьці», якім цешацца жыхары Савецкага Саюзу.

На выстаўцы можна было пабачыць усё найлепшае з індустрыі, што толькі Саветы маглі выпрадукаваць. Таксама

можна было пабачыць трактары, на якіх віднеліся надпісы «Беларусь», і розныя сельска-гаспадарскія машыны, якія вырабляюцца ў Менску. Сама выстаўка абсалютна не зрабіла ніякага ўражання на перасечнага грамадзяніна Захаду, бо яна паказала, што Савецкі Саюз у прыраўнанні да кожнай заходняй індустрыяльнай краіны астаецца далёка з зада. Навет на самай выстаўцы некаторыя машыны пры дэманстраванні іх аказаліся бяз руху, хоць у іхнай направе аж пацелі савецкія інжынеры й тэхнікі. Дык што-ж гаварыць аб прыгоднасці гэтых машынаў, калі іх пусціць да выканання працы, да якой яны прызначаны. Для мантавання й прапаганды прыехала з Савецкага Саюзу каля сотні чалавек, спасярод іх 20 спецыялістых інжынераў. Усе яны паводля свайго вонкавага выгляду аднолькавыя і прадстаўляюць сабой здэмабілізаваных жаўнераў, бо вопрадка на іх аднолькавага гатунку з тэй розніцай, што на адных большага, на іншых меншага разьмеру, а ў некаторых праз зашпілены каўнер можна было пабачыць голая грудзі.

Гэтыя людзі ў прыватныя гутаркі зусім стараюцца не ўваходзіць, а толькі расхвальваюць выстаўленае, зазначаючы пры гэтым, што гэта не першарадныя гатункі, бо ёсць яшчэ лепшыя. Аб заробках савецкага жыхара таксама нічога не хацелі гаварыць. Адказвалі толькі вывучанымі камуналамі: хопіць вам таго, што там людзі жывуць добра, маюць што есці, дзе жыць, выпіць і закусіць, пайсьці ў кіно-тэатр і г. п. Аднак, ня глядзячы на гэта, некаторыя прагаварыліся аб запраўдным жыцці пад Саветамі. Напрыклад адзін інжынер, будучы адным, параўноўваў жыццё ў Маскве і ў Буэнос Айрэс, сьцвярджаючы, што там так свабодна і без патрэбы ня ходзяць па вуліцах, заглядаючы ў выставовыя вокны, а калі й ходзяць, дык гэта толькі сем'і чужынцаў. Таксама падаў арыентацыйныя заробкі работнікаў. Просты работнік атрымлівае 800 рублёў у месяц, кваліфікаваны работнік — 1000–1200 рублёў, інжынер такі, як ён сам, 2 500 рублёў. Тут зараз пала пытаньне, ці работніку магчыма купіць лёгкавую машыну, якая тут ёсць на выстаўцы? На гэтае пытаньне быў адказам напіс на аднэй такой аўтамашыне, які абазначаў ейную цану ў вышыні 40 000 рублёў.

Найбольшае ўражання зрабіла выстаўка на старых эмігрантах, якія цяпер не даюць закрышца дзвям у савецкім кансуляце, стараючыся выехаць у Савецкі Саюз. Ужо запісалася на выезд 144 000 асобаў. Бяда толькі ў тым, што паварот на

бацькаўшчыну адбываецца «плянава»: людзей не вяртаюць туды, адкуль яны прыехалі, а заахвочваюць іх групавы ехаць на «цаліну» Казахстану, Сібіру і іншых аддаленых раёнаў Саветаў Саюза.

В. Ліскавецкі.

Бацькаўшчына, 17.07.1955 г.

1

№ 14

Прывітанні дэлегатаў

Беларускі дэлегат Т. Кулачок ад імя беларускай дэлегацыі

Браты Славяне:

Мы, беларускія дэлегаты з Лацінскай Амерыкі, вітаем Першы Славянскі Кангрэс і жадаем паспяховай работы. Сваёй прысутнасцю мы падтрымліваем гэты шанюны труд і выказваем нашу пагарду фашысцкім полчышчам, якія ў імя свайго «новага парадку» ператварылі мірныя і квітнеючыя краіны ў руіны, захапіўшы простых людзей ў жорсткае рабства. Гераічнае супраціўленне Чырвонай Арміі і яе бесперапынныя перамогі над ворагам, сакрушальныя ўдары, якія наносяць беларускія партызаны і іх клятва «Адпомсцім, згонім ворага ці памрэм», прымушаюць нас як братоў не толькі выказвацца ў іх абарону, але і браць удзел у распрацоўцы плана канкрэтных дзеянняў для ўсіх славянаў у далейшым, і прыкласці энэргічныя намаганні, каб выканаць гістарычную місію з'езда, які паклаў падмурак утварэння Славянскага Саюза, і гэты саюз стане апірышчам абароны супраць нашага агульнага ворага ў лацінаамерыканскіх краінах.

Няхай жыве Першы Славянскі Кангрэс!

Няхай жыве Славянскае Адзінства!

Ад федэрацыі беларускіх таварыстваў і арганізацыяў у Аргенціне

Федэрацыя беларускіх таварыстваў і арганізацыяў у Рэспубліцы Аргенціна вітае гэты найвялікшы для ўсіх славян Лацінскай Амерыкі гістарычны акт, у якім павінна замацавацца адзінства, настолькі неабходнае ў гэтыя цяжкія часы для ўсяго цывілізаванага чалавецтва.

Няхай жыве адзінства славян!

Няхай жыве саюз вольных народаў!

Няхай жыве славуцяя савецкая армія!

М. Берняковіч — старшыня

А. Ульячык — сакратар

№ 15

Дэкларацыя беларускай дэлегацыі

Мы, беларусы, якія жывуць у Лацінскай Амерыцы, з радасцю і хваляваннем віншваем гэту гістарычную падзею, вялікую для славянскіх народаў, якія жывуць на гасцінных землях гэтага кантынента, на якім павінен замацавацца непарушны саюз, так неабходны ў гэтыя цяжкія часы не толькі для славянскага народа, але і для ўсяго прагрэсіўнага чалавечтва і для самой цывілізацыі, якія знаходзіцца пад пагрозай варварскіх захопнікаў, якія жадаюць знішчыць усе дзясяткі цывілізацыі, цэлыя народы, не шкадуючы ні жанчын, ні старых, ні дзяцей.

На нашай квітнеючай Радзіме, зямлі Янкі Купалы, у нашай любімай Беларусі, захопленай крыважэрнымі захопнікамі, адбываюцца незлічоныя злачынствы.

Каб знішчыць усе сляды нашай культуры, забіваюць нашых вучоных, па-варварску разбураюць нашы ўніверсітэты, музеі, помнікі і ўсё, што мы шануем.

Наша прыгожая сталіца, горад Мінск, ператвораны ў руіны, а безабароннае насельніцтва масава знішчалася. Але нягледзячы на свой вандалізм варварскія захопнікі не змаглі скарыць наш гераічны народ, які першым ніколі на браўся за зброю, і які мае непакісную веру ў перамогу цывілізацыі. У цяжкіх, здавалася б, немагчымых умовах, ён стварае партызанскія атрады і знішчае ворага ў яго тыле.

Народныя мсціўцы, многія з якіх сталі нацыянальнымі героямі, бязлігасна знішчаюць нацыскіх катаў, пускаюць пад адхон цяжкія і войскамі і правіянтам, падрываюць цяжкія і склады са зброяй, з усім, што магло б быць выкарыставана захопнікамі.

Шаленства нацыскага звера расце, таму што ён адчувае, што смяротна паранены. Перамогі Чырвонай Арміі пад Сталінградам, на Цэнтральным і Паўночным франтах, перамогі саюзнікаў у Афрыцы, бесперапынныя бамбардзіроўкі войскамі-саюзнікамі, страх нацы-фашыстаў перад другім фронтам узмацняюць злобу захопнікаў, якая абрушваецца на насельніцтва. Ужо блізка народная перамога, і наш пярвейшы абавязак — укласці ўсе сілы ў хутчэйшае паражэнне гітлераўскіх варвараў.

Мы абяцаем выканаць гэты абавязак! Таму сёння як ніколі неабходна славянскае адзінства, каб каардынаваць і ўзмацніць дапамогу арміям у барацьбе супраць нацы-фашыскай воі, і ў першую чаргу дапамагчы Чырвонай Арміі, якая нясе асноўны цяжар вайны.

Замацаваць вузы сяброўства паміж славянамі Лацінскай Амерыкі і выявіць сабатажнікаў і агентаў, якія праніклі ў нашы рады і дзейнічаюць як пятая калона супраць свабоды і незалежнасці нацыі Амерыкі.

Няхай жыве першы з'езд, сімвал адзінства славян Лацінскай Амерыкі!

(Падпісана 84 дэлегатамі.)

3

№ 16

Пасмертная згадка

2-га лютага б. г. у калоніі Пікада Губэрнадор Лёпез, Місьёнэс, адбылося пахаванне аднаго з лепшых актывістаў у руху дапамогі нашай Бацькаўшчыне гэтай калоніі, сп-ра Антона Міляновіча.

Антон Міляновіч раптоўна пакінуў сваю актывінасць на карысць бацькаўшчыны сваіх бацькоў, бо ён нарадзіўся ў далёкай чужыне, у Бразіліі, але ён выбраў бацькаўшчыну сваіх бацькоў, бо лічыў, што бацькаўшчына яго бацькоў, гэта значыць Савецкая Беларусь, ёсць лепшая і справядлівейшая, у параўнанні з той, дзе ён нарадзіўся і таму ён прылагаў усе свае намаганні, каб дапамагчы ў цяжкія дні.

Міляновіч быў сумленным чалавекам і шчырым патрыётам бацькаўшчыны, якой ён ніколі ня бачыў і ня ведаў добра, але ўвесь час марыў пабачыць яе калісь.

Перад сваёй раптоўнай смерцю Міляновіч выконваў абавязкі скарбніка ў мясцовым Камітэце Дапамогі Бацькаўшчыне. Ён выконваў сваю функцыю з надзвычайнай шчырасцю і адданасцю.

У апошнія хвіліны свайго жыцця, калі страшны боль яго пакідаў амаль бяз памяці, і тады ён прасіў свайго бацьку, каб перадаў таварышам касавую кнігу і ўсе грошы, сабраныя Камітэтам.

Антон Міляновіч заўчасна развітаўся з белым светам — яму было толькі 24 гады. Пакінуў Міляновіч жонку і трохгадовую дачку.

Прычына смерці яго была такая: ён быў поўнакроўны, і пры цяжкай працы вельмі спацеў, а спацелага абвешу халодны вецер, пасля чаго моцна захварэў і за тры дні памёр.

Смерць Антона Міляновіча выклікала вялікі смутак і жалобу ў каланістаў Пікадзі Губэрнадор Лёпез. Уся калонія яго паважала і шанавала.

Спі, дарагі Сябра і таварыш. Няхай зямля табе будзе пухам.

Ананій Віткалюк.

4

№ 17

Хто яны такія?

Ліст з Лёс Элечас, Місьёнэс.

19 мая б. г. у доме Якава Тэнчона сабралася 10 асоб, якія зарганізавалі «камітэт дапамогі» пры Беларускам цэнтры. Шмат людзей запытваюць сябе: які камітэт тут паўстаў, калі тут у нашай калоніі Лёс Элечас камітэт дапамогі існуе яшчэ з першых дзён бандыцкага нападу гітлераўскай Нямецчыны на нашую любую Бацькаўшчыну. І гэты наш Камітэт Дапамогі ім. Г. Жукава працаваў не толькі легальна, але і пад час нелегальшчыны. А працаваць пад час нелегальшчыны было надзвычай цяжка. Трэба было ісці на розныя цяжкасці і небяспекі. Аднак таварышы працавалі для дапамогі, бо разумелі свой абавязак перад сваёй Бацькаўшчынай. Працавалі раней і працуем зараз. Камітэт ім. Жукава зараз налічвае каля 200 членаў.

Што жадаюць зрабіць вось гэтыя 10 асоб, якія заснавалі новы «камітэт»? Гэтыя асобы маюць на мэце сабатажаваты работу дапамогі нашай Бацькаўшчыне. І з такой, а не з іншай мэтай, гэтыя асобы, адшчапенцы аб'ядналіся.

Паглядзім, што гэта за асобы знаходзяцца ў той дзесятыцы. П. Сцепанюк быў членам Кампартыі і дакаціўся да таго, што яго партыя як дэзарганізатар прагнала. Цяпер ён, каб адпомсціць рабочым арганізацыям, пайшоў да беларускага цэнтра. Ён думае, што цяпер зможа шкодзіць і разбураць дапамогу і рабочыя арганізацыі. Беларускі цэнтр павінен разумець, якія выкідышы і рэнегаты збягаюць пад яго апеку.

<...>

5

О. Мельнічук.

№ 18

Чаму працуюць асобна беларусы ад украінцаў ў Ляс Брэняс?

Падаем да ведама ўсім дапамагаючым Савецкай Радзіме, што ў Ляс Брэняс паўстаў рэарганізаваны Украінска-Беларускі Камітэт. Камісія Камітэту бачыла, што паміж гэтымі двума нацыянальнасцямі здараліся напаразуменні, у першую чаргу пасля першага Украінскага з'езду ў Буэнас-Айрэс.

Калі вярнуліся дэлегаты са З'езду, зараз жа разаслаліся лісты, якія склікалі членаў на зборы для высвятлення рашэнняў З'езду, але на жаль прыйшло толькі 13 чалавек на такую важную справу, як высвятленне рэзальюцый гэтага З'езду.

Затым, на 27 кастрычніка мінулага году былі скліканы гадавыя зборы ўсіх дапамагаючых на перавыбранне Камісіі і абмеркаванне плану працы, накладзенага Тэрытарыяльным Камітэтам Чака, які быў накладзены часткова на Ляс Брэняс 1.000 пэзаў і 70 новых членаў да новага году. Некаторыя таварышы абавязаліся выканаць ліст па 50. — Гэтыя таварышы былі наступныя: П. Дзідэк, К. Дробоскі, Д. Білевіч, Р. Зубеня.

З гэтых усіх выканаў і перавыканаў Д. Білевіч, якому належыць паша на за яго актыўную і шчырую працу.

Прыступілі да выбару новай управы, але выбралі толькі галаву, бо ўправу не было з каго выбіраці. Як вядома, ва ўправе былі ўсе беларусы, не з-за таго, што яны жадалі, а з-за таго, што не было з каго выбіраць. З тых часоў можна было бачыць, што ўкраінская маса адпала ад дапамогі і дапамога паменшыла. Таму ўправа мусіла неаднойчы сур'ёзна задумацца, каб знайсці спосаб для ўтрымання добрых узаемаадносін украінцаў і беларусаў. Было вырашана пачаць крытыку тых таварышаў, якія не актыўна сябе паводзілі, але гэта цягнулася ня доўга.

Калі прыйшлося бачыць сакратара Тэрытарыяльнага камітэту, з якім абмяняліся думкамі, то ён заявіў, каб каб прызначылі дэлегатаў на тэрытарыяльны з'езд на 8 снежня 1946 г. Дэлегатам на з'езд быў абраны С. В. Іванюк.

Не з'ездзе таварыш Мельнічук гаварыў, што трэба арганізаваць асобна беларускі і ўкраінскі Камітэты, тады паглядзім па рабоце, хто быў вінаваты, а хто быў правы, ці такім чынам унікнем непаразуменняў і па-лепшым працу.

Арганізацыю гэтых двух камітэтаў было даручана С. Іванюку, які гэта і выканаў. 14 снежня ён арганізаваў групу людзей толькі з украінцаў, ва ўправу якой увайшлі наступныя таварышы: К. Драбоскі — галава, Д. Сілвонюк — сакратар, О. Вількоўскі — скарбнік, П. Дзідэж, Г. Ваврысевіч — кантрольная камісія.

З таго часу новавыбраная камісія ўзяла на сябе адказнасць дапамагавай работы.

За кароткі час група ўжо прыдбала 20 новых членаў і працуе з Тэрытарыяльным Камітэтам, пашыраючы сваю работу.

А беларусы зацвердзілі свой стары Камітэт і працуюць з матэрыяламі ад Беларускага Цэнтральнага Камітэту ў Б. Айрэс.

Цяпер хачу растлумачыць для ўкраінцаў і беларусаў, чаму зрабілі гэту рэарганізацыю Украінска-Беларускага Камітэту. З-за таго, што не ўся маса брала ўдзел у дапамагавым руху і не мела адказнасці, а толькі глядела на камітэт, нібыта ён павінен быў усё зрабіць. Цяпер згаданая група мае адказнасць, як перад Тэрытарыяльным Камітэтам, так і перад Цэнтраліай Федэрацыі. Тым самым з большаю адказнасцю будзем збіраць больш дапамогі сіротам на нашых землях.

Пры абранні тых двух груп было добра высветлена, чаму гэта так робіцца, як адным, так і другім. Не для таго гэта зроблена, каб пашырыць нянавісьць, а для таго, каб больш дапамагчы нашым родным і сіротам, якіх бацькі аддалі жыцці за нашу свабоду і ўсяго чалавецтва. Мы працуем асобна не для таго, каб сеяць нянавісьць адзін да аднаго, а для таго, каб умець песціць сяброўства адзін да аднаго і вучыцца жыць як у адной сям'і. Калі мы да гэтага не прыстасуемся, то сорам нам будзе, калі вернемся на родныя землі і будзем так далёка адсталымі ад нашых братоў.

Таварышы, будзем жыць па-братэрску! Добра прыглядайцеся да ва-рожага элементу, якога яшчэ да сёнешняга часу ёсць багата і які жадае пранікнуць у нашыя рады та раз'яднаць нас на карысць ворагаў. Трэба вы-крываць фальшывы элемент і не дапусціць здзяйснення подлай работы.

Спадзяёмся, што гэтыя два Камітэта дружна павядуць сваю працу для дапамогі і выявляць багата здольнасцяў перад сваімі братамі.

Хай жыве братняя любоў між украінцамі і беларусамі!

Хай жыве адзінства ўсіх славян на эміграцыі!

Сакратар Беларускай Групы С. В. Іванюк.

6

№ 19

Са славянскага свята на Док Судзе

26 красавіка ў югаслаўскай зале на Док Судзе адбыўся канцэрт, арганізаваны чатырма камітэтамі дапамогі, а менавіта: украінскім ім. Ці-машэнка, беларускім, польскім і югаслаўскім. На канцэрт прышло каля дзвюх тысяч чалавек. Так, што заля не ўмясціла і паловы людзей.

У праграме канцэрту бралі ўдзел найвыдатнейшыя самадзейныя гурткі славянскай калоніі. Самую вялікую ўвагу выклікаў у гледачоў гурток фізкультурнікаў з Валенцін Альсіна. Гэты гурток паказаў некалькі спартыўных фігур, якімі здзівіў гледачоў. Таксама цудоўнымі былі і іншыя танцавальныя, спявальныя і музыкальныя выступы самадзейных гурткоў славянскай калоніі.

Пад час канцэрту была зачытана тэлеграма ад галавы Славянскага Саюзу П. Шаstackoўскага, у якой ён паведамляў прычыну сваёй адсутнасці. Імя галавы Славянскага Саюзу прысутнія віталі авацайяй.

Наогул, канцэрт меў вялікі як маральны, так і матэрыяльны поспех. Агульны даход з канцэрту быў 1.658 пезаў і 20 центаў. Расходу было \$493.30. Чыстага прыбытку — \$1.164.90.

7

№ 20

Да ведама Беларускім і Украінскім Калоніям

У сувязі з набліжэннем летняга сезону — вельмі прыдатнага да арганізацыі фэстаў (пікнікоў) у зелены ўзбярэжжа рэчак, 16 жніўня б. г. адбыўся збор беларускіх і украінскіх дэлегатаў, якія прадстаўлялі дваццаць тры арганізацыі гэтых нацыянальнасцяў. Цэллю гэтага збору было стварыць агульную камісію і выпрацаваць план для арганізацыі пазначаных мерапрыемстваў.

У падрыхтоўчую камісію ўвайшлі наступныя прадстаўнікі:

Галава — В. Нечепор, ад Бел. Ц. М. Горкага, сакратар — І. Кобрынец, ад Б. І. Луцкевіча, нам. сакр. — І. Ясюкевіч, ад Бел. Т-ва Віжа Лінч, скарбнік — Б. Казлоўскі, ад Бел. Т-ва Янка Купала. Кантрольная камісія: П. Білей, ад укр. т-ва Т. Г. Шаўчэнка, С. Барабаш, ад укр. тав. Ім. Лесі Украінкі і В. Сайкевіч, ад бел. тав. Якуб Колас.

Абмяркоўваючы падрыхтоўчую работу і месца размяшчэння ўсіх арганізацый, падрыхтоўчая камісія вырашыла арганізаваць згаданыя пікнікі ў двух зонах: паўднёвай і заходняй. За ўвесь час летняга сезону 1947–48 гг. будзе арганізавана дзесяць пікнікоў, пяць у Вісэнтэ Лёпес і пяць у Кільмес. Такое размеркаванне дасць магчымасць і нагоду браць удзел у пікніках усім членам украінскіх і беларускіх арганізацый згодна з іхнімі жаданнямі.

На сваім чарговым паседжанні камісія прызначыла падкамісіі для палягчэння працы і яе поспехаў: адную камісію на паўднёвую зону і адную на заходнюю.

Пікнікі адбудуцца ў наступных датах: у Кільмес — 30 лістапада, 28 снежня, 18 студзеня, 1 лютага і 29 лютага. У Вісэнтэ Лёпес: 16 лістапада, 2 снежня, 24 студзеня, 22 лютага і 7 сакавіка.

Падрыхтоўчая камісія заклікае ўсіх украінцаў і беларусаў прыбыць масава на вышэй вызначаныя пікнікі, дзе весела правядзецца час сярод сваіх знаёмых на свежым паветры.

В. Нечепар — галава

І. Кабынец — сакратар.

РАЗДЗЕЛ 2

БЕЛАРУСКІЯ РЭЭМІГРАНТЫ (1955–1960-я гг.)

У 1956 г. пасля доўгіх гадоў чакання беларусы змаглі здзейсніць сваю мару — вярнуцца на Радзіму (рээміграваць). У другім раздзеле прадстаўленыя матэрыялы, якія характарызуюць працэс рээміграцыі, уладкаванне беларусаў у СССР, іх стаўленне да савецкай рэчаіснасці, а таксама ўплыў водгукаў рээмігрантаў пра СССР на жыццё беларускай дыяспары ў Аргенціне. У 1960-я гг. у Аргенціне разгарэлася дыскусія пра тое, што такое СССР насамрэч. Абнародаваныя дакументы і артыкулы адлюстроўваюць пазіцыі бакоў у гэтай спрэчцы, характарызуюць палітыку савецкіх прадстаўнікоў (дыпламатаў і Таварыстваў па сувязях з суайчыннікамі «Родина» (у Маскве) і «Радзіма» (у Мінску)). У лістах з Аргенціны беларусы расказвалі супрацоўнікам Таварыстваў «Родина» і «Радзіма» пра палітычныя падзеі ў краіне, пра становішча ў дыяспары і тым самым з'яўляліся карыснай крыніцай інфармацыі для савецкіх уладаў. Такой жа крыніцай інфармацыі, толькі пра жыццё рээмігрантаў, з'яўляліся лісты рээмігранткі Е. Спірыдонавай.

Стаўленне да савецкіх рэаліяў і паводзіны рээмігрантаў у новых абставінах не былі аднолькавымі. Хтосьці імкнуўся вярнуцца назад у Аргенціну, хтосьці заставаўся жыць на тым месцы, куды прыехаў, хтосьць пераязджаў у Мінск ці Маскву, дзе жыццё было больш камфортным. Кіраўніцтва БССР сачыла за перасяленцамі з першых дзён іх знаходжання ў рэспубліцы, асабліва за тымі, хто звярнуўся з хадайніцтвам аб вяртанні ў Лацінскую Амерыку. Урад СССР праводзіў мерапрыемствы па паляпшэнні жыцця рээмігрантаў, уладкоўваў іх на больш прыбытковую працу, а потым сачыў за змяненнямі іх настройў і стаўлення да савецкай рэчаіснасці.

У наш час ёсць магчымасць параўнаць дадзеныя сакрэтных дакументаў ЦК КПБ і ЦК КПУ з інфармацыяй, якая змяшчалася ў савецкіх газетах. Газетныя артыкулы адлюстроўваюць таксама супрацьлегласць характарыстык рээміграцыі нацыяналістычнай дыяспары і савецкіх прадстаўнікоў. Калі для газеты «Беларус» перасяленне беларусаў у СССР разглядалася як памылка, то для «Голасу Радзімы» (друкаванага органу таварыства «Радзіма») рээміграцыя — гэта выратаванне суайчыннікаў ад пакутаў буржуазнага ладу жыцця.

Некаторыя беларусы нарадзіліся ў Аргенціне і па законах гэтай краіны лічыліся яе грамадзянамі. Таму ў пачатку 1960-х гг. кіраўніцтва Савецкага Саюзу, каб унікнуць міжнароднага скандалу, дазволіла частцы рээмігрантаў вярнуцца ў Аргенціну. На сённяшні момант пакуль не знойдзеныя ўсе дакументы, якія дазволілі б вызначыць дакладную колькасць беларусаў, што перасяліліся ў СССР. Таксама не вызначана, колькі рээмігрантаў вярнулася ў Аргенціну. Гэтыя матэрыялы, імаверна, знаходзяцца ў маскоўскіх архівах. Дакументы, выбраныя з архіву МУС РБ, даюць уяўленне пра вяртанне беларусаў у Аргенціну ў сярэдзіне 1960-х гг. — найбольш актыўны перыяд «рээміграцыі».

№ 1

[Пастанова, пасля выдання якой беларусы ў замежжы маглі
вярнуцца на Радзіму]

**Об амнистии советских граждан, сотрудничавших
с оккупантами в период Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.**

Указ Президиума Верховного Совета СССР 17 сентября 1955 г.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ добился новых больших успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего укрепления своего социалистического государства.

Учитывая это, а также прекращение состояния войны между Советским Союзом и Германией и руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР считает возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или несознательно оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осужденных на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные ст. ст. 58¹, 58, 58, 58, 58 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

2. Сократить наполовину назначенное судом наказание осужденным на срок свыше 10 лет за преступления, перечисленные в ст. 1 настоящего Указа.

3. Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку.

4. Не применять амнистии к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан.

5. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами о преступлениях, совершенных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., предусмотренных ст.ст. 58¹, 58, 58, 58, 58, 58 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, за исключением дел о лицах, указанных в ст. 4 настоящего Указа.

6. Снять судимость и поражение в правах с граждан, освобожденных от наказания на основании настоящего Указа.

Снять судимость и поражение в правах с лиц, ранее судимых и отбывших наказание за преступления, перечисленные в ст. 1 настоящего Указа.

7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины и явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе.

Ведомости Верховного Совета СССР, 1955 г. № 17, с. 345.

№ 2

ТЕЛЕФОНОГРАММА ПО ВЧ № 289
из МОСКВЫ 29 марта 1956 года
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БССР
товарищу КИСЕЛЕВУ К. В.

Сообщаю Вам, что 23 марта т. г. из БУЭНОС-АЙРЕСА в СССР через Одессу на пароходе «ЭНТРЕРИОС» который прибудет в Одессу примерно 12 апреля, выехало 781 советский гражданин, в т. ч. 163 детей, 2 репатрианта. Семей — 180, одиночек — 120 ч, украинцев — 519, белоруссов — 208, литовцев — 28, русских — 11, прочих 15 человек.

По профессиям: строительных рабочих — 119 чел., разно-рабочих — 108 чел., промышленных рабочих — 73 чел., портных — 49 чел., ткачей — 29 чел., шоферов — 29 чел., сапожников — 6 чел., служащих — 14 чел., крестьян — 36 чел., не имеют профессий — 171 человек.

Из указанного числа советских граждан едут в Белоруссию 209 человек, остальные на Украину и в другие республики.

Просьба принять необходимые меры по их трудоустройству и обеспечению жилплощадью.

К приходу парохода направьте своего представителя в Одесу где он должен будет поддерживать связь с т. Ладвищенко.

КОСТЫЛЕВ

<...> 29 марта 1956 года.

НА РБ, ф. 7, оп. 4, д. 3443, л. 35

№ 3

Телефонограмма по ВЧ № 321
из Москвы 5 апреля 1956 г.
МИД БССР
товарищу КИСЕЛЕВУ К. В.

В дополнение к нашей телефонограмме № 289 от 29/III-1956 года сообщаем, что из 187 прибывающих из Аргентины в Одессу на аргентинском пароходе «Энтре-Риос» в БССР едет 39 семей к родственникам, в том числе: в Брестскую область: Высоковский и Ленинский районы — по одной семье; Пружанский, Шерешевский, Ивановский, Ганцевичский, Каменецкий, Антопольский — по две семьи; Брестский, Дрогичинский — по

три семьи; Кобринский — 7 семей. В Минскую область: Клецкий, Столбцовский районы — по одной семье, Несвижский — две семьи, в Гродненскую область: Кореличский, Слонимский районы — по одной семье, Новогрудский, Дятловский, Любчанский районы — по две семьи.

Кроме того 10 семей, едущие в БССР, сведений о родственниках не имеют.

Одновременно сообщает, что Посольство СССР в Аргентине просит пригласить в Одессу на встречу парохода, прибытие которого ожидается примерно 11 апреля, бывшего руководителя Совколонии в Аргентине Ляшука Трофима Назаровича, проживающего в г. Высокое Брестской области, ул. Пушкина <...>, а также Бойко Павла Николаевича*, проживающего в г. Новогрудке Гродненской области, ул. Советская <...>.

МИД СССР просьбу Посольства поддерживает и считает целесообразным организовать такую поездку в Одессу гражд. Ляшука Т. Н. и Бойко П. Н.

Член Коллегии МИД СССР — Костылев.

<...>

НА РЕ, ф. 7, оп. 4, д. 3443, л. 33–34.

* **Бойка Павел Мікалаевіч** (1928–2007, Масква) — вядомы дзеяч беларускай дыяспары. З’яўляўся чальцом кіраўніцтва клуба імя М. Горкага, рэдактарам беларускай «Нашай газеты» ў Буэнас-Айрэсе. Адзін з кіраўнікоў прасавецкага ўкраінска-беларускага моладзевага аб’яднання ў Аргенціне. Двойчы арыштоўваўся аргенцінскай паліцыяй. З 1953 г. у СССР. Пяць гадоў жыў з сям’ёй у Навагрудку, потым у Маскве. Скончыў Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт, Вышэйшую партыйную школу. Доктар эканамічных навук (1989 г.).

№ 4

Секретно

Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 11 января 1956 г. № 37-26с

Москва, Кремль

О трудоустройстве советских граждан и членов их семей,
возвращающихся из-за границы в СССР
на постоянное жительство

Совет министров Союза ССР постановляет:

1. В связи с усиливающимся стремлением к репатриации на Родину советских граждан из числа эмигрантов, покинувшим по различным причинам царскую Россию, бывшие буржуазные государства Латвию, Литву, Эстонию, западные области Украины, Белоруссии, районы Молдавской и Карело-Финской ССР, входивших ранее в состав буржуазных государств, а также советских граждан, выехавших из Советского Союза, распространить на эту категорию лиц и на членов их семей действие Постановления Совета Министров СССР от 17 сентября 1955 года № 1701.

2. Обязать Госбанк СССР (т. Попова) через свои учреждения выдавать на погранпунктах пребывающим из-за границы советским гражданам безвозвратные ссуды для приобретения железнодорожных билетов от границы СССР до места их назначения и для оплаты стоимости провоза багажа, а также суточные за время их следования в пути из расчета 10 рублей в сутки на человека.

Особо нуждающимся репатриантам выдавать единовременное безвозвратное пособие в размере 500 рублей на человека.

3. По прибытии на место постоянного жительства выдавать нуждающимся советским гражданам через учреждения Госбанка СССР ссуды на обзаведение в размере от 5 до 10 тысяч рублей с погашением в течении 5 лет.

4. Обязать Министерство финансов СССР выделять Министерству иностранных дел СССР дополнительные ассигнования для оказания нуждающимся советским гражданам, возвращающимся в СССР на постоянное жительство, помощи в переезде из страны пребывания до госграницы СССР.

5. Отнести за счет госбюджета расходы, связанные с переездом советских граждан, возвращающихся в СССР на постоянное жительство.

Председатель

Совета Министров Союза ССР **Н. Булганин**

Управляющий Делами

Совета Министров СССР **А. Коробов**

Архив МВД Республики Беларусь, ф. 51, оп. 2, д. 25, л. 36–37.

[№№ 5–6 — лісты міністра замежных спраў БССР
К. Кісялёва да саюзнага кіраўніцтва, у якіх закранаюцца
праблемы ўладкавання беларускіх рээмігрантаў]

№ 5

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

товарищу Молотову В. М.

В Белорусскую ССР прибывает из стран Латинской Америки на постоянное жительство значительное количество советских граждан. За истекший 1955 год и первый квартал 1956 года их прибыло 682 человека. По имеющимся данным в последующем число прибывающих в республику реэмигрантов значительно увеличится и достигнет нескольких тысяч человек.

Подавляющее большинство прибывающих реэмигрантов являются специалистами /металлисты, текстильщики, краснодеревщики, портные, строители и т. д./ и в связи с этим стремятся к поселению в промышленных городах, чтобы работать там по приобретенной заграничей специальности. От поселения в колхозах, как правило, отказываются.

В республике принимаются соответствующие меры по трудовому устройству этой категории лиц и обеспечению их жильем. Только в гор. Минске поселено и трудоустроено 40 семей. Многие реэмигранты поселены и трудоустроены также в городах Бресте, Гродно, Молодечно и Пинске. Однако, из-за отсутствия свободного жилищного фонда в городах, большого числа семей рабочих, служащих и демобилизованных воинов Советской Армии, остро нуждающихся в жилплощади, создается крайне ограниченная возможность выделения квартир за счет нового жилищного строительства для реэмигрантов. Только в г. Минске около 20 тыс. семей из числа рабочих, служащих

и демобилизованных воинов Советской Армии не обеспечены жильем.

Такое же положение и в других городах республики. Выдаваемые через учреждения Госбанка СССР ссуды реэмигрантам на хозяйственное обзаведение в размере от 5 до 10 тысяч рублей также не решают вопроса их жилищного устройства.

Возникшие затруднения в жилье вынуждают местные органы власти временно устраивать некоторые семьи реэмигрантов в гостиницах. В гостиницах Минска, Бреста и Молодечно в настоящее время проживает 12 семей.

Большинство из реэмигрантов благодарны тем, что они получили возможность вновь обрести родину и стать равноправными гражданами Советского Союза. В то же время имеются факты, когда отдельные семьи из числа реэмигрантов, обеспеченные необходимым жильем и трудоустроенные по специальным соглашениям, обращаются в Аргентинское Посольство в Москве с ходатайствами о выезде в Аргентину.

В связи с создавшимся положением считаю, что назрел вопрос о необходимости дополнительного выделения средств на строительство жилых домов в промышленных городах для размещения в них прибывающих из-за границы советских граждан. В частности на эти цели для Белорусской ССР потребовалось бы дополнительных ассигнований на 1956 год 5 миллионов рублей и на 1957 год 25 миллионов рублей, для строительства домов в гг. Минске, Бресте, Гродно, Молодечно, Барановичи и Пинске.

Министр

Иностранных Дел Белорусской ССР /К. Киселев/

НА РБ, ф. 7, оп. 4, д. 3443, л. 84–85

№ 6

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС

О выполнении постановления ЦК КПСС от 26.X.1956 г.

«О мерах улучшения работы среди советских граждан, возвратившихся из-за границы на жительство в СССР».

По состоянию на 25 декабря 1956 года в Белорусской ССР проживает 1128 советских граждан, вернувшихся из-за границы на жительство в СССР. Большинство из них трудоустроено,

обеспечено жильем, добросовестно работает, приобщается к общественной жизни предприятий, колхозов, учреждений.

Советом Министров Белорусской ССР и исполкомами областных Советов депутатов трудящихся этим гражданам выдано в порядке единовременной помощи 462 тысячи рублей, а также выдана ссуда на строительство и на обзаведение хозяйством в размере 231 тыс. рублей. Кроме этого местными Советами отпускаются необходимые строительные материалы, а по линии предприятий и колхозов оказывается помощь в строительстве жилья.

Советские граждане, которые после возвращения оставались на жительство в городах, устроены на работу, как правило, по специальности, а поселившиеся в сельской местности — вступили в колхозы. Из 320 семей, прибывших на жительство в Брестскую область, 70 семей проживают в сельской местности. Все они вступили в колхозы, активно участвуют в колхозном производстве, обзаводятся хозяйством, строят собственные дома. Прибывший из Аргентины в 1955 г. с семьей Мацкевич А. А. вступил в колхоз «Большевик» Каменецкого района. С помощью государства и колхоза построил себе дом, обзавелся хозяйством. В настоящее время вся семья Мацкевича активно работает в колхозе.

На Минском радиозаводе работают 10 советских граждан, возвратившихся на жительство в СССР. Все они прошли курс обучения, получили специальности, добросовестно относятся к труду.

Проведенная в октябре-ноябре 1956 года проверка трудового и бытового устройства советских граждан, возвратившихся из-за границы на жительство в Белорусскую ССР, показала, что в республике еще не были трудоустроены 28 человек, многие из них не желают устраиваться на работу по различным причинам. 80 семей не были обеспечены жильем, прежде всего в городах Минске, Бресте, Барановичах и Кобрине.

Распоряжением Совета Министров Белорусской ССР министрам и руководителям республиканских организаций предложено предоставить жилье в заканчивающихся строительством домах 18 гражданам, работающим на предприятиях и учреждениях этих министерств и организаций. Остальным гражданам из числа возвратившихся из-за границы на жительство в город Минск будут выделены квартиры в заканчивающихся строительством домах Минского горсовета. Вопрос об обеспе-

чении жильем возвратившихся граждан решается и в других городах.

Проверкой установлены отдельные факты неправильного отношения местных советских органов и руководителей хозяйственных организаций к некоторым репатриантам, вследствие чего они высказывают недовольство.

Прибывшие из Аргентины на постоянное местожительство в г. Минск братья Петр, Освальд и Михаил Галюки направлены на работу в 18 строительный трест, который предоставил им в общежитии отдельную комнату. Однако другие стороны быта не были решены. Это и послужило причиной подачи ими заявления о выезде из СССР. В настоящее время братья Галюки получили квартиру во вновь отстроенном доме. Настроение их улучшилось.

В то же время отдельные советские граждане, возвратившиеся из-за границы на жительство в Белорусскую ССР, высказывают нездоровые настроения без всяких на то оснований.

Центральным Комитетом КП Белоруссии, Советом Министров БССР, обкомами партии и облисполкомами принимаются меры по устранению недостатков в работе с советскими гражданами, возвратившимися из-за границы на жительство в Белорусскую ССР.

Для оперативного решения вопросов и постоянного контроля за деятельностью местных Советов по трудовому и бытовому устройству советских граждан, возвратившихся на жительство в СССР, при Совете Министров БССР образована правительственная комиссия во главе с заместителем председателя Совета Министров БССР. В областях ответственность за это дело возложена на первых заместителей председателей исполкомов областных Советов депутатов трудящихся и одного из секретарей обкомов партии.

Принимаются меры к тому, чтобы все советские граждане возвратившиеся из-за границы на жительство в СССР, быстрее включались в активную общественную жизнь коллективов, в которых они работают.

(Т. Киселев)

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП БЕЛОРУССИИ

НА РБ, ф. 4п, оп. 62, д. 461, л. 6–8.

[№№ 7–9 — дакументы Цэнтральнага Камітэту КПУ]

№ 7

Радзі Міністрів УРСР

ЦК КП Украіны

Доповідна записка

Про работу серед радянських громадян,
які повернулися з-за кордону в УРСР
і проживають у Ворошиловградській області.

За Вашим дорученням я виїздив до Ворошиловградської області і перебував там з 26 травня до 12 чэрвня б. р.

За останні два роки до Ворошиловградської області прыбуло шляхам репатрыяцыі та реэміграцыі з-за кордону на постыйне прожывання 68 сямей та 48 адыноках, вьсьога 264 асоба.

<...> прыбуло: з Аргентыны — 44, з Францыі — 10, Болгарыі — 8, Кытаю — 7, Канады — 6, Англыі — 5, Польшы — 5, Гречыі — 4, Нямеччыны — 4, Бельгыі — 4, Югаславыі — 4, Чэхаславакыі — 3, Навоі Зеландыі — 3, Італыі — 2, Голандыі — 3, Австрыі — 2, Венгрыі — 1, Даныі — 1, США — 1, Ірану — 1.

В зв'язку з тым, што не вьсьы цы сямейства булы аточены вьдповыдноу увагоу, вывошноу роботоу і патрыбным пількуванням з боку мьсцевых арганів влады і радянських устанав та арганызацыі, деякы з ных пачалы пьднмьагы клопатынньа про поверненьньа назад. А тры сям'ы вьже вьйхалы: до Францыі вьйхав Салаюн Мотье, 1915 р. народженьньа з жынкоу Оленоу Мыхайлывноу, родом вона з м. Верхньога, Ворошыловградськыі аоблстьы; до Бельгыі вьйхав гр. Депуртен, жынка в ньога укранька з Ворошыловградськыі аоблстьы і до Голандыі вьйхала сям'я Івановоі Лыдыі Коньстантынывны, 1921 року народженьньа, родом вона з Ворошыловградськыі аоблстьы, чоловкы іі голландець.

Крмь тых, што вьже вьйхалы, ще 12 сямей вьсь чьас пьднмьалы клопатынньа про наданньа їм можлывосты повернутыся назад.

А саме:

1. Сям'я Вольянюка Семьна Арсьеньевыча, вын 1926 року народженьньа, уроженьць Тернопольськыі аоблстьы, прыбув з Аргентыны 28 лыпня 1956 р. з жынкоу Вольянюк Бертю Станыславывноу, 1929 р. народженьньа, уроженька м. Буьенос-Айрес /Аргентына/, дочкоу Ксьенієу, 1947 року народженьньа і сыном Стэфаном 1953 р. народженьньа. Власьтувався на роботу на тькстыльноту комбьанаты

ім. Ворошилова /в м. Ворошиловграді/ ткачем. Спочатку його заробіток складав до 600–700 карб., жінка не працює, жили на приватній квартирі, газет не читали, радіо не слухали, ні з ким не дружили, сторонилися робітничого колективу, на збори не ходили, до громадської роботи їх нікто не притягав і жодної індивідуальної роботи з ними не вів.

2. Сім'я Волянюка Степана Арсентьєвича /брат Волянюка Семена/ — він 1931 року народження, а його жінка Ксенія Микитівна Волянюк 1931 року народження — приїхали вони разом з братом і теж влаштувався на роботу на тім же комбінаті ткачем, а жінка ніде не робе, маючи 2-річну дитину, яка родилась в Аргентині в 1955 р.

Батько Волянюків — Арсентій Волянюк, прибувши з Аргентини, купив будинок у м. Тернополі і там тепер живе.

По деяким даним — Волянюки в Буенос-Айресі мали власну кустарну шовково-ткацьку фабрику, на якій працювали всім сімейством.

Під час розмови з Ксенією Микитівною Волянюк, вона в загалі проговорила:

— Я там /в Аргентині/ працювала на своїй фабриці 9 літ ткачем, там маю власний будинок /мати подарувала їй/, а тут я не піду працювати Вам на 500 карб. Ми жили там краще, я не привикла жити в одній кімнаті, та ще в загальній кухні...

Волянюк Семен у розмові з ним /при розмові крім мене був присутній секретар міськпарткому м. Ворошиловграда т. Лебедєв С. Ф./ заявив:

— Я в Аргентині за 20 літ роботи ткачем так не зморювався на роботі, як тут за один рік. Я тут не залишуся. Я скоріше кинуся під поїзд, ніж залишуся тут.

На зборах земляків /на текстильному комбінаті ім. Ворошилова їх працює 23 сім'ї; їх скликали в клубі, щоб поговорити про їх трудовлаштування, про створення відповідних культурно-побутових умов, тощо; на цих зборах були присутні господарники, керівники району, міста тощо/ Волянюк Степан виступив і невдоволено заявив:

— Дякую Вам за все, за два стільці, що їх дала мені фабрика і прошу дати мені змогу повернутися до Аргентини.

Проти такого виступу горяче протистували його ж земляки, зокрема гр. Дубчук У. І. /його жінка гр. Коберська Лідія — працює стельмахом по 7 розряду на деревообробній фабриці, за-

робляючы 1200–1300 карб. на місяць/, гр. Шмідт Т. С. /він працює слюсарем на комбінаті і заробляє по 1200 карб. на місяць/, Підгайний Іван Вол. — 1923 р. народження, працює на комбінаті сам і його дружина — ткачами, він заробляє 1000–1100 й жінка 1049 карб. й другі.

Підгайний І. В. занесений на дошку пошани комбінату, він дав цінну раціоналізаторську пропозицію, за що одержав грошову премію. Він у своєму виступі заявив:

— Я на рідній землі ожив. Дякую Радянській владі за допомогу, за те, що я зміг повернутися на Бацьківщину й трудитися на себе, а не на панів, як то було в Аргентині. Білогвардійщина там у Аргентині нас провокувала, знущалася з нас за те, що ми симпатизували радянській владі. Нас прийняла рідна земля — дали нам хорошу роботу, квартири, допомогу кредитом — я одержав кредиту 5000 карб.; Волянюк говорить, що йому не подобається тут, але він не зазнав стільки горя, як моя сем'я, він не знає минулого, бо ще сам молодий...

Репліка гр. Волянюка Степана: «Ти мене не агітую».

Гр. Підгайний: — Я тебе не агітую, а кажу правду в вічі. Жінка твоя і твого брата можуть працювати, але чомусь тут не працюють.

Репліка гр. Волянюк Берти /по-іспанські говоре/:

«Я російської мови не знаю, дітей виховую сама, а там зосталася хвора мати, брат там у тюрмі, через це я і хочу туди вернутися».

Гр. Підгайний Ів.: — Мати твоя і тоді була хвора, як ми їхали сюди, і хата в неї хороша, а брат сидить у тюрмі за вбивство людини... Випустять брата то й мати твоя сюди приїде. Тут робочому краще жити. І Волянюки тепер заробляють понад 1200–1300 карб. кожний...

Я навмисно навів уривок з розмови «земляків», щоб стало ще яскравішим питання про посилення виховної роботи серед репатріантів і реемігрантів. Ворошиловський Обком КПУ займався цим питанням покищо формально. 12 листопада 1956 р. секретаріат Обкому КПУ розглядав доповідну записку адмінвідділу Обкому партії «Про сер'йозні недоліки в справі трудовлаштування, розміщення і постановки виховної роботи між громадянами, які повернулися з-за кордону до Ворошиловградської області». Але не було тоді зроблено головного, тоб-то не схвалили конкретних міроприємств по посиленню роботи се-

ред кожної сім'ї радянських громадян, які повернулися з-за кордону, не виділили певних відповідальних осіб, які персонально відповідали б в Обкомі КПУ, в Облвиконкомі та в районних, низових партійно-радянських організаціях за роботу серед репатріантів і реемігрантів.

Тепер, коли Обком КПУ й Облвиконком, міськоми та райкоми КПУ і міськради та райради виділили певних осіб, які через окремі бригади і сами особисто обстежили кожную сім'ю і одинокого репатріанта чи емігранта, всі переконалися в тому, що досі якщо було зроблено по лінії трудовлаштування та наданню житла, то зовсім мало, а той нічого не було зроблено по лінії перевиховання цих людей.

3. Сім'я гр-на Бойко Івана Григоровича, він 1930 року народження, жінка Ольга Кіндратівна Бойко, народження 1930 року, родом з Аргентини, син Іван — 1954 р. народження /родився в Аргентині/ прибула 30 грудня 1956 р. до Волинської області, а потім переїхала до Ворошиловграда, де Бойко І. Г. влаштувався на роботу слюсаря на заводі ім. ХХ-річчя Жовтня; заробляє він 700-800 крб. на місяць, жінка не працює, бо син простудився і хворіє /живе він у напівпідвальної приватній квартирі — кімната й кухня — підлога земляна, вугіль одержував неякісний; за цю квартиру завод плат-є 150 крб., а гр. Бойко доплачує 23 крб./ . Коли оглянули цю квартиру, то побачили, що дійсно вона є причиною до того, що гр.. Бойко хоче вернутися до Аргентини, де живуть батьки його і дружини.

Коли б керівництво заводу, райради і парторганізація зацікавилися б раніше житлово-побутовими умовами гр. Бойко, то за 150 крб., які сплачує завод за квартиру, можна було б знайти кращу квартиру. На сім'ю Бойко навіть профспілка не звертала жодної уваги і він досі не член профспілки.

Тепер керівництвом міста Ворошиловграда вирішено надати гр. Бойко квартиру в новому будинку, який в цім місяці буде засялятися. Завод також дав гр. Бойко два ліжка і кілька стільців.

Гр. Бойко висловив велике невдоволення тим, що його листи не доходять до Аргентини, що Таможня ст. Чоп затримала пакунок, який йому надіслали батьки з Аргентини. Крім цього гр. Бойко заявив, що речі, які йшли багажом, під час його приїзду до СРСР, були кимось переглянуті і частини речей він не одержав, тоб-то «частину речей було вкрадено — на 4-5 тисяч крб. речей пропало».

<...>

5. Сім'я Бібко Сергія Федоровича — він 1929 року народження, родом з Мінської області, прибув з Аргентини 5 липня 1956 р. з жінкою Оленою Михайлівною Бібко, 1935 року народження, родом з Гродненської обл. і дочкою, Раїса 1952 р. народження.

Бібко С. Ф. працює на текстильному комбінаті ім. Ворошилова чистильником апаратів, заробляє від 1100 до 1200 крб. Жінка не працює. Живе в одній кімнаті /в новому будинку/, сам дещо купив з меблі, а від кредиту на меблю відмовився.

На нараді земляків виступаючи говорили, що Бібко чомусь не ходє на збори працівників комбінату, не бере участі в громадській роботі.

Бібко висловив своє невдоволення на те, що його листи не доходять до Аргентини, що йому доводиться стояти в чергу, щоб купити гасу, чи продукти харчування. Це є головною причиною подачі заяви про повернення до Аргентини.

6. Сім'я Яремчук Василя Петровича — він 1910 року народження, родом з Тернопільської області, жінка — Яремчук Софія Степанівна — 1897 р. народження, родом з Тернопільської обл. — прибула до Ворошиловграда 20 листопада 1955 року.

Яремчук В. П. влаштувався каменоломом в домоуправлінні <...>, заробляє від 600 до 800 крб., живе в комунальній квартирі, але скаржиться на малий заробіток, що зароблених грошей не вистачає на життя, що навіть гасу не може купити без черги.

Після кількох бесид з Яремчуком він почав спокійніше себе вести й схиляється до того, щоб забрати заяву, яку він надіслав в МВД, назад.

<...>

9. Сім'я Стефанович Павла Михайловича, він 1905 року народження, родом з Пінської області, прибув з Аргентини 5 серпня 1956 року з жінкою Іриною Олександрівною, 1913 року народження, родом з Волинської обл., син Павло 1941 р. народження і дочка Лідія 1938 року народження /це не рідна його дочка, а він її виховує, прізвище дочки — Спесьян/.

Гр. Стефанович працює слюсарем на заводі ім. Жовтневої революції, заробляє від 550 до 650 крб.. Квартира в нього хороша, в новому будинку. Сам Стефанович в розмові /при розмові були присутні заступник Голови Облвиконкому т. Шепілов, голова Жовтневої райради т. Солодовников/ заявив:

— Я одержав дуже хорошу квартиру з 2-х кімнат з окремою кухнею, за це велике спасибі Радянській владі, але заробіток у мене малий. Мені все обіцяли дати кращу роботу, але й досі не дали. Діти в мене хороші і я мріяв їм дати вищу освіту. Дочка в Аргентині закінчила 11 класів середньої школи, а тут не вчиться, бо пішла працювати на кондитерську фабрику — заробляє 300 крб. Син почав було вчитися в середній школі, але з-за того, що погано знає російську мову залишив 7-й клас і пішов на взуттєву фабрику — там працює учнем, одержує 250–300 крб. Зі мною і моїми дітьми ніхто не товаришує; діти носять той одяг, що ми його купували в Аргентині й через це їх звивають стілягами, що безперечно і для них і для мене це велика образа. Діти зговорилися з матерею і щодня напосілають на мене, щоб повернутися до Аргентини. Я дуже просив би ось голову райвиконкому, який знає мою сім'ю, переговорити з моєю дружиною, бо в мене вже не має сили з нею та й з дітьми вести розмови. Все це й стало причиною подання мною заяви про повернення до Аргентини.

На нараді керівників підприємств і секретарів райкомів та парторганізацій /нараду скликав міськом КПУ в м. Ворошиловград/ головний інженер заводу ім. ОР тов. Найш запевнив керівництво міському, що сім'я Стефанович буде оточена відповідною увагою і в першу чергу цим самим він буде мати більшу зарплату, що сім'ї Стефанович видадуть кредит в сумі 5 тисяч і допоможуть їм вчитися.

До сім'ї Стефанович прикріпили для індивідуальної виховної роботи заст. голови Жовтневої райради депутатів трудящих тов Лефтієва.

Міськом комсомолу оточить певною увагою дітей Стефановича.

<...>

В загалі треба сказати, що тільки тепер «Ворошиловградська правда» і «Прапор перемоги» почали висвітлювати життя і побут сімей репатрійованих.

В зв'язку з тим, що є заяви про злочинне ставлення до вантажів репатріантів /частина речей пропадає, чи як стверджує гр. Бойко просто мала місце кража цінних речей/, вважаю доцільним встановити такий порядок на Таможні ст. Чоп, щоб більш не мали місця подібні факти.

Не бажана тяганина, яку застосовують працівники Таможні на ст. Чоп, щодо пакунків, які одержують репатрійовані від

своїх рідних з Аргентини. Гр. Третьак і Бібко з Ворошиловграду протягом трьох місяців не можуть одержати пакунків, хоча вже були розпорядження з Москви на клопотання Ворошиловградської міськради видати ці пакунки безкоштовно, поскільки це прибуло майно переселенців, які тимчасом знаходяться в скрутних матеріальних умовах.

Поскільки індивідуальні листи репатріантів майже не доходять з Ворошиловграду до Аргентини, що викликає нездорові настрої у них, бажано було б провести організоване надсилання листів і фотографій через керівництво підприємства, міську чи районну раду депутатів трудящих.

Про все це я особисто доповідав керівництву області, зокрема першому секретареві Обкому КПУ тов. Клименко В. К.

Міроприємства ЦК КПУ України та Ради Міністрів УРСР по посиленню роботи серед радянських громадян, які повернулися з-за кордону в Українську РСР на постійне проживання обговорені в Обкомі КПУ та на виконкомі Обласної Ради депутатів трудящих, вироблені конкретні заходи по проведенню до життя цих «міроприємств», вже відбулися наради секретарів первинних партійних організацій, керівників підприємств і установ, де працюють репатріанти та реемігранти в м. Ворошиловграді, Кадіївці та Ворошиловську, виділені відповідальні особи за проведення «міроприємств», до кожної сім'ї репатріанта та реемігранта прикріплені спеціально підібрані пропагандисти, які будуть постійно і за повним планом вести індивідуальну виховну роботу.

Керівництво області прийшло до думки, що ні в одного з тих реемігрантів чи репатріантів, які подали заяви на повернення назад не має підстав задовольнити їх прохання, а з боку партійно-радянських організацій і установ будуть вжиті дійові заходи, щодо поліпшення житлово-побутових умов, що всі сім'ї репатріантів і реемігрантів будуть оточені постійним піклуванням і чуйним ставленням до них.

П. Вільховий

18.VI.1957 р.

м. Київ¹

ЦДАГОУ, Фонд 1, оп. 24, ед. хр. 4546, л. 168–185.

№ 8

Комуністична партія України
Миколаївський обласний комітет.

5 июля 1957
Сов. секретно

Гор. Киев ЦК КП Украины

Информация

О трудовом и жилищном устройстве репатриантов и реэмигрантов, прибывших в Николаевскую область.

По состоянию на 1 июля 1957 года в Николаевскую область всего прибыло репатриантов, реэмигрантов и иностранных подданных — 105 человек, в том числе 29 семей общей численностью 91 человек и 14 одиноких.

В городах проживают — 82 человека, в сельской местности — 23 человека, работают на предприятиях и в учреждениях — 41 человек, в колхозах, совхозах и МТС — 10 человек, заняты в домашнем хозяйстве — 14 человек.

Не работают 11 человек, в том числе 10 человек, которые не могут работать по состоянию здоровья и возрасту, и один человек, который не подыскал себе работы по своему желанию.

На 1 июня 1957 года в области из-за отсутствия жилой площади одна семья (из числа репатриантов) проживала в гостинице и одна семья временно у родственников.

За июнь месяц в область прибыли еще две семьи. Из Аргентины прибыла семья Кунторас А. Н. в составе 4 человека, из Болгарии — семья Неклевич Н. А. в составе 3 человек.

15 июня 1957 года эти четыре семьи были вселены в квартиры во вновь построенных домах. Таким образом, все прибывшие из-за границы семьи обеспечены жильем.

Прибывший из Аргентины Кунторас уже работает по специальности столяра на Николаевской мебельной фабрике № 2, жена его также трудоустроивается в торговой сети <...>

Из числа прибывших один репатриант и иностранно-подданный обратились с заявлениями о разрешении им выезда за границу. В выезде им отказано.

Прибывшие из-за границы в Николаевскую область граждане активно включились в работу и добросовестно трудятся на промышленных предприятиях, стройках и в сельском хозяйстве, подавляющее число удовлетворены условиями своего труда и быта.

Большинство репатриантов и реэмигрантов настроены патриотически и осуждают тех отдельных лиц, которые допускают антисоветские проявления.

Характерным в этом отношении является письмо реэмигранта из Аргентины Губчик Я. У. — полировщика артели «Рембель» своему знакомому в г. Луцк, в котором он пишет:

«... в своем письме ты спрашиваешь: «Чи я такой самый как был?» Да, дорогой друг, такой самый, потому что свою Родину люблю и люблю больше, чем свою родную мать. Не смотря ни на что я возвратился, бросив все, и не смотря на трудности, которые приходится переживать, я не падаю духом, а наоборот борюсь с ними. Мы, советские люди, знаем, что у нас 12 лет тому назад было всё разбито и за 12 лет наша Родина сумела построить сотни новых зданий, чтобы люди не были без квартир, хотя бы одна капиталистическая страна смогла бы сделать это?»

...Что касается некоторых подлецов, которые ездили в Аргентинское посольство и проводят лживую пропаганду против нашей Родины, у нас есть только одна семья из Уругвая...»

Патриотического содержания переписку ведет со своими знакомыми во Франции реэмигрантка Сидоренко Е. Я.

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторая часть репатриантов и реэмигрантов ведет подозрительный образ жизни, сожалеет о своем приезде в СССР, высказывает клеветнические измышления о советской действительности.

Так, например, реэмигрантка из Уругвая Савчук А. Н., 1935 г. рождения, уроженка Брестской области, белоруска, со средним образованием, в письмах к своим знакомым реэмигрантам из Аргентины Мисюкам, проживающим в городе Первомайске, Николаевской области писала:

«...С тех пор, как у Вас была, плачу меньше, но бывают минуты, когда кажется, что не выдержу этой гнусной жизни без всяких надежд, где единственная забота у человека, это несчастный кусок черного хлеба, которого не всегда можем купить.

Да, искали очень возвышенной культуры, а попали в первобытное общество, которое существовало только несколько тысячелетий тому назад.

...Чтобы мне устроиться учиться надо подмазать 6–7 тысяч, а в Уругвае я училась свободно и бесплатно; достать квартиру нужно подмазать 4 тыс... Вот что больно, это справедливость нашей Родины!» и т. д.

В своих письмах в Уругвай и Аргентину Савчук жалуется на материальные трудности, хотя фактически ее семья хорошо обеспечена.

В настоящее время Савчук вместе с матерью совершает поездку по городам РСФСР и БССР с целью посещения своих многочисленных реэмигрантских связей.

Недовольство своим приездом в СССР и намерение возвратиться в Грецию высказывает реэмигрант Маргелис.

В связи с имеющимися нездоровыми настроениями среди отдельных репатриантов и реэмигрантов, а также в целях улучшения работы среди них обкомом КП Украины и облисполкомом разработаны и утверждены мероприятия, направленные на дальнейшее улучшение политико-массовой и воспитательной работы, особенно среди молодежи и женщин-домохозяек, на улучшение их материального благосостояния и поднятия культурного уровня, на привлечение их к активной общественной жизни.

<...> В соответствии с этими мероприятиями руководители ряда предприятий повысили заработную плату низкооплачиваемой группе работников из числа репатриантов и реэмигрантов.

Так, например, репатриантке Швец Л. С. повышен оклад до 500 руб. в месяц, а ранее она получала 300–350 рублей. Областной отдел народного образования устраивает дочь Швец в школу-интернат.

<...> За июнь месяц 1957 года на работе в торговой сети трудоустроены две домохозяйки.

Среди родителей репатриантов и реэмигрантов облпрофсоветом проведены беседы по вопросу летнего оздоровления их детей.

Направлено в пионерские лагеря бесплатно 6 человек, изъявивших желание поехать туда отдохнуть.

Кроме того, обком ЛКСМУ направил сына гр-на Баду в Артек на 2 месяца.

В настоящее время областной отдел народного образования проводит работу по отбору и направлению части детей в школы-интернаты — по согласию родителей.

Осуществление намеченных обкомом КП Украины и облисполкомом мероприятий позволит устранить многие недостатки в работе среди советских граждан, которые возвратились из-за границы на жительство в СССР <...>

ЦДАГОУ, Фонд 1, оп. 24, ед. хр. 4546, л. 204–208.

№ 9

Комуністична партія України
Миколаївський обласний комітет

Секретно

Гор. Киев

5 августа 1957 г.

ЦК КП Украины
Заведующему административным отделом
тов. Кузнецову Н. А.
Информация

о трудовом устройстве и жилищном обеспечении репатриантов и реэмигрантов, прибывших в Николаевскую область.

<...> Подавляющее большинство прибывших из-за границы граждан на постоянное местожительство в Николаевскую область довольны своим возвращением в СССР, обеспечены хорошей работой и жилплощадью, честно трудятся на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, настроены патриотически и осуждают антисоветские высказывания отдельных лиц из их среды.

Наряду с этим некоторые лица из числа репатриантов и реэмигрантов ведут подозрительный образ жизни, сожалеют о своем приезде в СССР и высказывают клеветнические измышления о советской действительности.

Особенно выделяются в этом отношении реэмигрантки из Уругвая Савчук Агафья Николаевна и ее мать — Савчук Евдокия Максимовна, которые клеветают на советский строй, в своих письмах к знакомым и в высказываниях, высказывают намерения возвратиться в Уругвай, больше того они стараются найти себе единомышленников.

В июне-июле с. г. Савчук А. Н. и ее мать посетили некоторых своих родственников и знакомых из среды реэмигрантов, проживающих в Бресте, Минске, Киеве, Днепропетровске и других городах.

Рассказывая о жизни реэмигрантов, проживающих в Белоруссии, Савчук среди своего окружения заявила, что в Белоруссии люди живут в невыносимо тяжелых материальных условиях и ждут войны, которая принесет им облегчение. О жизни колхозников Савчук говорила, что раньше в Белоруссии колхозникам разрешали иметь по 2 коровы, а после выступления Хру-

щева, когда он предложил догнать Америку по производству молока и мяса, у колхозников якобы по одной корове отобрали в колхоз и заплатили по 600–800 рублей, чем колхозники очень недовольны, зато председатель колхоза получил премию.

Ею были сделаны и другие высказывания, порочащие быт советских людей.

Учитывая, что на настроении отдельных реэмигрантов сказывается влияние Савчук А. Н. и ее матери, нами проводится работа по отрыву этих реэмигрантов из-под влияния Савчук, а также усилена политико-массовая и разъяснительная работа среди прибывших из-за границы граждан <...>

ЦДАГОУ, Фонд 1, оп. 24, ед. хр. 4546, л. 246–247.

[№№ 10–11 — даведкі кіраўніцтва БССР, якія датычаць
рээмігрантаў, што хацелі вярнуцца ў Аргенціну]

№ 10

3 декабря 1958 года

ЗАВЕДУЮЩЕМУ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ОТДЕЛОМ ЦК
КП БЕЛОРУССИИ

тов. Романову В. Р.

При этом направляем Вам список реэмигрантов, которые по сведениям ОВИР ГУМ МВД, обратились в Аргентинское посольство в Москве с целью возвращения в Аргентину.

МИД БССР считал бы необходимым, чтобы местные партийные органы рассмотрели бы причины, побудившие заявителей к подаче ходатайств на обратное возвращение в Аргентину, и оказали бы необходимое содействие в трудоустройстве их по специальностям и, где это возможно и необходимо, улучшили бы жилищные условия.

ПРИЛОЖЕНИЕ: список на 3 листах*.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БЕЛОРУССКОЙ ССР

/П. Астапенко/

НА РБ, ф. 4п, оп. 62, д. 489, л. 85.

* На трох наступных лістах — спіс з 84 прозвішчаў.

№ 11

СПРАВКА

о трудовом и бытовом устройстве реэмигрантов,
проживающих в Брестской области.

За последние годы в порядке реэмиграции в города и сёла Брестской области прибыло на постоянное жительство из различных капиталистических стран и главным образом их стран Латинской Америки свыше 350 семей советских граждан, составляющих около 800 человек. Из этого количества реэмигрантов в гор. Бресте размещено 65 семей, в Пинске — 34, в Барановичах — 17, Кобрине — 30, а остальные расселились в райцентрах и деревнях области.

Проверкой состояния трудового и бытового устройства этой категории лиц установлено, что Облисполком, городские и районные Советы депутатов трудящихся, а также партийные органы области уделяют значительное внимание трудоустройству реэмигрантов по их специальностям, принимают меры к быстрейшему обеспечению их жилплощадью, выделяют им в необходимых случаях из своих фондов строительные материалы и выдают денежные ссуды для строительства индивидуальных домов, оказывают им материальную помощь, реагируют на их жалобы и запросы.

Положительным является тот факт, что в целях выполнения ряда имеющихся постановлений партии и правительства по данному вопросу при Облисполкоме, а также при Горисполкомах и Райсоветах созданы специальные комиссии по трудовому и бытовому устройству прибывающих реэмигрантов. Эти комиссии ведут учет реэмигрантов, выезжают на места их расселения и принимают практические меры по их благоустройству. На своих заседаниях заслушивают отдельных руководителей местных советов, предприятий и учреждений по вопросам, связанным с бытовым и трудовым устройством реэмигрантов. Эти вопросы неоднократно обсуждались также на заседаниях Облисполкома и бюро Обкома партии, Горрайисполкомов и бюро райкомов партии.

В ряде городов и райцентрах /Брест, Пинск, Барановичи, Кобрин, Столин и Иваново/ проведены общие собрания реэмигрантов, на которых обсуждались задачи, стоящие перед советским народом по выполнению народнохозяйственных планов

страны. На этих собраниях были также обсуждены замечания и предложения реэмигрантов по различным вопросам, касающимся их деятельности и жизни.

За период пребывания этих граждан в Брестской области местными органами власти для строительства индивидуальных домов выдано 3670 куб. метров лесоматериала, 80 тысяч штук кирпича, 394 тыс. рублей долгосрочной ссуды и 376 тысяч рублей единовременной денежной помощи. Кроме того, на основании постановления Совета Министров СССР от 11 января 1956 года по прибытии на пограничных пунктах регистрации на каждого члена семьи было выдано по 500 рублей денежной помощи.

В настоящее время все семьи реэмигрантов, поселившиеся в городах области, полностью обеспечены коммунальными квартирами, однако отдельные семьи ставят вопрос о расширении жилплощади, или же о получении отдельных изолированных квартир.

Из общего числа поселившихся в области реэмигрантов в настоящее время обучается в средних и вечерних школах около 130 человек, в высших учебных заведениях — 9 человек и около 100 человек обучено различным специальностям.

Вместе с тем по Брестской области имеют место факты подачи отдельными семьями реэмигрантов заявлений о возвращении за границу на прежнее жительство.

К числу таких граждан относятся семьи СЕВОСТЯНЮКА, СТАРЦУНА, КОРНЕЛЮКА, КОРЕТКО, ПИВЕНЬ, ПИЛЕПУКА, ШУБСКОГО, КОВШИКА, КРАСОВСКОГО, КРАВЦЕНЮКА и КУЧИНСКОГО.

Все эти семьи были обследованы на местах их жительства и установлено, что каких-либо причин, которые служили бы основанием к подаче ходатайств на возвращение за границу, не имеется. Так, например, семья СЕВОСТЯНЮКА, проживающая в г. Бресте, на 5 человек имеет коммунальную квартиру из 3 комнат, кухни и удобств, хорошо меблированную. Все трудоспособные члены семьи работают по своим специальностям. Общий заработок семьи составляет 2950-3000 рублей в месяц. Их старшая дочь учится в средней вечерней школе и одновременно является ученицей ателье мод и получает там стипендию в сумме 160 рублей. В беседе СЕВОСТЮК заявил, что свое заявление о выезде он подавал еще в 1956 году, однако в на-

стоящее время, по его словам, если бы даже ему и предложили выезд, то он никуда не поехал бы.

Семья КОРНЕЛЮКА живет вместе со своим зятем СТАРЦУНОМ. По приезде в гор. Брест в 1956 году в центре города они на 5 человек получили отдельную коммунальную квартиру из двух больших комнат и кухни. Глава этой семьи КОРНЕЛЮК работает на мебельной фабрике бригадиром с окладом 1000 рублей в месяц, а зять — СТАРЦУН, ранее не имевший никакой специальности, по его просьбе приобрел себе специальность фотографа и в настоящее время работает мастером и его заработок составляет примерно 500 рублей в месяц.

Семья гражданки КОРЕТКО /с мужем развелась в Аргентине/, состоящая из 4-х человек, имеет 2 комнаты, кухню, трудоустроена портнихой на швейной фабрике и зарабатывает в среднем 650 рублей в месяц. Кроме того, она неоднократно на фабрике получала премиальные и безвозвратную денежную помощь. Её дочь посещает школу и по линии родительского комитета получила зимнюю одежду, обувь и обеспечивается бесплатными горячими завтраками, а сын устроен бесплатно в круглосуточный детский садик.

Семья ПИВЕНЬ-ПИЛИПУКА, состоящая из 4-х человек, в г. Бресте также имеет коммунальную квартиру из 2-х комнат и общей кухни. Отец и сын работают шоферами на легковых такси с окладами по 450 рублей в месяц.

Что касается семей КОВШИКА, КРАСОВСКОГО, КРАВЦЕНЮКА и КУЧИНСКОГО, проживающих в гор. Пинске и возбудивших ходатайство на выезд за границу, то они так же, как и предыдущие, обеспечены коммунальными квартирами, трудоустроены по специальностям и зарабатывают не меньше тех, которые работают вместе с ними. Но тем не менее во время бесед все эти лица выразили недовольство своим заработком.

Так, например, реэмигрант КРАВЦЕНЮК, хотя и зарабатывает с женой 1200–1300 рублей в месяц, имея двух иждивенцев, цинично заявил, что в Аргентине, якобы, мог бы получать по безработице больше, чем здесь на работе.

Прибывший в 1958 году из Канады вместе с женой гр. КУЧИНСКИЙ в настоящее время работает электромантером на Пинской электростанции и получает 650 рублей в месяц. В беседе заявил, что в СССР он надеялся зарабатывать не менее 1500–2000 рублей в месяц, как это ему, якобы, было обещано

в Советском Посольстве в Канаде. Его жена заявила, что она жителей города Пинска, кроме работников Горисполкома, презирает за некультурность и до сих пор не может примириться с окружающей ее действительностью, и что зарплата в 650 рублей в месяц им не хватает.

Гражданка КОРЕТКО свое ходатайство на выезд мотивирует тем, что ей здесь, якобы, скучно и что в Аргентине для неё всё является родным и близким.

В противоположность этой группе реэмигрантов большинство из прибывших благодарны партии и правительству за то, что им дали возможность приобрести себе Родину и за ту заботу и помощь, которую они получили по прибытию в СССР. Они принимают активное участие в общественной и политической жизни, радуются нашим достижениям. В настоящее время в городах и сёлах области около 150 семей из этой категории лиц уже построили свои жилые дома, многие обзавелись хозяйством и свыше 30 человек вступили в брак с местным населением. Наиболее активные из них местными органами власти выдвигаются на ответственные работы и пользуются доверием. Так, например, МАЦКОВИЧ Алексей Афанасьевич в настоящее время работает бригадиром полеводческой бригады колхоза «Большевик» Каменецкого р-на, избран членом правления колхоза и депутатом сельского совета. Указом Президиума Верховного Совета СССР он награждён медалью «За трудовое отличие». Его жена в этом же колхозе работает звеньевой по льну.

Реэмигрант СЫС П. В., проживающий в колхозе «40 лет Октября» Давид-Городокского района, в 1957 году был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и за хорошую работу колхозом неоднократно премировался.

Гражданин АБРАМЧУК Т. Е., работая грузчиком в г. Бресте, принимает активное участие в общественной жизни и принят кандидатом в члены КПСС.

ЯРМУШИК И. М. выдвинут на должность заведующего чайной в Пружанах, а ЛЯШУК — заведующим подсобным хозяйством райбольницы в Высоковском районе.

В Пружанском ГорПО заместителем председателя правления работает реэмигрант КРУК Н. А. и за хорошую работу премирован.

Наряду с фактами, характеризующими проявление заботы и внимания к реэмигрантам со стороны органов местных вла-

стей, имеются также и отдельные недостатки. Следует считать, что на предприятиях и учреждениях мало проводится среди реэмигрантов массово-политической работы и недостаточно вовлекают их к участию в общественной жизни. Имеются случаи, когда из-за простоев на производстве заработок этих лиц резко падает, что вызывает недовольство и жалобы.

В целом же следует считать, что реэмигранты, поселившиеся в Брестской области, в основном обеспечены жилплощадью и трудоустроены по их специальностям. Они также имеют возможность учиться, приобретать и повышать свою квалификацию.

Исходя из вышеизложенного, следует считать, что каких-либо веских причин для возбуждения ходатайств о выезде за границу отдельных реэмигрантов не имеется.

Обследование провели:

ИНСТРУКТОР АДМОТДЕЛА ЦК КПБ /М. ЛОЗОВСКИЙ/
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ МИД БССР /А. ЗАЙЦЕВ/

« » декабря 1958 г.

НА РБ, ф. 4п, оп. 62, д. 489, л. 89–93.

№ 12

[Ліст Трафіма Ляшчука да Паўла Бойкі].

г. Высокое, 26/1/59 г.

Добрый день тов. Бойко и Елена!

На днях получил твое письмо, из которого я узнал действительное положение о твоей жизни, а также о Елене и о твоих родителях. Сейчас мне стало все понятным.

Приветствую тебя с достижениями в учебе*, а также с большими перспективами на будущее, которые дают тебе полную возможность стать настоящим человеком.

Это меня радует, что некоторые товарищи на Родине нашли себе дорогу к науке и, безусловно, они будут примерными патриотами в строительстве счастливой жизни для нашего народа, а также будут служить импульсом для всего человечества.

Счастлива наша молодежь, которая возвратилась на Родину, ибо здесь для нее открыта широкая дорога, идя по которой, она

* У гэты час П. Бойка вучыўся ў Маскоўскім дзяржаўным універсітэце.

станет застрельщиком колоссального строительства намеченного семилетним планом.

Совершенно иная картина сейчас происходит в Аргентине, согласно сообщениям, там прошла всеобщая забастовка, и сотни передовых людей обратно брошены в тюрьмы.

Как видно, правительство Фрондиси ориентируется на США, в настоящее время он находится в Америке и просит милостыню у американских банкиров.

Не знаю, припоминаешь ли ты братьев Торчиников, которые жили на Спиндоли и состояли членам в клубе М. Горького, сейчас они живут в Ново-Вольинске, работают на шахтах, под октябрьскую купили себе машину «Волга».

Относительно меня, то работаю на старом месте. В настоящее время получил другую квартиру в саду и живу на ул. Советской 55, так что, если будешь иметь время летом, приезжай на новоселье.

Передай горячий привет тов. <неразборчиво>, если буду иметь время напишу ему. Мне очень интересно с ним связаться и поделиться мнением.

Недавно получил письмо от Олипы, пишет, что мать бросила мужа и сейчас живет с ним, просто диву даешься, как это старые люди портятся.

Привет от меня и жены Вам с Еленой, а также твоим родителям с пожеланием Вам всего наилучшего, а также привет Тане и Тихону.

Жму крепко твою руку!

Ляшук.

Асабісты архіў сям'і Бойка.

[№№ 13–16 — артыкулы з газеты «Голас Радзімы»*]

№ 13

Сябрам з Аргенціны

Мы хочам, каб гэты ліст прачыталі нашы сябры, якія засталіся на далёкай чужыне — у Аргенціне: Саша Самусевіч з Авежанеды, яго маці, брат і сёстры, Марыя Сініковіч з Берысо,

* «Голас Радзімы» — друкаваны орган Таварыства «Радзіма» (Беларускае таварыства па сувязях з суайчыннікамі за мяжой). Газета выходзіла ў г. Мінску.

Уладзімір, Тацяна і Алена Іртышук з Буэнас-Айрэса. Мы хочам, каб яго прачыталі тыя людзі, якія не змаглі яшчэ вярнуцца на Радзіму.

У сталіцы нашай краіны Маскве адкрыўся гістарычны XXII з'езд Камуністычнай партыі. Як вялікае свята сустрэў увесь савецкі народ гэты дзень.

Дарагія сябры! Вы не можаце сабе ўявіць, які працоўны ўздым, творчы энтузіязм пануе зараз на нашых фабрыках і заводах, у інстытутах і школах, на калгасных палях і фермах, усюды, дзе жывуць і працуюць савецкія людзі. Камуністычнай партыі, якая ў радасці і нязгодзе заўсёды з народам, прысвячаюць свае чудоўныя падарункі рабочыя і калгаснікі, пісьменнікі і мастакі, архітэктары і кампазітары.

Савецкі народ любіць сваю Камуністычную партыю. Любіць таму, што яна дала яму светлае і шчаслівае жыццё і робіць усё магчымае для таго, каб у поўнай меры расквіталі здольнасці і таленты савецкіх працаўнікоў.

Добра памятаем мы, як там, за акіянам, лейбарысты, кансерватары і члены іншых партый перад выбарамі абяцалі залатыя горы, а потым, дарваўшыся да ўлады, зноў станавіліся рабочым на глотку.

У нашай камуністычнай партыі клопаты аб чалавеку вышэй за ўсё. Не з пагардай, як казалі многія, калі мы ад'язджалі дамоў, а з музыкай і кветкамі сустрэлі нас на Радзіме. Аказалі матэрыяльную дапамогу, далі кватэру, уладкавалі на работу, фабком ужо некалькі разоў выдзяляў нам грашовую дапамогу. Ці дачакаліся б мы гэтага ў капіталістычнай краіне? Ніколі.

З кожным годам, нават з кожным месяцам і днём наша жыццё становіцца ўсё больш чудоўным і прыгожым. У Беларускай ССР зараз адбываюцца такія пераўтварэнні, якіх не бачыла яна за ўсю сваю гісторыю.

Дарагія суайчыннікі! Будзьце заўсёды з намі, савецкімі людзьмі, ўнасіце свой пасільны ўклад у агульную справу — перамогу камунізма. Ганарыцеся сваёй Радзімай, якая пракладае шлях у светлую будучыню.

Павел і Еўдакія Байда,
рабочыя Баранавіцкай трыкатажнай фабрыкі.
Голас Радзімы, кастрычнік 1961 г., № 80.

№ 14 Усё для народа

Нарадзіўся я і вырас на Кобрыншчыне, у вёсцы Дзевяткі Залескага сельсавета. Не ад добрага жыцця я пакінуў родную беларускую зямлю. З Кобрына разам са сваімі землякамі выехаў 24 кастрычніка 1929 года і праз 26 дзён прыбыў у Паўднёвую Амерыку. Мы ехалі туды ў пошуках шчасця, справядлівасці, сапраўднай свабоды.

За 28 год, пражытых на чужыне, я добра даведаўся, што ўяўляе сабой справядлівасць, свабода і шчасце ў капіталістычным свеце.

У Аргенціне, як і ў іншых капіталістычных краінах, у 1932–34 гадах успыхнуў эканамічны крызіс. Закрывіліся фабрыкі, заводы, рабочыя аказаліся на вуліцы. Усім было цяжка, а нам, беларусам і украінцам у чужой краіне было яшчэ цяжэй. Калі мы пазбавіліся работы, домаўласнікі выгналі нас, беспрацоўных, на вуліцу. Такім чынам, мы засталіся без кавалка хлеба і без страхі над галавой. Не лепш нам жылося і ў гады Айчыннай вайны. Багацеі з розных краін сталі шукаць сабе ціхага месца, дзе не чуваць гарматных залпаў. Яны хлынулі ў Аргенціну, скупілі асабнякі і занялі лепшыя кватэры. Гэта было на руку домаўласнікам, і яны паспяшаліся павысіць кватэрную плату. Дарагавізна адчувалася ва ўсім.

У Аргенціне я працаваў мулярам, электраманцёрам, слесарам. Жонка мая Эмілія Зігмунтаўна працавала дома, шыла з абіўнога матэрыялу сядзенні да цялежак, якія мы рабілі на фабрыцы. Апрача таго, яна хадзіла да багатых, мыла ім бялізну, прасавала, шыла.

У сакавіку 1956 года мы пакінулі чужую зямлю і прыехалі на Радзіму. Першым савецкім горадам была для нас гасцінная Адэса. Нас сустрэлі, як дарагіх людзей, аказалі вялікую ўвагу, мы атрымалі матэрыяльную дапамогу і права на бясплатны праезд у родныя мясціны.

19 красавіка прыехалі ў Кобрын. Я не пазнаў свайго горада, ён змяніўся да непазнавальнасці, папрыгажэў, стаў утульным і чыстым. Зніклі халупы і бясконцыя будкі з шавецкімі майстэрнямі, крамы гандляроў.

У Аргенціне, калі да чалавека прыходзіў чалавек ва ўзросце 50 гадоў, то яго на работу не прымалі, няхай гэты чалавек са-

май высокай кваліфікацыі. Калі я вярнуўся на Радзіму, мне ішоў 55-ы год. І гэта не перашкодзіла мне паступіць працаваць слесарам.

Я атрымаў камунальную кватэру, маю невялікі агарод, пасадзіў некалькі плодовых дрэваў. Зарабляю ў сярэднім у месяц 90 рублёў, а за кватэру плачу 2 рублі 24 капейкі, што складае 2, 5 працэнта маёй зароботнай платы. Мяне двойчы выбіралі дэпутатам гарсавета.

Цяпер прывяду некалькі цікавых параўнанняў.

У нашай краіне бясплатная медыцынская дапамога. Даводзіцца плаціць толькі за лякарствы. У Праграме КПСС гаворыцца аб тым, што ў бліжэйшыя гады яшчэ больш пашырыцца сетка медыцынскіх устаноў і нават лякарствы будуць бясплантымі. Працоўныя бясплатна будуць карыстацца санаторыямі, дамамі адпачынку. У Аргенціне ж за медыцынскае абслугоўванне вялікая плата, рабочы чалавек пазбаўлены магчымасці адпачыць у санаторыях і дамах адпачынку. Праўда, багацей там маюць свае вілы ў курортных мясцінах і шалеюць з раскошы.

У нашай краіне ўведзена ўсеагульная сярэдняя адукацыя. Будуецца школы-інтэрнаты, дамы піянераў, дзіцячыя бібліятэкі, піянерскія лагеры.

У нашай краіне — чалавек чалавеку друг, таварыш і брат. У капіталістычных краінах непрымірымыя класавыя супярэчнасці паміж эксплуатаатарамі і рабочымі, варожасць паміж людзьмі і нацыямі.

У нас — свабода, братэрства, роўнасць і шчасце людзей. У іх — свабода паміраць простым людзям пад плотам, свабода багацям рабаваць і эксплуатаваць простых людзей.

Савецкі чалавек не ведае эксплуатацыі, беспрацоўя, крызісаў, ён упэўнены ў заўтрашнім дні.

Наш дэвіз, дэвіз камунізма: «Усё ў імя чалавека, на карысць чалавеку».

Аляксей Свірыдзюк.

На здымку: А. Свірыдзюк з жонкай.
Голас Радзімы, сакавік 1962 г., № 20.

№ 15 Не пакінулі ў бядзе.

Дарагія сябры!

Гэта я, Іван Антонавіч Ярмаковіч, звяртаюся да тых, каго лёс закінуў за моры і акіяны ў далёкія і чужыя краіны. Цяпер я жыву сярод родных і блізкіх людзей, на зямлі, дзе праходзіла маё бязрадаснае юнацтва, дзе цяпер будуюцца новае жыццё. Адно ў нашай зямлі свяціла, але па рознаму яно свеціць людзям. На шыротах Паўднёвай Амерыкі ў сонечных праменнях няма недахопу, аднак не ўсіх яны саграваюць...

Не буду забягаць наперад і раскажу аб сваіх 52 гадах па парадку...

Нарадзіўся я ў 1910 годзе ў сям'і селяніна-бедняка Антона Вікенцьевіча Ярмаковіча, на захадзе Беларусі.

Памятаю, як зараз: сядзем за стол усёй сям'ёй — яна складалася з шасці чалавек — і няма чаго есці. Бульба, некалькі кавалачкаў чорнага хлеба на ўсіх, кісель аўсяны — вось і усё. Як кажуць, жыві і радуйся!

Калі мне споўнілася 19 год, бацька сказаў:

— Вялікі ты ўжо ў мяне, Ваня. Едзь у Аргенціну, зарабі грошай і хутка вяртайся. Зямліцы купім, заживём лепш.

Не ведаў я яшчэ тады, што не па свеце трэба шчасця шукаць, а змагацца за яго, будаваць яго сваімі рукамі.

У Аргенціне спачатку я працаваў на розных сезонных работах — на ўборцы кукурузы, у лесе. Часта сядзеў зусім без работы. Шэсць гадоў прабодзяўся я такім чынам, пакуль не трапіў на металургічны завод. А як хацелася ўсе гэтыя гады вярнуцца дамоў! Я ведаў, што там ужо зусім іншае жыццё, зусім іншыя парадкі.

Мне ўдалося звязацца з савецкім пасольствам. Я напісаў заяву аб жаданні вярнуцца на Радзіму. І вось жыццё ўсміхнулася мне. Праз 25 год, дарэмна страчаных на чужыне, я вяртаюся дамоў.

Карабель рассякае хвалі. Усе з прагнасцю глядзяць наперад. Вось з-за гарызонту паказаўся горад.

— Адэса! Адэса!

Ляцелі ўгору шапкі. Тыя, хто вяртаўся на Радзіму, кінуліся абдымаць і цалаваць адзін аднаго. Гэта было ў 1955 годзе.

Ніколі на забудзецца сустрэча з роднымі і аднавяскоўцамі, з памятнымі мне мясцінамі. Бацьку я так і не застаў жывым, не дачакаўся ён сынавых заробаткаў з Паўднёвай Амерыкі.

Жыў я спачатку ў брата Іосіфа. Дыхаў і не мог надыхацца родным паветрам. Ды і роднай вёскай Віржы не пазнаць! Знесены старыя трухлявыя хаціны, на іх месцы — дабротныя дамы пад чарапічным або гонтавым дахам.

Родныя і аднавяскоўцы прынялі мяне радасна. Хутка прышоў да мяне старшыня праўлення мясцовага калгаса Чыкун.

— Што, Ярмаковіч, пара, напэўна, падумаць табе і аб сваёй сям’і, — сказаў ён. — Шукай нявесту, а хату калгас купіць. Заробіш — вернеш грошы. Вядома, не адразу, а на працягу некалькіх год.

Свой дом, свая сям’я! Мне здавалася, што ўжо ніколі не збыцца маім марам. Але на Радзіме я знайшоў тое жыццё, да якога даўно імкнулася сэрца. Юзэфе, калі я ад’язджаў у Аргенціну, быў толькі адзін год. А нядаўна мы з ёй справілі вяселле.

Стаў хадзіць у калгас на работу, нядрэнна зарабляў і ўжо выплаціў палавіну пазыкі, калі недарэчная выпадковасць парушыла добра наладжаннае жыццё. 11 чэрвеня 1959 года загарэўся ад навальніцы мой дом.

Суседзі Юлюк Чыкун і Франц Заброта, рызыкуючы жыццём, кінуліся ў дом ратаваць дабро. Рэчы былі вынесены.

Калі Глыбоцкі райвыканком выдзеліў мне лесу на новы дом, аднавяскоўцы ўзяліся бясплатна яго вывезці. Больш сарака калгаснікаў вёскай Віржы даставілі бяровенні к месцу пабудовы новага дома.

Зноў не пакінуў у бядзе мяне калгас. Праўленне калгаса вырашыла бясплатна выдзеліць будаўнічую брыгаду з пяці чалавек. Будаўнікі Антон і Іосіф Штуро, Антон Марціюшонак, Вікенцій Збрадыга і Антон Бабровіч добра пастараліся, і да восені пяціцценны зруб быў гатовы.

А ў наступным — 1960 годзе я ўжо спраўляў наваселле. І што здзіўна, не меў ніякіх даўгоў, абышоўся атрыманымі на працадні сродкамі. А нязвернутую пазыку за першы дом калгас з мяне спісаў.

Працую я конюхам. Мая праца добра аплачваецца. Апрача таго, у мяне ёсць прысядзібны ўчастак і жывёла.

Растуць мае дзеці — дачка Яня і сын Антон. Яны маленькія, але будучае ў іх вялікае: у нашай краіне, як ні ў адной другой, клапацяцца аб дзецях.

Іван Ярмаковіч,

калгаснік арцелі «Памяць Ільіча» Глыбоцкага раёна.

Голас Радзімы, лістапад 1962 г., № 88.

№ 16

Пасля доўгіх блуканняў...

Цяжкім і бязрадасным было маё дзяцінства. Мізэрны кавалачак, які меў мой бацька, не даваў амаль ніякіх сродкаў да існавання. Таму ў 1927 годзе, паддаўшыся агульнаму настрою і прапагандзе «заморскага раю», я рашыў паехаць у Амерыку. Каб прыдбаць сродкаў на дарогу, прадаў сваю хаціну. Жонка перайшла жыць да брата. Так у 25 год я развітаўся з Радзімай.

Пасля доўгіх блуканняў трапіў у Аргенціну. Працаваў на розных прыватных будоўлях, бо на дзяржаўныя работы эмігрантаў не прымалі. У апошні час працаваў майстрам на будаўніцтве банка ў Буэнас-Айрэсе. Умовы працы былі цяжкія. Заказыкі не забяспечвалі будоўлю матэрыяламі, рабочыя прастойвалі, мала зараблялі. Як майстар я не мог абьякава глядзець на ўсё гэта і нярэдка ўступаўся за рабочых. Павінен заўважыць, што як спецыяліст я карыстаўся пэўным аўтарытэтам і са мной лічыліся іншы час і гаспадары. Вось тут і прапанавалі яны мне здзелку з сумленнем. «Не звяртай, маўляў, увагі на рабочых, падтрымлівай нас, і мы будзем табе больш плаціць».

На гэтыя агідныя прапановы я адказаў прыкладна так: «У панах мне хадзіць не да твару, і свайму рабочаму сумленню я не збіраюся здрадзіць». Пасля такой размовы мне давалося пакінуць будоўлю.

Ніколі не забыць мне таго шчаслівага дня, калі я атрымаў дазвол на вяртанне на Радзіму. Гэта было ў 1954 годзе. Як толькі я ступіў на родную зямлю, адразу ж убачыў другі свет, дзе жывуць шчаслівыя, вольныя людзі на вольнай зямлі.

Цяжка апісаць словамі тая вялікія перамены, якія я ўбачыў на роднай зямлі. Зніклі хутары, бядняцкая церзпалосіца. Як вокам акінуць раскінуліся калгасныя масівы. Непазнавальна змянілася і аблічча роднай вёскі. На шырокіх вясковых вуліцах усё больш становіцца светлых, прасторных дамоў пад шыферам і чарапіцай. Зараз у Цне выдатная васьмігадовая школа, а побач, у Кажан-Гарадку, — дзесяцігодка. Там жа пабудавана і ўчастковая бальніца. У кожнай вёсцы — клубы. Ну, якое ж параўнанне з тымі змрочнымі часамі, калі, як я памятаю, на дваццаць вёсак у нас быў адзін фельчар, а сялянскія дзеці зусім не мелі магчымасці вучыцца.

Адразу ж пасля вяртання з-за мяжы Савецкая дзяржава выдала мне беззваротную грашовую дапамогу ў суме 1000 рублёў, адпусціла лес на будаўніцтва дома. Мясцовы калгас дапамог

вывезці яго аўтамашынамі. І праз год я пабудоваў сабе новы дом.

Мне даручылі ў калгасе кіраваць аднаўленнем вадзянога млына ў Кажан-Гарадку, загадкама якога я і працую цяпер.

Добра жывуць у нас усе калгаснікі. Як не падобная іх цяперашняя праца на цяжкую працу былога селяніна-аднаасобніка! Усе працаёмкія працэсы ў паляводстве і жывёлагадоўлі выконваюцца машынамі і механізмамі. Дастаткова сказаць, што ў нашай арцелі налічваецца цяпер 21 аўтамашына, 10 трактараў, 5 збжжаўборачных і 2 сіласаўборачныя камбайны і іншая тэхніка. Калгас мае дзве электрастанцыі — у вёсках Дрэбск і Кажан-Гарадок.

Усе калгаснікі актыўна змагаюцца за паспяховае ажыццяўленне рашэнняў XXII з'езда Камуністычнай партыі Саветаў Саюза. Ганаруся, што ў гэтую вялікую справу ўношу свой пасільны ўклад і я.

Іван Луд.

Вёска Цна Лунінецкага раёна Брэсцкай вобласці.

Голас Радзімы, студзень 1963 г., № 8.

[№№ 17–18 — лісты Е. Спірыдоновай да Камітэту за вяртанне на Бацькаўшчыну]

№ 17

Копія п'сьма № 91584

8.11 — 1961 г.

Отправитель: Е. Спиридонова

Аргентина, 1.12 — 1960 г.

Получатель: Комитет за возвращение на Родину

Многоуважаемый Викторин Павлович!

Стараюсь исполнить свое обещание и поставлю Вас в известность о том, как идет здесь, в Аргентине, у нас работа. Я сюда вернулась 17 октября, вышла задержка из-за осложнившегося положения в Аргентине и полученной мной телеграммы, после которой я дожидалась приезда в Москву одной моей ученицы и товарища, которая приехала туда, получив стипендию для усовершенствования в русском языке. Она осветила мне положение в Аргентине, так как думала, что я вовсе туда не поеду, но, конечно, ехать нужно было и жаль, что произо-

шла задержка. Из-за этой задержки я не смогла увидеться с товарищами, которые поехали в СССР в качестве официальной делегации наших обществ. Но это все в прошлом, как я, так и товарищи, бывшие там в качестве делегации, благополучно вернулись сюда, и все мы снова работаем вместе.

Здесь, как может быть вам уже известно, закрыто наше общество взаимопомощи «Белорусский очаг», и все его филиалы, а также закрыто общество им. Пушкина и многие прогрессивные издательства. Закрыт и наш магазин «Культура». Уцелели: все наши органы печати, общества «Максим Горький», «Белинский», «Маяковский» и «А. Толстой».

Работа по-настоящему ведется только в обществе «Максим Горький». Тут, не смотря на частые визиты полиции, продолжают работать наши курсы /60 учеников/ и у меня в частности в старшем пятом классе девять человек учеников, из которых четверо могут идти и в шестой класс по грамотности и вообще могут стать нашими культурными работниками.

К сожалению, у нас происходит следующее: всё более или менее подготовленные молодые люди стремятся уехать на Родину, чтобы там получить образование. Конечно, мы никак не можем препятствовать этому их желанию, но нам здесь очень трудно создавать новые кадры. Не всегда случается, что уехав туда, они своей работой на местах могут приносить такую же пользу, как приносили здесь в качестве наиболее культурных товарищей. Так, например, поехал туда товарищ Александр Григорьевич Бобрик, молодой человек выдающихся способностей, который здесь вёл всю культурную работу в обществе Белинского и был администратором «Нашей газеты». Там он бригадир малярной бригады в Ташкенте; он мне писал, по видимому он хотя и доволен, но не вполне удовлетворен, так как мог бы сделать больше. А здесь очень ощущается нехватка культурных и всем сердцем преданных делу распространения нашей культуры людей.

Сейчас на очереди двое молодых людей: Андрей Зошук, который мечтает там получить образование, на редкость способный мальчик, вполне грамотный по-русски и Борис Букарев, которые еще не собираются ехать, то есть еще не получил разрешения, но только об этом и мечтает. Этот, последний, даже поэт, увлекается театром, организовал здесь детскую группу и участвует в театральном кружке взрослых. Работает у нас

в типографии рабочим, хотелось бы перевести его на работу корректора, и даже редактора впоследствии, потому что ведь и Кривдик тоже должен иметь подготовленную смену, так же как и все мы. Все это я пишу не для того, чтобы задерживать здесь молодежь, которая хочет туда уехать, а для того, чтобы экономно и с пользой употреблять имеющиеся у нас силы.

В обществе «Белинский» работа идет крайне слабо. Учительницы, которые остались после моего отъезда, при первой опасности сбежали, ученики разошлись, осталось три маленькие группы, всего же 16 человек. С одной из них занимается довольно грамотный рабочий Чирук, с другой моя ученица, ученица местной средней школы 16-летняя Мария Пыжик, у которой много горячего желания и много меньше грамотности, так как учиться ей всегда было трудно.

Нужно сказать, что часть нашей молодежи, тоже моих учеников, идет здесь в высшие школы, что с одной стороны хорошо, но, к сожалению, подвергаясь влиянию местной молодежи, в большинстве случаев и эта наша молодежь становится уже более «буржуазной» и отходит от работы в наших обществах. Я со многими говорила, уверяют, что некогда. Оно, конечно, участь на медицинском факультете, да еще и имея кое-какой заработок на стороне, им трудно найти время для общественной работы в наших обществах. В обществе Белинского молодежь появляется, когда устраивают танцы, и все это носит скорее характер местного клуба, чем характер культурно-просветительного общества советских граждан.

В двух других обществах за дальностью расстояния я еще не была, но по сведениям работа там идет тоже слабо, но все-таки они существуют.

В печати нашей наблюдается прискорбное явление — уменьшение тиража. «Наша газета» и та распространяется всего в 2500 экземплярах, «Знания» только 1400, «Тевинэ» — 600 и постоянно заявляют, что то тут, то там на 5–6 газет взято меньше.

Праздник наш 7 ноября мы праздновали, но гораздо скромнее, чем прежде. Конечно, в этом виноваты обстоятельства, но всё же думаю, что и в этом отношении можно было бы сделать больше.

Сейчас большой победой на нашем общем фронте является празднование армянами сорокалетие провозглашение Советской власти в Армянской ССР. На устроенном ими празднике

в первый раз после некоторого перерыва были наши официальные дипломатические представители, и так как армяне хитро связали свой праздник с 150-летием аргентинской независимости, то даже получили телеграмму от президента, что, однако, не помешало полиции задержать нормальное развитие программы праздника, требованием перевода речей произнесенных по-армянски. Но все обошлось благополучно, и праздник продолжался после победы над местной полицией с большим энтузиазмом, чем прежде.

Вот всё, что я пока могу сообщить вам о работе здесь.

Посылаю Вам это письмо окружным путем, надеюсь, что вы его получите.

Вообще в настоящий момент здесь положение очень неясное и неизвестно, какой еще фокус могут выкинуть наши местные власти.

С радостью отвечу на все ваши вопросы.

С уважением **Е. Спиридонова**

Забыла вам сообщить, что товарищей из наших обществ освободили, сидит только одна Ольга Бенуа, что несомненно месть белых.

*Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-9651,
оп. 2, д. № 139, л. 27–31.*

№ 18

Иркутск 15 февраля 1964 г.

Уважаемый Александр Яковлевич!

Я получила Ваше хорошее письмо от 3 января, за которое сердечно благодарю. Извиняюсь, что сразу на него не ответила: у нас начался второй семестр в Институте, и мои прямые обязанности берут от меня все время.

<...>

Переписка у меня действительно большая; усиленно подерживать ее не могу, но стараюсь все же не терять связи с нашими людьми, приехавшими из Аргентины, хотя не могу сказать, чтобы они меня всегда радовали. Вопрос о низкой степени сознательности многих наших бывших аргентинцев, которые так скоро забыли, как они мечтали вернуться или приехать в Советский Союз, а тут вместо того, чтобы влиться в местную жизнь, вдруг опять стали «аргентинцами» и решили ехать обратно, меня часто волнует: ведь это значит, что вся та работа,

которую мы делали, была в чём-то неправильной, и людей мы не воспитали и не подготовили к тому, чтобы стать верными детьми своей родной страны, или страны своих отцов. Как-то в Москве еще, приехал ко мне товарищ Паржаюк, из большой семьи Паржаюков, которые живут в Белоруссии. Разговаривая со мной, он сказал мне: «А мы вас здорово ругали, ну теперь уж простили, раз вы и сами сюда приехали». Вот с таким явлением нам нужно здесь бороться, потому что это очень печально.

Я с величайшим удовольствием и готовностью буду делать все возможное, что Ваш комитет найдет нужным, но, к сожалению, переписываюсь я только с людьми, которые приехали сюда, а те, что остались там, кроме моих детей, мне на мои письма не отвечают. Вообще же часто письма из Аргентины пропадают, так например пропало письмо, которое мне сын послал 15-го января, и я очень беспокоилась, пока не получила письма от 26-го, в котором он спрашивает про свое «большое» письмо от 15 января. От Кривдика имела только письмо к прошлому /1963/ Новому году, а в этом году ему писала, а от него ничего не получила. Знаю от сына, что Кривдик продолжает работать, что газета «Родной Голос» до конца прошлого года продолжала выходить, что Кривдик жаловался на то, что «ему очень трудно». Одно время помогал им сын, хотя и писал мне, что его эта работа тяготит, что он не видит будущего этой газеты, так же как и Кривдик, и что тираж ее падает. А когда я уезжала, он уж был 2400 экземпляров. Кривдик писал в прошлом году, что собирается ехать сюда, и я звала его в Сибирь, но, вероятно, он так и не уехал, да я правда и не представляю себе, кто бы там мог его заменить в настоящей обстановке. Одна моя бывшая ученица, аргентинка, Сарита Сафигероа, писала мне к этому Новому Году, что несмотря на перемену правительства, положение прогрессивных организаций не изменилось к лучшему.

Конечно, в высшей степени желательно, чтобы во всех странах были хотя бы маленькие очаги нашей культуры, но в Аргентине это довольно трудно, там создалась чисто ограниченная философия, при которой люди не стремятся ни к чему другому, кроме своего чисто материального благополучия и стремятся отойти подальше от всего того, что может причинить им какие-то неприятности или неудобства. Многие даже переписываться с Советским Союзом боятся, я лично толковые письма получаю только от сына, да и то часто нужно читать между строк.

Вы упоминаете, например, товарища Никончука. Возможно, что он сейчас и хлопочет об открытии наших обществ. Когда я уезжала, он стал центральным руководителем. В 1960 году, вернувшись из Советского Союза, я посетила его. У него хорошенький собственный домик, две дочки, которые теперь уже становятся «барышнями», жена, которая очень боится, «как бы чего не вышло». Революционной энергией товарищ Никончук не отличается. А руководителю в такой стране, как Аргентина, она необходима. Вообще, я лично думаю, что в Аргентине для создания центра нашей культуры нужно непременно найти человека вполне культурного, может быть из тех перемещенных лиц, которые не были изменниками, а попали туда по несчастью, и образование получили в Советском Союзе. Может быть Вы могли бы об этом списаться с писателем Слепухиным, который наверно знаком со многими еще проживающими в Аргентине «перемещенными» лицами. Ужасно сожалею, что не могу достать книгу Слепухина, а потому их еще не читала. Думаю, он мог бы быть Вам полезен в этом отношении. Ведь именно малокультурность наших руководителей привела к тому, что приехав сюда они не поняли местной жизни. В этом отношении я всегда и там повторяла: учитеесь, учитеесь, и двадцать раз переписывала соответствующую речь Ленина. Но о повышении культурного уровня у нас только говорились громкие слова. Из старой интеллигенции там есть только разве Наталья Васильевна Сосновская. Она вполне «русская» и очень культурный человек, у нее там библиотека, но храбростью она там не отличается, и от наших обществ, и даже от меня, последнее время она старательно отмежевывалась. С ней переписывается тоже бывшая наша учительница — Мальская-Венцель. Вот ее адрес: ЭССР. Таллинн-1 <...>. Энергичнее всех был Кривдик, но я так и не могу добиться узнать там ли он еще. С русской орфографией он был, правда, не в ладах, несмотря на все мои усилия.

С Кларой ди Франко я никогда не переписывалась. Она член аргентинской компартии и открыто переписываться со мной не будет. Всего толковее я переписываюсь с сыном. Он недавно прислал мне вырезку из газеты «Пренса» с фотографией богослужения в церкви московской патриархии на ул. Бульнес, на котором в качестве почетного гостя присутствовал аргентинский кардинал Кажано, что газета считает знамением сближения церквей, а сын пишет, что это во всяком случае положитель-

ное явление, потому что может содействовать делу мира. Интересно, что богослужение совершал Римский-Корсаков, инженер химик, вполне культурный человек, прежде собиравшийся ехать в СССР. Не знаю, какой моральный кризис привел его к священству, хорошо хоть не во враждебном нам лагере. Думаю, что может быть это событие поможет нашим заполучить здание церкви на ул. Бразил, из-за которого приход патриаршей церкви уж давно судится с потомками священника К. Изразцова, который превратил это здание в свою вотчину. При этом здании есть и здание для школы: когда я там была, оно было предметом наших вождедений. Дело это вел адвокат-коммунист, но так ему и не удалось сдвинуть его с мертвой точки.

Мария Пыжик мне писала последний раз в прошлом году. Жаловалась, что их прекрасный дом, то есть собственный дом общества Белинского, тоже забрала полиция, но они стараются работать по частным домам. В этом году получила письмо только от Галины Волос. Она только пишет, что поздравляет и работает как раньше. Это очень славная девушка, одна из моих любимых учениц. Ее семья всегда получала от Вас «Голос Родины»: с ней я постараюсь списаться, может она и рискнет мне что-нибудь написать. Бориса Букарева нет в Аргентине, он приехал сюда из США, где был у родителей. Писал мне с Алтая, где работает в часовом магазине и поступил учиться в 8-й класс. Букарев был одним из самых талантливых наших юношей, писал стихи и был большим энтузиастом. Мне он писал, что хочет поработать на сибирских стройках, и что надеется весной приехать сюда. Так что с корреспондентами из Аргентины дело обстоит довольно плохо, постараюсь все же списаться хотя бы с Галиной Волос и Марией Пыжик.

Если Вас интересуют люди, бывшие в Аргентине, а теперь живущие здесь, то в этом отношении у меня есть письма, в которых говорится о тех, кто едет обратно. Так, например, Григорий Якимчук, надеюсь, что я не спутала его фамилии, женатый на Лидии Новосад, которые живут в Ковеле, подали прошение о возвращении в Аргентину. Между тем там Григорий заведовал книжным магазином, а Лидия, имеющая среднее образование, руководила рисовальным кружком в обществе Максима Горького. Когда-то в «Голосе Родины» о ней было написано, что она, верно, скучает по Родине, потому что она нарисовала избушку, покрытую снегом. Я всегда считала, что она стопроцентный

обыватель, вот они теперь и не могут здесь привыкнуть. Людям нашим, приехавшим из Аргентины, вспоминается как они там пели: «и будем новоселами и ты и я» или «мелькнет за кормой платок голубой» и им кажется, что мечта их не сбылась. Они потеряли мечту и, ничего не понимая, винят кого-то в том, что их обманули. На самом деле, плохо зная язык, с довольно низким культурным уровнем, они не могут войти в местную жизнь и бегут от трудностей, которые они сами создают.

Что касается Андрея Зошука, то он там, сюда не приехал, тут часть этой семьи. Остальные не приехали, якобы потому, что не могут продать дом. Но я то убеждена, что тут подоплека совсем другая: едет часть семьи, остальные ждут известий. Если приехавшим не нравится, то остальные, под предлогом непроданого дома, остаются там, а те, что приехали, начинают хлопотать о разрешении вернуться обратно. Боюсь, что такая история и с Бобриком. Бобрик ведь работал в газете, был толковым парнем и активистом. Женился перед самым отъездом на Лидии Жаловаго, которая там руководила танцевальным кружком, но у которой всегда было больше ума в ногах, чем в голове. Я им писала. Бобрик не отвечал, отвечала всегда Лидия. Раз написала мне, что в Аргентине жизнь много «красивее», чем здесь. Я рассердилась и перестала с ней переписываться. Теперь эта переписка может возобновиться, потому что вместе со мной живет двадцатилетняя Лидия Лунис, подруга Лидии Жаловаго, которая в настоящее время учится в нашем институте. Она написала Лидии и ждет ответа. Семейство Лунис живет в Петропавловске целинном, где Лидия закончила техникум и работала в совхозе. Ее отец переписывается с кем-то в Аргентине. Ему писали из Аргентины, что вернувшиеся туда не могут найти ни квартиры, ни работы, и уже ходили опять в наше консульство каяться и проситься обратно сюда. Вот адрес отца Лидии Лунис /приехали из Аргентины в 1960 году/: Сев. Каз. обл. <...>

С Ялзозой отцом (Яковом Петровичем) я переписываюсь, но не знаю, может ли он помочь установить связь с Аргентиной. Про сына своего Александра, который был председателем общества Горького, а потом и центральным руководителем, он пишет, что тот «Трудно работает и трудно учиться»; перешел в 8-й класс. Адрес Ялзозы: Кривой Рог <...>

Товарищ Бойко в Москве. Работал в радиокомитете, а теперь поступил в Высшую партийную школу. Думаю, что он то мог

бы содействовать укреплению связей с Аргентиной, но это уж будет по партийной линии, так что я этого не знаю. У него в Аргентине родной брат — портной, жена которого аргентинка. Брату он писал очень редко. На всякий случай вот его адрес: Москва <...>

У Федоровых в Сухуми я гостила этим летом, получила приглашение опять приехать, но не собираюсь. Уговаривала лучшую из них Ольгу, которая работает медицинской сестрой, учиться дальше, но, видимо, она так и не сумела этого сделать, потому что я получила от нее только поздравление и больше ничего. Вообще эта семья, отец которой, Антон Ефимович Федоров, был моим другом, хотя он только кузнец и образования никакого не получил, меня не удовлетворяет, так же как, видимо, не удовлетворяет и отца. Они больше занимаются критикой всяких еще бытующих недостатков, и меня в этом смысле старались просвещать, чем своим образованием, которого им всем очень не хватает. Дома говорят между собой по-испански. С Аргентиной не переписываются. От Людмилы Павловны Шостаковской получила письмо только раз, когда умер Павел Петрович, в прошлом году. В Аргентине живет старшая внучка Шостаковского, которая замужем за коммунистом аргентинцем Оскаром Арес. Он был здесь в 1960 году. Но думаю, что он слишком близок к аргентинским партийным кругам, чтобы можно было установить с ним связь открыто. Ведь мы всегда старались работать как члены советского государства, а наша связь с коммунистической партией всегда была скрытой.

Если это Вас интересует могу вам прислать несколько писем наших бывших аргентинцев, в который они пишут о людях, уезжающих обратно в Аргентину. Писем из Аргентины от наших людей у меня нет. Если получу что-либо интересное, пришлю. Писать в Аргентину «поглубже» нельзя, даже и простые письма не всегда доходят, а «поглубже» угодит только цензору на стол, а потом в корзину. Цензорами в Аргентине служат или «перемещенные лица» или старые эмигранты, враждебные Советскому Союзу. <...>

*Государственный архив РФ, ф. Р-9651, оп. 2, дело № 139,
л. 55–61.*

№ 19

[Артыкул з газеты «Беларус»*]

МАСКВА Й ЭМІГРАЦЫІ

Тактыка бальшавіцкае Масквы ў дачыненні да палітычных эміграцыяў народаў ейнае імперыі ў паваенныя гады мянялася ад поўнага ігнаравання яе існавання да вялікіх прапагандных натугаў праз радыё, друк, прэсу, з мэтай яе палітычнае дыскрэдытацыі, раскладу, нэўтралізавання ды ўканды — ліквідацыі, ці то шляхам палітычнае бальшавізацыі, ці рэпатрыяцыі.

Савецкі рэпатрыяцыйны баянс сярод новае эміграцыі падсавецкіх эўрапейскіх народаў — Беларусі, Украіны, Прыбалтыкі, — мізэрны, блізу ніякі. Нейкі паважнейшы лік, затое, удалося Маскве сваёю прапагандаю схіліць да пераезду ў СССР спасярод эміграцыі старое, эканамічнае, эміграцыі палітычна мала сьведамае, што ня мела ніякое ўявы аб запраўдным выглядзе «радаснага» жыцця ў савецкім «раі». Ды гэтая рэпатрыяцыя яўна пайшла палітычна не на карысьць, а на шкоду Маскве. Як доўга гэтыя, палітычна наіўныя, эмігранты знаходзіліся ў краінах Захаду, іхныя прасавецкія настроі Масква выкарыстоўвала для свае падрыўное працы сярод хыхарства гэтых краінаў ды для вярбоўкі спасярод іх агентаў для свае падрыўное прапаганды й шпіянажу.

З мамэнтам-жа іх рэпатрыяцыі й сутыку із савецкаю запраўднасьцяй рэпатрыянты гэтыя ў сваей масе сталі антысавецка настроеным элементам, давяраць якому нельга. Палітычна гэта аказаўся «траянскі конь» вольнага Захаду, увезены самою Масквою ў межы свае прыгоннае імперыі. Расчараваныя рэпатрыянты, сярод якіх ёсць і некаторы лік Беларусаў з Аргентыны, Бразіліі ды іншых краінаў Паўдзённае Амэрыкі, пачалі дабівацца да кансулятаў гэтых краінаў у Маскве з просьбаю дазволу вярнуцца назад з «сацыялізму» ды ў «капіталізм». Апошнімі гадамі рух гэты прыняў масавыя памеры, весткі пра гэта, шляхам ліставання, дайшлі й да тых з асьцеражнейшых эмігрантаў, што «рэпатрыявацца» думалі, але не сьпяшаліся. У выніку — савецкая рэпатрыяцыйная акцыя заламалася зусім, вяртацца «на радзіму» ня стала ахвотнікаў.

* «Беларус» — газета па-антысавецку настроеных беларусаў трэцяй (паваеннай) хвалі эміграцыі. Выходзіла з 1950 г. у Нью-Ёрку.

Масква была змушана мяняць мэтады свае прапаганды. Летаў у кастрычніку маскоўскі камітэт «вяртаньня на радзіму» быў пераназваны на камітэт «культурнага абмену з суайчыньнікамі». Мэта засталася тая самая — весці падрыўную прапаганду Масквы сярод эміграцыі, але ўжо больш асыярожна, ды канцэнтравана ўвагу найперш на моладзі, паколькі сталае пакалень не аказалася на прапаганду адпорнае, «безнадзейнае». Дык бальшавіцкая прапаганда мае быць насіленая найперш сярод маладога эміграцыйнага пакаленьня, сярод якога савецкія агенты ўжо настырліва намагаюцца шукаць сувязяў, прыхільнікаў, сваіх агентаў, каб весці далей расклад нацыянальна-грамадзкай дзейнасьці паасобных эміграцыяў.

Новую тактыку й новыя падрыўныя натугі Масквы эміграцыі вольнага сьвету, а між імі й эміграцыя беларуская, павінны ведаць, за ёю зьрка сачыць, ей супроцьдзеіць, яе нэўтралізаваць. Заданьне й абавязак гэтае нацыянальнае самабароны ляжыць найперш на самой эміграцыі, паколькі адпаведныя дзяржаўныя дзейнікі пры існуючай атмасфэры «каэгзыстэнцыі» гэтае шкоднае для вольнага сьвету дзейнасьці недабачваюць, вагі яе недацэньваюць.

Беларус, люты 1964.

[№№ 20–23 — ліставанне Таварыства «Радзіма» (Мінск)
з беларусам С. Самасюком (Буэнас-Айрэс)]

№ 20

18 мая 1966

Уважаемый Степан Осипович!

Благодарим за обстоятельное и подробное письмо о жизни и положении наших земляков в Аргентине. Мы приветствуем добрые дела наших соотечественников в Аргентине, направленные на развитие, укрепление дружбы между советскими и аргентинскими народами, мира на земле.

Степан Осипович, в своих письмах Вы упоминали, что знаете людей, которые возвратились в Советский Союз, а через некоторое время вновь вернулись в Аргентину. Мы будем благодарны, если Вы нам подробно напишите об одном из таких людей, которые вернулись из Белоруссии: когда, откуда, в каком году возвратился обратно, состав семьи, причина возвращения, что рассказывает о жизни в Советском Союзе, как устроился в жизни в Аргентине после возвращения, чем занимается и т. д.

Посылаем Вам последний номер нашей газеты. Он посвящен возвращенцам из Аргентины, проживающим в настоящее время в Белоруссии.

Пишите нам, Степан Осипович, рассказывайте нам о жизни известных Вам белоруссов, о культурно-просветительных мероприятиях, проводимых нашими земляками в своих клубах, о встречах, пикниках и т. д.

Пользуясь случаем, сообщаем, что некоторое время тому назад мы послали в Ваш адрес книги, песенники, литературу для детей и т. д.

Отправили авиапочтой, так что она должна быстро прийти к Вам. Надеемся, что она поможет в работе Ваших культурных центров.

Желаем Вам, супруге и детям доброго здоровья и всяческих благ в жизни. Сердечный привет всем нашим землякам в Аргентине.

№ 21

1 июня 1966 г.

Уважаемый Г. Г. Белькевич. Сообщаю вам, что я ваше письмо получил 31/5/66, за которое сердечно благодарим мы вас, и за вашу газетку, за ваше хорошее отношение к нашим эмигрантам за границей. И также сообщаю про вашу посылку, которую вы мне прислали первый раз в прошлом году (песенники и другие книжки), из которых я часть отдал в клуб им. Горького, а часть отдал читать для друзей. Я на то вам отписал письмо об получке посылки, наверно, вы не получили. Вторую посылку я получил сейчас в месяце мае, кажись, 12 мая. И даю на то ответ. Посылка была из 13 книжек, пакет был распечатан, марки оторвали.

Но они привязаться не могут, потому что тут нету никакой политики, а всё история про Белоруссию и прошлую войну. Прошу Вас, не задевайте никакой политики. Я очень доволен этими книжками и очень-очень благодарю вас за то, что вы нас не забываете на чужбине. И также вас благодарят все наши читатели этих книжек. Я знаю, что почтовое управление записало мой адрес и фамилию, но пока тут у нас в управлении сидят пятьдесят процентов левых, но всё-таки беда, каждый день забастовки. Например, моя дочь начала школу учиться 1 апреля, а училась лишь семь дней, а то всё забастовка учителей и слушателей. На 7 июля будит забастовка спиральная на всё. Напри-

мер, учителям уже жалования несколько месяцев не выплачивают, и также железнодорожникам. Нет бюджета, а на гулянки губернаторы имеют деньги народные, прогуливают. Сегодня доллар подорожал: был вчера 188, сегодня 205 пезов за доллар. Что сегодня не купишь, то завтра надо заплатить больше. Цены каждый день меняются, деньги наши теряют цену. Но ещё жить можно, страна богатая и большая, для всех хватает и для воров тоже. Рабочий класс тоже очень крепко просит набавки за работы, и набавляют, но беда, что и фабриканты жалуются на свій заработок и закрывают свои фабрики. Да это оставим, хочу ответить на ваши просьбы.

Например, нашел тех людей, которые воротились из Советского Союза. Почему они обратно едут в Аргентину? Один говорит, так другой иначе. Например, говорил Степан Сухимецкий, что там на приезжих смотрят нехорошо, что советский народ говорит: «Какого чёрта приехали, как вам там было лучше? Мы воевали, а вы на готовое приехали». Да это правда, что нету обеспеки в стране. Например, Степан Сухимецкий сидит дома вечером, а ему с дома снимают антенну от радио или от телевизора. И он боялся выйти на двор, чтобы не дать, а то убьют. Говорят, что там большое воровство и пьянство, и что рабочие мало дают работы на фабриках. Хотя они сами были видимо пьяницами, потому что (сноха) невеста говорила: старый был *<неразборчиво>* за пьянство, и что заметал бульвар. Но тут он мало пьет, потому что денег надо на другие дела. Например, как приехал, пошел на работу до еврея чесать волос (конские хвосты и другие). Мало получил, а как стал просить набавку, то его еврей уволил. И так ходит от еврея до еврея: работы сталой не имеет, а надо было платить за квартиру — кухня и комната 6000 пезов в месяц. Сын Федор женат, имеет шестилетнюю девочку. По специальности портной, но не работает как портной, а пошел работать на бойню, то есть в мясную. Он, кажись, шьёт плоховато, а тут портные очень хорошие. То сын Федор зарабатывает в час 100 пезов, и то на контракт. Для такого рабочего по контракту, который подписывает на время, не даются годовые отпуска, не платят за болезнь, не платят пенсию, тут и беда. Сейчас они купили усадьбу и домик из двух комнат и маленьких сеней 2×3. Комната 3×3 метра, надо выплачивать 3 года. Дом снаружи бляха, внутри оббито толстым прессованным картоном.

Степан Сухемецкий и сын Федор со своими женами проживали в Советском Союзе в г. Херсоне. Работали: отец на текстильной фабрике, а сын, кажись, в портняжной. Отец Степан Сухемецкий даже показывал похвальную книжку как подносчик. Большинство приезжают из Украины, из Белоруссии мало. На Украине есть много националистов и пропагандистов, и их, новых приезжих, не любят. Их тут адрес Buenos Aires <....>

Я имею в г. Минске товарища, который поехал из Аргентины в Минск: Яков Скрипел и жена Нина, сын Григорий и дочь Эльза. Дочь Эльза оженилась в Минске с одним студентом кубинским. Яков Скрипел работает на стройках, он мастер на все дела. Вот, Г. Г. Белькевич, когда будет у вас по дороге, то зайдите и поговорите с женой Скрипеля Ниной. Она девочкой жила в Парагваю, и много лет жила в Аргентине. Она вот расскажет все подробно, Нина женщина проворная. Пожалуйста не говорите, что пришли от меня, а то ничего не скажет; а когда будете уже хорошо знакомы, то тогда можете сказать.

Тут таких новостей нету, я думаю, что и сами вы знаете про Латинскую Америку, которая начала защищаться от колониализма Америки и Англии. Народы недовольные на всем свете на янков, и Америка хочет втянуть Советский Союз в войну. И, кажись, втянет. Например, хочет, чтобы СССР воевал с Китаем, а Америка тогда используется случаем. Для нас интересно, чтобы Норт-Америка воевала с Китаем, тогда бы мы использовались бы случаем. Потому что ни Америка, ни Китай не есть нам друзья, рано или поздно с ними будет война. И надо беречься от них, они наши враги. Китай должен где-то искать для семьсот миллионов людей земли. В море не найдет, а пойдет на наши степи. Китай стал *<неразборчиво>* с нами разъединиться, и стал забирать от нас наших соседей.

Кажись, я уже довольно наболтал, извините мне. Вы умнее меня и понимаете лучше про все края света. Наши тут Эмигранты тоже уже постарели и чужаются с родиной, а молодые про нашу родину мало хотят знать. Пожалуйста, Г. Г. Белькевич, я на обороте пишу адрес неправильный, на него не обращайтесь внимания. Вы знаете, от кого вы письма получаете, пишите по старому.

До свидания, вам всем желаем мы всего наилучшего в вашей жизни. Ваш земляк.

Да будьте здоровы.

№ 22

5 августа 1966 г. Буэнос-Айрес С.О.С.

Уважаемый Белькевич Геннадий Григорьевич.

Сообщаю я вам, что ваше письмо получил, за которое сердечно благодарю. Мы не имеем цены, чтобы вас отблагодарить за такое сочувствие к нам: вы к нашим эмигрантам обращаетесь как отец к своей семье или к своим детям. Мы тоже вас всех на нашей родине чувствуем как своих братьев и сестер. Я письма вам не отписывал, дождался от вас посылку, которую вы послали на мое имя (книжки). Но до сего времени еще я не получил и <неразборчиво> не получу, потому что у нас в стране случился переворот, сейчас у нас новое правительство войсковое. Переворот <неразборчиво> был в порядке, без пролития крови и без одного выстрела: тот пришёл, другой ушёл, как будто бы было сговорено. Да правда уже при старом президенте нельзя было жить, вся страна постоянно чего-то дождала, какого-нибудь переворота, потому что старая губернь* давила страну в тупик. Фабрики стали закрываться, дороговизна, деньги упали, воровство. Каждый начальник стал миллионером, хотя и был бедный, податки большие, брак электричества, брак воды, брак телефона. Некому было жаловаться. Сейчас новое правительство, не знаем какой партии (пока всё по-старому) как будто бы нейтральное.

Президент говорил, что он будет стараться поставить страну на ноги и поднять цену на деньги, и пустить фабрики в ход, чтобы дать людям работу, но что-то нехорошо пахнет. Сегодня все университеты закрыли от первого августа до шестнадцатого августа, хотят поставить министра просвещения военного, студенты не хотят.

А сейчас с жизнью эмигрантов, что воротились обратно из Расаи. Хочу вам написать причины их разговору, почему они уезжают назад в Аргентину. А вообще молодые семьи. Молодые женщины говорят, чтобы остаться там на родине, то надо потерять мужа, потому что там много холостых женщин, и стараются отнять у тебя мужа. Например, те, которые приехали из Херсона, парочка по 28 лет и одна доченька 6 годов. Это Федор Сухимецкий. Жена говорит, что муж там распился, и как с работы идёт домой, то его девки или бабы тянут в свой дом и

* Gobierno (исп.) — урад.

говарят: «Дурак, ты ўжо павінен да сых пор памяняць некалькі жён, а ты жывешь усё с адной і той самай». Да і маты Федора гаворыла то ж самае мойя жене: што, мол, я боялась, штобы і моего старого от мене не забралі. Говарят, што там многіе разводятся і вновь женятся по некалькі раз. Что там нету забеспеченной жыцці: развод, пьянство, воровство і напады.

Говарят, што в Расіі жыццё хорашая в плане клімата, прыроды, што такой в другіх царствах нету. Лішь брак дысцыпліны. Людзі, котрыя прыехалі з горада Кобрына — отец, жена, сын і невестка. Они заехалі зімою, очень им показалося холодно. Молодая женщина имела дитё, надо было стоять в затылок, чтобы достать молока. Надо было стоять в затылок, чтобы достать одно кило хлеба, потому что давали лишь по одному кило, а им надо было больше хлеба. Так чтобы достать этот хлеб, надо было занести домой или спрятать, и опять становиться в затылок. Так что один из семьи целый день простоят в затылок. Они деньги имели, но в Кобрине на рынке за деньги нечего было купить. А мы спрашиваем: откуда вы взяли деньги на попку по приезде дома. Она говорит, что все деньги, заработанные там, мы привезли, потому что там негде было развести. А я ей говорю: «А может быть ты боялась за мужа, чтобы у тебя бабы не отняли?». «Да, я этого найхуже боялась, а то бы моё дитя не имело бы отца, и я бы не имела бы мужа». Но как они уже уезжали в 1969 году, то уже товара побольше было, так что уже можно было жить, но говорит, был брак дысцыпліны, вообще у молодёжи — пьют, воруют, делают всякие напады, да хуже всего разводы.

Но вот я сегодня читал в здешней газете, что в Советском Союзе правительство <неразборчиво> стало призадумываться и издало декрет: за всякие напады, воровство, пьянство будут наказаны аж до семи годам тюрьмы или принудительных работ. А за малолетних будут наказаны отцы штрафом, и что не будут стольким позволять разводиться. Да этот декрет и мне нравится. Я против пьянства, воровства и убийства. Я жил в Росее, то есть на Белоруссии, то мы не имели замков в нашем доме когда-то. А сегодня называется новое время, по всему свету молодёжь стала вредная: тут мальчики и девочки в одиннадцатый лет есть бандиты. Сейчас тут поймали в одном парке 11, 13, 14, 16 лет мальчикам, что сделали 15 нападков, карманы обшарили, конечно <неразборчиво>. Наша одна девочка

(родители украинцы) 16 лет ей. Она пошла за город в лес с хлопцами, останавливала автомобили, хозяина выгоняли, а автомобиль забирали, и в лесу ту машину разбирали и по частям продавали. Её, их поймали, забрали в приют, отец пошёл, купил её.

Тут люди все собранные из целого света. Наибольше Итальянцы, Испанцы, и множество других рас. Тут не уважают людей евреев, поляков и русских. Тут лишь бы имел голову белую, то тебя уже зовут Поляко или Русо. Тут 1905 года приехало много евреев из России, они сами себя называли «руссо», т. е. русскими. То они опачкали весь русский народ. Наши Белорусы-украинцы, Русские даже и литовцы очень дружно живут. Евреи, Поляки-гуцулы — есть плохие друзья. Наши женятся почти на своих, даже много на испанцах — литовцах, украинцах. В наши клубы входят литовцы, украинцы, Белорусы, Армяне. Белогвардейцы или новоприезжие из Германии и наши фашисты имеют свои клубы, они тут имеют больше власти, чем мы.

<неразборчиво>

Зима не холодная: сегодня утром было 6 г. тепла, 96 сырость, днем 12 г. тепла. Но на севере был снег и мороз: на горах Кордильерах 2 метра снегу, даже вызывали помощь. Были мертвые, и морозы на горах 16 градусов были.

До свидания, с уважением *<ростись>*.

№ 23

6 октября

Уважаемый Степан Осипович!

Мы получили Ваше письмо и с интересом прочитали его. Конечно, всё это самая настоящая ложь, которую распространяют те, кто сбежал обратно в Аргентину из нашей страны. Да и что остаётся делать этим людишкам, как не повторять избитую клевету о голоде в Советском Союзе и подобные небылицы. Им ведь надо как-то оправдать свой побег с Родины. Правду сказать они не могут о причине своего возврата, а поэтому и льют грязь. Но ни один честный человек, любящий свой край, никогда не поверит этим лгунам и клеветникам, променявшим Родину, совесть, честь на какую-то мишуру.

Пишите нам и в дальнейшем на подобные темы и по другим вопросам.

Пользуясь случаем, поздравляем Вас, семью и всех наших и Ваших друзей с праздником Великого Октября. Желаем здоровья и успехов в Ваших делах.

С уважением

Зав. отделом писем Г. Белькевич.

Общество «Радзіма», папка «Степан Самасюк».

[Артыкулы аднаго развароту газеты «Голас Радзімы»,
1966 г., № 47]

№ 24

КТО ПРАВ — РАССУДИТЕ

Известно, что после войны в Советских Союз из Аргентины вернулись многие наши соотечественники. Прожив на Родине 2-3 года, некоторые из них уехали обратно. Причины отъезда разные — одних звали туда дети, оставшиеся в Аргентине, другие не могли привыкнуть к климатическим условиям России или Белоруссии.

И вот в последнее время в редакцию стали поступать письма от наших земляков из Буэнос-Айреса и других мест. В них говорится, что некоторые из возвращенцев, рассказывая о своем пребывании на Родине, извращают факты. В частности, такое письмо мы получили от С. А. (фамилия и адрес редакции известны). Одновременно письмо аналогичного содержания получил от С. А. реэмигрант из Аргентины (ныне проживающий в Минске) К. Кутас. Свой ответ другу К. Кутас принес к нам в редакцию и попросил опубликовать его.

Ниже мы помещаем письма С. А. и К. Кутаса, а также статью нашего сотрудника В. Мацкевича.

Прочтите внимательно эти материалы, земляки!

* * *

Уважаемая редакция!

Я давно собирался написать вам о возвращенцах. Говорить об этом трудно, но и промолчать невозможно. Может быть, я чего-то не понимаю, но когда слышу их рассуждения о Родине, о жизни в Советском Союзе, мне просто хочется кричать. Эти людишки беспрестанно твердят: мы все видели своими глазами, а вы нам не верите. Но что может разглядеть близорукий человек? К сожалению, они не захотели увидеть на Родине ни-

чего, кроме плохого. В этом виновата их отсталость, да плюс еще подлость. Люди, казалось бы, повидали свет, переплыли несколько раз океан, а с ними приходится спорить до отупения по самым достоверным вопросам. Всем известно, что в Советском Союзе школьное и высшее образование, медицинское обслуживание — бесплатны. А возвращенцы утверждают, что это неправда, что это — выдумка, пропаганда. Притом неизменно добавляют: «Мы там были и знаем лучше вас».

Мы живем здесь среди испанцев, итальянцев и других народностей. И все они уважают нас за то, что мы **русские**, выходцы с той земли, которая перенесла неисчислимые страдания в войне с гитлеровской Германией и народ которой удивляет всех своими успехами. Бывают исключения, когда кто-нибудь из местных неодобрительно отзовется о советских людях. Так ведь это человек чужой. А вообще аргентинцы, среди которых мы живем, народ хороший, отзывчивый. Некоторые из них говорят: «Не придавайте значения тому, что болтают возвращенцы о Советской стране. От этого наши симпатии к ней не уменьшатся».

Но вот что характерно: слова тех, кто вернулся снова в Аргентину, расходятся с делами. Говорят: мы там голодали. Но выглядят все хорошо. Жалуются: мало платили за труд. Но все они прилично одеты и сразу же по приезде начинают приобретать вещи, которые стоят больших денег. Факты говорят сами за себя. Поэтому мы называем таких людей лжецами.

Во время второй мировой войны и после нее в Аргентине жилось сравнительно неплохо. Сейчас же многое изменилось в худшую сторону. Но возвращенцы легко находят работу. Возможно, потому, что многие переменили свои взгляды и стали поливать грязью Советский Союз. А за это, разумеется, здесь хорошо платят.

Я хочу рассказать о семье Сергея Мандрика. Он уроженец деревни Острово бывшей Мижевичской волости Слонимского уезда. Приехал в Аргентину в 1938 году. Жил в провинции Мисьонес, работал на своей земле. Жил неважно. Потом продал хозяйство и переселился в Буэнос-Айрес. Стал фабричным рабочим. Правда, у Сергея и его сына Константина была «маленькая» слабость: любили поменьше работать, но хотели хорошо жить. Они поэтому часто меняли место работы, получали фиктивные справки о болезнях и т. д. И вот вся семья Мандрика

загорелась желанием вернуться на Родину. Такая возможность им представилась. Не хватало средств на дорогу, так люди помогли как товарищам.

Прожив в Донбассе 9 лет, они снова вернулись в Аргентину. Сетуют, что там плохо, нет порядка, холодно, дали квартиру, но на третьем этаже. В общем, там жизнь только для коммунистов. Костя говорит, что объехал весь Советский Союз и все знает. Был в Грузии, в Крыму, в Москве несколько раз, дважды приезжал в Белоруссию. Но так нигде и не задержался. Всюду ему было плохо. Он говорит: «Там ничего не изменилось, и люди живут очень плохо». А на вопрос, где брал деньги для поездок по стране, отвечает: «Да там передвижение дешево и всем доступно».

Мы говорим, что вот наши родственники и знакомые пишут с Родины хорошие письма и вроде живут неплохо. Ведь раньше, когда было трудно, так об этом и писали, не скрывали. Мандрики в ответ: «Письмам верить нельзя. Их проверяют. Люди боятся, поэтому и пишут, что все хорошо».

Ну, как тут можно спокойно воспринимать такую чушь!

Пришлось мне говорить с семьей Кицун, которая приехала в Аргентину из Баранович. Жизнь в Аргентине им давалась легко. У них был свой ресторан. Трудно установить причину, побудившую этих людей вернуться на Родину. Но это случилось. Теперь же член этой семьи Дмитрий Федорович Кицун, рассказывая о жизни в Советском Союзе, выходит за рамки человеческого приличия. Жена его, Мария Давыдовна, в истерике поддерживает мужа. Один из собеседников слушал-слушал, а потом встал, плюнул и сказал в сердцах: «Вы не люди, а подлцы!»

Но есть и среди возвращенцев много хороших людей. Такие сожалеют, что вернулись обратно в Аргентину. Они понимают, что совершили большую ошибку.

С. А.

Здравствуйте, многоуважаемый С. А.! Письмо Ваше я получил. Очень благодарен Вам за хорошие пожелания.

Да, это печально, что наши «патриоты», вернувшись в Аргентину, разводят там клевету. Притом отвратительную клевету! Вы пишете, что они столкнулись с трудностями и поэтому вернулись. По-моему, эти люди просто не понимают, что значит Родина!

Разрешите мне рассказать Вам о своей жизни. Вернулся я на Родину в конце 1958 года. Как только мы ступили на родную землю, это было в Чопе, нас поселили в хорошую гостиницу. Мы получили от государства денежное пособие. Перевозка багажа тоже была оплачена государством. Я гулял всю зиму, а 1 июня 1959 года устроился на работу по специальности в городе Минске. Через год женился. Жена моя педагог, с высшим образованием, работала директором средней школы в районном центре Плещеницы. Сейчас заведует библиотекой Белорусской государственной консерватории.

В августе 1960 года мне дали квартиру от завода. Квартира хорошая, со всеми удобствами, на центральной улице.

Когда мне понадобились деньги на обстановку, государство дало долгосрочный кредит на 5 лет. За этот кредит никаких процентов не платил. В том же году я поступил на курсы технического усовершенствования. Закончил их успешно. Рабочие выбирали меня председателем заводской комиссии по охране труда, председателем цехового комитета профсоюзной организации. А в настоящее время я член районного штаба добровольных народных дружин.

Несколько раз ездил бесплатно отдыхать и лечиться в санаторий. Например, 26 дней пробыл в «Отрадном», на Балтике. По работе у меня замечаний нет, только благодарности: моя фотография на Доске почета. Зарабатываю неплохо, мой оклад 140 рублей.

Чтобы Вам было ясно, что стоит наш рубль, я приведу несколько примеров. Вместе с женой мы получаем 270 рублей. За квартиру платим 7 рублей. Это вместе с паровым отоплением, газом. Мы купили за 200 рублей холодильник и за 90 рублей стиральную машину. Работают безотказно вот уже 5 лет. Скажите, кто из нас в эмиграции мог так устроить свою жизнь?

Вообще у нас люди живут неплохо. Килограмм хлеба стоит здесь 14 копеек, килограмм мяса от 90 копеек до 2 рублей.

Мужские туфли высшего сорта — 15–25 рублей, мужская рубашка — 5–6 рублей.

Транспорт у нас также недорогой. Например, проезд трамваем по всему городу стоит 3 копейки, автобусом и троллейбусом — 4 копейки.

А самое главное — это то, что я уверен в будущем. Здесь нечего бояться, что завтра тебя рассчитают, потеряешь работу и нечем будет кормить семью.

Вот с такими «трудностями» мы столкнулись. Посудите сами, чего стоят после этого слова тех людей, которые возвратились в Аргентину.

Если встретите кого-нибудь из возвращенцев, в каких квартирах они здесь жили и сколько платили за них. Я уверен, что там, в Аргентине, они никогда не будут иметь таких условий жизни.

Что касается меня, то я скажу прямо: я живу на Родине лучше и гораздо веселее, чем в Аргентине. А как я там жил, Вы знаете.

Кутас К. Г.

г. Минск, Ленинский проспект, 53, кв. 67.

КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ

«Я прекрасно знаю, что без меня на Родине обойдутся: без меня отстояли ее от фашистов, без меня отстроили страну, подняли культуру, развили экономику. Обидно только, что придется умереть никому не нужным существом».

Из письма эмигранта.

...Вот и Барановичи. Комфортабельный автобус-экспресс домчал меня сюда из столицы за три часа. Даже в этот осенний день, когда непрерывно сыплется с неба назойливая мелкая изморось, город выглядит приветливым и по-своему красивым. Главная магистраль — улица Ленина — чем-то напоминает Ленинский проспект Минска. В центре города, как обычно, оживленно. Люди заняты своими делами: кто спешит на работу, кто в кино, кого интересуют магазины, кого — краеведческий музей и библиотека. Всюду встречаю приветливые лица, готовность помочь незнакомцу сориентироваться в чужом городе, рассказать о нем побольше, похвалиться его достопримечательностями...

Так почему же не прижился в этом уютном городе, среди этих добрых людей Дмитрий Кицун? Я задаю этот вопрос официальным властям. Отвечают: отъезд свой мотивировал тем, что в Советском Союзе трудно жить, и неподходящим климатом.

С этим же вопросом я обращаюсь к Степану Семеновичу Петрушко, реэмигранту из Аргентину, оставшемуся навсегда в Барановичах.

— Кицун? Да, я его знаю. Почему уехал? Мне странно, что он решил приехать в Советский Союз: ведь Кицун в Аргентине бил окна в наших прогрессивных организациях...

Дмитрия Федоровича Кицуна (он же — Кирикович), как и всех других реэмигрантов, никто не заставлял ехать в Советский Союз. Более того, всех предупреждали: подумайте хорошенько, ведь не в гости едете, а там, на вашей Родине, еще ноют раны прошедшей войны, люди в упорной борьбе с трудностями строят лучшую жизнь. Несмотря на это Кириковичи-Кицуны решили ехать в Белоруссию. Поселились в Барановичах. Горсовет выделил им квартиру. Старшим предоставлялась работа по специальности, детям (у Кицунов трое детей) — возможность получить образование (заметим: бесплатно).

Но тут вдруг глава семьи заявил от имени всех: отказываемся менять аргентинские паспорта на советские. На работу пошла лишь жена, Мария Давыдовна (она устроилась на швейной фабрике), остальные не захотели связывать себя постоянной работой. Дмитрий Кицун стал работать на дому. Столярничал, выполнял частные заказы. Его жена шила. Ни тот, ни другой не имели на это патента, но тем не менее городские власти относились к ним благосклонно, не притесняли, не взымали налогов. Но сразу же по приезде Кицуны начали жаловаться, что в Советском Союзе нельзя прожить, сразу же стали хлопотать о возвращении назад, в Аргентину.

Сейчас они возводят черт-те что на наших советских людей, нашу страну. А что они знают о нас? Ровным счетом ничего. Не только о Белоруссии, а даже о Барановичах. Как можно знать, легко или трудно живется у нас, если человек ни одного часа здесь не трудился в коллективе, не был ни на одном заводе? Как можно говорить плохое или хорошее о жителе Баранович, если Кицуны сторонились людей, не общались с ними, жили, как бирюки? Знают ли Кицуны и Мандрики, что в те годы, когда у них появилась возможность там, в Аргентине, неплохо заработать, здесь, на их Родине, люди умирали в окопах, гибли в гитлеровских лагерях смерти, сражались с врагом в партизанских отрядах? А потом, когда фронт откатился на запад, они, полуголодные, плохо одетые, расчищали пепелища и закладывали на них новый город. Сейчас в нем живет свыше 80 тысяч человек. У каждого есть работа, каждый прилично одет, каждый может уверенно смотреть в будущее.

А между прочим, до 1939 года из 35 тысяч населения Баранович 4 тысячи взрослых мужчин не имели работы. Ведь от

безработицы, за куском хлеба уехали в те годы за тридевять земель многие наши соотечественники.

Не видать колоссальных перемен, происшедших на нашей земле, значит быть действительно близоруким человеком.

Кицуны утверждают, что жилось им здесь плохо. Но тем не менее у них хватило денег на поездку обратно. Кроме того, в Барановичах они собирались откупить у горсовета половину дома, в котором жили. А с собой увезли швейные машины и другие ценные вещи, купленные на советские деньги, в советских магазинах. Кстати, никто из тех, кто возвратился снова в Аргентину, не уехал с пустыми руками, так, как уезжали они за море при панской Польше. Как правило, все увозили с собой швейные машины, радиоприемники, кино- и фотоаппараты. Говорят, там — в Аргентине — это хорошо идет, можно сделать неплохой бизнес.

Федор Иванович Ленивко, который приехал в Барановичи из Буэнос-Айреса в 1956 году, рассказывал мне: «Я видел в Аргентине считанные телевизоры. Да и то не в домах, а в ресторанах, барах. Зато там большая наценка на спиртные напитки и блюда. Так что телевизор в Аргентине — удовольствие дорогое... Даже мысли не допускаю, чтобы кто-нибудь из наших мог его там купить».

В Барановичах живут шесть семей реэмигрантов из Аргентины. Они вернулись в Белоруссию навсегда. Здесь они родились, потом бродили по свету в поисках заработка, и под старость пути-дороги их снова привели к родным гнездам. Все обеспечены жильем, у всех есть работа, их дети учатся в советских школах, институтах. Все они пользуются услугами советской медицины (бесплатно, разумеется), ездят во время отпуска в санатории, дома отдыха. Одним словом, живут так, как и все в Барановичах, не тужат, не жалуются на «неподходящий климат».

Степан Семенович Петрушко приехал в Барановичи в 1958 году. Здесь женился. Работает на хлебокомбинате каменщиком. Там же и его жена, штукатур по профессии. Получает пенсию — 52 рубля. Но еще не хочет бросать работу. В общем, зарабатывает в среднем за месяц до 120 рублей. Два раза ездил по льготным путевкам заводского комитета профсоюза в дома отдыха. Правда, у Степана Семеновича тесновато стало в квартире: неделю назад выдал дочь замуж. Но Петрушко стоит на очереди в горсовете на получение квартиры.

Спрашиваю:

— Вот у вас жильё похуже, чем у других, может, и вы уедете обратно, в Аргентину?

— Нет уж, — говорит, — только мертвым меня туда затащишь. Намылался я по белу свету. Хватит. Дороже родной стонки ничего на свете нет.

К Федору Ивановичу Ленивко я заглянул под вечер. Он как раз вернулся с работы. Разговорились. Не нахвалится сыном: Николай учится на пятом курсе института иностранных языков в Минске, одновременно преподает первокурсникам испанский язык. Хороший спортсмен. Сам Федор Иванович работает машинистом холодильной установки. Получает 80 рублей в месяц, плюс 52 рубля пенсии — выходит прилично. Да жена еще работает. Квартира нормальная. В ней чисто и уютно.

— Уже подвели природный газ, — замечает Федор Иванович, — на днях должны включить. Совсем хорошо станет: не надо возиться с этими баллонами.

Спрашиваю, может, недоволен чем?

Нет, говорит, а чего же нам еще надо? Живем в достатке. Я очень рад, что хоть старость у нас спокойная.

Примерно такого же содержания разговор состоялся у меня и с Семеном Николаевичем Шашкем.

И что-то не заметил я в Барановичах голодающих, нищих, протягивающих руку за подаянием, безработных, стоящих в очередях за чашкой похлебки. И детей никто не отдает в подпаски или подмастерья, как раньше, чтобы заработать лишний кусок хлеба и свести концы с концами.

Так почему же тогда кицуны да мандрики поливают грязью Родину, держат камень за пазухой? Видимо, этим людям никогда не понять, что такое Родина. Один из реэмигрантов так сказал: «Важно не только то, сколько человек зарабатывает, важно, где, среди каких людей он живет. Ведь чужбина никогда не обласкает тебя так, как Родина-мать!»

Из Баранович уехало в Аргентину несколько семей. У одних там остались дети, у других кое-какое имущество, третьи просто попались на удочку людей, нечистых на руку. Многие из них уже готовы кусать себе локти, поняли, что совершили роковую ошибку, и пытаются снова найти дорогу на родную землю. Но не об этих людях здесь речь.

Разговор идет о тех, кто без зазрения совести чернит Советскую страну и советских людей. От этого не уменьшаться симпатии наших искренних друзей: как никак за 50 лет Советской власти они научились отличать, где правда, а где ложь.

А от того, что уехали Кицуны, в Барановичах, право же, никто не пострадает. Без них советские люди отстояли город, без них отстроили, без них сделают его еще более красивым.

В. Мацкевич.

* * *

Вы прочли материалы, поднимающие вопрос о возвращенцах и их отношении к своей Родине. Мы старались быть объективными. Выносим все это на ваш суд. Если у вас возникнут предложения, мысли (а они не могут не возникнуть), вопросы, пишите к нам в газету. Адрес редакции вам известен.

Голас Радзімы, лістапад 1966, № 47.

[Ліставанне пасольства СССР у Аргенціне з рэдакцыяй газеты «Голас Радзімы»]

№ 25

ПОСОЛЬСТВО СССР В АРГЕНТИНЕ «23» мая 1967 г

Исх. 373/КО

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ГОЛАС РАДЗИМЫ»

тов. Прокша

На Ваше письмо от 8 декабря 1966 г.

Сообщаем, что в Консульский отдел поступило два номера газеты «Голас Радзімы».

Просим Вас продолжать направлять в наш адрес номера газеты /примерно 40 экз./, в которых освещаются жизнь советских граждан, выехавших из Аргентины в Белорусскую ССР на постоянное жительство, высказывания лиц, прибывающих из разных стран для свидания с родственниками, а также жизнь и созидательный труд белорусского народа за годы Советской власти.

Рекомендовали бы Вам направлять авиабандероли по 20 экз. газет по адресу: Buenos Aires, Rodrigues Peña, 1741 Consulado de la URSS.

С уважением /А. Юршенас/
ЗАВ. КОНСУЛЬСКИМ ОТДЕЛОМ.

НАРБ, ф. 1267, оп. 1, д. 4, л. 54.

№ 26

14 июня

ЗАВ. КОНСУЛЬСКИМ ОТДЕЛОМ ПОСОЛЬСТВА СССР В
АРГЕНТИНЕ
тов. ЮршенасНа № 373/КО от 23 мая 1967 года

Сообщаем, что 8 декабря 1966 года нами было направлено Вам 90 экз. газеты «Голас Радзімы», в которой целый разворот был посвящен жизни реэмигрантов из Аргентины в Белорусской ССР.

Вчера нами отправлено по рекомендованному Вами адресу авиапочтой 40 экз. нашей газеты /2 бандероли по 20 экз. каждая/. В дальнейшем будем регулярно отправлять Вам указанное Вами количество нашей газеты.

Одновременно сообщаем, что нами регулярно отправляется примерно 800 экз. газеты в личные адреса наших земляков, проживающих в Аргентине. Примерно с середины прошлого года отправляемые нами газеты обратно не возвращаются. Однако, мы не знаем, доходят ли они до наших читателей. В то же время имеется ряд случаев, когда отправляемая нами землякам художественная литература не была получена и не возвратилась обратно.

Исходя из этого, мы делаем вывод, что местные почтовые власти конфискуют отправляемую нами корреспонденцию.

В связи с этим просим высказать свои рекомендации по вопросу дальнейшей отправки газеты и литературы нашим землякам в Аргентину.

С уважением,

РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «ГОЛАС РАДЗІМЫ» /Л. ПРОКША/

НАРБ, ф. 1267, оп. 1, д. 4, л. 73.

№ 27

[Даведка аб колькасці пакінуўшых межы БССР
у 1966–1970 гг.]

Секретно

Экз. № 2

ЦИФРОВЫЕ СВЕДЕНИЯ

о количестве советских граждан, выехавших из БССР
на постоянное жительство за границу в 1966–1970 гг.

В какую страну выехали	В каком году выехали					Всего
	1966 году	1967 году	1968 году	1969 году	1970 году	
1	2	3	4	5	6	7

В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

США	4	2	7	4	3	20
Великобританию	7	5	3	2	3	20
Францию	-	2	2	1	4	9
ФРГ	-	1	1	2	-	4
Израиль	31	17	-	8	8	64
Аргентину	64	9	16	20	7	116
Ливан	1	-	-	-	-	1
Канаду	2	1	3	3	5	14
Австралию	5	3	-	-	-	8
Италию	3	1	-	-	-	4
Уругвай	4	-	-	-	1	5
Бразилию	2	-	5	-	-	7
Финляндию	-	1	-	-	-	1
Индию	-	-	1	-	-	1
Конго /Киншасе/	-	-	1	-	-	1
Гану	-	-	1	-	-	1
Ирак	-	-	1	-	-	1
Афганистан	-	-	-	1	-	1
Кению	-	-	-	1	-	1

ОАР	-	-	-	1	-	1
Мексіку	-	-	-	-	1	1
Нідерланды	-	-	-	-	2	2
Того	-	-	-	-	1	1
Итого в капстраны	123	42	41	43	35	284

<...>

НАЧАЛЬНИК ОВИР УАСМ МВД БССР

Подполковник милиции /А. КОСТРИЦКИЙ/

«5» апреля 1971 года

Архив МВД Республики Беларусь, ф. 49, оп. 1, д. 64, л. 170.

1

Савету міністраў УССР

ЦК КП Украіны

Дакладная запіска

Пра работу сярод савецкіх грамадзян,

якія вярнуліся з-за мяжы ў УССР

і пражываюць у Варашылаўградскай вобласці.

Згодна з Вашым даручэннем я выязджаў у Варашылаўградскую вобласць і знаходзіўся там з 26 мая да 12 чэрвеня б. г.

За апошнія два гады ў Варашылаўградскую вобласць прыехала шляхам рэпатрыяцыі і рээміграцыі з-за мяжы на пастаяннае пражыванне 68 сем'яў і 48 адзіночых, разам 264 асобы.

<...> прыехала з Аргенціны — 44, з Францыі — 10, Балгарыі — 8, Кітаю — 7, Канады — 6, Англіі — 5, Польшчы — 5, Грэцыі — 4, Нямеччыны — 4, Бельгіі — 4, Югаславіі — 4, Чэхаславіі — 3, Новай Зеландыі — 3, Італіі — 2, Галандыі — 3, Аўстрыі — 2, Венгрыі — 1, Даніі — 1, ЗША — 1, Ірану — 1.

У сувязі з тым, што не ўсе гэтыя сем'і былі аточаныя адпаведнай увагай, выхаваўчай работай і належнай апекай з боку мясцовых органаў улады і савецкіх устаноў і арганізацый, некаторыя з іх пачалі хадаінічаць пра вяртанне назад. А тры сям'і ўжо выехалі: у Францыю выехаў Салаюн Мацье, 1915 г. нараджэння з жонкай Аленаю Міхайлаўнай, родам яна з г. Верхняга Варашылаўградскай вобласці; у Бельгію выехаў гр. Дэпуртэн, жонка ў яго ўкраінка з Варашылаўградскай вобласці і ў Галандыю выехала сям'я Івановай Лідыі Канстанцінаўны, 1921 году нараджэння, родам яна з Варашылаўградскай вобласці, муж яе галандзец.

Акрамя тых, што ўжо выехалі, яшчэ 12 сем'яў увесь час уздымаюць пытанне пра наданне ім мажлівасці вярнуцца назад.

А менавіта:

1. Сям'я Валянюка Сямёна Арсеньевіча, ён 1926 году нараджэння, ураджэнец Цярнопальскай вобласці, прыбыў з Аргенціны 28 ліпеня 1956 г. з жонкай Валянюк Бертаю Станіславаўнай, 1929 г. нараджэння, ураджэнка г. Буэнас-Айрэс /Аргенціна/, дачкой Ксеніяй, 1947 году нараджэння і сынам Стэфанам 1953 г. нараджэння. Уладкаваўся на работу на тэкстыльным камбінаце ім. Варашылава /у г. Варашылаўградзе/ ткачом. Спачатку яго заробак складаў да 600–700 руб., жонка не працуе, жылі ў прыватнай кватэры, газет не чыталі, радыё не слухалі, ні з кім не сябравалі, цураліся рабочага калектыву, на сходы не хадзілі, да грамадскай работы іх ніхто не прыцягваў і ніякай індывідуальнай работы не праводзіў.

2. Сям'я Валянюка Сцяпана Арсеньевіча /брат Валанюка Сямёна/ — ён 1931 году нараджэння, а яго жонка Ксенія Мікіцьеўна Валянюк 1931 году нараджэння — прыехалі яны разам з братам і таксама ўладкаваўся на работу на гэтым жа камбінаце ткачом, а жонка нідзе не працуе, маючы 2-гадовае дзіця, якое нарадзілася ў Аргенціне ў 1955 г.

Бацька Валянюкоў — Арсеній Валянюк, прыбыўшы з Аргенціны, купіў будынак у г. Цярнопалі і там цяпер пражывае.

Па некаторых звестках — Валянюкі ў Буэнас-Айрэсе мелі ўласную кустарную ваўнаткацкую фабрыку, на якой працавалі ўсёй сям'ёй.

Падчас размовы з Ксеніяй Мікіцьеўнай Валянюк яна ў запале прагаварылася:

— Я там /у Аргенціне/ працавала на сваёй фабрыцы 9 год ткачом, там маю ўласны будынак /маці падаравала ёй/, а тут я не пайду працаваць вам на 500 руб. Мы жылі там лепш, я не звykла жыць у адным пакоі, ды яшчэ ў агульнай кухні...

Валянюк Сямён у размове з ім /пры размове акрамя мяне прысутнічаў сакратар горпарткаму г. Варашылаўграда т. Лебедзеў С. Ф./ заявіў:

— Я ў Аргенціне за 20 год работы ткачом так не змарыўся на рабоце, як тут за адзін год. Я тут не застануся. Я хутчэй кінуся пад цягнік, чым тут застануся.

На зборах землякоў /на тэкстыльным камбінаце ім. Варашылава іх працуе 23 сям'і; іх склікалі ў клубе, каб пагаварыць пра іх працаўладкаванне, пра стварэнне адпаведных культурна-побытавых умоваў, і іншае; на гэтых зборах былі прысутні гаспадарнікі, кіраўнікі раёну, гораду і іншыя/ Валянюк Сцяпан выступіў і незадаволена заявіў:

— Дзякую Вам за ўсё, за два стульчыка, што дала мне фабрыка і прашу даць мне магчымасць вярнуцца ў Аргенціну.

Супраць такога выступу гарача супрацьстаялі яго ж землякі, у прыватнасці гр. Дубчук У. І. /яго жонка гр. Каберская Лідзія — працуе стэльнахам 7 разраду на дрэвапрацовачнай фабрыцы, зарабляючы 1200–1300 руб. на месяц/, гр. Шмідт Т. С. /ён працуе слесарам на камбінаце і зарабляе па 1200 руб. на месяц/, Підгайны Іван Вол. — 1923 г. нараджэння, працуе на камбінаце сам і яго жонка — ткачамі, ён зарабляе 1000–1100 і жонка 1049 руб. і іншыя.

Підгайны І. В, занесены на дошку гонару камбінату, ён даў карысную рацыяналізатарскую прапазіцыю, за што атрымаў грашовую прэмію. Ён у сваім выступленні заявіў:

— Я на роднай зямлі ажыў. Дзякую Савецкай уладзе за дапамогу, за тое, што змог вярнуцца на Бацькаўшчыну і працаваць на сябе, а не на паноў, як тое было ў Аргенціне. Белагвардзейшчына там у Аргенціне нас правакавала, здзеквалася з нас за тое, што мы сімпатызавалі савецкай уладзе. Нас прыняла родная зямля — далі нам добрую работу, кватэры, дапамогу крэдытам — я атрымаў крэдыту 5000 руб.; Валянюк кажа, што яму не падабаецца тут, але ён не зведаў столькі гора, як мая сям'я, ён не ведае мінулага, бо яшчэ малады...

Рэпліка гр. Валянюка Сцяпана: «Ты мяне не агітую».

Гр. Підгайны: — Я цябе не агітую, а кажу праўду ў вочы. Жонка твая і твайго брата могуць працаваць, але чамусь не працуюць.

Рэпліка гр. Валянюк Берты /гаворыць па-іспанску/:

«Я рускай мовы не ведаю, дзяцей выхоўваю сама, а там засталася хворая маці, брат там у турме, таму я і хачу туды вярнуцца».

Гр. Підгайны Ів.: — Маці твая і тады была хворая, як мы ехалі сюды, і хата ў яе добрая, а брат сядзіць у турме за забойства чалавека... Вызваліць брата, тады і маці сюды прыедзе. Тут рабочаму чалавеку лепш жыць. І Валянюкі зараз зарабляюць понад 1200–1300 руб. кожны...

Я наўмысна прывёў урывак з размовы «землякоў», каб стала яшчэ яскравейшым пытанне пра ўзмацненне выхаваўчай работы сярод рэпатрыянтаў і рээмігрантаў. Варашылаўградскі абком КПУ займаўся гэтым пытаннем пакуль што фармальна. 12 лістапада 1956 г. сакратарыят абкому КПУ разглядаў дакладную запіску адміністрацыі абкому партыі «Пра сур'езныя недалікі ў справе працаўладкавання, размяшчэння і пастаноўкі выхаваўчай работы між грамадзянамі, якія вярнуліся з-за мяжы ў Варашылаўградскую вобласць». Але не было тады зроблена галоўнага, гэта значыць не правалі канкрэтных мерапрыемстваў па ўзмацненні работы сярод кожнай сям'і савецкіх грамадзян, якія вярнуліся з-за мяжы, не вызначылі пэўных адказных асоб, якія персанальна адказвалі б у абкоме КПУ, у аблвыканкаме ды ў раённых, нізавых партыйна-савецкіх арганізацыях за работу сярод рэпатрыянтаў і рээмігрантаў.

Цяпер, калі абком КПУ й аблвыканкам, гаркомы ды райкомы КПУ і гарсаветы ды райсаветы вылучылі пэўных асоб, якія праз асобныя брыгады і самі асабіста кожную сям'ю і адзінокага рэпатрыянта ці рээмігранта, усе пераканаліся ў тым, што дагэтуль калі што і было зроблена па лініі працаўладкавання і наданні жылля, то зусім мала, а то і нічога не было зроблена па лініі перавыхавання людзей.

3. Сям'я гр-на Бойкі Івана Рыгоравіча, ён 1930 году нараджэня, жонка Вольга Кандрацьеўна Бойка, нараджэння 1930 году, родам з Аргенціны, сын Іван — 1954 г. нараджэння /нарадзіўся ў Аргенціне/ прыбыла 30 снежня 1956 г. у Валынскую вобласць, а потым пераехала ў Варашылаўград, дзе Бойка І. Р. уладкаваўся на работу слесара на заводзе

ім. XX-годдзя Кастрычніка, зарабляе ён 700–800 руб. у месяц, жонка не працуе, бо сын прастудзіўся і хварэе /жыве ён у паўпадвальнай прыватнай кватэры — пакой і кухня — падлога земляная, вугаль атрымоўваў няякасны; за гэтую кватэру завод выпл-е 150 руб., а гр. Бойка даплочвае 23 руб./ . Калі аглядзелі гэту кватэру, то пабачылі, што насамрэч яна ёсць прычынаю таго, што гр. Бойка жадае вярнуцца ў Аргенціну, дзе жывуць бацькі яго і жонкі.

Калі б кіраўніцтва заводу, райсавету і партарганізацыя зацікавілася ра-ней жыллёва-побытавымі ўмовамі гр. Бойкі, то за 150 руб., які сплочвае завод за кватэру, можна было б знайсці лепшую кватэру. На сям'ю Бойка нават прафсаюз не звяртаў ніякай увагі, і ён да сённяшняга дня не член прафсаюзу.

Цяпер кіраўніцтвам горада Варашылаўграда вырашана даць гр. Бойку кватэру ў новым будынку, які ў гэтым месяцы будзе засяляцца. Завод так-сама даў гр. Бойку два ложка і некалькі стульёў.

Гр. Бойка выказаў вялікае незадаволенне тым, што яго лісты не даходзяць да Аргенціны, што мытня ст. Чоп затрымала пакунак, які яму даслалі бацькі з Аргенціны. Акрамя таго гр. Бойка заявіў, што рэчы, якія ішлі ба-гажом, падчас яго прыезду ў СССР, былі кімсьці прагледжаны, і часткі рэчаў ён не атрымаў, гэта значыць «частка рэчаў была ўкрадзена — на 4–5 тысяч руб. рэчаў згублена».

<...>

5. Сям'я Бібка Сяргея Фёдаравіча — ён 1929 году нараджэння, родам з Мінскай вобласці, прыбыў з Аргенціны 5 ліпеня 1956 г. з жонкай Аленай Міхайлаўнай Бібка, 1935 году нараджэння, родам з Гродзенскай вобласці і дачкой, Раіса 1952 г. нараджэння.

Бібка С. Ф. працуе на тэкстыльным камбінаце ім. Варашылава чысцільшчыкам апаратаў, зарабляе ад 1100 да 1200 руб. Жонка не працуе. Пражывае ў адным пакоі /у новым будынку/, сам сёе-тое купіў з мэблі, а ад крэдыту на мэблю адмовіўся.

На сходзе землякоў выступоўцы гаварылі, што Бібка чамусьці не ходзіць на зборы працаўнікоў камбінату, не бярэ ўдзел у грамадскай ра-боце.

Бібка выказаў свае незадавальненне тым, што яго лісты не даходзяць да Аргенціны, што яму даводзіцца выстойваць чаргу, каб купіць газы ці прадуктаў харчавання. Гэта ёсць галоўная прычына падачы заявы пра вяр-танне ў Аргенціну.

6. Сям'я Ярэмчука Васіля Пятровіча — ён 1910 году нараджэння, родам з Цярнопальскай вобласці, жонка — Ярэмчук Сафія Сцяпанаўна — 1897 г. нараджэння, родам з Цярнопальскай вобл. — прыбыла ў Варашылаўград 20 лістапада 1955 году.

Ярэмчук В. П. удактваўся каменаламам у домаўправе <...>, зарабляе ад 600 да 800 руб., пражывае ў камунальнай кватэры, але скардзіцца на малы заробак, што заробленых грошаў не хапае на жыццё, што нават газы не можа купіць без чаргі.

Пасля некалькіх размоваў з Ярэмчуком ён пачаў спакайней сябе паводзіць і схіляцца да таго, каб забраць заяву, якую ён паслаў ў МУС, назад.

<...>

9. Сям'я Стэфановіча Паўла Міхайлавіча, ён 1905 году нараджэння, родам з Пінскай вобласці, прыехаў з Аргенціны 5 жніўня 1956 году з жонкай Ірынай Аляксандраўнай, 1913 году нараджэння, родам з Вальнскай вобл., сын Павал 1941 г. нараджэння і дачка Лідзія 1938 году нараджэння / гэта не родная дачка, а ён яе выхоўвае, прозвішча дачкі — Спесьян/.

Гр. Стэфановіч працуе слесарам на заводзе ім. Кастрычніцкай рэвалюцыі, зарабляе ад 550 да 650 руб. Кватэра ў яго добрая, у новым будынку. Сам Стэфановіч у размове /пры размове прысутнічалі намеснік старшыні аблвыканкаму т. Шэпілаў, старшыня Жовтневага райсавету т. Саладоўнікаў/ заявіў:

— Я атрымаў вельмі добрую кватэру з 2-х пакояў з асобнай кухняй, за што вялікі дзякуй Савецкай уладзе, але заробак у мяне малы. Мне ўсё абяцалі даць лепшую работу, але і да сёння не далі. Дзеці ў мяне добрыя, і я марыў ім даць вышэйшую адукацыю. Дачка ў Аргенціне скончыла 11 класаў сярэдняй школы, а тут не вучыцца, бо пайшла працаваць на кандытарскую фабрыку — зарабляе 300 руб. Сын пачаў было вучыцца ў сярэдняй школе, але з-за таго, што дрэнна ведае рускую мову, пакінуў 7 клас і пайшоў на абутковую фабрыку — там працуе вучнем, атрымоўвае 250–300 руб. Са мною і маімі дзецьмі ніхто не сябруе; дзеціносяць тое адзенне, якое мы куплялі ў Аргенціне й з-за гэтага іх абзываюць стылягамі, што, безумоўна, і для іх, і для мяне вялікая абраза. Дзеці змовіліся з маці і кожны дзень налягаюць на мяне, каб вярнуцца ў Аргенціну. Я вельмі прасіў бы вось старшыню райсавету, які ведае маю сям'ю, перагаварыць з маёй жонкай, бо ў мяне ўжо няма моцы з ёй ды дзецьмі весці размовы. Усё гэта і стала прычынай падання мной заявы пра вяртанне ў Аргенціну.

На нарадзе кіраўнікоў прадпрыемстваў і сакратароў райкамаў ды партарганізацый /нараду склікаў гаркам КПУ ў г. Варашылаўградзе/ галоўны інжынер заводу ім. КР тав. Найш запэўніў кіраўніцтва гаркаму, што сям'я Стэфановічаў будзе аточаная адпаведнай увагаю і ў першую чаргу ён будзе мець большую зарплату, што сям'і Стэфановіч выдадуць крадзят у суме 5 тысяч і дапамогуць ім вучыцца.

Да сям'і Стэфановічаў прымацавалі для індывідуальнай выхаваўчай работы намес. старшыні Жаўтневага райсавету дэпутатаў тав. Лефціева.

Гарком камсамолу аточыць пэўнай увагай дзяцей Стэфановіча.

<...>

Наогул трэба сказаць, што толькі цяпер «Варашылаўградская праўда» і «Прапор перемоги» пачалі асвятляць жыццё і побыт сямей рэпатрыяваных.

У сувязі з тым, што ёсць заявы пра злачыннае стаўленне да багажу рэпатрыянтаў /частка рэчаў знікае, ці, як сцвярджае Бойка, проста меў месца крадзеж каштоўных рэчаў/, лічу мэтазгодным усталяваць такі парадак на мытні ст. Чоп, каб больш не мелі месца падобныя факты.

Непажаданая цяганіна, якую налажваюць працаўнікі мытні на ст. Чоп у адносінах да пакункаў, якія атрымоўваюць рэпатрыяваныя ад сваіх родных з Аргенціны. Гр. Трэцяк і Бібко з Варашылаўграду на працягу трох месяцаў не могуць атрымаць пакункі, хаця ўжо былі распараджэнні з Масквы на хадайніцтва Варашылаўградскага гарсавету выдаць гэтыя пакункі бескаштоўна, паколькі гэта прыбыла маёмасць перасяленцаў, якія ў гэты час знаходзяцца ў цяжкіх матэрыяльных умовах.

Паколькі індывідуальныя лісты рэпатрыянтаў амаль не даходзяць з Варашылаўграду да Аргенціны, што выклікае ў іх нездаровыя настроі, пажадана было б правесці арганізаванае дасыланне лістоў і фатаграфій праз кіраўніцтва прадпрыемства, гарадскі ці раённы савет дэпутатаў працоўных.

Пра гэта ўсё я асабіста далажыў кіраўніцтву вобласці, у прыватнасці першаму сакратару абкаму КПУ тав. Кліменку В. К.

Мерапрыемства ЦК КПУ Украіны і Савета Міністраў УССР па ўзмацненні работы сярод савецкіх грамадзянаў, якія вярнуліся з-за мяжы ва Украінскую ССР на сталае пражыванне, абгавораны ў абкоме КПУ ды на выкананне абласнога савету дэпутатаў працоўных, выпрацаваныя канкрэтныя захады па ажыццяўленні тых мерапрыемстваў і ўстановаў, дзе працуюць рэпатрыянты і рээмігранты ў г. Варашылаўградзе, Кадзіеўцы і Варашылаўску, вылучаны адпаведныя асобы, адказныя за правядзенне «мерапрыемстваў», да кожнай сям'і рэпатрыянта і рээмігранта прымацаваны спецыяльна падабраныя прапагандзісты, якія будуць увесь час і па плане весці індывідуальную выхаваўчую работу.

Кіраўніцтва вобласці прыйшло да думкі, што ні ў аднаго з тых рээмігрантаў ці рэпатрыянтаў, якія падалі заявы на вяртанне назад, няма падставаў задаволіць іх просьбы, а з боку партыйна-савецкіх арганізацый і ўстановаў будуць ужыты ва ўсе дзейныя захады па паляпшэнні жыллёва-побытавых умоваў, што ўсе сем'і рэпатрыянтаў і рээмігрантаў будуць аточаны пастаянным турбаннем і чулівым стаўленнем да іх.

П. Вільховы
18.VI.1957 г.
г. Кіеў.

РАЗДЗЕЛ 3

УСПАМІНЫ РЭЭМІГРАНТАЎ З АРГЕНЦІНЫ

У трэцім раздзеле змешчаныя ўспаміны рээмігрантаў, запісаныя пасля іх пераезду ў СССР. Першыя чатыры выбраныя з «Дадатку» кандыдацкай дысертацыі А. Рудэнкі — яны былі запісаныя да 1975 г. (час абароны дысертацыі). У «Дадатку» прадстаўлена каля дзесятка ўспамінаў, але яны невялікія па памеры, маюць аднолькавую структуру, без якіх-небудзь падрабязнасцяў грамадскага жыцця імігрантаў. Таму, каб пазбегнуць паўтораў, тут прыведзеныя толькі ўспаміны П. Казіола і В. Савіцкага (як найбольш інфарматыўныя), І. Курыловіча, чыя біяграфія унікальная ў параўнанні з іншымі перасяленцамі, і А. Пранько (дзеля таго, каб мець магчымасць параўнаць іх з успамінамі І. Пранько, запісанымі пасля распаду Савецкага Саюзу).

Астатнія запісы зробленыя аўтарам у 2002–2009 гг. Не ўсе былыя жыхары Аргенціны, якія жывуць цяпер на тэрыторыі былога СССР, згадзіліся на прапанову сустрэцца: на 15 станоўчых адказаў прыходзіцца 10 адмоўных. Пры тлумачэнні прычыны нежадання расказаць пра сваё мінулае адчувалася занепакоенасць рээмігрантаў тым, што гэта можа пашкодзіць іх родным, якія жывуць у Аргенціне. Некаторыя проста не жадаюць кранаць сваё мінулае, а частка баіцца спецслужбаў, якія з'яўляюцца спадчыннікамі былога КДБ СССР. Характэрна, што сваё адмоўнае стаўленне да запісаў успамінаў выяўлялі тыя, хто з'яўляецца роднымі былых кіраўнікоў беларускіх арганізацыяў у Буэнас-Айрэсе. Іх адмова ўспрымалася з вялікім шкадаваннем, бо тым самым страчвалася магчымасць даведацца пра падлёку падзеяў, якія адбываліся ў дыяспары.

Праз гэта яшчэ больш каштоўнымі выглядаюць запісы ўспамінаў рээмігрантаў, якія згадзіліся расказаць пра свой лёс.

Усе яны жылі ў Аргенціне ў перыяд маладосці ці дзяцінства і таму не ўваходзілі ў лік кіраўнікоў беларускіх арганізацыяў. Аднак яны былі задзейнічаныя ў рабоце клубаў і, як непасрэдняы ўдзельнікі падзеяў, знайшлі тыя факты, тыя фарбы, якія яскрава адлюстроўваюць жыццё беларускай прасавецкай дыяспары. Грамадская праца ў дыяспары, палітычная дзейнасць разгортваецца на фоне асабістага жыцця апавядальнікаў. Таму тут можна знайсці інфармацыю і пра паўсядзённае жыццё беларусаў у Аргенціне — побыт, адукацыю, узаемадачыненнях паміж імігрантамі і мясцовымі жыхарамі і г. д. Пасля пераезду ў ССРС, часта не ведаючы ніякага іншага жыцця, акрамя аргенцінскага, яны адзеньвалі ўбачанае скрозь прызму аргенцінскай культуры, адзначалі тыя дэталі, якія для савецкіх грамадзянаў былі звыклымі і якія можна адзначыць, назіраючы за жыццём збоку. Яны бачылі, як людзі працуюць, бавяць вольны час, узаемадачыняюцца адно з адным, у якіх побытавых умовах жывуць. Таму яны маглі правесці усебаковае параўнанне савецкага і аргенцінскага жыцця.

Акрамя ўспамінаў рээмігрантаў у «Дапаўненні» да Раздзелу 3 змешчаныя ўспаміны Зяноны Забчук, якая з'яўляецца лідэрам «рускай абшчыны» штату Міс'ёнэс у Аргенціне (яна прыезджала ў Беларусь да родных). Таксама ў «Дапаўненні» змешчаныя ўспаміны Ніны Лабунькі, Марыі Вярковіч і Максіма Скурко, якія ўзгадваюць сваіх блізкіх, лёс якіх звязаны з Аргенцінай. Таксама змешчаны ліст з Буэнас-Айрэса Галіны Волас, у якім аўтарка апавядае пра лёс свайго бацькі.

№ 1

П. Козиол

Безземелье и большие налоги заставили меня покинуть Западную Белоруссию, которая входила в состав панской Польши и в 30-е годы эмигрировать в Аргентину. Я надеялся там заработать побольше денег, вернуться на родину и улучшить материальное положение своих родственников.

В то время белорусские крестьяне эмигрировали в Литву, Латвию, Бельгию, Францию, Канаду, но большинство направлялось в Южную Америку. Деньги на билет до Буэнос-Айреса в размере 107 долларов приходилось занимать под большие проценты у местных ростовщиков.

По приезде в Аргентину иммигранты, среди которых были украинцы, белорусы, поляки, болгары, чехи, направлялись в эмиграционный отель, где они имели право в течение двух недель жить и питаться за счет аргентинского государства, пока не устроятся на работу.

Никакой помощи со стороны властей в трудоустройстве нам не оказывалось. Каждый устраивался как мог. Иммигранты в основном работали на рытье каналов, уборке урожая у местных фермеров, строительстве железных дорог. Семейные белорусы получали участки земли, заросшие тропическим лесом в отдаленных северных провинциях страны.

В конце 20-х годов, в канун экономического кризиса, в Аргентине начинают действовать отделы Союза украинских и белорусских рабочих организаций (СУБРО). Я также стал членом этой организации.

Члены СУБРО принимали активное участие в рабочем движении Аргентины. Субровцы расклеивали листовки, воззвания, распространяли газеты коммунистической партии. Они участники длительной забастовки деревообделочников в 1930 г.

На II съезде СУБРО, состоявшемся подпольно в 1932 г. была выработана программа действий и обязанностей членов организации: 1) каждый член СУБРО, проживающий в городе или провинции, обязан быть членом профсоюза, 2) содействовать организации комитетов безработных, а если сам безработный — быть активным его членом, 3) обязательно состоять членом МОПРа*, 4) активно участвовать в антивоенных организациях в борьбе за мир против фашизма.

Благодаря такой программе действий, СУБРО расширился и к концу 1934 г. в стране насчитывалось 52 его отдела с общим числом членов около 3 тыс. человек.

После образования аргентинской охраны «Особого отдела по борьбе с коммунизмом», члены СУБРО стали подвергаться жестоким репрессиям. В застенках этого отдела побывало много субровцев.

Особенно отличились члены СУБРО в забастовке строительных рабочих в 1935–36 гг. Они принимали участие в пикетах, сборе средств бастующим и т. д. В ней приняли участие 3, 5 и 16 отделы СУБРО на Пинеиро и Валентин Альсина, 15 и

* МОПР — «Міжнародная арганізацыя дапамогі змагаюцца рэвалюцыі».

18 — на Нуэва Помпейя и Парке Патрисиос, 19 — на Док Суде, 1 и 2 в центре и 22 в Сан Фернандо*.

СУБРО издавал газеты «Рабочая правда» и «Украинська робитнича газета», которые печатались подпольно на mimeо-графе. Газеты призывали соотечественников выступать в поддержку СССР, участвовать в забастовках и антифашистских митингах. В обстановке репрессий и преследований необходимо было менять формы и методы работы с иммигрантами. По рекомендации КПА принимается решение распустить отделы СУБРО и создавать легальные культурно-просветительные общества украинцев и белорусов. Начиная с 1934 года появляется в Буэнос-Айресе несколько таких обществ. Я был членом первого такого общества в столице.

После ликвидации газет СУБРО стала выходить легальная «Новая газета», которая выражала интересы белорусских иммигрантов. Во главе ее стояли П. Ильяшевич и Л. Гузич, состоявшие в КПА. П. Ильяшевич на родине был членом Коммунистической партии Западной Белоруссии. Эта газета, объективно отражавшая деятельность белорусской иммиграции, под влиянием обществ «Культура» и «Библиотека им. И. Луцкевича» стала скатываться на националистические позиции. Руководители газеты, не пожелавшие изменить ее содержание, были исключены из рядов КПА, а «Новая газета» прекратила свое существование.

В 1939 г. вышел первый номер «Календаря». Я принимал участие в издании всех номеров «Календаря», где печатались мои статьи и стихотворения под псевдонимом П. Козлов.

С началом Великой Отечественной войны вновь стал издаваться наш печатный орган, газета «Эхо». В издании этой газеты принимали участие и русские иммигранты, порвавшие с реакционной русской эмиграцией**. Я был редактором этой газеты. В ней печатались материалы об успехах Советской Армии, отчеты комитетов помощи СССР и многие другие прогрессивные материалы.

К 1943 г. общества «Культура» и «Библиотека им. И. Луцкевича» начали отходить от других белорусских организаций.

* Пералічваюцца раёны і прадмесці Буэнас-Айрэса.

** Руская іміграцыя ў Аргенціне была нешматлікая і прадстаўлялася, у сваёй большасці, белазімігрантамі, якія пакінулі Расію пасля Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі.

Дело в том, что эти общества выступали против руководящей роли КПА и сотрудничества с прогрессивными украинскими обществами. Они предлагали не вмешиваться в политику и проводить только культурно-просветительную работу. Их раскольническая деятельность была осуждена прогрессивными иммигрантами. Они были исключены из Белорусской федерации в мае 1943 г. и стали группироваться вокруг газеты «Русский в Аргентине» и финансировать ее издание.

После реакционного переворота в июне 1943 г. наши общества стали подвергаться преследованиям. В октябре 1943 г. правительство запретило газету «Эхо» и издание «Календаря».

Особый отдел постоянно вмешивался в дела белорусских обществ и запрещал вечера и концерты. От нас также требовали изъять из программы художественной самодеятельности песни, стихи, пьесы революционного содержания, особенно произведения советских авторов. Полиция требовала прекратить помощь СССР под предлогом, что это нарушает нейтралитет Аргентины в войне.

В июне 1944 г. власти запретили деятельность всех белорусских обществ и комитетов помощи СССР. Помещение федерации было опечатано и выставлена полицейская охрана. Продолжали свою легальную деятельность лишь общества «Культура» и «Библиотека им. И. Луцкевича», которые в октябре 1944 г. также включились в компанию помощи СССР.

К концу войны нам вновь удалось наладить выпуск прогрессивной газеты. 5 апреля 1945 г. вышел первый номер газеты «Наш голос», редактором которой назначили меня. Газета поступала подписчикам не только в Аргентине, но доходила также в Бразилию, Уругвай, Парагвай, Чили.

В конце 1945 г. «Наш голос» выпустил настенный календарь на 1946 г. с фотографиями советских военачальников, отличившихся в Великой Отечественной войне. Спрос на этот календарь был столь велик, что пришлось выпустить дополнительный тираж. Большая партия календарей была отправлена в Бразилию.

С 1946 г. «Наш голос» возглавил Т. Ляшук, активный деятель профсоюза мясохладобоев Аргентины. Газета стала выходить два раза в неделю и превратилась в одну из самых крупных славянских газет Аргентины.

В послевоенные годы появляется целый ряд новых белорусских обществ. Все белорусские общества объединились в рам-

ках «Союза белорусских культурных организаций», во главе которого стоял Т. Ляшук.

В обществах читались лекции о Советском Союзе, работали кружки русского языка, струнные оркестры, изучалась Конституция СССР. Тысячи иммигрантов получили советские паспорта и стали советскими гражданами.

В 1949 г. власти запретили деятельность Славянского Союза и всех прогрессивных славянских организаций. Прекратилось издание газеты «Наш голос». В тюрьму были брошены многие активисты славянских организаций, в том числе Т. Ляшук.

Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.). — М., 1975. — С. 152–157.

№ 2

И. Курилович

Я выехал в Аргентину в январе 1930 г. из деревни Старомилины, Дрогичинского района, Брестской области (Западная Белоруссия). В Аргентине был направлен работать на железную дорогу.

Когда я приехал в Аргентину, там уже действовали боевые организации СУБРО («Союз украинских и белорусских рабочих организаций»). СУБРО издавал свои газеты «Рабочая правда» — на русском языке и «Українська робітничка газета» на украинском языке.

Отделы СУБРО находились под полным контролем Коммунистической партии Аргентины, членами которой были многие украинцы и белорусы, состоявшие в СУБРО.

Впоследствии появились украинские и белорусские общества, которые способствовали проведению демократических мероприятий, пропаганде передовых коммунистических идей среди украинцев и белоруссов — выходцев из западных областей Белоруссии и Украины.

Лично я стал членом СУБРО в 1934 г. и несколько позднее возглавил отдел СУБРО в г. Тапалька (провинция Буэнос-Айрес). В 1937 г. вступил в ряды Коммунистической партии Аргентины и затем избран секретарем парткомитета в г. Комодоро-Ривадавия.

Белорусы принимали активное участие во всех мероприятиях, направленных против реакции, за права рабочего класса и трудового крестьянства.

В мае 1938 г. я выехал добровольцем в Испанию. Вместе со мной выехали И. Хомич, И. Волчок, В. Сосюра и два испанца. Отправились мы в Европу на большом грузовом судне «Олимпия».

Мне известно, что К. Тарасюк, имевший небольшой книжный магазин в Буэнос-Айресе, продал свой пай и на эти деньги купил билет до Испании себе и еще нескольким товарищам.

В Испанию в качестве добровольцев выехал также Шпак, Божко, Грицюк, Рахель, Вороняк, Дрозд, Александрович и многие другие, фамилии которых я сейчас не помню.

Мне пришлось воевать в секторе на реке Эбро, где был ранен и до окончания военных действий пролежал в госпитале недалеко от Барселоны.

Два года я просидел в концентрационном лагере во Франции, бежал и два года работал в подпольном комитете французского движения Сопротивления в г. Сан-Слюа (Средняя Франция). В 1943 г. по распоряжению руководства польских коммунистов во Франции я выехал нелегально в Варшаву, а оттуда во Львов для работы в подпольных организациях этого города. В 1944 г. с группой партизан, которой я руководил, перешел линию фронта и попал в расположение разведотдела 1-го Украинского фронта. Советское командование перебросило меня самолетом вместе с радисткой в тыл немцев в г. Львов для проведения диверсионной работы.

Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.). — М., 1975. — С. 158–160.

№ 3
А. Пронько*

Я выехал в Южную Америку в 1938 г. из Западной Белоруссии. В то время польские власти разбивали деревни на хутора («хуторизация»). Жить стало очень трудно. Учиться в Западной Белоруссии было негде, так как польские паны запретили все национальные школы. На родине я состоял в комсомоле Польши. Комсомольцы устраивали маевки, пикники, носившие политический характер и направленные против господства польских панов.

В 1938 г. в Аргентину въезд был запрещен, и я поехал в Парагвай. Нам выделили участок земли, поросший густой тропической растительностью. Никаких орудий труда у нас не было, да еще местные власти отобрали у нас сбережения, привезенные с родины. Многие колонисты болели лихорадкой, а медицинской помощи и лекарств не было.

В 1939 г. я бросил свой участок и по Паране контрабандой переправился в Аргентину. Во время этих переездов немало украинцев и белорусов погибло в бурных водах Параны.

Пока я подыскивал работу, жена устроилась домработницей в богатую семью. Наконец я получил место разнорабочего в торговле, а затем стал кондитером и продавцом. В 1939 г. я вступил в члены профсоюза пищевиков, где секретарем был Рубенс Искарро. В этом профсоюзе влияние компартии было очень большим. В руководстве почти все были членами КПА.

В период войны многие белорусы участвовали в компании помощи Родине. Причем делали мы это в свободное от работы время.

Наш профсоюз пищевиков неоднократно участвовал в забастовках. Особенно помнится забастовка в декабре 1946 г. В результате забастовки рабочие-пищевики добились повышения

* Параўнайце ўспаміны А. Пронько з успамінамі яго пляменніка І. Пронько, якія змешчаныя ніжэй.

зарплаты. После образования Славянского Союза стал вопрос о создании славянской типографии. Типография была выкуплена у прежних владельцев (польских националистов Кондратовича и Лясецкого) за 240 тыс. песо. Для этого взяли в банке кредит (30 тыс. песо), а остальную сумму собрали среди прогрессивных славянских организаций, в том числе и белорусских. Я работал в типографии бухгалтером на общественных началах.

При типографии было образовано издательство «Культура». Это издательство выпускало газеты на 12 славянских языках. Издавали также книги советских авторов (например, «Мать» М. Горького).

Власти чинили всякие препятствия работе типографии. В 1948 г. провокаторы подбросили бомбу, а в феврале 1948 г. полиция запретила работу типографии под тем предлогом, что в типографии очень низкие потолки. Однако подлинная причина здесь политическая. Многие работники типографии и издательства были брошены в тюрьму или находились под надзором полиции.

Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.). — М., 1975. — С. 166–167.

№ 4

В. Савицкий

Я выехал в Аргентину в 1926 г. Большинство эмигрировавших в Южную Америку покидали свою страну по политическим мотивам. Тяжелое экономическое положение белорусов в панской Польше также явилось одной из причин их массовой эмиграции в Южную Америку. Трудно сказать, сколько всего белорусов эмигрировало в Аргентину, так как все они имели польские паспорта и регистрировались во всех странах Южной Америки как поляки.

По приезде в Аргентину мне пришлось работать на мясохладобойнях английской компании «Свифт» в г. Росарио. Условия труда здесь были очень тяжелыми: приходилось работать по 11 часов в сутки. В г. Росарио я вступил в ряды Компартии Аргентины. За участие в забастовке 1929 г. на мясокомбинате я был арестован. После освобождения из тюрьмы переехал в г. Буэнос-Айрес, где работал столяром.

Помимо выполнения различных партийных поручений, работал также в прогрессивных белорусских организациях, которые возникли в предвоенные годы. Большинство этих организаций работало в Буэнос-Айресе.

Прогрессивные белорусские общества, кроме культурно-просветительской работы, оказывали также большую материальную помощь компартии Аргентины, благодаря тому, что во главе этих обществ в большинстве случаев стояли коммунисты. Общества периодически проводили вечера, танцы, пикники, организовывали концерты.

К сожалению были такие общества, которые выступали против участия в политической работе и проповедовали чисто культурно-просветительские цели. Это общества «Культура» и «Библиотека им. И. Луцкевича». На средства этих обществ издавалась провокационная белогвардейская газета «Русский в Аргентине». Однако следует отметить, что рядовые члены этих белорусских организаций были такими же патриотами СССР, как и остальные белорусы.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз по всей Аргентине стали образовываться комитеты помощи СССР. Белорусы Аргентины создали в первые месяцы войны Белорусский демократический комитет помощи Родине, председателем которого был избран сначала Круковский, а затем я. В правление Комитета входил также член Компартии Аргентины С. Луб.

Белорусский демократический комитет помощи Родине образовал по всей стране 36 подкомитетов. Эти подкомитеты собирали деньги, теплые вещи, обувь, которые затем отправлялись в СССР. Белорусские женщины работали также в многочисленных организациях Хунты Победы. Они вязали перчатки, носки, шарфы, изготавливали бинты и т. д., отправляемые в СССР.

Деятельность Комитетов помощи Родине сталкивалась с многочисленными трудностями, так как полиция препятствовала нашей работе. Нередко собранные средства мне приходилось возить в Монтевидео в Советское посольство.

Многие белорусы, как и выходцы из других стран Европы, активно участвовали в рабочем и коммунистическом движении Аргентины. Среди них член КПА г. Ляшук до 1940 г. был секретарем профсоюза мясохладобоев (председатель Х. Петер). Ан-

тон Драмачонек* был секретарем профсоюза деревообделочников, а в послевоенные годы — секретарь Славянского Союза Аргентины. Также большую работу проводили Павлюкович, Нистюкович и др.

Что касается белорусов, которые воевали в Испании в годы гражданской войны, то таких было довольно много, но фамилии я не помню. Белорусы активно сотрудничали в Комитетах помощи республиканской Испании. Собирался выехать и я, но тяжелая болезнь не позволила мне это сделать.

Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.). — М., 1975. — С. 169–171.

№ 5

Михаил Алексеевич Мовчан

Родился я в 1925 г. в деревне Куписск, что в 5 км от Любчи**. У нас в деревне была польская школа, семилетка, в которую я пошел раньше времени. Наш сосед в деревне был учителем, еще дореволюционным; он меня облюбовал и научил грамоте. И когда я уже в шесть лет читал и писал на русском и на польском языке, то меня послали в школу. В школе у нас преподавали как польский, так и белорусский язык. Я до сих пор могу наизусть прочесть стихотворения Богушевича, Якуба Коласа (например, «Дядька в Вильно»). Последний седьмой год обучения я учился два года, потому что восьмого класса не было. Меня хотели отдать учиться на государственный счет — очень хорошо учился, а кроме того рисовал. Любил рисовать особенно на тему прочитанного из Сенкевича, «Огнем и мечом» и т. д. Ведь Сенкевич — это польский Александр Дюма: очень интересно читать. Еще один год был в школе, лишь бы дома не быть. Но задумали родители уезжать, и я оказался в Аргентине.

Слово «Америка» имело магический смысл: там лучше, там достаток, там можно разбогатеть. Это на самом деле так, если

* Драмазонак (Драмачонек?) Антон (? — ?) — беларус, сакратар Славянскага Саюзу ў Аргенціне да 1949 г. Арыштоўваўся аргенцінскімі ўладамі. Пераехаў у СССР у 1950-я гг., жыў у Данбасе.

** Сучасны Наваградскі раён Гродзенскай вобласці.

сравнивать жизнь в Польше и тем более в Советском Союзе. Люди, которые жили под Польшей, с Западной Беларуси и Западной Украины уезжали многие. С нашей деревни тоже две семьи туда уехали. Мы продали всю землю, которая у нас была, дом и уехали. Кто-то уезжал, потом приезжал в гости и рассказывал, как хорошо в Америке (имеется ввиду Аргентина, Парагвай — Южная Америка). Один такой приехал, взял себе жену здесь, и вместе с нами уже ехал на пароходе в Аргентину. Мы направлялись в Парагвай через Буэнос-Айрес. Приезжаем: для нас все в новинку, даже одеты не так: одеты в костюмах, это уже не деревенские. Из Буэнос-Айреса вверх по реке Парана нас пароходом переправили в Парагвай.

В Парагвае прожили мы месяца три. Там тоже была своя земля около городка Энкарнасьон, которую надо было оплатить отсюда. Даже не то, что оплатить — землю в джунглях они просто давали для того, чтобы обрабатывали. Столица Парагвая Асунсьон — это небольшой городок, я еще помню, когда приехали, что по его улицам табуны лошадей ходили. Какой-то трамвай один ходил. Существовала только одна железная дорога, кото-

рая соединяла Асунсьон и Энкарнасьон, который находился на границе с Аргентиной. Сельскохозяйственная страна, джунгли, городки маленькие, захолустные, самые примитивные. И все стремились уехать, поскольку довольно отсталая страна. Но в Аргентину в то время эмиграции не было, была эмиграция в Парагвай.

Многие бежали в Аргентину, и многие поплатились жизнью. Потому что когда стали бежать, надо было, чтобы кто-то перевез через реку Парана, а река широкая. И были те, кто нелегально перевозил на другую сторону, а им надо было заплатить. Но потом начали грабить, топили наших (веслом по голове — и все), забирали имущество. И это было страшно. Поэтому мы выехали из Парагвая, можно сказать, обманным путем: у нас было самодельное льняное полотно — кужель — а в то время оно было модно для белых костюмов. И мама дала два отреза полицейскому комиссару, чтобы он нам сделал поездку в Буэнос-Айрес как туристам на 8 месяцев. После этого мы сели на поезд и приехали в Буэнос-Айрес, где устроились на работу и так жили с 1940 года.

Жизнь в Южной Америке отличается от нашей. Однажды я с другом, тоже переехавшим из Аргентины, смеялись над книгой советского автора, который описывал жизнь белоруса в Аргентине. Писатель вообще не знал особенности быта в этой стране и допускал всевозможные ляпсусы. Например, персонажи его романа пошли в гости, и один из них выпил пару «кубачкаў» мате. Каких «кубачкаў»? Там никто не пьет из «кубачкаў»*. Поехали герои произведения косить сено. Кто косит сено в Аргентине? Там скот пасется круглый год. То есть писатель все привычки людей в Беларуси перенес в Аргентину. Пошел в гости, и в «камизэльку» поставил себе пол-литра вина, и в гостях они выпили. Вина? Вино в Аргентине настолько привычное дело в пище, что взять его — это тоже, как если бы он сказал, что взял в гости пол-литра воды.

Семья наша была: отец, мать и нас четверо детей. В Буэнос-Айресе все мы из семьи учились, ходили в школу и т. д. Я овла-

---

* Матэ насыпаюць у спецыяльную ёмістасць, зробленую з плоду аднаго мясцовага дрэва, ці проста ў шклянку. Пасля таго як матэ залілі вадой і далі настаяцца, усе прысутныя па чарзе п'юць напой цераз «бамбіжу» (трубку з сетачкай на канцы).

дел языком быстро, пошел на работу и в вечернюю школу. В Аргентине надо сначала шесть лет учиться в первоначальной школе, а потом четыре года в школе более высокой ступени — «насиональ». То есть государство обеспечивает десятилетнее образование. Но в «насиональ» уже ходить необязательно, если только хочешь. Мне хотелось быть художником по рекламе, а там все ж таки нужен был аттестат. Поэтому я прошел и «насиональ».

— Скажите, а беларусы и украинцы живут обособленно в Буэнос-Айресе?

Бывали кафе, где владельцем был эмигрант, и собирались там эмигранты, но так, чтобы жили обособленной колонией — этого не было. Кто где нашел жилье, там и жил по всему Буэнос-Айресу. Украинцев и беларусов там не очень и много: там больше испанцев, итальянцев, немцев. Когда я там жил, я знал, что украинцев и беларусов вместе было 80 тысяч. В Буэнос-Айресе есть и православная церковь на улице Бразиль, но я там ни разу не был, и родители мои не ходили.

Гражданами Аргентины мы не были, там и до сих пор живут, и не принимают гражданство. Кому это надо? И так люди пользуются всеми правами человека, только их не берут в армию, они не могут занимать государственные посты и не имеют права голосовать и быть избранными. Например, я приходил устраиваться на работу: говорил фамилию, записывали, никто не требовал никаких документов. Проходил медосмотр, брали на работу и по этой фамилии, которую я сказал, мне выдавали зарплату, и никаких аргентинских документов у меня не было. Был польский паспорт, которого я ни разу не показал. Называли нас «поляками», потому что переехали из Польши. А евреев, кстати, называли «русскими» — не знаю, почему. Белорусы обычно были рабочими, и нас, беларусов, и украинцев там ценили, потому что работали добросовестно. А коренные жители-аргентинцы считались лодырями, неумехами, поэтому их неохотно брали. Но нас брали охотно.

У нас был свой дом, который построили. Тогда холодильник купить — это очень большие издержки, а о машине мог мечтать только очень богатый человек. Я знал только одного беларуса, который имел машину. Я мог работать, бывало, не работал по две недели или месяцу. Менял работу. В семье, если один работает, то семья уже ни в чем не нуждается. А у нас в семье

работал отец и мы четверо, мать не работала. Дом мы строили из кирпича сами, что-то около года.

В Аргентине все политические катаклизмы проходят где-то, а люди живут, этого практически не замечая. Как-то в году 1990-м я летал в Буэнос-Айрес, меня встретили сестры на своих машинах. Когда мы ехали из аэропорта, увидели, что по улицам танки ходят и бронетранспортеры. Но особо на это внимание никто не обращает. Приехали домой, включили телевизор — оказывается, «гольпе де эстадо» (государственный переворот). Какой-то военный сделал переворот в Буэнос-Айресе, и по телевидению показывают там перестрелки, даже убили в ходе стрельбы двух репортеров. Всего погибло 14 человек. Правительственные войска подавили это выступление, а жизнь населения не менялась.

Сейчас в Буэнос-Айресе работы нет, ее трудно найти: очень много населения. Но все стремятся жить в Буэнос-Айресе: там можно что-то продать, где-то подзаработать. Съезжаются со всей страны — и им хочется именно жить в Буэнос-Айресе. Всего в Аргентине тридцать семь миллионов жителей, а в столице живет пятнадцать миллионов. А жить негде, денег нет — и вот где-нибудь на пустыре, особенно возле железной дороги, захватывают землю и делают такой картонный район. Делают из картона хижинки, а над ними торчат антенны телевизионные над каждой. Но это люди, которые просто лишние, им места нет. Там прописки нет. Сначала этого не было в мое время, но потом начало проявляться. И вот психология аргентинская: их и на работу не хотят брать, они пьют только эту мате, и в таком муравейнике, как Буэнос-Айрес можно где-то подзаработать и на мясо. В других городах Аргентины требуются рабочие, там есть и своя промышленность на юге, но там холодно как в Сибири. А там нефть, ископаемые, там нужно очень много рабочих, но туда никто не хочет ехать. Считается, что дальше от цивилизации.

А вот когда Перон был у власти первый раз, это было очень хорошее время, и вся нация была за него. Жена его тоже выступала на митингах, выступала в защиту бедноты — демагогия, в общем. Чтобы из трущоб переселить людей, они строили целые районы, где были маленькие красивые домики двухкомнатные, и отдавали их просто во владение аргентинцам. И что? В конце концов владельцы жилья, переселенные из трущоб, эти доми-

ки начали продавать и обратно перебираться в трущобы. Им не привыкать жить в картонном доме, а продав полученный дом, они еще и деньги получили. То есть в деле трущоб ничего не изменилось.

Зарботки тогда были хорошие. Сколько получали — так и не скажешь, потому что постепенно зарплаты росли из-за инфляции. В середине 40-х гг. зарплата была где-то 120–150 песо, а килограмм хорошего мяса стоил 3 песо (продукты в Аргентине дешевые). Я работал на разных профессиях: сначала слесарем, когда еще был малолетним. Мне давали заклепочки делать для дверных замков на фабрике. Но мне же хотелось сделать замок, и когда все шли на обед, я оставался и делал эти замки. Потом показал начальнику, и хозяин посмотрел, что хорошие замки я делаю, и поставил меня делать замки. Но зарплата осталась все та же. А мне это не нравилось: я делаю хорошо, даже лучше других и больше по количеству, а мне платят меньше. Я собрался и ушел с этой работы. Потом хозяин приехал домой и упрасивал меня вернуться. Это невероятный случай, чтобы хозяин упрасивал вернуться. И это показывает, как там дорожат специалистами. Но я не пошел.

После войны, когда Европа ничего в Америку послать не могла, поскольку сама была разрушена и восстанавливалась, в Аргентине приходилось делать все самим. И рабочих рук там было достаточно. Я взял газету и читаю: «Требуется слесарь высшей категории». А это самый высокий класс слесаря. Думаю: «Пойду попробую». А в Аргентине для устройства на работу требуют только одно — покажи, что ты умеешь. На этом заводе были такие клеточки из решетчатой проволоки, закрывали тебя там, чтобы никто тебе не мог помочь. Дали нам маленький чертежик, пластину 100x100 мм и круглую болванку 60 мм в длину и 30 мм в диаметре, все со штампиком, чтобы нельзя было подменить. Надо было в этой пластине, которая 10 мм по толщине, вырезать шестигранное отверстие, а болванку запилить на шесть граней, чтобы она заходила в это отверстие. Болванка должна скользить без всякого люфта и входить любой гранью. Допуск: пять сотых — это очень высокая точность. Сейчас я бы не сделал это, но тогда я это сделал вместо трех дней за два. И из десяти человек взяли одного меня.

Можно сказать, что я делаю всё: посмотрю, и у меня сразу работает мысль: «А как сделать лучше?». Что я вижу, мне не

совсем нравится, и я делаю свое, что лучше того, что видел. Я делаю рамы для своих картин, станок себе сделал — всё, что мне надо, делаю сам. И потому меня там ценили. Я приехал в СССР и увидел, что лозунги: «Нет незаменимых людей, что все одинаковые». Все говорят, что у меня золотые руки, а эти золотые руки здесь совершенно никому не нужны. Я удивлялся, черт побери, что за страна, как это может быть, чтобы человек, который умеет всё это делать, жил хуже, чем тот, который не умеет. А тот языком работает, становится общественником, речи толкает. И вот он на виду, он идет вперед, ему завидуют, а изделие от этого страдает. Смотришь: везде по магазинам халтура.

Когда мы приехали в Аргентину, мы все были патриотами Советского Союза. Во время войны отец, да и я тоже собирали деньги для помощи пострадавшим от войны, шили одежду: мой отец на свои деньги пошил восемьдесят костюмов для отправки на Родину. Некоторые изготавливали такое радио, которое могло ловить Москву. На моем районе Валентин-Альсина было белорусское общество Якуба Коласа, раньше общество Янки Купалы, где-то общество Мицкевича. На моей памяти образовалось общество «Белавеж». Но все они были объединены в Федерацию: было такое Бюро, где все соединялись. В клубах большинство говорило на испанском языке. Мы и в семье говорили сначала на белорусском языке, но потом мы в семье перешли на испанский. Молодые быстро выучили новый язык, родителям было труднее.

В организациях мы занимались самодеятельностью. Читали книги советского времени (из посольства брали) о войне, была и классика — Пушкин, Лермонтов. Мы были в курсе всего. При клубе была школа, где учили детей русскому языку пару раз в неделю. Проходили заседания, например, организационные работы, были кружки: собирались по человек 5–6, читали советские книги, газеты. Растолковывали друг другу. Клуб — это здание, большая танцплощадка, то есть открытая площадка, а вокруг этой площадки комнаты, сцена, там ставили скамейки для публики, когда надо. Когда не надо — убрали и делали танцы. Пол выложен мозаикой, на сцене оркестр или просто под пластинки танцевали. Танцы проводили четыре раза в неделю: было очень веселое время для нас. Танцы по преимуществу аргентинские, из наших можно было польку танце-

*Гурток самадзейнасці: М. Моўчан у ролі марака Смірнова
п'есы Карнейчука «Калінавая рошча»*

вать, вальс — других танцев никто не знал. Надо было уметь танцевать, каждый старался танцевать красивее других. Были школы, где учили танцам — и фокстрот, и пасодобль, и танго. И аргентинская молодежь приходила, из тех аргентинцев, кто симпатизировал нам. То есть не было такого, что отделились полностью. Мы ходили в гости и в польские организации. Но поляки были разные: были просоветские и антисоветские. Мы ходили к просоветским.

Совершали мы и коммунистические действия — там была коммунистическая партия. Посольство СССР, которое появилось в 1946 г., официально утверждало, что мы с ней контакта иметь не должны. Но это для слова, а так они и старались нас подталкивать к такой деятельности. Для Коммунистической партии Аргентины мы расклеивали плакаты, на митинги ходили. И многих таких, кто провинился, просто брали в каталажку. Ведь ясно: приехал человек без политических прав, а он лезет везде со своим коммунизмом. Кроме того, какой там коммунизм в Аргентине: эта партия ни одного голоса не имела в конгрессе. Мы выходили с протестом, чтобы отпустили тех, кто сидит. Походим, походим — и домой. Вспоминать это просто смешно;

Савецкі гросмайстар М. Тайманаў дае сеанс адначасовай гульні ў клубе беларускіх імігрантаў

кажется, до чего глупые были: что нам Аргентина плохого сделала, когда только благодарить ее надо за то, что этот отрезок жизни мы прожили великолепно.

После войны, когда появилось советское посольство в Аргентине, мы поменяли наши польские паспорта на советские. Посольство внедрилось во все наши организации и наделало много вреда: появилась слежка друг за другом, если кто-то что-то не то сказал, тогда будут проблемы. Если ты какому-нибудь руководителю не понравился, тогда это ставилось на заметку, этот человек считался подозрительным. А все были сагитированы ехать назад, на Родину, а ненадежных могли не пустить. Тогда мы друг друга стали опасаться, не понимая, что происходит. Но когда мы приехали в СССР, тогда мы поняли: ведь

*Новы год у клубе ім. М. Горкага.
У вобразе Дзеда Мароза — М. Моўчан.*

здесь каждый второй стукач, ничего нельзя сказать, потому что донесут.

Посольство решило всех объединить: раньше были украинцы отдельно, мы отдельно. То есть мы были одной идеологии и держались вместе: если какой-нибудь концерт, то из клуба украинского приедут артисты, мы их с радостью встретим. Но организации-то были отдельные. Только одна украинская организация «Просвіта» была националистическая: она была за самостоятельную Украину. Мы с членами «Просвіты» не встречались и друг друга презирали. А белорусские организации были все просоветские. Посольство не могло напрямую вмешиваться, и действовало через наших людей, через руководителей этих клубов. Объединили всех: украинцев, белорусов, литовцев, латышей даже — объединили в один «Клуб имени Максима Горького», где мы продолжали делать то, что и делали.

— А в организациях пели только советские песни?

Я заслушивался украинскими песнями — до того красивые песни. Особенно гуцульские песни — девушки сядут на лавочке и начинают петь. Пели национальные, и белорусские песни. Русские песни начали петь только после войны: «Катюшу» раньше никто не знал. После войны появились военные песни,

и, конечно, все пели эти популярные тогда песни: «На солнечной поляночке» и другие.

Из-за того, что наши белорусы и украинцы «помогали» своим коммунизмом, нас иногда преследовали. Мы были патриотами своей Родины, и считали, что надо, чтобы коммунизм во всем мире был. Компартия в Аргентине была запрещена. А Советский Союз компартию поддерживал, снабжал деньгами. А мы же советские граждане, то есть у властей подозрение, что только мы можем поддерживать запрещенную компартию. Многие попадали в тюрьму, и тогда наши собирались и проводили демонстрацию перед тюрьмой, чтобы отпустили. Походишь-походишь с плакатом пару часов — и разошлись. А потом тех, кто находился в тюрьме, где-то в 50-х гг. просто отсылали в Советский Союз. Так что некоторые из тюрьмы приехали сюда.

Когда была такая волна преследования, то бывали и обыски. И у нас был обыск где-то около 50-го года при Пероне. Их интересовала, конечно, литература. Как-то ночью врываются полицейские в квартиру и начинают у нас искать. У меня на шкафу был бортик, а за бортиком лежали книги на русском языке. А сверху лежала Библия, которую отец где-то купил. Библия через бортик была видна. Полицейский схватил книгу и спросил, что за книга на русском языке? Я ответил, что Библия. А под кроватью нашли скрипку (я на ней занимался) и раскрыли футляр. «Тут ничего нет», — решили полицейские и ушли. Можно сказать, что Библия спасла.

Аргентинские власти иногда закрывали наши организации. И если посмотреть, то они были правы: много залазили в политику и агитировали даже аргентинцев на заводах. А потом меняли название организации и открывались снова. Но в каждой организации был такой порядок: там обязательно должен висеть портрет Сан-Мартина и президента, который правит на тот момент. Портрет Перона висел, но к нему с прохладой относились. А еще висел портрет Сталина и кого-нибудь еще из советских руководителей.

В 1955 г. была советская промышленная выставка в Буэнос-Айресе, там «отгрохали» фанерный павильон в виде советского высотного здания. А на территории — станки, сельскохозяйственные машины, представляли науку и т. д. И требовались переводчики для советских инженеров, и я был одним из переводчиков. И вот однажды утром приезжает кортеж президента

посмотреть выставку. Очень много машин, сначала телохранители стали по всем углам. И вот заходит президент в военной форме. Перон спрашивает — я перевожу. И он восклицает: «Переводчик разговаривает как портеньо!» (т. е. коренной аргентинец-житель столицы). «Да, — говорю, — я живу здесь». «Мучо густо»*, — подал руку. То есть я с Пероном здоровался.

— Скажите, а Вы ощущали себя белорусом в Аргентине?

Я себя больше ощущал себя белорусом там. Несмотря на то, что я хорошо знал русский язык, знал литературу. С детства знал на память Пушкина, по крайней мере, «Евгения Онегина» цитировал от корки до корки. Русским языком я владел, а в семье говорили по-белорусски. Но потом в семье перешли на испанский, и белорусский язык, можно сказать, у меня в этом возрасте заглох. Когда я приехал сюда, то, конечно, трудно было говорить на русском. Поступил в институт, то мысленно сам себе переводил с испанского на русский. А посольство СССР в Аргентине не занималось возрождением белорусского языка. Наоборот, там была какая-то унификация, русификация, чтобы ликвидировать национальный вопрос.

Вспоминать то, что было в клубе, — как-то не вспоминается. А вспоминается та хорошая жизнь, которая там была, свободная — куда захотел, туда и поехал, что хотел, то и делал. А для молодежи там веселиться, выбирай куда только. Были там большие территории: много огней, разные игры — называлось это в то время «кармесия». Я, например, вставал в 6 часов утра, кушал и шел на работу. Перед тем, как зайти на завод, я заходил в кафе, которых возле завода очень много, выпивал рюмочку коньяка и черного кофе и шел на работу. На обед там давали 20 минут, но обслуживание там такое быстрое, что двадцати минут вполне достаточно. В 2 часа я уходил с работы и с трех часов ложился спать до семи часов. А в семь часов я одевался и шел гулять: или с другом с Володей (он украинец, живет сейчас в Киеве) в кафе в бильярд играть или куда вздумается.

— А Вы были знакомы с теми, кто приехал в Аргентину из СССР после войны?

Я был знаком с некоторыми из тех, кто переехал из Германии. Это были несчастные люди. Они назад возвращаться не хотели. Такие, как я, считали их предателями, которые сбежали

* «Вельмі прыемна» (ісп.).

от наказания. С ними разговаривали, но им никто не верил. Они говорили то, что было при Сталине, и сейчас мы знаем, что они ничего не придумывали. Сейчас мы понимаем, что это просто люди, которые бежали от того, что было при Сталине. Но нам казалось, что они говорят чепуху, такого не может быть. Мы привыкли жить в Аргентине, в стране, где никто ничего не боится, где можно говорить, что угодно.

Аргентинские власти в повседневной жизни нас не ущемляли, смотрели на нас, как на дурных. У меня был случай, когда меня задержала полиция. Как-то в клубе нужен был паспорт, я взял уже советский паспорт, а из клуба я приезжал всегда поздно, часа в три ночи, — молодой, гулять хотелось. В 3 часа ночи возвращался домой с паспортом в кармане. Автобусы ходили ночью редко. И вот стою на остановке, а на углу стройка. Полицейский подошел и потребовал мои документы, а у меня советский паспорт. Я показал ему паспорт. Он говорит: «Я что-то не знаю этого документа. Давайте пройдем на участок». «Подозрительно шел то к стройке, то назад», — сказал начальнику. Там шпионмании нет, он подумал, что вор какой-то что-то замышляет. Начальник посмотрел, посмеялся: все в порядке, этот документ у нас действителен. Это единственный случай, когда меня полицейский задержал. И это был единственный случай, когда я показывал документ.

А потом начали приезжать сюда в 1956 г. Когда мы ехали сюда, то продали дом и часть вырученных денег отдали в клуб для помощи другим переезжающим (иначе могли бы прослыть эгоистами, а им не место в СССР). Мы знали, что здесь прошла война, что жить, как раньше, мы не будем. Это хорошо осознавалось. Но в СССР же есть справедливость.

Мы приехали пароходом в Одессу по иронии судьбы 22 июня 1956 г., в годовщину начала войны. От увиденного у меня в груди заныло: куда мы приехали? В порту женщины таскали камни на носилках, чтобы мостили мостовую. А один калека без ног сидел и укладывал эти камни, и женщины, окутанные в платках так, что только нос виден, подносили ему все необходимое, например, булыжник, песок. Жалко их было. Для нас это было непривычно и дико. В Аргентине женщина не работает, там работает только глава семьи, а женщина занимается домом, семьей. Они там один женский клан: соседки собираются, разговаривают, пьют мате, собирают детей и идут в кино. Своя жизнь.

Молодые там работали, но женскую работу выполняли, не мужскую. А здесь увидел троллейбус, а за рулем — женщина.

Мало того, потом начали узнавать всё. Я долгое время просто не хотел этому всему верить, ведь не может быть такого.

Когда уезжали, то в посольстве рекомендовали, что не надо писать, куда надо ехать: когда приедете, то выберешь то место, какое захочешь. Без разницы — в Москве — так в Москве, в Минске — так в Минске. А когда приехали: нет, вот стройка на Донбассе — или в деревню, свою, откуда выехали в свое время. Кто хочет ехать на эту стройку в Донбасс? Я ни в коем случае не хотел. А что нам делать в деревне? Но поехали домой, двое суток поездом из Одессы до Баранович. Мы ехали двумя семьями: родители, я и сестра, а также семья старшей сестры Нади, которая в Аргентине вышла замуж тоже за белоруса (у них уже было двое детей). Весь поезд был только для эмигрантов. Любая остановка, поезд останавливается, перроны все пустые, как я потом догадался, для того, чтобы у нас не было никаких контактов. Пару раз случилось следующее: на пустом перроне, где-то за заборчиком на скамейке, закрывшись газетой, мне незнакомые говорили: «Не едь в деревню! Только в город». Я этих людей не знал, наверное, это такие же, как мы, переселенцы, которые приехали раньше и решили нас просветить.

По приезду в Барановичи мы решили в свою деревню не ехать. Я дал деньги тому шоферу, который приехал за нами, и попросил его ехать в Несвиж. В Несвиже мы выгрузились прямо возле райисполкома. С нами начали разбираться, почему не поехали туда, куда предписано. Но я сказал, что пока не получу паспорт, никуда не поеду. Поселили нас где-то в складском помещении, где мы прожили недели две. Потом я поехал устраиваться в Минск: знакомый Андрей Волкович свел меня с таким же «аргентинцем»: он жил с семьей на кухне, а я снял комнату той квартиры и перевез всю семью. В той комнате непригодного к жилью дома (временке) нас жило восемь человек.

Затем надо было в Минске прописаться, чтобы пойти на работу. Каждый день я становился в очередь горсовет для того, чтобы меня очередной раз выгнали из кабинета. Но на следующий день я опять приходил (или старшая сестра) — и опять нас выгоняли. А мы выделялись из общей массы: одеты не так, как все. В конце концов, мне посоветовал один человек из очереди, чтобы я пошел в ЦК комсомола, и оттуда позвонил по телефону

(только оттуда была телефонная линия в ЦК) по одному номеру. Я позвонил по номеру, который этот человек мне дал, рассказал о своей ситуации. Голос из трубки (не знаю, с кем разговаривал) сказал, чтобы я шел в Министерство иностранных дел. Я пошел к Киселеву, и тот (уже, наверно, был в курсе) позвонил и сказал: «Прописать!». И нас прописали.

Потом надо устраиваться на работу: первый заместитель министра иностранных дел Зайцев спросил, кем я работал. Я ему перечислил все свои занятия, среди которых было и работа художником в течение пяти лет. Он меня направил в Союз художников, где мне порекомендовали поступать в театральном-художественный институт. Дали специальное разрешение сдавать экзамен (ведь прием в институт давно закончился). Экзамен я успешно сдал.

Меня долго не ставили на очередь на квартиру. Председатель горисполкома Шарапов сказал: «Тот, кто тебя прописал, пусть тебе квартиру и даст», — и на очередь не ставил. А один такой же холостяк, приехавший из Аргентины, которому то же сказали, поехал в Москву в посольство Аргентины, чтобы назад выезжать. В Москве с ним поговорили, приехал он в Минск, его встретили и повезли в однокомнатную квартиру. Я в это время учился и написал в ректорат заявление, чтобы меня отпустили на три дня в Москву. Парторг заинтересовался, что мне надо в Москве? Я рассказал, что меня не ставят на очередь на квартиру, а в Москве этот вопрос, возможно, решат. И может быть, наш советский МИД даст мне разрешение на возвращение в Аргентину. Парторг сказал: «Не надо заявления. Опиши свое дело в заявлении на имя первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Мазурова. Я у него буду в четверг, передам». И через восемь дней пришел ордер на две двухкомнатных квартиры: для семьи сестры и для нас. Правда, заселились мы на Новый год.

Приехала вся наша семья, кроме брата, который там остался: у него уже была своя семья, и он не захотел переезжать. Здесь сестры восемь лет прожили и уехали обратно в Аргентину в 1964 г. В Буэнос-Айресе они работали модистками, а тут в ателье всё по частям: один пришивает рукав, другой карман и т. д. Получали в месяц 70–80 рублей. А потом для снижения стоимости урезали всем и такую зарплату. Сестры поплакали-поплакали, продали еще оставшееся из багажа, что когда-то привезли, машину, которую до этого купили, — и поехали в

Аргентину. Старшая сестра была замужем и с детьми приехала сюда. Ее бы отсюда не выпустили, но сыновья ее родились в Аргентине, они считаются аргентинцами. Старший сын достиг призывного возраста (даже не закончил здесь 10-летнюю школу), уехал в Москву в аргентинское посольство и сказал: «Я аргентинец, пусть меня берут в аргентинскую армию». Уехал и оттуда выслал требование родителей. Младшая сестра замуж вышла здесь за белоруса, который приехал тоже из Аргентины: там они дружили, поженились здесь. Даже дочка их родилась здесь в 1964 г. Ее муж родился там, мог уехать без проблем, а сестре сделал вызов наш младший брат. И они тоже уехали.

А я хорошо окончил институт: за дипломную работу только двум человекам поставили «отлично»: мне и еще одному декоратору. У меня здесь были высокие заработки. Кроме того, хоть не сразу, но я мог ездить за границу. И у меня творческая работа, которая поглощает меня всего, но это исключительный случай. А других, которые должны работать на этих заводах, видеть эту несправедливость, и им, конечно, назад хочется. Кругом нищета — сравнивать не с чем. К примеру, у меня в Аргентине было 14 костюмов: один поносил, хочется нового. Купил. Из моды что-то вышло — уже не носишь. Под каждый костюм подбираешь обувь. А здесь тогда носили болоньевые плащи, только бы прикрыться. И обувь изнашивали до конца.

Только кому не могли сделать вызова, не могли уехать. А большинство уехало обратно. Я был в Аргентине в 1980, 1990 и 1998 гг. У сестер свои дома. У моей старшей сестры в 90-е гг. пенсия была больше моей в 48 раз. У мужа младшей сестры пенсия в 64 раза больше моей. Там зарплаты не те, пенсии не те. При этом продукты дешевле, чем здесь.

Когда я только поступил в институт в 1956 году, вдруг меня вызывают к ректору. Прихожу, а там ректора нет, сидят незнакомый лысенький маленького роста, который: «Здравствуйте, Михаил Алексеевич, садитесь. Я из госбезопасности», — показал свой документ и начал говорить: «Вы приехали сюда, с Вами приехали многие тоже, мы не знаем, как они живут, может, они в чем-то нуждаются». И я знаю, что нуждаются в чем-то очень многие, но вижу, что он хочет, чтобы я ходил и докладывал ему о том, что говорят другие, «потому что приехало много и врагов». И я наотрез отказался, сказав: «Не хочу быть провокатором. Все те, кого я знаю из приехавших, — это нор-

мальные, хорошие люди, все патриоты. А провокатором быть не хочу». В то время не знал, что чего-то надо бояться: я же вырос в свободной стране.

В последующем это сказалось: я отлично окончил институт, а почему меня ограничивают, на выставки не берут, почему не заключают договоров? Заработки есть, потому что я их нахожу сам... В 1987 г. была персональная выставка пяти художников. Делали репортаж, у всех нас взяли интервью. А затем по телевидению рассказали обо всех, а про меня нет. На следующий день я возмутился, и мне один из правления Союза художников сказал: «Правильно, ведь нет такого художника по фамилии Мовчан». Я опешил: как это нет. Тогда началась «перестройка», можно было говорить, и он мне сказал: «Была раньше установка, что тебя как художника просто нет, ты не существуешь». То есть меня игнорировали везде из-за того, что я отказался быть провокатором.

Мои сокурсники в теперешнее время, после «перестройки» вспоминают меня во время учебы. Они меня воспринимали другим. Например, во время учебы мы изучали политэкономия, и на семинаре «Преимущества социалистической системы над капиталистической» все говорят заученное. Я поднял руку, все притихли. И педагог тоже насторожился. «Преимущества социалистической системы над капиталистической неоспоримы, потому что если бы дать такое хозяйство капиталисту, то он обанкротился бы через месяц. А мы идем вперед». Тут некоторое молчание, и потом преподаватель стал говорить, что у нас вокруг враги, но что у нас бесплатное образование, медицина, а это все накапливается и т. д. Я говорю: «Вы просто не понимаете ситуацию. Для примера: рабочий на Западе и наш рабочий получают одинаково, пусть будет 10 рублей. Тому выплачивают 10 рублей и делай с ними, что хочешь: хочешь учись, хочешь развезжай, хочешь строй себе квартиру. А у нас из 10 рублей тебе дадут один рубль, и тебе говорят, что тебе дадут путевку, тебя будут учить, тебе дадут квартиру. Там он сделал со своими деньгами все, что захотел, а тут многие жизнь проживают, а квартиры не получают, никакой путевки не получают».

После художественного института направляли на работу: моих сокурсников направляли по другим городам, а мне сделали поблажку, и я попал в педагогический институт. И как-то мы там получали зарплату, стояли в очереди в кассу и разговари-

вали. И одна женщина мне сказала: «Вот видите, Вы приехали, Вам дали возможность учиться, а вот в Аргентине Вы могли ничего не получить». Я ответил, что и там я мог учиться. «Как мог? Но там же платить надо». — «Нет, ничего подобного». А она не верит, думает, что и медицина платная. Я отвечаю как есть: и медицина не платная, хотя есть и платная. Кто не хочет бесплатную, у кого есть много денег, тот идет в платную. В результате я нажил врага, получилось, что я агитирую за капитализм. «Ну а почему Вы там не учились?». И тут я опешил и не знал, что ответить. Потом я уже только вспомнил, что мне гулять хотелось, а не учиться. Там учится только тот, кто без этого жить не может, кого наука тянет. А мне зачем? Я зарабатывал очень хорошо, хотя с высшим образованием там зарабатывают в несколько раз больше. Инженер у нас зарабатывал меньше, чем рабочий, а там инженер зарабатывает в несколько раз больше, чем рабочий. Но мне было вполне достаточно того, что я зарабатывал.

В Аргентине есть и платное высшее образование, есть и школы платные и бесплатные. Но более котируются государственные школы и университеты, потому что в государственный университет попасть, надо пройти экзамен, это значит и в школе надо еще лучше учиться. А в негосударственной школе, если отец заплатил, а ты не успеваешь, — и черт с тобой. И диплом дадут. Поэтому там более котируется государственный диплом: там нет поблажек, там надо знать. И медицина: при каждом заводе там есть своя поликлиника, где обслуживают своих рабочих и их семьи бесплатно. Но есть и платные медицинские учреждения. Врачи там должны работать в государственных поликлиниках, и престиж им идет от работы на государственных учреждениях. Но врачи занимаются и частной практикой: имея свой кабинет, принимает и платно после работы в государственной клинике. Но если он «напортачит» что-то в государственной клинике, тогда он потеряет репутацию и не сможет заниматься и частной практикой.

В советское время у меня взяли интервью газетчики из «Советской Белоруссии»: хотели, чтобы рассказал об Аргентине. Я рассказывал, отвечал на вопросы. А потом вышла статья, где напечатали, будто бы я говорил плохое. Моему негодованию не было предела — я даже ходил в редакцию, возмущался. А там мне улыбаются, как будто так и надо...

Отец мой умер здесь в 80-м году. Он был патриотически настроен и не жалел, что вернулся. Возмущался несправедливостью, особенно на работе. В Аргентине он работал паркетчиком, а там полы не те: полы там изысканные, как ковер из паркета. А тут просто и все одинаково, в елочку. И кроме того, технология паркета была настолько примитивная, что он возмущался. Зачем делать на этих досках, когда это делается гораздо проще: делается ровный цементный пол, на битум кладется паркет. И он прочный, не скрипит. Кроме того, паркетчику давали две подсобницы-девушки, которые в эту примитивную паркетину ему помогали забивать. Он старался сделать лучше для своей страны, а над ним смеялись: «Что ты, батька, это там при капитализме, у нас такое не делают, это чепуха». Он и к парторгу ходил — все одно, на него махали рукой.

— *Михаил Алексеевич, Вы такую жизнь описали. Почему же Вы вернулись в Советский Союз, это из-за агитации польства?*

Нет, не агитация, это болезнь всех: там, где родился, там хорошо. Мы ехали — хоть на картошку, а лишь бы домой. Это как написал Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш» (процитирую на польском):

Litwo! Ojczyzna moja, ty jesteś jak zdrowie!
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie!

То есть он называет свою Родину Литвой, хотя и он белорус польского происхождения. Мне вспоминалось: снег только сошел, сырая земля еще во дворе. Какое удовольствие было мне, будучи пацаном, пробежаться по этой земле босиком. Такие вещи вспоминались, и они тянули назад.

г. Минск. 2 марта 2002 г.

№ 6

Михаил Филиппович Романович

Я родился в 1933 г. в деревне Любачино, которая расположена недалеко от Лунинца. Жили мы в нищете, из-за болезней в детстве умерло три моих брата. В семье делили землю, из-за этого конфликтовали, и в 1938 г. мы уехали из Западной Белару-

си. У меня есть снимок, где мы сфотографировались по приезду в Буэнос-Айрес: вся семья стоит босиком. Мой дядя Афанасий, брат отца, приехал раньше нас и уже жил там. А мы должны были ехать в Парагвай, но там жутко было. Пришлось бы на поле работать, жара — нам потом рассказывали те, кто сбежал из Парагвая. За дорогу за нас заплатили, и дядя помог нам: заплатил деньги, которые мы должны были вернуть, и забрал нас жить к себе.

У дяди был такой длинный-длинный дом из жестяного материала и шифера (летом жарко, а зимой холодно). Он не отапливался, и если 6–7 градусов, то холодно, а бывает там и нулевая температура. Это было в центре Буэнос-Айреса, район Валентин-Альсина. Папа устроился на стройку, маму тоже устроили работать в какой-то швейный цех. Потом папа устроился на военный завод «Эко», где были доменные печи (жарко страшная). Недалеко от моего дяди продавалась земля, и отец решил купить эту землю. А закон такой: если через 10 лет не вернешь деньги, то они забирают ее вместе с тем, что ты построил. Папа согласился, и каждый месяц платил за землю

и строил дом. Наш дом имел четыре большие комнаты и три такие маленькие.

Аргентинцы к белорусам нормально относились, называли нас «поляко», но могли и сказать в ссоре «дерьмо поляко». Для них белорус, русский — все там «поляко». Порядок жизни в Аргентине отличается от нашего. Утром они много не кушают, потому что обед у них в 12 часов (с 12 до 13 часов все магазины закрыты, потому что все обедают). Утром — бутерброды и мате. Бутерброды в магазине делали с тонко порезанной колбасой. Ее машинкой нарезали, и получался такой тонкий слой как газета, кладут три-четыре слоя и, например, майонез, аджику — очень приятно. Потом в 12 обед, а в 4–5 часов опять этот мате с булочкой, и потом легкий ужин. Но мы к этому привыкли. Мне тогда было пять лет, я быстро выучил язык, но при этом, к сожалению, забыл свой родной. Родители же дома говорили на языке, как в деревнях у нас все говорят. Они могли обращаться ко мне на родном языке, а я отвечал на испанском.

Во время войны мои родители собирали помощь Советскому Союзу: им давали материал, и они шили костюмы. Я помню, женщины на квартире сидят, на машинке шьют — и плачут, потому что война идет, наши люди страдают, погибают. И деньгами помогали: у нас была такая коробочка в виде красного сердечка, и пять дырочек размером для 20 сентаво (вместе получалось песо). И мы ходили по знакомым, собирали туда пожертвования: и я собирал, и остальные дети. За это нас власти не преследовали, преследовали всегда коммунистическую партию: и до войны, и во время войны, и после.

Про коммунизм власти и слышать не хотели, и за свои убеждения люди страдали страшно, их и в тюрьмы сажали. И убивали: ночью идет человек, который за демократию, а его застрелят. Потом, когда был сбор подписей за мир, разоружение, против атомного оружия, мы собирали эти подписи. Тогда подписывались все, кто хочет (за мир, за дружбу). Тоже преследовали за это. Там демократия демократией, а за слово «мир», «коммунист» преследовали.

— *А Вы себя прогрессивными считали?*

Ну а как же! Мы же коммунисты, советские люди, из Страны Советов, сталинцы! Это же самая что ни на есть демократия!

После войны был диктатор Перон, при котором приехало много немцев из Европы в Аргентину: в газетах были публи-

кации о том, как всплыли пустые подводные лодки, а людей нет. Видно их встретили, а они привезли золото, богатство — и следов не найти. А потом эти немцы строили и дома, и заводы. И белорусы приехали после войны, но мы с ними никаких контактов не имели: они нас не любили, мы их не любили. Называли их фашистами, а мы за родину, за Сталина. Мне рассказал Ляшук такую историю: сидит он в трамвае, а сзади сидят двое-трое человек, и на русском языке один другому говорит: «А ты помнишь ту бабу? Я ей живот разрезал, а у нее там ребенок». Ляшук услышал эту гадость, а у него газета «Правда». Он эту газету демонстративно развернул и читает. Для этого смелость нужна. Так они как увидели это, так сразу же удрали из этого трамвая. Такие там были гады.

Через два дома от нас был чехословацкий клуб, куда мы ходили заниматься спортом. Однажды там проходил какой-то концерт или спектакль, который устраивала украинская «Просвіта» — националисты, которые против Сталина. Они выступают, и вспоминаю момент: кто-то из зала что-то крикнул, и тот, кто был на сцене, резко ответил. Начался спор между ними, и чуть до драки не дошло. У нас в клубах этого никогда не могло быть: осуждали какие-то дела, но дойти до того, что вот-вот будет драка — такого не было. На этот концерт я просто так зашел — мне же, пацану, билета не надо. И там места свободные были. У нас же, если мероприятие, так все скамейки заполнены, и все вокруг стоят. Из нашего руководства по микрофону скажет: «Дорогие друзья! Много пожилых мужчин и женщин. Молодые, уступите им место». И молодежь встает, а пожилые садятся. Зал большой, народу много, и мы были людьми по-советски сознательным: старикам надо помогать.

Наши клубы были в каждом районе огромного Буэнос-Айреса. Наше общество «Белавеж» возникло еще до войны: мы малышами ходили туда, веселились, бегали, прыгали, акробатикой занимались. Мне было тогда семь или восемь лет. Это на районе Валентин-Альсина. Близко к нам Ла-Нус, Помпежа. Нас власти то закрывали, то открывали. А потом наши земляки, которые были побогаче (не знаю, кто конкретно), купили землю и построили белорусский клуб «Якуб Колас». Но ходили туда все наши люди, кто живет близко к клубу — и украинцы, и литовцы. И белорусы, если ближе был украинский клуб «Островский», то ходили туда. Потому что зачем далеко ехать:

на транспорте, и ночью возвращаться — ведь всякое бывает... Крупный клуб «Николай Островский» был чуть дальше от нас, были клубы «Тычина», «Маяковский». Мы были все вместе и если устраивали праздники, то старались, чтобы они проходили не в один день. Одну субботу мы делаем, другую они, чтобы они могли к нам приехать, а мы к ним. Даже соревнование было: к кому больше пойдет.

В этих клубах нас соединили — белорусов, украинцев и литовцев, ведь все мы после войны стали советскими гражданами. Было у нас и общество взаимопомощи «Белорусский Очаг»: мы каждый месяц платили небольшую сумму (50 сентаво), но каждый в случае болезни мог записаться к нужному врачу, и он тебя лечил бесплатно. Руководство клуба договаривалось с врачами, а потом платили им за тех больных, которых они лечили. А мы, заболевшие, ничего не платили. Деньги сдавали Александру Леонику (его все уважали), который с врачами договаривался.

Семья Леоников была очень известна. Старший брат Александра — Педро (Петя) — был крупным руководителем, но он там умер. Ему операцию сделали, и что-то неправильно. Гроб с телом стоял у нас в клубе, и мне запомнилось, как Александр пытался сорвать крест с крышки гроба. Мы ведь были воспитаны так, что религия — это опиум для народа. Но не все были такие. Например, Тереховичи были очень религиозные: придут в гости, встают, молятся перед едой. Мы подождем, а потом у нас застолье. Это огромная семья из Бериссо, человек девять детей.

*Акрабатычны нумар выконвае
М. Рамановіч з сябрам*

Мы так стремились в эти клубы: там наши танцы — и русские, и белорусские, и украинские. Не хочу хвататься, но я прекрасно танцевал и физкультурником

был хорошим — легким, прыгал, у меня это легко получалось. Я очень любил спорт, мог на руках пройти 100–200 метров. Если бы в это время был в Советском Союзе, то, может, что-нибудь из меня и получилось бы: у нас всегда ищут таланты, в школы берут, если есть способности. А в Аргентине никто на это не обращает внимания, всё на самотеке. Потом годы шли, и я стал в клубе руководителем — не один, а нас была группа руководителей, которая учила танцам. Мы пели наши песни, у нас сборники были, которые получали от советского посольства. Я был секретарем танцевальной группы до самого своего отъезда, сопровождал на аккордеоне, и ни один концерт не обходился без меня. Делали мы это бесплатно, если надо было, то мы даже свои деньги давали.

Когда мы организовывали танцы, то за вход надо было платить. У нас и буфет был. Аргентинцы тоже могли приходить, но они себя нагло вели. Их то пускали, то не пускали, по-разному. Но среди тех, кто занимался самодеятельностью, аргентинцев не было — только наши, потому что фольклор у нас ведь свой русский, белорусский.

М. Рамановіч у клубе акампанье ўкраінскім спявачкам

— *А русские по национальности там были?*

Нет, таких чисто русских не было. Я просто так говорю, объединяя тех, кто из России: там были белорусы, украинцы и литовцы — Диокас, Дягис (они с Виленщины). Диокас был одним из наших руководителей — сложный человек. Любил покомандовать (с диктаторскими замашками), девочкам не давал краситься: это против социалистических идей, девочки должны быть скромными. Потом он переехал в СССР, жил в Вильнюсе.

В 1946 г. после войны в Аргентине, где раньше были сплошные военные перевороты, проводилось голосование. По улице начала ходить шпана и писать на стенах: «Перон». А я видел, как хозяин хлебной лавки, армянин, стоял при этом и сказал: «Ну, ребята, что же вы будете пачкать магазин». А те: «Ну, помоешь». И как началась после этого потасовка (а он боксер), так те ушли, ничего не написав. Мы не принимали участия в голосовании, потому что не являлись аргентинскими гражданами. Но наши люди были против Перона: мы поддерживали его соперников, которые были кандидатами в президенты и вице-президенты от демократической коалиции, — Тамборини и Моска. Они поначалу шли впереди, но в конце концов Перон обошел их.

Народ Перона любил, кричал: «Перон! Перон!» А тот был такой эмоциональный: снимал пиджак, оставаясь в белой рубашке, чтобы все чувствовали, что он «свой парень», и мог говорить несколько часов. Перона я видел однажды в Мардель-Плата, когда был на гастролях. Он был красивый мужчина, элегантный. Там было казино, и Перон находился со своей женой Эвитой (она уже больна была). Помню, он сказал: «Трабахадорес (рабочие)! Видите, как вы теперь живете! Вы, простые рабочие, можете приезжать и отдыхать в Мардель-Плата» (агитацию такую делал). Но в этом была и доля правды: рабочие добились многого через профсоюзы. Мой отец работал на частном заводе, и благодаря профсоюзам ему организовывали отдых со всей семьей. Не так как у нас — путевку дают только одному человеку на предприятии, а организовывали для всей семьи. За дорогу платили, за помещение.

— *Клуб «Якуб Колас» прекратил свое существование?*

Вы знаете, там такое положение: живешь-живешь, а потом конфликты политические — и нас закрывали. Мы где-то встречались по домам, в праздники. Редко, но встречались. Такой ак-

тивности (танцы, концерты) тогда не было. Когда клуба у нас не было, то мы нанимали помещение в аренду и там проводили наши праздники. Например, очень часто нанимали чехословацкий клуб на нашем районе. Арендовать помещение (как говорят, «салон») мы могли и потому, что не всегда могли собраться в помещении своего клуба. Особенно зимой — у нас же была открытая площадка. Потом политика изменилась, и нас открывали. Потом появились русское посольство, чуть свободнее стало. >

Представители посольства приходили к нам в гости. В Аргентине принято угощать большим количеством мяса (асадо) — огромные куски жареного мяса — и они, конечно, удивлялись, говорили, что у них этого пока нет. Много пили и курили (и женщины курили). И все рассказывали про войну, как было жестоко, трудно, но мы победили. Когда приезжали русские пароходы, то и моряки приходили к нам. Мы пели советские песни: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», танцевали «казачок». Они смотрели на нас и поражались: в Буэнос-Айресе есть такие ребята. После концерта у нас был банкет: не всех приглашали, а руководство — мы как самостоятельность тоже сидели. Мы их приглашали в клуб, а они нас приглашали на пароход. Однажды мы были на пароходе в гостях, и капитан нам сказал, что это пароход не наш (советский), а трофейный — чтобы не трогали с благоговением. Один матрос подарил моей сестре Ольге одеколон «Сирень» (самый дешевый), и мы этот одеколон нюхали — это ведь запах советский, советский запах! Мы по капельке использовали этот одеколон.

Нас приглашали в посольство, стало больше встреч. Активистам в посольстве показывали музыкальные фильмы: Уланова танцевала, танцы Моисеева, Лемешева слушали, Русланову — ведь есть что нам в России показать. Они к нам приходили. Однажды проводил гроссмейстер сеанс одновременной игры: у всех наших ребят выиграл, только Игнатий Волкович сыграл с ним вничью. Артисты приезжали, кинофестиваль был советских фильмов в курортном городе Мар-дель-Плата, афиши были расклеены повсюду (мне запомнилась афиша «Садко»).

После войны у нас было предписание о том, что мы с коммунистической партией никаких дел и связей не имеем. У нас белорусское неполитическое, культурно-спортивное общество. В политику мы не вмешиваемся, иначе нас закроют. Хотя, естественно, наши участвовали и в компартии Аргентины, но

втихаря. Аргентинские коммунисты были этому только рады, ведь наши люди самые закаленные, самые смелые. Аргентинцы трусливые, а если наш белорусский парень возьмется за дело, то грудь вперед и идет до конца. Распространяли литературу, коммунистическую газету «Ориентасьон». Продавать надо, а это не так просто — продавали тайком. А наш какой-нибудь парень идет по улице с газетами (на веревочке висят, и видно, что «Ориентасьон»), и кричит: «Ориентасьон!» «Ориентасьон!» — и продает. Потом были разные компании: за мир, за дружбу, за разоружение. Потом против смертного приговора и казни на электрическом стуле в Америке семьи Розенбергов, за освобождение американской негритянской девушки Анжелы Дэвис. И все по улицам ходили, писали, деньги собирали для тех, кто в тюрьмах. А их преследовали, били, убивали...

Я этим не занимался, так как был загружен работой в клубе: играл на аккордеоне, был акробатом — весь в деле. Я был секретарем, а каждую пятницу проводились собрания: все руководители приходили, отчитывались о проделанной работе; там говорили и о работе на будущее. Потом не в клубе у нас были в районах ячейки: мы встречались в частных домах по пять-шесть человек (и у меня встречались). На встрече должны были обязательно читать какую-то книгу. Другие брали «Как закалялась сталь», я почему-то взял Сталина. Сложно было, но читали — так руководители развивали наш интеллект. Много было таких групп. Кроме того, у нас было задание: распространять наши газеты. Были газеты на русском языке, «Наш голос» например, журнал «Родина» (такой красивый как «Огонек»). Потом я стал руководителем всех ячеек: ходил на собрания разных ячеек и слушал, как они работают. Выходило: пришел представитель власти и смотрит, как они себя ведут. Я до сих пор помню, как с одной девчонкой поссорился: мы читали газету «Наш голос» про колхозы, а она сказала: «Ай, это неинтересно!» А я возмутился: «Как это можно говорить, что про наши колхозы неинтересно читать? Неправильно!» То есть выступил как представитель руководства — до сих пор не могу этого забыть.

Было в Аргентине и славянское объединение: его старостой выбрали Шостаковского (он был такой был старик с бородой). Шостаковский был образованным человеком, с высшим образованием, объездил много стран и являлся известной фигурой в Аргентине. Это было сразу после войны — первое наше объе-

динение славян. Но я мало знаю об этом, так как был молодой. Объединение это потом закрыли. Я дружил с внуком Шостаковского Сергеем Кортесом, который руководил детским хором в клубе «Максим Горький». Потом они вернулись на Родину.

Дружили мы и с Карлосом Шерманом, который был связан с компартией. Он мне рассказывал, как за ним следили, а у него были какие-то памфлеты (листочки), которые наклеивают на стены. Пропаганда коммунистическая, в общем. И он зашел в какое-то кафе, а на стойке там большая кастрюля стоит с кипящей водой, где девушка варит сосиски. Это как самовар — если кто-то из посетителей заказывает сосиски, то она их кидает в кастрюлю, а потом подает на тарелочке. И он сунул эти памфлеты в кастрюлю. Девушка все видела, закрыла крышкой и ничего не сказала. Он заказал себе что-то, а зашедшие в кафе полицейские всех обыскали, оцепали, но ничего не нашли. То есть не за что было его арестовывать, ведь никаких доказательств нет. Шерман потом хотел ее поблагодарить, искал, но не нашел эту девушку.

Мои родители, когда строили дом из кирпича, то сделали тайник в полу. Мы нам хранили разные брошюры, работы Ленина, Сталина. Нас обыскивала полиция, когда у нас одно время с женой и ребенком жил Александр Леоник, который входил в руководство («комисьон», как мы называли). У Леоника были проблемы с квартирой, и он у нас жил в одной из комнат. А в тот день у меня как раз в гостях был Михаил Мовчан. И тут к нам пришли двое-трое человек из полиции, мы вышли из комнаты (хорошо, что не зашли ко мне, — там у меня висел портрет Сталина). Они пришли к Леонику. А его жена потом рассказывала, что успела газету коммунистической партии закинуть за шкаф перед тем, как вошли полицейские. А не то бы забрали его сразу. Ведь он был связан с коммунистической партией Аргентины, как и все наши активисты.

В руководстве вообще было человек шесть-семь, там и Диокас потом появился. Председателем был Ялоза. У нас была и газета «Наш голос», редактором которой был Бойко. Он из Новогрудка, потом поехал в Москву, учился там успешно и стал диктором на радио для Латинской Америки. «Якуб Колас» потом стал «Максим Горький», он и сейчас есть. После того, как клуб стал «Максим Горький», у нас был конфликт по поводу руководства — ведь Ялозу до этого никто не знал, а тут он оказал-

ся в руководстве. У нас разделение получилось на «красных» и «белых». Однажды собрали нас (не только клуб «Максим Горький») в каком-то «салоне», были дебаты, а потом голосование по руководству. Голосовавших считали представители от «белых» и от «красных». И руководство с Ялзой набрало больше. После этого много людей отошло от наших клубов.

Я когда был в 1981 г. заходил в клуб «Максим Горький» — он в том же здании, что был и «Якуб Колас», то здание, которое строили наши родители. Когда мы уехали, то не было крыши над главной площадкой, сценой: вокруг было огорожено, две большие комнаты были, где собрания проводили. Кругом были частные дома, с нами даже ругались, так как танцы можно было устраивать до 11 или 12 часов, и после этого соседи просили, чтобы мы прекратили музыку. А в 1981 г. смотрю — уже крыша есть. Днем там был сторож, и он мне сказал: «Вот вы уехали и даже крыши не сделали». А я ему сказал: «Да, мы крышу не сделали, но мы вернулись на Родину, а вы здесь остались». Он меня подколот, а я его. Он и замолчал, ведь получается, что все говорят «патриоты», а на Родину вернуться не хотят.

Выехать в СССР хотели многие. У нас в клубе была учительница русского языка Спиридонова, и они с мужем хотели вернуться на родину. Но между ними и нами большая разница — они были белоэмигранты. Они очень просились, но им отказывали. У ее мужа был нервный срыв, и он покончил жизнь самоубийством. А Спиридоновой потом разрешили вернуться, и она жила в СССР.

Мы вернуться на Родину хотели все время: папа, мама были большие патриоты. Мама была связана с коммунистической партией Аргентины, помогала ей, и в клубе работала. Папа был менее активный. В Аргентине мы жили по польским паспортам, а советское гражданство получили после прибытия посольства СССР. У меня был настоящий советский паспорт. Мы были воспитаны как патриоты. До 1955 г. нам отказывали, но потом разрешили вернуться. Я, две моих сестры, муж одной из них (Михаил Терехович) и их двое детей вернулись на Родину, а старший брат остался.

У нас было много вещей, и родители решили поехать на польском пароходе, рассчитывая, что Польша — наш друг, демократическая страна, и будет полегче им с багажом. А мы поплыли на рейсовом пароходе «Британия»: 6 мая 1955 г. сели и

*Сем'і Рамановічаў і Церашковічаў перад выездам у СССР
на развітальным пікніку ў наваколлі Буэнас-Айрэса*

1 июня приехали в Италию. Потом через Вену и Будапешт приехали в Чоп. Мы прошли таможенный контроль, а тут мадьяры, цыгане вокруг начали танцевать, деньги просить. Диковато смотреть было на все это. Конечно, впечатление было не очень после Буэнос-Айреса: в Чопе ничего нет, везде пусто, единственно что мы могли купить, так это батон. А в Италии мы на дорогу накупили колбас, хлеба, вина. Сели в поезд, потом на другой, на третий. Категории с каждым разом были все ниже, потом общий вагон — контрастно это все было после Италии.

Приехали в Лунинец, где нас ждали родственники из деревни: дядя, тетя, двоюродный брат. И 20 км пешком от Лунинца шли до Любачина. Приехали мы на нашу Родину, а там обыкновенные хатки колхозные... Мы жили у родственников — кто в комнате, кто в сарае. Жили там месяц, а потом мама и сестра поехали в Минск устраиваться, пошли объясняться в министерство: мы же не думали, что будем жить в деревне. После этого папу пристроили на стройку, дали нам комнату на ул. Козлова. Дом с коридорной системой, там печка была, на которой варили, топили, а потом уже газ дали. Позже поменяли на квартиру побольше, затем дали квартиры двухкомнатные родителям, сестре, мне (я был женат и двое детей уже).

В Аргентине, помню, на банкете с советскими моряками мы ели и пили из маленьких рюмочек вино или грапу (это водка такая). Один раз выпили, а потом идет разговор. И матрос, который сидел возле меня, выпил, а потом у меня спрашивает: «Вы всегда так пьете?» Я не понял, в чем дело. А моряки любят пить стаканами, и он сидит и ждет, когда же ему нальют. Я потом уже понял, когда здесь увидел, как пьют стаканами самогонку. Мне она не понравилась, когда первый раз попробовал, но потом привык. По приезду сюда я полгода был на гастролях, объездил всю Беларусь. Однажды приехали в колхоз, председатель после концерта организовывал стол, а мы молодые ребята, голодные. Назначают концерт на 8 часов вечера, но начинаем в 12 — пока все соберутся. В час-два концерт закончили, есть охота. Нам накрывали стол — и мы набрасывались на еду, и самогонку я пил как все.

Я по-русски вообще не говорил, но со временем выучил: общался с бригадой нашей, ездил на гастроли. Мы в магазин идем группой, в столовую компанией — так постепенно и выучил. Они меня учили, что правильно, что неправильно. И не сожалею, что приехал на Родину, потому что здесь в искусстве работать намного лучше. Здесь такие люди востребованы, потому что ценят искусство, музыку. Может, тогда не такие дворцы были, работали на улице, на поле, но все-таки мы работали. В Аргентине, только если ты сумеешь сделать что-то частным образом, тогда хорошо. А у нас тут была филармония, она обязана была нам предоставлять работу. Вы не поверите, я в 1955–1956 гг., первый год только работал, и у меня были такие точки как Калининград, Каунас, Вильнюс, Рига — и я, молодой парень с аккордеоном, объездил эти города, а затем и весь Кавказ, Черное море. Поэтому я и не страдал, как другие, что на Родину приехали и хотели вернуться в Аргентину.

Недовольных было много, и они пытались уехать назад. В Пинске жил Сидорович, парень с трагической судьбой. Он не мог примириться с этой жизнью, ходил день и ночь в милицию, чтобы его отпустили. Он жил где-то на окраине: я у него был один раз в гостях, но забыл адрес. И когда приехал во второй раз, зашел в милицию спросить адрес. Они попросили у меня паспорт, и долго-долго их не было. Я потом думал: почему они так долго с паспортом возятся, а они уже в Минск позвонили за это время, узнавали, кто такой, не шпион ли. Вышли и сказали:

его здесь больше нет, он не живет. Они меня просто обманули — не хотели, чтобы я с ним встретился. А позже я узнал, что он умер. Стремилась вернуться и Роза Гусинская и ее сестра Офелия. Они потом уехали в Аргентину, пожили там год-два и не могли вытерпеть. Здесь все-таки Минск, а там жили в провинции, не с кем поговорить, всё провинциальное, один только кинотеатр в городе. И они приехали назад в Советский Союз.

Трудно здесь было, тяжело — это естественно, ведь прошла война. В Калининграде, бывшем Кенигсберге, я видел большие разрушения, дома в руинах после бомбежек. В Беларуси таких разрушений я вообще не видел. Если что-то купить, то очереди выстраивались километровые. И вы прекрасно знаете, что система была не совсем. Я в то время был убежденный приверженец коммунизма, но это все миф, это нереально. Людям надо просто дать жить, чтобы они зарабатывали и жили богато. А культура у нас самая богатая в мире: Пушкин, Лермонтов, Чайковский — нигде такого нет. У нас и природа богатая — леса, реки, а мы не умеем этим пользоваться. Поэтому мне иногда обидно за то, что мы так небогато живем.

И нам говорили потом: «Хорошо, что вы приехали не в 1953 г., когда Сталин еще жил. Вас могли бы всех в Сибирь послать». В 1955 г., когда я приехал, патриот, то у меня даже были стычки с теми, кто здесь осуждал Сталина. У меня аж слезы на глазах! Как можно осуждать Сталина? Здесь люди говорили про лагеря, что он был деспот, что он уничтожал людей. Где-то в конце 50-х гг. я был с выступлениями в Магадане, в лагерях, где все это было. Я видел заключенных, для которых мы выступали. Но ведь я подробностей не знал: тюрьма и тюрьма. И я не верил во все это, только постепенно стал осознать, что раньше было. Теперь, конечно, я не могу оправдать ту систему Сталина, когда миллионы безвинных людей были уничтожены. И среди них ученые, артисты — и главное, что ни за что. Это жутко...

Из Аргентины на родину вернулось много белорусов. Среди первых был Трофим Ляшук (он был настоящий патриот), который приехал где-то в 1953–1954 гг. Он у нас был самым главным, в Буэнос-Айресе в тюрьме находился, и мы ему передачи носили. У нас была такая система: каждое воскресенье, когда приемный день, мы, сотни людей, ходили к тюрьме. А полиция запрещала встречи с нашими заключенными. И уже на подходе

к тюрьме видят, что блондин, светлый человек, то уже завораживали. А я был смуглый и доходил до последней инстанции. Говорил, что мне надо Ляшук, и только тогда меня выгоняли. Это был непрерывный процесс: они запрещали, а мы сотни человек в очереди, и все к одному человеку. А однажды разрешили встречу, и всех пустили: человек сто пришло и встретились с нашими заключенными. Они сидели за то, что были связаны с коммунистической партией, не за то, что были в нашем клубе «Якуб Колас». Из наших сидел еще Антон Драмазонец, он белорус.

А Ляшук работал в Высоком в больнице по хозяйственной части. Я несколько раз был с гастролями от филармонии в тех местах и встречался с ним в Высоком. Первый раз, когда туда приехали на гастроли, дежурный, зная, что я из Аргентины, решил меня свести с таким же переселенцем. И это оказался Ляшук. В Буэнос-Айресе перед отъездом он лет пять сидел в тюрьме. Его выпустили, вероятно, с уговором, что он соберет свои вещи и уедет из страны. И была такая история. Руководство клуба мне сказала, что у Ляшука нет будильника, и дали мне деньги, чтобы я ему купил будильник. Я взял деньги, купил обыкновенный здоровый будильник и отнес ему. Мы не были знакомы, ведь он намного старше меня. И когда нас свели вместе в Высоком, я сказал: «А помните, я Вам будильник принес?» И он обрадовался мне, мы потом хорошо посидели.

Но я Вам скажу печальную историю. Он же был крупный руководитель и уехал в СССР одним из первых. А кто вернулся на Родину, те обычно пишут в Аргентину. А от него не было никаких вестей, и все думали: куда пропал Ляшук? И он мне говорит: «А что я мог писать, Миша?» Он же видел нищету наших деревень, Высокого. У нас же плохо было после войны, это естественно. «Я, — говорит, — Миша, плакал, не знал, что писать. Правду? А неправду не хотел, ведь правда очень горькая». Потом он написал, и письмо это напечатали в нашей газете. Я его читал: писал, что женился, то-се, ничего там хвалебного не было. И умер Ляшук внезапно: воспаление легких, и моментально через два-три дня умер. Это было неожиданно: он был такой здоровый мужчина, жизнерадостный. В последнее время он был директором столовой, ресторана в городе Высокое. Однажды приехала комиссия из Минска, увидели его, расплывшего и солидного: «О, понятно, кто здесь директор». А Ляшук

хотел сказать, что это пережиток капитализма, но сдержался. Я раза два был у него в гостях, когда был там на гастролях.

Когда мы приезжали, то здесь уже знали, кто приехал. Вызывали нас, беседовали, знали, что ты стоишь. Александр Леоник был в Аргентине большой «шишкой», работал по финансовой части... И его пристроили директором какой-то столовой общепита. У него в подчинении было двадцать-тридцать человек, он ими командовал. Он вначале жил у брата, которого родители не взяли в Аргентину, а оставили здесь. Тот пережил оккупацию, нищету, голод. Я был в гостях, и то, что он мне рассказывал, — это ужас. А из Аргентины приехали приодетые... Александр Леоник был очень крепкий мужчина, и удивительно: исполнилось ему 60 лет, и случился то инсульт, то инфаркт. Я не мог поверить: такой здоровый и так умер.

Приехал на Родину и Драмазонек, жил в деревне (и умер там) недалеко от Ляшука. Но люди из столичного Буэнос-Айреса, и жить в деревне — это просто нереально. Вот посмотрите — это ресторан: заходишь, и перед тобой огромная жаровня. Клиент заказывает мясо, и ему отрезают мясо прямо с жаровни. Оно горячее, вкусное. А это пешеходная улица La calle de flores, где огромное количество магазинчиков, кафе. Представляете, какое настроение было у наших русских эмигрантов после того, как они приехали в Советский Союз?

г. Минск. 1 февраля 2007 г.

№ 7

Василий Афанасьевич Романович

Я родился в Буэнос-Айресе 6 июня 1930 г., а мои родители приехали в Аргентину из Западной Белоруссии. Фекла Ивановна, моя мама, — из деревни Красная Воля, а отец, Афанасий Васильевич, — из Любачин (Лунинецкий район). Они из крестьянской среды, где жизнь была не сказать чтобы зажиточная. Отец до по-

ездки в Аргентину построил большой дом, но между семьями случались распри по поводу того, кто лучше живет. А в это время была реклама: массово вербовали белорусов для поездки в Аргентину. И родители решили, как говорится, искать счастья в жизни. Они оставили дом, уехали, а я родился уже через полгода после того, как они приехали в Аргентину.

В Буэнос-Айрес родители приехали вместе с группой белорусов, но после каждый уже устраивался как мог. По прибытии в Аргентину их никто не принимал, но, зная, что приезжают люди из нашего края, приходили местные жители (в основном евреи, которые говорили по-русски) и предлагали работу. Мама первое время работала служанкой в еврейской семье, а отцу, видя, что он мастеровитый человек, евреи посоветовали устроиться в скотобойню. Frigorífico (скотобойня-холодильник) была как раз в районе Валентин-Альсина, называлась «Wilson» («Уилсон»).

Через несколько лет отец получил ссуду для строительства дома от «банка ипотекарио» (за него поручились), выбрал место в этом районе и начал строится. Дома в Аргентине не строят как в Белоруссии: там температура редко опускается ниже + 5. Дом был деревянный, покрытый жстью. Нанимать на строительство за свои деньги было накладно, и приходилось строиться самому. Потом уже начали приходиться на помощь знакомые белорусы и другие земляки, которые стремились держаться вместе в чужой стране, — приятно было хотя бы поговорить на родном языке. По-моему, кроме русских, белорусов, славян у других народов такого нет, чтобы приходили и сообщали помогали тому, кто строит себе дом. Как только выходные — суббота, воскресенье, — то приходила наша славянская дружина (с кем познакомились). Все работали доботно, весело — это я помню. Конечно, после работы устраивали застолье, как обычно. Так мы дружно и обживались в Валентин-Альсина. Отцу говорили: «Пока есть деньги — строй. Будешь сдавать квартиры, и будет какой-то доход». Отец при помощи земляков пристроил к дому еще пять квартир. Жили мы небогато, но обеспеченно: если бы не уехали в СССР, то построили бы второй этаж, сделали бы до конца фасад и открыли бы добротную мастерскую.

В семье родители говорили не по-испански: даже прожив долгое время в Аргентине, они по-испански говорили с ошибками. Они же не оканчивали школу, грамматику не проходили,

все воспринимали на слух. Когда русский или белорусский человек говорит по-испански, то сразу чувствуется акцент. Ведь русский язык твердый, а испанский — очень легкий язык. Интонация другая, и роды можно путать. Поэтому родители хорошо понимали испанский язык, но чисто на нем не говорили.

Первое время, когда я был маленьким, а родители устроились на работу, меня оставляли на нашем огороженном участке. Родители работали с 8 утра и до 10 вечера — и не всегда было возможно забежать ко мне на обеденном перерыве. Отец приобрел собаку-овчарку (ее звали Рекс), которая меня не пускала за пределы участка. Так мы вместе и жили: если я мог усыпить ее бдительность и куда-то выскакивал (в лужи и грязь, которых было вдоволь после дождя), то она меня за штаны тянула обратно. Родители рассказывали: приходят они после работы и не могут определить, где сын, а где овчарка, потому что в грязи оба. Родители оставляли питание мне (молоко и все остальное) и овчарке. Конечно, набегавшись за день, я съедал все и даже заимствовал то, что оставляли овчарке. Так я делал первые шаги в жизни, учился приспособливаться: приспособиться к жизни — это очень важно. Вокруг нас жили итальянцы, армяне, французы, литовцы. И кто-то из соседей позавидовал, наверное, и Рекса отравили.

После этого меня отдавали итальянке, которая жила через два дома от нас и которая принимала детей — их было 10–12 малышей, что-то наподобие детского сада. Утром меня мать отводила, а вечером оттуда забирала. Помню, играем на участке, и наступает время обеда, крик: «Обед!» — и мы все бежим туда. Кто первый, тот больше схватит. А я любил побегать, опаздывал, и обидно было, что когда опаздываешь, то остается только «облизывать» общий котел. Тогда применил смекалку: находился поближе и во время обеда выскакивал туда первый и запихивал макароны в карманы, а после ел вместе со всеми.

— Скажите, а голода не было в то время?

Нет, не скажу, что был голод: жили не шикарно, но, сколько жили (с 1930 по 1956 г.), голода не было. Были забастовки, которые делали олигархи, хозяева магазинов: договорившись, они убирали продукты, а затем они появлялись, но уже по более высоким ценам. Например, керосин пропал на месяц-полтора, а потом появлялся с наценкой. Сахар пропадал. Но на нашем районе мы дружили с хозяином магазина, испанцем, и мы были

всем обеспечены: что было дефицитом, то для нас достать не было проблем. Мы у него и телефоном пользовались (своего не было). Была интересная система оплаты: хозяин магазина нам давал книжицу, где записывал число, когда мы сделали у него покупку. Например, мне мать говорила, что надо купить, я приходил с этой записной книжкой. Хозяин туда записывал, что взято: количество, цена. А в конце месяца, когда родители получали зарплату, мы приходили рассчитывались. Хозяин подбивал итоги, и каждый раз он делал нам маленький подарок. То есть отношения были хорошие.

После шести лет я пошел в школу, сперва это была подготовительная школа. У каждой школы был свой стиль. В нашей порядок был такой: все, кто приходит, должны быть в белых халатах и с нагрудным бантиком в горошек. После подготовительной школы я пошел учиться в школу № 8 (она была рядом с церковью). Школа называлась «Republica du Brazil»: как может у нас называться школа, допустим, «имени Менделеева», так моя школа называлась «Бразильской Республики». Ее директором была француженка, которая дружила с послом Бразилии. Когда были бразильские национальные праздники (например, День Освобождения), то приглашали посла, и мы готовили маленькие представления, песни, танцы, анекдоты на португальском языке.

В школе была традиция: каждое утро перед началом занятий пели гимн и поднимали флаг Аргентины. Вторая смена перед выходом также пела гимн. Внутри школы строили на плацу, где пели гимн. Жалко, что у нас в Белоруссии это не происходит, и стыдно, что белорусы не знают свой гимн. Это необходимо. Если бы с детства воспитывались, как в Аргентине, то патриотизм наших граждан был бы на более высоком уровне.

В школе учились дети всех национальностей: евреи, армяне, итальянцы, греки. Что касается нас, то «белорусы» не говорили — только «руссо». Но есть одна особенность: местное население никогда не хотело различать, кто поляк, кто литовец, кто украинец, кто белорус. У них одна характеристика — «поляко». Все мы для местных жителей «поляко». Я мог постоять за себя (при помощи кулаков), и меня «поляко» не называли.

— А для Вас это было неуважительно?

Безусловно. Это говорилось брезгливо, и к этому слову могли прибавить какой-нибудь нехороший эпитет. Отец говорил:

первое время жизни в Аргентине он чувствовал себя чужим, нелюбимым. Местный народ (только не испанцы, итальянцы) не любил так называемых «поляко», потому что, если была какая-то работа, то брали «поляко» (они все добросовестно выполняли). В быту эта неприязнь проявлялась в том, что в случае конфликта в транспорте, если случайно окажется «поляко», то виноват будет он. Хотя бы он и не знал, в чем дело, и случайно там оказался, все равно виноват «поляко».

— *А в школе к детям ровно относились?*

Да, любимчиков не было. Но я любил немного похулиганить, и это оборачивалось тем, что меня страшно любили учителя. Если приходила новая учительница, то через неделю-две ребята обижались, потому что она ко мне относилась с большей симпатией, хотя я ничего не делал, чтобы как-то выделяться. Дома я рисовал на ватмане и со своей колокольни изображал все, что мы проходили. Например, на уроках анатомии — структуру кожи, на уроках ботаники — различные виды растений. И потом это использовал как плакаты: никто этого не делал, только я.

У нас была учительница Феррари, которая мне несколько раз снизила оценки, хотя, видимо, было за что. Я в отместку пришел пораньше, взял гвоздь, которым сапоги подбивают, и подложил ей на стул под дерматин. Когда началось занятие, она села — и аж подскочила! У нее реакция: схватила указку и подняла вверх. А я, когда увидел указку, то также вскочил — и тем себя выдал. Она за мной — схватила бамбуковую палку с широкими перьями, которой чистят помещение от пыли, и бегала по всей школе. А в школе принято: все должны проявлять уважение, во время уроков должна стоять абсолютная тишина. Даже во время переменки, когда мы выходили, должна быть тишина: если в это время выйдет директор, то становилось более тихо — слышно было, как мухи летают. То есть директор вызывала уважение, внушение, сродни страху. А тут директор выходит на крик и видит, как я убегаю, а за мной Феррари. Два круга по школе пробежали. Все выскакивают, смотрят... Я, долго не думая, решил не возвращаться в класс, пошел домой. Вечером передали отцу записочку: явиться в школу. Отец там побеседовал, внушил мне морально и физически. Я вернулся в школу, не извинился, но потом Феррари сама меня вызвала на разговор. Сказала, что я хороший мальчик, что так не надо делать, что надо учиться: будешь учиться — будешь человеком.

Эту учительницу я запомнил на всю жизнь. Когда она выходила на пенсию, такие мероприятия тоже проводились на плацу. Собрали все классы, которые были в это время, директор выдал грамоту за заслуги, учителя поздравили. И когда она прощалась, говорила о детях, что рада, что столько детей у нее прошло. А потом: «Есть один человек, которого я, вероятно, в жизни своей не забуду». И идет со своими подарками к месту, где мы стоим, подходит ко мне (я в классе четвертом-пятом был): «Вот тот человек, которого я никогда не забуду!» И она меня поцеловала — я, честно говоря, был в шоке... В школьных дневниках у нас было место, где записывалась характеристика каждого квартала, например: плохо занимается, недоучивает и так далее. И Феррари написала: «Basilio! Querere es poder!»*, а потом — что я способный, надо учиться и так далее. Все это написано было здоровенными буквами — это как наставник, который человека в малом возрасте формирует и дает правильный толчок в жизни.

В школе ценились последние оценки. В дневниках у нас оценки ставили так: если до трех, то красным цветом, а если выше трех, то голубым. Получалось: если красным цветом все, то отец должен снимать ремень, а если синим, то подарок купят. Было принято так: в конце полугодия в класс приходят директор или другие проверяющие учителя (не те, кто ведут занятия) и проверяют наши знания по математике, физике и т. д. Они ставят оценку, не зная твои предыдущие отметки. И получались оценки в полугодии и в конце года. У меня выходило: ежемесячно оценки красные, а в конце полугодия и года — отличные. И это несмотря на то, что родители мои были не высокообразованными людьми.

Мать только в Аргентине учила русский язык в «Беловеже»**, никто там не учил белорусский язык, хотя родились в Белоруссии. Это характерно не только для нашей семьи, но и для всей диаспоры: они были белорусы, но не пеклись о Беларуси, а пеклись о родине, которой считали СССР. То, что они делали после, ту колоссальную финансовую помощь, которую оказывали клубам до и после войны, они давали из своего кармана. Они порой не были устроены в жизни, но делали это. Среди белорусов же не было высококультурных образованных людей, как,

* Прымаўка: «Жадаць — значыць магчы» (ісп).

** Беларускае таварыства «Белавеж», утворанае імігрантамі ў 1938 г.

допустим, у русских. Кто-то несколько выделялся, мог лекцию прочитать, но это были считанные люди.

— *А Вы помните, как пошли в клуб «Беловеж»?*

Конечно, помню. Мать пошла в клуб учить русский язык где-то в 1935–36 гг. (не знаю, был тогда «Беловеж»), и учила его, как ребенок. Помню, как она караулила, а я удивлялся, что за рисунки она делает. Мать 1904 г. рождения, и, видимо, поняла, что грамотность в жизни крайне необходима, и училась читать и писать. Мать училась по книге «Русский язык» (по-моему, Потапова) и меня учила: читала мне, я вострил ухо и как-то воспринимал. Но это и все мое учение русскому языку... В «Беловеже» меня заинтересовал детский хор, самодеятельность, выставки детских рисунков. Учительница русского языка у нас была то ли чешка, то ли словачка. Она к нам относилась с любовью, мы ее уважали. Родители организовали вышивку — то есть у кого к чему был талант. И делали выставки. И так постепенно я входил в «Беловеж»... Меня привлекало и то, что моя мать играла драматические роли и комедии — типа «Павлинки» или что-то в этом духе (как при панской Польше они жили в Белоруссии). Мне сказали, что организуют постановку детской сказки. По сюжету какой-то бедный юноша исцеляет слепую принцессу, а

Інсэніроўка казкі. Злева ад «прынцасы» — «злы казак» В. Рамановіч

я был охранником этой принцессы: на фото я рядом с принцессой, такой «злы казак». И мне понравилось. Главную роль исполнял Дмитрий Окулик. Он был моего возраста, но приехал из Белоруссии. Я же родился в Буэнос-Айресе, как сейчас говорю здесь — я импортный белорус. Вообще 90% тех, кто там был, — это рожденные в Беларуси. В отличие от меня, они лучше говорили по-русски, но больше нас ничто не различало. На русском организовывали представления, потому что не все знали испанский, да и посещали нас чехи, армяне, поляки...

Общество «Беловеж» было расположено на углу улиц Республики Аргентина и Курупайти. Помещение это арендовали у братьев-литовцев, которые рядом с Обществом имели свою мясную лавку. Это я помню, потому что после занятий мы заходили и забирали мясо домой. В этом помещении мы только репетировали, так как места было мало. А вечера, спектакли, концерты мы устраивали в двух местах. Сперва в Чехословацком союзе (Чехословака Альянса) — это на нашем районе Валентин-Альсина, который заодно был и спортивным клубом «Сокол». Это спортивный зал, где была и сцена. Турникеты убирались, зал становился свободный, и расставляли сидения напротив сцены. А если серьезное мероприятие, праздник, на который приглашалось много народа, то мы собирались в помещении Армянского центра. В этом районе очень много армян, и через них наше руководство установило контакты с их руководством. И они договаривались о проведении мероприятия в Армянском центре, который располагался в центре Буэнос-Айреса: там было построено богатейшее архитектурное здание (армяне имели возможность такой центр построить).

Руководители танцев у нас были по хронологии такие. Первый хореограф, который с нами занимался в «Беловеже», был Богданов. Он был из белоэмигрантов, по-русски говорил прекрасно, и по манере речи можно было определить в нем интеллигента из российской элиты. После Богданова преподавателем был итальянец Орландо Кукаро: он по всем театрам Буэнос-Айреса ставил танцы народов мира. Мы с ним разучили испанский танец, затем итальянский (тарантелла, по-моему). После того как закрыли «Беловеж» в первый раз, его открыли на новом месте (за сто метров от прежнего помещения, на ул. Республики Аргентина и Жатай). Это было большое помещение, в котором когда-то был магазин. И преподавателем танцев там был

Орлов (это все было во время войны). Орлов был тоже из русских белоэмигрантов и знаменит был тем, что танцевал во всех ночных кабаре Буэнос-Айреса. То есть, как и Богданов, Кукаро, он был профессиональный танцор. Но потом в нашей работе наступила длительная пауза, клуб опять не работал. А затем уже открылся вновь, но как назывался, точно не помню: может, «Беловеж», а может, уже «Якуб Колас». Но ходили в него те, кто раньше ходил в «Беловеж».

В клубе «Якуб Колас» преподавателем танцев был Николай Мизин, который потерял где-то пальцы на руке. В результате он, скрипач, переключился на хореографию, где-то плясал. Он был еврей, но говорил по-русски: рассказывал, как удирал во время революции в сторону Китая, как женился на итальянке и другое. Жил Мизин в Оливосо, пригороде Буэнос-Айреса, и часто нас приглашал домой. Например, концерт отработали, хорошее настроение — и он приглашал нашу всю группу на чаепитие. У него был хороший «чале» (дом), где мы у него проводили выходные.

Клуб ім. Я. Коласа. Танцавальная труппа ў касцюмах «Танца кветак»

— В аргентинской жизни что-нибудь изменилось с началом войны?

В промышленности Аргентины заметное место занимают немецкие предприятия: «Клокнер», «Сименс» и другие. Как война началась, Аргентина держала нейтралитет. Но какой это нейтралитет, если всю помощь она оказывала Испании, а оттуда все через Франко попадало в Германию! У нас дома жили холостяки-белорусы, которых звали Ясон и Виктор. И в 1937 или 1938 г. они записались добровольцами в Испанию. Мы их провожали и знали, что это благородное дело — защищать Испанию. По разговорам я знал, что в Испанию ехали не только белорусы, но и поляки, югославы и другие. Я спрашивал родителей: «Почему они идут защищать Испанию? Ведь они белорусы». Отец отвечал: «Защищая Испанию, мы защищаем СССР». Для меня это было четко и ясно, мне больше ничего не надо было, кроме того, что сказал отец.

К началу Великой Отечественной войны внутри Аргентины обстановка обострилась: многие из наших людей к этому времени были членами коммунистической партии. Многие белорусы (не все) симпатизировали Коммунистической партии Аргентины. Сперва в ячейках собирали деньги, потихоньку платили ежемесячно, а потом по мере возможности распространяли листовки, принимали участие в забастовках, издавали партийную печать. Это все подпольно было; я сам участвовал в этом, сам распространял. Мне говорили старшие или отец: надо сделать то-то, раздать листовки тому-то — и я раздавал. Прятал листовки под курткой, садился на велосипед и разносил кому надо было. Я благодарен отцу за то, что он меня включил в политическую деятельность — эту школу надо пройти. В жизни ведь нельзя думать только о себе, но и об обществе.

Во время войны был сформирован женский комитет по оказанию помощи родине: через мою мать все проходили. Она была депутатом от диаспоры белорусов на Славянский конгресс, который состоялся в Уругвае. И наши родители на два дня уехали в Уругвай и там налаживали связь с местными белорусами.

Наша семья всегда была в гуще событий. Дом у нас был построен так: в первом помещении жили отец и мать, второе помещение было детской (половину занимала сестра, половину я), общая для нашего семейства кухня. Плюс к этому было еще пять квартир, состоявших из комнаты и индивидуальной кухни.

Отец сдавал эти квартиры нашим людям по цене в два-три раза меньше, чем сдавал жилье какой-нибудь домовладелец. Квартиры наши не пустовали никогда: если человек был близок нам по духу, ориентирован демократически, на Советский Союз, то мы его всегда принимали. У нас постоянно собирались, бывал и Трофим Ляшук, и другие руководители. У нас проходило почти каждый день «матепитие», то есть собирались и рассказывали новости из нашей жизни, о войне и т. д. Приходили к нам и те знакомые, которые работали у фермеров. Например, наш соотечественник Чумак, с которым мы приехали в Аргентину, работал в сельской местности. После окончания сезона он на недели две приезжал к нам в гости. Побудет, узнает новости, поговорит на родном языке, так хоть душа отляжет, потому что там на русском никто не говорил. Мне иногда кажется, что в «Беловеж» столько людей не приходило, сколько к нам приходило.

Было у нас много людей и по партийной линии. У нас жил шофер, который перевозил лидера компартии Хосе Петера (он в это время скрывался). Коммунистическая партия в то время была запрещена, и его разыскивала полиция. А водитель его скрытно перевозил куда надо было. Несколько раз его скрывали у нас дома: день-два у нас побудет — и на новое место. Такая была конспирация. Шофер, по-моему, Александр Мирончик (его называли «Мирон»), был членом компартии, и он все время был с Петером. Когда установили дипломатические отношения, мы рекомендовали в посольстве этого шофера. Его пригласили в посольство, и после этого он возил сотрудников посольства СССР, атташе в разные направления по Аргентине. Он проехал с ними от Буэнос-Айреса до Огненной земли — туда, информация о какой местности интересовала сотрудников посольства.

Жаль, что нигде не отражено то, что белорусы очень много сделали для Компартии Аргентины. Они были бедные, настоящие патриоты (не все, конечно), но за то, что они делали, им надо памятник поставить. Они расклеивали листовки во время войны, когда начались репрессии, то арестовывались целыми партиями по двадцать-тридцать человек. У полиции подозрение есть, коммунист ты или не коммунист, даже иногда исключительно по внешнему виду, — и забирали. Не думаю, что это было по указке кого-то, нас бы тогда в первую очередь арестовали. Так, Трофим Ляшук был в «Вилья де Вотто» (это тюрьма в городе), Фроловичу-отцу меньше повезло — он оказался в

тюрьме на краю Аргентины на Огненной земле. Между Уругваем и Аргентиной есть остров Мартин Гарсия, как раз где река Парана впадает в соленую воду. Там построена тюрьма, где сидели белорусы из Бериссо, например, Терехович.

Из групп украинцев, которые тоже ночью писали лозунги против гитлеризма или обращения, призывающие к забастовкам, был убит один из двух братьев-украинцев Наумчик. Он расклеивал листовки... Особенность украинцев была в том, что они больше тяготели друг к другу. К белорусам, например, когда приходил литовец, белорус, то было все едино. А украинцы в нашей группе, в нашей диаспоре, всегда проявляли какую-то «самостийность», какой-то гонор. И я в том малом возрасте это ощущал.

Когда сидели в тюрьме наши уважаемые руководители (Ляшук и другие), надо было их обеспечивать не только продуктами, но и политической информацией. Мы с отцом покупали объемные металлические банки из-под растительного масла, аккуратно отпаивали крышки, выливали масло и вкладывали туда партийную информацию от компартии, о последних военных событиях. Набирали по весу, чтобы, когда тряхнешь, незаметно было, и банку запаивали. Кроме этого заключенным мы открыто писали письма: «Дядя Иосиф женился на Вильно», что значило: «Сталин захватил Вильно». То есть мы придумывали записи, по которым местный аргентинец-охранник не мог ничего понять. А к концу войны местные власти наших заключенных вынуждены были выпустить, сама обстановка этого требовала: Советский Союз стали уважать как мощную силу. И диаспора это почувствовала: если раньше их преследовали, могли посадить в тюрьму, то теперь к нам стали уважительно относиться, как-никак, а мы были большой силой. Сперва эта сила была инертна: во время войны помощь СССР — это было нормально, но политически сила эта была инертна. А когда приближался конец войне, люди при помощи партии становились все крепче и крепче. Надо признать: роль белорусов — это пожертвования, это финансовая касса Коммунистической партии Аргентины. Я помню: приходит кто-то и говорит, что нужно помочь партии, требуется столько-то денег — и никто не отказывался, не видел, чтобы кто-то возражал. Те люди, которых я знал, все в этом были едины. Если я кого-то не знал, то мог предварительно «прощупать» человека, и если он реагировал

не так, то переводил разговор на другую тему. А были люди, которые отзывались «пол-оборота». Мы много выделили денег для компартии за счет месячных членских взносов, а также дополнительно вносили деньги. Если говорить открыто, то нужно сказать, что само Общество «Беловеж» и потом «Якуб Колас» были связаны с компартией. И концерты и мероприятия мы делали не только для развития общества, но и для развития партии. То есть с компартией мы были практически одно целое.

— *А аргентинские власти к деятельности клуба «Беловеж» отрицательно относились?*

Первое время нет. Но затем стали интересоваться документацией, кто состоит в комиссии* и другое. «Беловеж» работало, потом его закрыли, потом открыли, потом окончательно закрыли, и мы через определенный период образовали «Якуб Колас» (по-моему, это было уже после войны). Когда Общество закрывали, то наши люди разбирали по домам документы, архивы, книги, оборудование. И так как у нас места хватало, многое хранилось у нас дома: радио, усилители, рефлекторы и другое. Мы все брали по описи, и когда создавалась новая организация, возвращали все по описи.

Когда после войны создан был клуб «Якуб Колас», то Немировский выступил перед нашим руководством с инициативой создания общества оказания медицинской взаимопомощи. Он был практикующим медиком, кто по национальности, трудно сказать: говорил по-русски, мог быть и белорусом (белорусский язык в обществе никто никогда не изучал, молодежь говорила в основном уже на испанском). Его предложение было принято, все записано, вносили сумму ежемесячно и когда необходимо было обратиться по серьезному делу к врачу, все время обращались к нему. И Немировский давал направление к нужному врачу, а как он с ними договаривался, мне неизвестно. Немировский проводил для нашей молодежи и курсы, где мы приобретали навыки санитаров: учились оказывать первую помощь, делать уколы (нейтральными жидкостями делали друг другу уколы, например, в плечо).

— *А Вы помните, как впервые избрали президентом Перона?*

Конечно. Перон победил потому, что он предлагал преимущества местному народу, который не любил трудиться, а любил

* «Comición» (исп.) — праўленне таварыства.

легкую жизнь. Он предлагал декрет, по которому необходимо было на всех производствах иметь минимум 70% местных людей. То есть если работали свыше нормы иностранцы, то их должны были уволить. Благодаря этому местное население почувствовало силу: они не очень-то работали и чувствовали себя вольготно. И партия Перона «дескамисадос» («безрубашечников») получила массовую поддержку, и он победил на выборах. Потом возвысил средненькую актрису, которую очень не любила, — Эву Дуарте. Я помню, что в это время были знаменитые и красивые актрисы, например, Либертад ла Марке или певец и актер Уго дель Карриль. И Эва Перон вынудила их уехать за границу. Потом она возглавила профсоюзное движение, создала благотворительный фонд, за счет государства, конечно. А представила все, как будто это создано только благодаря лично ей. Из-за этого она поднялась на планку президента. Но часть народа ее ненавидела. Сейчас, конечно, перонисты Эву и Хуана Перона чтят, но демократически настроенные люди о них неслестно отзываются.

После войны, когда люди почувствовали себя более уважаемыми в Аргентине, создали Белорусское общество «Якуб Колас» («Кока-кола», как мы называли). Это общество тоже преследовало те же цели, что и Белорусское общество «Беловеж»: объединить белорусов, а также единомышленников других национальностей (были чехи, армяне, литовцы), которые разделяли симпатии к Советскому Союзу. Были, как и раньше, ансамбли народных инструментов, танцевальные группы, акробатические группы. В руководстве было разделение на возрастные группы: старшие занимались образованием, изучали русский язык, были ближе к искусству, а молодые больше занимались спортом, увлекались танцами. Из руководства назову братьев Леоников, Гвай, Панасюк (полный такой), они по-белорусски могли говорить.

Состоял в руководстве от молодежи Евгений Фролович. По приезду сюда, в Минск, он работал портным, довольно квалифицированным. Азы мастерства он получил в Аргентине у белоруса Харитонюка, который открыл там мастерскую. Харитонюк был женат на местной аргентинке, чем всех белорусов сильно удивил. Но она оказалась хорошей женщиной, хотя трудность была в том, что она русский язык не знала.

— *А кто строил клуб «Якуб Колас»?*

Достройкой помещения и сцены занимались сами белорусы, но какое-то помещение куплено уже было. Располагался клуб на улице Умайта. Создали молодежную команду, моральным вдохновителем которой был Александр Леоник: куда б мы не ездили (Бериссо, Касерос), он все время был с нами.

В центре Буэнос-Айреса был белорусский клуб «Горький» и Библиотека имени Луцкевича. Остальные общества на Док-Суде, наш «Якуб Колас» на Валентин-Альсина, в Касерос (это уже пригород, на большом расстоянии от центра). В Парке де лос Патрисиос было общество «Янка Купала». Из украинских близко к нам был клуб «Тарас Шевченко», а потом это стало общество «Николай Островский». Было и польское общество «Мария Конопницкая», просоветское, в отличие от других, где Пилсудского вспоминали.

— *А что Вы можете сказать по поводу Общества Луцкевича?*

С ними были сложности. Если взять по искусству: я с их девушками танцевал, Вера Трукшина, например, пела. Но в чем разница: мы сейчас говорили о белорусской диаспоре, куда входили украинцы, часть поляков, часть литовцев, часть армяне. А почему-то русских не было, а вот в Обществе Луцкевича они были. И это русские приехали из России, они по уровню культуры были на ступень выше, чем простые наши белорусы. Я знаю, что мать Трукшиной была связана с балетом в Аргентине. Они еще до революции обучались искусству. Мы с ними контакт имели, на фотографиях они есть, и из «Луцкевича» чувствовали, что они не чужие — много раз мы их приглашали. Когда была война, мы организовали в помощь России большой концерт в кинотеатре «Карлос Гардель» на Валентин-Альсине. Сделали это благодаря Орландо Кукаро, нашему преподавателю по танцам, — этот кинотеатр вмещал в десять раз больше людей, чем чехословацкий клуб. И на этот концерт мы приглашали других артистов, которые симпатизировали коммунистам, демократам. Люди приходили и выступали за деньги, а некоторые соглашались и бесплатно. Мы это делали, устраивали, а «луцкевичи» были всегда на стороне. Из разговоров с отцом я могу сказать, что он считал их почему-то «контрой» и относился к ним с антисимпатией. Хотя на фотокарточке, которую я Вам показывал, очень много актеров, циркачи, акробаты. Например, Трик и Трак (фамилии не помню — это их сценический псевдо-

ним) выступали как юмористы на русском языке, и от них все были в восторге. Но с ними всегда был какое-то противоречие.

Русских фактически не было нигде, только несколько русских, которых я знал из Общества «Луцкевича» — Трукшин и другие. Русские могли работать в органах полиции Аргентины, например, Григорьев. Он был не из Общества «Луцкевича», но как-то был с ними связан. Григорьев был переводчик и частно за деньги преподавал русский язык. Мой отец, когда планировал вернуться на родину, сказал мне: «Есть такой товарищ Григорьев, подойди, посмотри, сколько занятий, какое расписание, сколько денег надо платить». Я пошел к нему домой, а он начал меня «прошупывать», задавая вопросы: «Кто родители, какие политические взгляды?» Я сказал, что белорус, верующий, что меня крестили в церкви Святой Каталины и другое. И после, посоветовавшись с отцом, мы решили, что ходить к нему на занятия нецелесообразно, можно попасть впросак.

В отделениях полиции было много сотрудников, русских по национальности. Когда человеку необходимо поехать за рубеж, он должен получить справку — «сертификадо де буэна кондукта» («сертификат о хорошем поведении»). Это чисто политическая бумага, из-за которой могут не разрешить выезд. Мне самому пришлось это испытать. Я занимался на подготовительном курсе Высшего радиовещательного института Аргентины, куда трудно было попасть, потому что радиовещание для них — это «серьезная тема». Когда я подавал документы, узнал, что мне нужно получить такую справку. Я пошел в полицию, там направили в «сексьон эспесьаль». Они нашли документы, что я был членом белорусского общества и стали меня «прошупывать». Спрашивали, посещал ли я общество, кто мои родители. Я отвечал, что посещал, потому что в общество ходили мои родители, там собираются белорусы. Тогда я почувствовал, что дело серьезное.

Не помню, в какое время, но был уже «Якуб Колас», состоялся конгресс югославов. Они пригласили белорусов Аргентины посетить этот конгресс. Мы посетили (у нас были общие интересы) — белорусскую делегацию возглавлял Марцинкевич. Александра Леоника и меня избрали как представителей молодежи «Якуб Колас». С Леоником у меня никогда конфликтов не было, я был как его правая рука. Потом югославы нас повели по своим клубам, обществам — я не ожидал, что у них так много

всего. Мне понравилось, как они исполняли песни, которые пели воины-интернационалисты, воевавшие против франкистов в Испании. Мы вместе пели и русские песни — дружба в то время была настоящая. А на конгрессе я видел, что там люди, русские по национальности, представители федеральной полиции, ходили и просили списки членов каждой комиссии, документы, которые потом передавались в архивы политической полиции.

В Буэнос-Айресе есть спортивный комплекс «Луна-парк», где проводят соревнования по боксу, кетч и все остальное. После войны там организовали мероприятие женщины, Хунта де ла Виктория (Общество Победы), и был грандиозный концерт. Там выступали болгары, цыгане, и мы там выступили. В Луна-Парке на ринге всегда выступали русские борцы по кетчу — «Человек-Гора» (Иван Железняк, «Русо-Рохо», с крупным брюхом и бородой) и «Русо-Бланко». Между ними — «красным» и «белым» — всегда была на ринге вражда. У меня в голове не укладывалось: мы между собой всегда дружили, а они все время враждуют. Но это, наверное, бизнес.

То есть русские занимали свои ниши в аргентинском обществе: много было переводчиков русского языка, в правительственных верхах, в искусстве. Например, балерина Екатерина Истомина, которая работала в знаменитом театре «Колон» (и дети ее там занимались). После замужества у нее фамилия была де Галанта. У нее был большой тренировочный балетный и танцевальный зал, где занимались все мировые знаменитости, выступавшие в театре «Колон». Ее все знаменитости знали и приходили к ней заниматься, и Истомина давала мастер-класс. Еще была Томина (ее сын имел свою балетную труппу), Тупин. У них не было русской организации (я такого не помню), но они вращались в своем кругу и не могли опуститься на более низкий уровень наших переселенцев. Они знали светскую жизнь при царе, они были определенным образом культурно воспитаны и так себя и вели. И нашим бывшим белорусским деревенским жителям трудно было их понять.

Истомина вообще была миллионерша: ее муж-миллионер был итальянец, адвокат. У них было четыре машины, в доме услуги — полно народу. И на каждый день рождения она приглашала балаганных русских артистов. Был случай на одном из таких торжеств, когда исполняли романсы. Русские романсы — это их слабость: психологически это очень трогало, ведь это

свое, русское. И певец подошел к Истоминой и сказал на ушко, что знает несколько новых, советских, романсов. Я сидел где-то третьим от нее и слышал этот разговор. Видно было, что для нее это было очень неожиданно: как он мог сказать «советских песен»! Эти слова ее задели, лицо изменилось, стало очень серьезным. Но потом она разрешила исполнить советские песни. И когда исполнитель спел, вы не представляете состояние человека: настолько она изменилась, услышав песни своего народа. У нее на глазах были слезы и у всех, кто ее окружал (родственники, приглашенные), — для них это было святое.

Мне еще запомнился случай. В Буэнос-Айресе есть местность на островах, которые расположены в устье реки Парана. И там братья Лозицкие хотели создать белорусский клуб наподобие «Якуба Коласа». Но сперва они хотели организовать местную футбольную команду и пригласили меня потренироваться вместе с ними. И когда я с ними играл в футбол на стадионе, ко мне подошли молодые парни. Они мне предложили сыграть в их команде, потому что по внешнему виду я был не местный и мог сойти за члена их сборной. И обратились они ко мне по-русски. А мне сыграть — одно удовольствие, и я согласился. Мы играли против местной команды (они заранее договорились, может, у них был какой-то турнир). Ребята между собой и со своим руководителем говорили по-русски, а по-испански у них плохо получалось. Мы хорошо сыграли, и после игры в раздевалке я у них спросил: «Ребята, просто интересно: сколько здесь играю, никогда вас не видел. Кто вы такие, да еще говорите по-русски?» И мне ответили, что они русские националисты-анархисты. Почему такое сочетание у них получилось, не знаю: вмешался их старший и сказал, что нежелательно много разговаривать со мной. Они оделись и пошли в одну сторону, а я в другую. И больше мы не встречались, но в памяти у меня осталось: «националисты-анархисты».

Что касается слова «Родина», то для наших людей это было святое. Мои родители как только услышат народную песню, то становились совсем другими людьми. Вот что значит ностальгия. Я часто слышал от них: «Родина», «мы хотим вернуться на Родину». Для меня это была интрига: я родился в Аргентине, но воспитывался в среде «поляко», где пусть не все, но стремились вернуться «на Родину», отдавали даже свою жизнь за рубежом, для того чтобы помочь родине. Они считали, что быть членом

этого Общества — это какая-то дань «Родине», хотя родители уехали, когда была еще Польша. А любовь к Белоруссии осталась. Для меня же слово «родина» было не понятно, странно: слово «страна» понятно, а родина — не понятно. Мы каждый вечер по радиоприемнику слушали на русском языке передачи из Москвы. Получалось матепитие, и слушали Москву. И там мы, кстати, информации больше получали, чем здесь: тут стало как-то ограничено. Это происходило из-за того, что там нам могли что-то сказать армяне, евреи, украинцы — и мы были в курсе событий.

В Берлине издавалась комитетом «За возвращение на Родину» газета, по-моему, «Родина-мать зовет», и я ее регулярно получал. И в каком-то письмеце меня попросили узнать адреса каких-либо послевоенных переселенцев. И я дал адреса тех послевоенных русских, кого знал на Валентин-Альсина. И когда эти люди получали литературу от комитета «За возвращение на Родину», то реакция была крайне негативная. Более того, возникали споры с соседями, которых подозревали в том, что это они указали их адрес.

Отец работал на протяжке проволоки: из провода большого диаметра вытягивали проволоку меньшего диаметра. Последние два года перед отъездом в СССР на работу хозяин нанял какого-то русского, который приехал в Аргентину после войны. Отец с ним познакомился, ему было приятно, что можно поговорить по-русски (он по-аргентински никогда не хотел говорить). Новый знакомый был достаточно интеллигентным, видно было, что работа, которую он выполняет, ему не по душе. Он мог охотно говорить об искусстве, о бытовых проблемах (о чем угодно), но о себе лично и о политике не говорил. Когда до нашего отъезда оставался месяц, к нам этот послевоенный репатриант пришел. Он извинился, что пришел без приглашения, а потом сказал: «Я давно слышал, что вы собираетесь ехать в Советский Союз, но не знал, что в этих числах. Хочу поговорить на прощанье». Отец мне рассказывал, что ему говорил: «Я понимаю, что Вы что-то скрываете. Вы же русский, прожили войну, но никогда не хотели говорить о войне». Тот ответил: «Знаете, я полковник Советской Армии, и обстоятельства сложились так, что я оказался в Аргентине. Меня все время пугали Сибирью, если вернусь на родину, что меня там уничтожат. Сейчас я живу здесь, и Сибирь для меня — это Аргентина: здесь нет людей, с которыми я могу

общаться, с кем можно поговорить. Так одиноко — хоть вой». И он со слезами прощался, говорил, что мы молодцы, что едем на родину. И когда отец мне это рассказал, я даже вздрогнул: вот что значит Родина. Кроме славян, так болезненно к родине никто не относится: итальянцы живут в Аргентине и редко говорят о родине, англичане — редко, соседи-испанцы — я не слышал, чтобы они говорили о родине (в Аргентине много испанцев). Слово «Родина» звучало и звучит только у славян.

В белорусском Обществе не жили изолированно от других жителей Аргентины: белорусы контактировали со всеми. Когда мы еще были маленькими, Николай (ответственный по танцам) водил нас к евреям на свои праздники, где мы пели хором и танцевали гопак или другие русские танцы. Сцены не было: какая-то большая комната, сбито на скорую руку десять досок — и на этих досках под гармошку (или под пианино, если приобретали) мы танцевали. После войны в клубе «Якуба Коласа», если формировалась гимнастическая группа, то там были и армяне. В нашей футбольной команде хотели играть местные жители, примкнули армяне и чехи играли. И в нашей команде был эксклюзивный вратарь — Казимир (литовец). И объединяла нас всех Победа Советского Союза в страшной войне.

У нас практически каждую субботу-воскресенье проводились танцы, массовые гуляния в виде дискотеки. В общества могли приходиться повеселиться армяне, литовцы, чехи, даже аргентинцы, но не всем это нравилось. И много раз просили, чтобы их пропустили, — они же нормальные ребята. Они платили за билет и танцевали, вне зависимости от того, что игралось, свое танго (они другое не знали). И для многих это выглядело дико, им завидовали, и наши руководители, что появились позже, говорили, что это бескультурие, что их не надо пускать. А я вступал с нашим руководством в спор, говорил, что они, местные, распространяют свои народные традиции. Наши белорусы не уважали традиции Аргентины, а у них сложился свой образ жизни, и это надо уважать.

После окончания войны Перон поневоле изменил свою политику, слухи уже шли, что появится советская дипломатическая миссия, в печати появились сообщения, что приедут советские артисты. Из России приехали Алла Ларионова и Сергей Столярков. Когда они появились в аэропорте «Эсейса», то был огромный наплыв народа, редкий для Аргентины. В основном

это были славяне и евреи, которые как-то узнавали все заранее (белорусы, если хотели что-то узнать, спрашивали у евреев). Потом приехал из СССР знаменитый скрипач Давид Ойстрах, который бесплатно дал концерт в самом крупном летнем амфитеатре. Потом в паре с Татьяной Николаевой дал концерт на всю Аргентину. Такая слава была у русских — мы все гордились. И куда ни пойдешь, восторженно говорили об их выступлении. Наши белорусы из «Якуба Коласа», может, и не могли оценить по достоинству выступление (слышали — ну и слышали), но рады были советскому. Классику наши не понимали. А что для наших классика кроме народных песен? Мне передавали в посольстве пластинки, я их приносил в клуб, и люди радовались песням Руслановой и других.

Однажды было нужно, чтобы я выступил от молодежи на каком-то мероприятии в клубе «Якуб Колас». Мероприятие было большое, обычно я не любитель публично выступать, но здесь надо выступить от молодежи — я выступил. И все были в восторге! Ляшук мне сказал: «Напиши статью, что ты выступил, — мы твоё выступление напечатаем». Я написал, но кто-то под этим в газете «Наша Газета» подписал «Романович». Меня это сильно обидело и в душе было неприятно: получилось, что я сам себя восхваляю.

— *Руководителем клуба «Якуб Колас» был Ляшук?*

Нет, не Ляшук. В «Якубе Коласе» руководителями были Леоник, Панасюк, Ялоза.

— *А что за конфликт произошел с Ялозой?*

Это произошло не на пустом месте. После войны появился Ялоза-отец, а сына никто не знал. Отец был человеком слишком высокого о себе мнения, демагог, много мог говорить, хотел показать свое превосходство. Некоторым это импонировало, но мне с первого взгляда он пришелся не по душе: у меня были свои убеждения, не всегда совпадающие с его мнением. Бывало, я терпел-терпел, а потом отвечал, и довольно резко. А через какое-то время появился сын Яков — он постарше меня. Как он очутился в правлении, сказать не могу: я в то время был занят с другими организациями, по партийной линии и т. д. Может, его выбрали, может, пригласили, но он оказался одним из руководителей.

И он стал проводить политику ограничения: то нельзя, это нельзя, местных ребят пускать нельзя. Я приходил, а он: «Ты

ходишь туда, общаешься с «контрой»». Это из-за того, что я посещал клуб «Индепенденте», в футбол играл с местными и т. д. Меня приглашали аргентинские ребята из балетной труппы, зная, что я танцую, на концерты, мероприятия и т. д. И их преподаватели меня знали и приглашали на свои дни рождения. На таких юбилеях я исполнял русский танец, которым славился. Русский танец для них в диковинку, и движения, которые я исполнял, довольно сложные. А мой товарищ славился итальянским танцем, а еще один — испанским. И нашу тройку приглашали на разные концерты, где мы в знак уважения к человеку выступали с танцами.

Я не считал, что «Якуб Колас» должен быть закрытым клубом, по-моему, молодежь нужно было раскрепостить. А Ялоза считал, что надо сидеть, читать союзные партийные документы. В результате получалось, что я нежелательный элемент, ведь я был против тех ограничений, как он думал. Я понимаю, что все это необходимо, но это же не значит, что больше ты ничего не должен делать. И когда в свободное время приходил в «Якуб Колас», то на меня из руководства косо смотрели. С молодежью у меня никогда проблем не было: меня хорошо знали, мы вместе вели дела. И несколько раз Яков Ялоза мне говорил, что они мне запретят приходить. Я отвечал: «Воля ваша», — и постепенно из-за конфликтов стал отходить от работы в «Якубе Коласе».

Ввиду того что мы были связаны с компартией, родители мои были членами Компартии Аргентины, а я — членом Федерасьон хувенид коммуниста (Федерации коммунистической молодежи). Когда появилось посольство СССР, у них, вероятно, был контакт с компартией. И, видимо, на нас пал выбор, и нас пригласили сотрудничать с посольством. У работников посольства была заинтересованность в людях, которые знают испанский и русский языки, которые знают Аргентину и могут выступить в роли путеводителей. Мы познакомились с послом Сергеевым, а когда его не стало, послом был Бударин (он у нас дома и в гостях был). Бударин любил хоровое пение, он как раз вдохновил всех наших руководителей на создание хора. Это было бы лучшим в представительстве русской культуры: хор и наши народные танцы. Ведь книги советских авторов могли читать только коммунисты, а остальным это не очень интересно. А музыкой и танцами их можно привлекать.

Родители познакомились с сотрудниками посольства, дружили мы семьями, во время отдыха мы выбирали место, где они могли бы отдохнуть и где бы их не тревожили. В посольстве хотели питаться, как на родине. Мы их предупреждали: это все-таки Аргентина, другой климат, влажность, давление, и необходим другой режим питания. Эти дружеские связи сохранялись, и нас приглашали на все мероприятия, которые проходили в посольстве. Я познакомился с атташе Чернышовым Виктором Федоровичем, после был Дьяконов Дмитрий, а потом Хлебников (он был первым, кто говорил по-испански).

В посольстве проходили показы кинофильмов: первый фильм, который я там увидел, был «Кавалер Золотой Звезды». И еще запомнил фильм «Радуга» (по книге Ванды Василевской об ужасах прошедшей войны), «Кубанские казаки». Люди из руководства белорусского общества специально организовали просмотр советских кинофильмов в центральном кинотеатре Буэнос-Айреса: платили за зал, привозили из посольства фильмы, а вырученные средства шли на развитие наших обществ. А потом советские фильмы появились и в аргентинском прокате.

Совместно с аргентинскими коммунистами мы отмечали революционные праздники, например, Октябрьской революции, — и на них нас приглашали. Я хорошо знал своего руководителя по федерации — Рубена Искарро, а из компартии — Родольфо Гиольди, Витторио Кодовилья, Орест Гиольди, Хосе Петер, Арнедо Альварес. Когда открылось посольство, они действовали более открыто, меньше опасались за свою жизнь, но все равно угроза сохранялась. Мы всегда посещали их выступления, слушали, сколько были в Аргентине, связь никогда не прекращалась. В федерации коммунистической молодежи мы готовили молодежь: распространяли коммунистическую идеологию, на праздники обклеивали плакатами весь этот район, если проходило голосование — вывешивали агитацию за коммунистическую партию.

Кроме этого в Аргентине был коммунистический орган печати (по-моему, газета «Ла Ора»), и на какой-то юбилей организовали в районе Мерло (где-то в 40 км от столицы) специальный коммунистический день, праздник на два дня. По всему городу распространили информацию, что коммунисты организуют этот праздник. И белорусы бесплатно дружно работали день и ночь, чтобы за двое суток благоустроить местность. Я среди

них был самый молодой, со мной работал Аркадий Шощкий. Мы работали как муравьи, почти не спали — «покиваешь» полчаса — и снова: то вверх, то вниз. И все это дружно, с песнями: тяжело было, но настолько это радостно, когда ты работаешь среди таких бескорыстных людей. Строили бассейн (там была заброшенная акватория), чтобы люди могли покупаться, соорудили раздевалки для переодевания, делали навесики, где потом продавали литературу. Был такой наплыв людей в Мерло, который редко где увидишь: прибывали вереницы автомашин со всей Аргентины. Получилось, что мы, белорусы, прославляли своим трудом компартию Аргентины. Мы не только работали в клубе «Якуб Колас», но и напрямую работали на таких мероприятиях.

После войны возникло и Славянское объединение: появились люди, которые раньше были неизвестны — Шостаковский, его внуки Кортесы (они были из клуба имени Горького) Это было странновато: видно было, что воспитывали их люди из досоветской России. Сергей Кортес занимался только музыкой. И я не помню, чтобы та элита — руководство Славянского Союза, которое появилось, — была связана с партией. После появления дипломатического представительства СССР было указание, чтобы все белорусы, украинцы вышли из компартии Аргентины, чтобы исключить всяческие конфликты с властями. Чтобы не обвиняли, что вмешиваются в дела Аргентины из СССР.

В Аргентине официальный документ — это удостоверение личности, а паспорт выдается только на выезд за границу. За границу еще необходимо «сертификадо де буэно кондукта», и если документы у тебя не в порядке (в полиции отметили), то ты никуда не уедешь. Я принял советское гражданство, и, как рожденный в Аргентине, являлся аргентинским гражданином. А тут подошло время идти в армию, и в советском посольстве сказали, что я уже советский гражданин, подчиняюсь законам СССР, в армию идти не надо. Но я был обеспокоен своим двойственным положением и опасался, что меня объявят в аргентинский розыск, да еще, чего доброго, посадят в тюрьму. Мы пошли к адвокату Вайсу, коммунисту, зная, что он хорошо разбирается. И он сказал, что я официально от аргентинского гражданства не отказался, поэтому надо идти служить в армию. Сказал, чтобы придумал какую-нибудь причину, что был далеко, не мог прийти в военкомат вовремя. Я явился в военкомат,

сказал, что опоздал на пару месяцев из-за того, что был далеко от Буэнос-Айреса.

У отца жизнь сложилась так, что он был белорус, а служить пришлось в польской армии. А мне пришлось два года служить в школе морской авиации в Аргентине в 1950–52 гг. В Белоруссии, по приезду из Аргентины, были призваны служить в армию Фролович, Диокас и другие. Символически прошли сборы в пару месяцев. А я прошел все порядки в Аргентинской армии и считаю, что через это должен пройти каждый мужчина. В школе морской авиации я прошел своеобразную закалку. Субординация, дисциплина, вроде глупая и ненормальная временами, обогащает наше мировоззрение. Я изнутри увидел уважение к вышестоящим, к офицеру. В Аргентине, если человек даже на один день раньше призван, — он был уже старший среди нас. Хотя бы он был одноклассник, учился на одном курсе — но если что, я должен его слушать. У нас деовщины не было, и та школа, которую я прошел, меня закалила. Я знал себя, на что способен, и после этого мог быть уверен в себе.

Когда мы получили разрешение на переезд в СССР, это еще не было массовым явлением. Раньше нас переехал Карпович, который в Лунинце шофером работал. В Буэнос-Айрес заходили советские корабли: «Азербайджан» и «Сахалин». Конечно, моряков мы много раз приглашали к себе, интересовались у них жизнью в СССР. Что могли, они отвечали, и говорили, конечно, положительно. Мы морякам даже подарили попугая, который умел петь «Волга-Волга, мать родная» (я эту песню выучил и научил петь попугая). Моряки были в восторге от такого подарка.

Если бы, уезжая, я сказал, что еду в СССР, то, наверное, не уехал бы. Родителей бы выпустили, а меня, как рожденного в Аргентине и служившего в армии, нет. И мы с сестрой написали, что едем в Бразилию на экскурсию. На итальянском корабле «Кастель Бланко» нас плыло в СССР где-то двенадцать семей. Во время поездки среди нас появились «самозванцы», которые говорили, что не надо общаться с остальными пассажирами, командой, надо несколько часов заниматься политинформацией. И каждый день устраивали такие собрания. Вся наша молодежь этому воспротивилась, и даже моему отцу, который был всегда более лоялен, чем мы, это очень не нравилось. Понятное дело, если это на берегу, но в поездке этим заниматься — это уж

слишком! Да и остальные пассажиры на нас смотрели с удивлением: все развлекаются, отдыхают, а мы — на собрания... В Бразилии мы, пассажиры, выходили на экскурсию, но родителей не пускали. Наш капитан сказал: «Не выпускаем, чтобы не было сложностей с властями».

На «Кастель Бланко» мы попали в Геную, потом переехали в Австрию, оттуда в Венгрию, а затем первая станция в Советском Союзе — Чоп. 17 февраля 1956 г. впервые моя нога ступила на советскую землю. У меня был паспорт СССР и паспорт Аргентины, который я потом сдал.

Первоначально мы приехали в Лунинец. В Лунинце председатель райисполкома был наш родственник, он нас встречал, пару дней мы у него жили, а потом поехали в деревню. Он, когда мы предварительно переписывались, в письмах к нам в Аргентину говорил: «Деньги не берите, аргентинская валюта здесь что бумага». Мы посчитали, что можем купить для всех наших родственников, и что нам нужно на дорогу. А оставшиеся немалые деньги мы отдали в помощь Компартии Аргентины. Мы были одеты, обуты, обеспечены на первое время, а потом будем иметь то, что и все. Все вещи, которые везли на родину, предназначались близким и дальним родственникам из одной и из другой деревни. Багаж был очень большой: баулы, коробки, куда можно было человек пять вместить. Когда мы приехали, столько человек нас встречало, сколько я на стадионе не видел. И меня поразила эта доброта: за рубежом такого нет.

Я сразу сошелся с молодежью, день-два побыл и вижу, как они на лыжах катаются. Решил тоже попробовать, и довольно неплохо получилось. По-русски я еще плохо говорил, но все время был в движении, вместе с другими, и на слух воспринимал новый язык. Я работал с электротехникой, и единственный документ, который с собой взял, свидетельствовал, что я прошел курсы в Высшем радиовещательном институте. Никто мне не говорил, что нужно как-то переутверждать аргентинские документы, подписи, и так на скорую руку и приехал сюда. А тут нужно осваивать азы, а как освоишь? Мне повезло, что в школе в Лунинце, куда я пришел, преподавала физику эстонка, которая окончила иняз со специальностью «Испанский язык». Она перевела на русский язык мой документ.

В Лунинце мы жили в деревянном доме, где еще проживало три-четыре семьи. На всех общая кухня — коммуналка, в

общем. А в Минске в строительной организации работал дядя Филипп, который помог устроиться туда и отцу с перспективой получения квартиры. В Аргентине у нас с отцом была своя радиомастерская, там я окончил радиотехнический техникум и здесь работал радиотехником.

— *А в сравнении с аргентинской техникой советская была лучше или нет?*

В Советском Союзе было это как-то ограничено: иметь свой радиоприемник было большой проблемой, а в Аргентине в этой области шло бурное развитие. Тут отдельные образцы были идеальны: когда мы были в Аргентине на выставке СССР, то увидели аппаратуру очень высокого уровня. Я еще говорил отцу: «Давай аппаратуру свою возьмем с собой в Советский Союз». И отец отвечал: «Ты видел, какая аппаратура была на выставке? Так зачем нам этот «мусор» брать?» Но когда приехали, то подумали, что хорошо было бы эту аппаратуру все же взять, она была бы очень полезной... У меня родственница Полина работала в больнице, где часто выходила из строя медицинская аппаратура — рентген и другое. Она попросила меня отремонтировать этот аппарат, так как он нужен людям, а специалист из Минска пока еще приедет. Я согласился: «Давайте попробуем, попытка не пытка». И я всю аппаратуру, которая ждала ремонта, отремонтировал. (Потом меня начали искать из других больниц: мол, откуда взялся этот специалист, которого даже не надо из Минска приглашать?) И решили оплатить за мою работу: я говорил, что не надо, но те настаивали. Бухгалтер ломал голову, как это оформить, ведь трудового соглашения нет. И он в своей книге записал: «Принят на работу истопником для ремонта и наладки мед. аппаратуры». И в моей трудовой книжке это первая запись.

А в Лунинце я работал в промкомбинате: ремонтировали двигатели (перематывали) — привозили из колхоза электродвигатели, которые лежали годами, и мы с отцом их перематывали. Потом отец поехал в Минск, затем и мы поехали, когда уже предвидели, что скоро дадут жилье. Жили где-то полгода в доме моего дяди Филиппа. В Минске первым местом моей работы была авиаремонтная база в «Аэропорт-1». Я устроился как электрик, а через три месяца мне предложили более перспективную работу в институт стройматериалов (на ул. Карла Маркса).

В Минске я встречался со всеми переселенцами из Аргентины, большинство из них были моими знакомыми до переезда в СССР. В Аргентине многие представляли жизнь в СССР не объективно: здесь жизнь казалась очень сладкой. Когда мы смотрели фильмы про СССР в Буэнос-Айресе (про учащихся ПТУ, рабочих), то жизнь казалась очень интересной. А по приезду многое оказалось не таким, как мы себе представляли. Даже я, которого отец правильно настраивал, должен был перебороть некоторые моменты. И у людей было разочарование, причем с первых дней нахождения здесь. Я это видел, потому что мы встречались по разным знаменательным аргентинским праздникам (25 Мая, 9 Июля, и другие), или у кого-то день рождения, новоселье и т. д. И на таких вечеринках говорили по-испански, даже старшие (то есть чьи-то родители) старались говорить с нами пусть и на ломаном, но испанском.

Наши ребята были не прочь хорошо отметить что-либо: доходило до того, что они на проспекте, пьяные, били витрины как проявление недовольства властями. Вели себя недостойно: начинали где-то на предприятиях высказываться неблагополуч-

Рээмігранты ў Мінску на сваёй вечарыне. На пярэднім плане справа налева: Пётр Міранчук, Васіль Рамановіч, Вольга Рамановіч, Роза Гусінская, Валянціна Максімовіч

но, конфликтовали с властями из-за жилья. И у нас были поездки, мы ездили в другие города к знакомым по Аргентине: мы поддерживали их, а те ребята нас. И однажды мы, человек пятнадцать, решили поехать в Брест. До этого мы уже были в Бресте, но этот крайний случай запомнился.

Брестские ребята нас встретили, привели на квартиру. (Жильем мы все были обеспечены, и с первого взгляда может не понятно было: что еще людям надо! Но это вопрос индивидуальный). И когда мы уже сели, начали отмечать, вдруг выключается свет. Если открыто говорить, то это было сделано по указанию власти. Конечно, мы понимали, что за нами наблюдают и что такие вечеринки недовольных не остаются незамеченными. Мы остались без света и когда начали выяснять, то оказалось, что приходили электрики, которые отключили именно нас: все остальные со светом, а мы без света. Мы начали шуметь, возмущаться. Это кончилось тем, что приехали милицейские машины и забрали нас в отделение милиции. Там все мы сидели в большой комнате, а вызывали по одному. Спрашивали: кто, откуда, чем недоволен и другое — я так понимаю, тянули время. Пока каждого допросили, записали, прошло много времени. А после этого всех поместили в маленький милицейский автобус — и на автовокзал. Нас посадили на рейсовый автобус, ссадив тех, кто уже купил билет. Пришлось освободить половину автобуса. А люди недовольны, у всех дела: те возмущаются, мы возмущаемся.

В Минск в качестве туристов приезжали мои друзья из Аргентины, звали назад. Но я возвращаться не решил: как-то быстро я привык к белорусскому укладу жизни. В Аргентине же все более жестко, безжалостно. Тут духовная атмосфера совсем иная. Помню, как сразу по приезду в Белоруссию впечатлили меня доброта, бескорыстность людей. Они могут быть сами бедными, но поделятся с тобой последним. Люди с таким подходом к жизни за океаном просто не прижились бы, как произошло и моими родителями. Есть мораль, к которой доброму белорусу приспособиться просто невозможно. Правда, в последнее время в нашем обществе все больше укореняется злость, желание оттолкнуть других и даже растоптать ради своей наживы. Надеюсь, что все, что происходит сейчас, — временно. Белорусы все равно вернуться к своим духовным корням.

г. Минск. 12 апреля 2007 г.

№ 8

Сильвия Альбертовна Кортес-Пелех

Наша семья по приезду из Чили в Буэнос-Айрес состояла из семи человек: четверо детей (Женя, Павел, Сергей и я), наша мама — Людмила Павловна Кортес, ее мать — Евгения Александровна Шостаковская и ее отчим — Павел Петрович Шостаковский. Мы поселились в чудном тихом районе в пригороде Буэнос-Айреса, который назывался Оливос (на испанском языке это слово означает «лавры»). Мама сняла домик на улице Риоха, в котором мы прожили около

десяти лет. Дом был огромным, таким он у меня остался в памяти, с большим зеленым садом с трех сторон.

Мама с самого приезда в Буэнос-Айрес (конец 1937 г.) начала работать в представительстве Национального Сити Банка Нью-Йорка. Банк находился в центре столицы, недалеко от Президентского Розового Дома. Воспитывали нас бабушка с бабушкой, так как мама с утра до самого вечера находилась на работе. Говорили дома только по-русски, дед не разрешал нам говорить на испанском языке. У него было много книг, полное собрание сочинений Пушкина, Достоевского, Гоголя, Чехова, Лермонтова, Толстого, Тургенева и другие произведения великих русских писателей. Бабушка нас научила читать и писать по-русски, научила нас любить этот язык. Мы его и полюбили с самого детства. Особенно она учила меня и Сергея, и мы знали наизусть очень много стихотворений Пушкина, Лермонтова. А Женя и Павел сразу начали ходить в школу, так что с ними некогда было и заниматься.

Я училась в той же начальной школе, где учились Павел и Женя, всего четыре года, часто болела, и каждый раз нужно было приносить справки от врача. Это деду и бабушке не очень нравилось. Кроме того, было обязательное изучение католической религии. Поэтому они решили забрать меня и только что поступившего в первый класс Сергея со школы, и мы сдавали каждый год экзамены экстерном. Женя, Павел и затем я учились после

шести классов начальной школы в Английской культурной академии, где изучали английский язык и литературу, английских и американских писателей. Все то, чему нас там учили, помогало нам всю жизнь. Я прочилась пять лет в этой Академии, в которой почти все преподаватели были англичанами.

Кроме английского языка я училась печатать на машинке слепым методом в Академии Питман. Заведений с этим названием в Буэнос-Айресе было несколько. В них можно было учиться стенографии, техническому рисунку и рисованию вообще. Я с детства любила рисовать и там же закончила курсы рисования моделей одежды. Дома у бабушки была кроме машинки «Ундервуд», которую он привез с собой из Чили, и машинка с русским шрифтом, которую ему одолжили для работы в советском посольстве. Это были уже пятидесятые годы. Я по тому же методу, по которому научилась на латинской машинке, научилась печатать и на русской машинке. Эти курсы дали мне профессию на всю жизнь.

Во время войны существовало в Буэнос-Айресе Общество Победы (Junta de la Victoria). Там работали многие украинские, белорусские и аргентинские женщины, которые собирали все возможное: одежду, питание, медикаменты в помощь раненым и солдатам Второй мировой войны. Мама и Женя в свободное от работы время, бабушка Женя, а иногда даже я участвовали в собраниях, где женщины аккуратно складывали в огромные ящики белье, вязаные перчатки и шарфы, детские игрушки, шерстяные вещи, а главное медикаменты и перевязочные материалы. Затем эти ящики отправлялись через океан в разрушенные войной страны Европы и, конечно, в Советский Союз.

Шел последний год Великой Отечественной войны, и во многих странах по-разному праздновали приближающуюся победу. На улицах Буэнос-Айреса молодежь вышла с разными флагами и лозунгами. К одной из колонн демонстрации присоединился и Павел, кто-то дал ему в руки большой красный флаг, и он, видимо, ничего не понимая, пошел в ногу со всеми. Тут появилась полиция, которая начала преследовать демонстрантов, все побежали кто куда, и Павел, скрутив флаг и где-то спрятав его, прыгнул в мимо проезжавший автобус и поехал домой. Он вряд ли тогда понимал, что значило идти в ногу с огромной демонстрацией по улицам большого города, поднимая над головой красный флаг.

*Кіраўніцтва Славянскага Саюзу ў Аргенціне.
Сядзіць у цэнтры — П. П. Шастакоўскі*

Наша старшая сестра Женя в середине 40-х годов уже работала и ходила на разные собрания, состоящие в основном из славян. В эти годы наш дед Павел Петрович* был выбран председателем Славянского объединения Южной Америки. Там, на собраниях, наша сестра познакомилась с Оскаром Аресом, высоким, очень симпатичным молодым аргентинцем из семьи испанских иммигрантов. Они полюбили друг друга и поженились. В сентябре 1948 г. у них родился очаровательный малыш, на радость всем, он был первым внуком нашей мамули. Назвали его Хосе, в честь отца Оскара. В возрасте около трех лет маленький Хосе заболел полиомиелитом. Это была страшная трагедия. Бабушка Женя сидела в клинике около кровати малыша и молилась. Оскар в панике ходил по больнице и кричал: «Господи, если ты на самом деле есть, то спаси его!» Бог, видимо, услышал молитвы. Болезнь, которая поднимается по спинному мозгу, остановилась на какую-то долю миллиметра от мозга. Он остался жив, но почти не мог двигаться. Обезу-

* Маецца на ўвазе П. П. Шастакоўскі.

мевшие родители бросили все свои силы на лечение малыша. Помогала и Компартия Аргентины, они смогли уехать в Европу, где он лечился в разных странах: в Чехословакии, Болгарии, затем в Советском Союзе. После многочисленных операций в Москве, в Китае мальчик стал понемногу поправляться, хотя какие-то отпечатки этой страшной болезни так и остались у него на всю жизнь.

Мама кроме банка в конце сороковых годов работала и в советском посольстве. Как только восстановились дипломатические отношения Советского Союза и Аргентины, она стала давать уроки испанского и английского языков сотрудникам посольства: послу, консулу, секретарям. Бабушка тоже ездила в посольство и занималась также испанским языком с сотрудниками посольства и консульства. Мама в это время уже работала в Польском банке, в отделе кредитов. Директор этого банка был очень интеллигентным, культурным человеком. На каждый Новый Год, пока она работала в банках, маме вручали огромную поздравительную корзину с бутылками шампанского, сидром, шоколадом, турроном (сладость, похожая немного на восточную, с орехами). Естественно, для всех нас это была большая радость.

Как только я окончила курсы машинописи, то сразу стала брать на дом небольшие работы. На эти не очень большие деньги я могла покупать какие-то вещи, помогая маме. Мне тогда было около тринадцати лет. Чуть позже, уже в начале пятидесятых, меня взяли на работу, сперва в советское консульство, а затем в посольство, где выпускали журнал «Новости Советского Союза». Моим начальником был прекрасный человек — Олег Константинович Игнатьев. Он был третьим секретарем в посольстве. Им написано много книг о странах Латинской Америки, он был известным журналистом. Я проработала там около двух лет, до самого нашего отъезда из Аргентины.

В начале 50-х гг. в Буэнос-Айресе были созданы клубы советской молодежи*. Тогда Аргентина уже поддерживала дипломатические отношения с Советским Союзом. В этих клубах со-

---

* Были створаныя клубы савецкіх грамадзянаў: ім. М. Горкага, М. Астроўскага, А. Талстога і інш. Праз тое, што ў клубах было шмат дзяцей імігрантаў, С. А. Картэс-Пелех называе іх клубамі савецкай моладзі.

биралась молодежь, в основном дети эмигрантов. Клубы были расположены в разных районах большого города. Сергей и я ходили сперва в клуб имени Максима Горького, который находился очень далеко от дома. В этих клубах были курсы русского языка. Нельзя не вспомнить прекрасную русскую женщину, которая преподавала этот язык, Елизавету Михайловну Спиридонову. Она отдавала всю себя делу, дабы молодежь учила и любила этот язык. Был театральный кружок, и хор, и танцевальные кружки, с которым мы выступали на всех праздниках. Руководителем хора был Михаил Герберов, он изучал с нами советские песни, песни военных лет, народные песни.

Мне запомнился день, когда умер Сталин, у нас в этот день как раз был хор. Море народа в этот день и в последующий шло с цветами, чтобы пройти мимо портрета вождя народов. Ведь все тогда верили в него, как в Бога. Во всех клубах и в посольстве были огромные очереди. Многие плакали. И вот Герберов перед началом занятий встал около рояля и сказал: «Да, это очень печально, что умер Сталин, но вот мало кто знает, что в этот же день человечество потеряло одного из величайших композиторов двадцатого столетия — Сергея Прокофьева. Давайте встанем и помянем этого гения музыки минутой молчания».

Потом в клуб с нами стал ходить и Павел. Это были чудесные годы, и особенно запоминающимися были, конечно, вечера с танцами. В самом близком к нашему дому клубе им. Белинского (хотя ехать все равно нужно было больше часа) Павел познакомился со своей будущей женой Ольгой. Она занималась в танцевальном кружке. Они полюбили друг друга и венчались в нашей православной церкви на улице Бульнес. Павел великолепно танцевал, можно было не уставая смотреть, как они танцевали танго. Дома сделали кое-какие перемещения, и они остались жить у нас. Я ходила на хор, где мы пели советские песни. В этом же клубе я познакомилась со своим будущим мужем Андреем Пелехом, сыном украинцев, бежавших в 30-х годах из Ровенской области Украины. За мной ухаживал еще один парень, тоже украинец, — Евгений Стрельчук. У всех нас, молодых, была одна мечта: уехать поскорее на родину наших дедов и прадедов. Но наш консул неоднократно говорил маме: «Куда вы так все торопитесь, ведь после такой страшной войны страна никак не может встать на ноги. Не думайте, что вас там ждут молочные реки». А ведь он, Константин Монахов, в то

У савецкім пасольстве.

*Другая справа — Людміла Паўлайна Картэс,
чацвертая — Яўгенія Аляксандраўна Шастакоўская*

время наш консул, был прав. Он твердил нам это уже в начале пятидесятих годов. Будучи уже взрослой я очень часто вспоминала эти его слова, ведь хорошо, что мы подождали до середины пятидесятих годов, неизвестно, что бы с нами было, если бы мы приехали на несколько лет раньше.

Уже в эти послевоенные годы в Буэнос-Айресе показывали советские фильмы, мы знали многих прекрасных актеров. В посольстве мы увидели фильмы «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке» и многие другие киноленты. У нас в эти годы очень часто собирались члены советского посольства. Нельзя не вспомнить Михаила Сергеева, Константина Монахова, Михаила Рязанова, Валерьяна Михайловича Гончарова, Олега Константиновича Игнатъева и многих других. Члены посольства часто приезжали на наши музыкальные вечера. Они обожали слушать романсы Рахманинова, Глинки и других композиторов в исполнении бабушки Жени. У нас дома также бывала русская певица Иза Кремер. У нее было прекрасное бархатное меццо-сопрано. Частым гостем также была русская

балерина Виктория Томина. Обе эти женщины покинули, как и Шостаковские, родные края во время революции или сразу же после нее. Виктория Томина уехала в Советский Союз через несколько лет после нас и жила где-то под Ленинградом, в интернате для престарелых.

В годы, когда П. Шостаковский был председателем Славянского объединения, преследовались люди, как-либо связанные с компартией. Несмотря на то, что мы никакого отношения к ней не имели, обыски у нас, в нашем доме, были не раз, и мы всегда этого боялись. Я очень любила всегда писать, и с самого детства вела что-то вроде дневника. Наверное, по молодости своей я не очень понимала, что можно писать, а что нельзя. Так вот, после одного из обысков я с ужасом обнаружила, что исчезли все мои тетради. Я безумно огорчилась, зачем, мол, им понадобились мои дневники! И, естественно, никогда больше не писала дневников. Письма писать я всегда любила и вот на старости лет стала писать свои воспоминания. Мне очень помогли в этой затее наша родная мамуля, баба Таня, родная сестра бабушки Жени, и тетя Леля, племянница нашего деда Павла Петровича.

Запомнились мне, как будто это было вчера, последние месяцы нашей жизни в Аргентине, приготовления к отъезду. Тихая, утопающая в зелени улица Френч, где я работала почти до последнего дня в советском посольстве. Журнал «Новости Советского Союза» имел огромный успех и очень быстро исчезал из киосков и книжных магазинов. Незадолго до нашего отъезда, в самом центре столицы, недалеко от главного железнодорожного вокзала Ретира и от главного порта Буэнос-Айреса, открылась выставка технических достижений СССР. Сергей и я успели даже поработать несколько недель на этой выставке. Целым событием был визит президента республики Хуана Доминго Перона. Спустя несколько дней в городе вспыхнуло восстание против Перона. Над дворцом президента, Розовым Домом, пролетали самолеты и сбрасывали бомбы прямо в центр столицы, началась паника. Мы, уходя с выставки, увидели несколько раз пролетавшие над головой со страшным грохотом самолеты. По-моему, мы не очень соображали, что же на самом деле происходит. Через два-три дня в центральных газетах появились сообщение о том, что Перон покинул Аргентину и бежал в Испанию. Аргентинский народ очень любил Перона,

как и его покойную жену, Эву Перон. Нельзя помніць о нем и не вспомніць об Эвите. Ее просто боготворили, особенно беднота, которой она помогала как только могла. Народ складывал ее образ как легенду, иные считали ее «святой». Ее страшная болезнь и смерть запомнилась, наверно, многим аргентинцам на всю жизнь.

Понемногу приближался день нашего отъезда. Это был июнь 1955 г. На пристань, где уже несколько дней стоял торговый пароход «Аргунь», приехало провожать нас очень много молодежи, которая также мечтала поскорее уехать «на Родину». Пели мы советские песни, из которых самой главной была «Прощай, любимый город». Ее мы бесконечное количество раз пели в клубах, на пикниках, где собиралась вся советская молодежь. К горлу поступал ком грусти и ужаса, радости и вместе с тем печали. Ведь мы знали, что покидаем эти земли навсегда, земли, которые, естественно, любили и уважали всем сердцем. Мы покидали свое детство, юность, родных, друзей, знакомых...

Прощаясь на пристани со всеми нашими друзьями, мы плакали и в то же время радовались, что наконец уезжаем на Родину. Павел до последнего момента сомневался и не хотел уезжать, но уже было поздно что-либо предпринимать, тем более что мама умоляла его даже не думать об этом. Кроме того, родители и две сестры Ольги, его жены, уже год как уехали и жили в Омске, откуда родом был ее отец. Из Омска они с огромными трудностями переехали затем в Минск. Самая старшая сестра, Валентина, тоже хотела ехать, но семья, переехав в Минск, успела ей написать, чтобы она не торопилась, что они дадут ей знать со временем. По всей видимости, это время не пришло никогда. То же самое произошло и с семьей Андрея Пелеха. Его старший брат так и остался в его уже родных краях в провинции Мисионес, краях, которые он полюбил всем сердцем.

Из порта Буэнос-Айреса мимо Монтевидео, вдоль берегов Бразилии, через Атлантический океан, Балтийское море — плыли мы на «Аргуне» около 40 дней. Пароход был торговым, так что на нем было немного пассажиров. Команда корабля, начинающая с капитана, его помощников и заканчивая матросами, была прекрасная, и я быстро познакомилась со всеми пассажирами. В любое время дня и ночи можно было обратиться к любому из них за помощью. Нас поселили в лучшие, со всеми удобствами, каюты. Наш капитан — Владимир Иванович Баглай, молодой,

обаятельный, большой души человек. На одном из многих вечеров на нашем пути тихо играла чудесная танцевальная музыка, и он меня пригласил на танец. Я была на седьмом небе: представьте себе, я танцевала с самим капитаном корабля. Мы танцевали одни, и вся палуба была только наша...

Путешествие было прекрасное, запомнилось на всю жизнь. Был переход через экватор, целый праздник в обществе Нептуна, когда обливали всех, впервые пересекавших линию экватора. На этом празднике пели песни, кто танцевал, кто читал стихи. Стихи и песни военных лет, с которыми мы, молодые, выступали в клубах советской молодежи. Праздник длился всю ночь. Сергей читал Маяковского, я — Исаковского, многие девушки исполняли белорусские и украинские танцы. Праздник сохранился в памяти как что-то волшебное. Мимо Канарских островов проплыли ранним утром, когда солнце, будто огненный шар, вставало на горизонте, поднимаясь между утопающими в зелени островами. Невозможно было оторваться от такого сказочного зрелища. Пережили и страшный шторм в Бискайском заливе, когда некоторые волны были такой высоты, что перекатывались над «Аргуном», заливая всю палубу и нас с головы до ног. Кильский канал с прекрасно ухоженными с обеих сторон зелеными берегами запомнился как что-то неземное. На Балтийском море простояли на якоре несколько часов, так как был страшный туман. Не переставая звонил колокол, и слышны были колокола, близко от нас стоящих кораблей. Было такое впечатление, будто мы окружены молоком.

Наше торговое судно направлялось в Ленинград, но капитану дали из Москвы команду плыть в Ригу. Через два дня мы причалили в порт Риги, совершенно незнакомый мир. Устроили нас в маленькой гостинице, недалеко от вокзала. Не помню, сколько дней мы там прожили, может, два, может, три, а может, и целую неделю. В анкетах, которые мы писали в Буэнос-Айресе, мама и ее родители просили направить нашу семью в Москву или Ленинград, в родные для них города. Тогда было очень трудно с местожительством, особенно в этих двух главных городах этой большой страны. И Климентий Ворошилов на наших анкетах написал, что нас в этих городах не могут принять, и направил нас в столицу Белоруссии, в город Минск. Нас проводили на поезд, который должен был увезти нас в Белоруссию. Кто-то произнес такую фразу во время пути: «Куда это вы едете? Неужели

в несчастную, голодную Белоруссию?!» Естественно, хода назад уже не было, и где-то в полночь мы приехали в Минск.

В начале августа 1955 г. погода стояла теплая, но уже заметно было приближение осени. Уезжали мы из теплой аргентинской зимы. Можно сказать, из зимы попали мы снова в осень, пропустив теплое время года, весну и лето. Устроили нас в двух хороших номерах гостиницы «Беларусь». Очень трудно оказалось разместить сразу такую огромную семью. В маленькой двухместной комнатке устроились бабушка с бабушкой. Напротив этой комнаты, через коридор, были большие комнаты. В одной из них разместили нас: маму, Сергея, меня и Павла с Ольгой. Гуляя первые дни по улицам, мы заметили, что кое-где еще виднелись разрушенные, еще не отстроенные здания. Ведь в этом городе, которому в последствии дали звание Города-героя, не осталось камня на камне. В этой жуткой, страшной войне погиб каждый четвертый житель Белоруссии. В эти первые дни нашего пребывания в Минске я часто вспоминала о той маленькой капле помощи, которая была послана аргентинскими женщинами в годы войны.

Не более чем через два-три дня, как только мы пришли в себя после всех трудностей устройства на новом месте, мама с бабушкой отправились в горсовет, чтобы доложить, что, мол, мы приехали, такая большая семья, и узнать о возможности как можно скорей начать работать. Мама в двух словах рассказала главному начальнику нашу историю. Начальник, если я не ошибаюсь, по фамилии Шарапов взял паспорта, посмотрел внимательно на маму и после небольшой паузы сказал: «Мы не можем вас всех обеспечить работой и нет у нас свободных квартир, чтобы вас поселить». Можно сказать, принял двух женщин «мордой об стол». Мама недолго думая сказала: «Ну хорошо, дайте нам наши паспорта, мы уедем обратно в Аргентину». Начальник побледнел, несколько секунд молча смотрел на маму и сразу изменил тон. «Что Вы, что Вы, не волнуйтесь, мы сейчас посмотрим, что можно сделать». Взял телефон, набрал номер Института иностранных языков, в двух словах объяснил положение. Затем, положив трубку, сказал маме, что ее и бабушку с нетерпением будут ждать на следующий же день в отделе кадров Института. Ведь они были носителями иностранных языков. Павла он тут же устроил мастером на камвольный комбинат, а Ольгу — в один из центральных ателье города, на ул.

Урицкого. Сергея приняли сразу в девятый класс музыкальной школы при Консерватории*, а меня — в вечернюю школу рабочей молодежи, в восьмой класс.

Я направилась туда сама, в это небольшое пятиэтажное здание на ул. Комсомольской, в котором размещалась и дневная школа. В конце августа набирали учеников. Еле живая от ужаса, ведь все вокруг было новое и совсем чужое, зашла в вестибюль, где несколько учителей сидели вокруг небольшого стола. Я им сразу кинулась объяснять, что с семьей только две-три недели тому назад приехала из Аргентины, где закончила шесть начальных классов, пять лет обучалась английскому языку в английской академии и закончила с золотой медалью курс машинописи слепым методом. Видимо, в этот момент у меня было очень испуганное выражение лица. Я с ужасом в голосе спросила, что мне делать, в какой класс меня примут и можно ли без экзаменов. На меня все уставились широко раскрытыми глазами, смотрели как на что-то необыкновенное, как на пришельца из другой планеты. Директором вечерней школы был Владимир Куприанович, пожилой, небольшого роста, крепкого телосложения, на вид очень важный и строгий человек. К сожалению, я сейчас уже не помню его фамилию. Забавный жизнерадостный Исаак Моисеевич Розет, высокий мужчина с вьющимися черными локонами, который набросился на меня с огромным количеством вопросов, главный из них — замужем ли я. Анна Юрьевна, учитель русского языка, Бронислава Григорьевна, учитель математики. Славные, незабываемые учителя. Они меня сразу записали в восьмой класс, без всяких экзаменов.

Павла вскоре на два или три месяца командировали в Москву, на курсы повышения квалификации. Он попал туда в разгар подготовки и проведения XX съезда КПСС. Там он услышал на заводе и знаменитую речь, прочитанную на съезде Н. С. Хрущевым. В Минске мы все были потрясены, услышав эту речь. Впоследствии, после возвращения в Минск, он говорил нам, что чуть не свихнулся, что все люди, чуть ли ни через слово, говорили про этот надвигавшийся съезд партии. Павел смеясь говорил, что Москва так бурно готовилась к этому событию,

---

* Сяргей Альбертавіч Картэс стаў вядомым кампазітарам, да нядаўняга часу з'яўляўся дырэктарам і мастацкім кіраўніком Тэатра оперы і балету ў Мінску.

что ему казалось, что даже в супе, который он ел в общежитии, были написаны буквы — «XX съезд КПСС».

Мама с бабушкой окунулись в студенческую жизнь Минского государственного педагогического института иностранных языков. Их, носителей языков, сразу приняли на работу: бабушку на французский факультет, а спустя некоторое время, когда в Институте открыли испанский факультет, дали часы и на испанском факультете, маме дали сразу полную нагрузку на английском факультете. Они были приняты на работу с условием, что они сами заочно будут учиться, так как без диплома об окончании высшего учебного заведения преподавать было нельзя. Язык они сдавали без проблем, а вот другие предметы, особенно научный коммунизм и история КПСС, им давались с большими трудностями. Они вообще эти предметы не понимали. Хорошо, что преподаватели, учитывая положение, шли им навстречу. И бабушка, и мама сдавали экзамены экстерном.

Проходило время, месяцы, годы, и все равно где-то, в каком-то уголке сердца или души, не знаю, был какой-то крик — что мы наделали? Зачем мы приехали сюда? Даже природа, к ней трудно, невозможно было привыкнуть. Я бы сказала, что даже прожив уже почти полвека здесь, я все еще не привыкла к тому, что около восьми месяцев в году нет зеленой травы, что деревья стоят совершенно голые, а главное — к таким страшным морозам зимой!!! Летом, выходя вечером во двор, почти не видно звезд, а ведь какое было потрясающее ночное небо в Оливосе! Ведь не зря говорят, что нигде и никогда звезды не светят так ярко, как в городе, в котором прошли детство и юность.

Но не смотря ни на что, каким бы тяжелым и страшным нам ни показалось многое с самого нашего приезда, надо было начинать жить в этой многострадальной, прекрасной земле. Было нелегко. Условий для нормальной жизни было очень мало, можно даже сказать, их вообще не было. В первые дни покупали стеклянные баночки с рыбными консервами в томатном соусе: они, кстати, были очень вкусные. Баночки затем тщательно мыли и в них пили чай. Но это было только первые несколько недель, затем нам разрешили спуститься в подвалы гостиницы, куда прибыли уже наши баулы, огромные чемоданы, которые вместе с нами пересекали океан. Тогда мы с бабушкой Женей достали чашки, тарелки, несколько ножей и вилки, которые захватили с собой из Оливоса.

В гостинице «Беларусь» мы прожили целый год. К нам очень часто стали приходиться молодые люди, особенно студенты, которых, узнав о том, что в Минск приехала семья иммигрантов из далекой страны Южной Америки, Аргентины, спешили знакомиться. Молодые ребята жаждали узнать, откуда мы, что там делается, как живется за границей. Ведь границы этой огромной страны, где мы оказались, по всему миру называли «железным занавесом». Это был год, когда приехало огромное количество репатриантов, белорусов, украинцев, русских, прибалтов, которые спешили «вернуться, чтобы умереть на Родине». Так говорили и в нашей семье.

Примерно через год после нашего приезда вернулся на Украину и Андрей Пелех со всей семьей. Они плыли на итальянском пассажирском лайнере до какого-то порта в Италии. Затем, я не совсем в этом уверена, они добрались на русском пароходе до Одессы или на поезде через какие-то европейские страны до Украины. Сперва они жили в шахтерском городе Горловке. Там он встретился с братом Николаем, который приехал в Советский Союз за несколько месяцев до них, с женой Марией с сыном Хуансито и маленькой дочуркой Лилианой. Николай встретил семью не очень радостно, сказав, что надо было вообще не торопиться ехать, подождать еще несколько лет или даже совсем не ехать. Братья поссорились, Андрей не мог поверить, что в родной для них земле, что-то не так. Они прожили какое-то время в Горловке, где Андрей работал на стройке, а затем они двинулись всей огромной семьей на земли их детства, в Ровенскую область. Сестры Андрея, Надя и Анна, поначалу несколько лет работали в колхозе. Мужчины пошли на завод, а отец Иван как пенсионер оставался дома и получал пенсию в размере всего лишь 10 рублей. Поистине смешная пенсия. Сколько ни ходили в разные инстанции, никто не хотел даже слушать, так он и прожил до самой своей смерти, помогая растить маленьких детей Анны и Сергея.

Как только мы узнали об их приезде в Ровно, Сергей, я и Павел сразу стали переписываться с ним и с его семьей. Письма были разные, и радостные, и с ноткой горечи в них. Ведь многие аргентинцы сразу после своего приезда начали рваться обратно. Так писал тогда Павел в одном из своих писем Андрею: «Неужели все эти люди, которые сразу после своего приезда стали рваться обратно, не понимают, что если они приехали сюда, это

значит, они приехали за каким-то идеалом, чтобы жить здесь? Конечно, здесь дороги не засыпаны розами, но разве люди, которые нам кажутся невеждами и грубыми, прошли по дорогам, усыпанным цветами? Что толку, если мы сейчас начнем думать о том, как бы побыстрее вернуться в ту страну, из которой мы так рвались уехать? Я, конечно, переживаю безумно, у меня, наверное, как у очень многих, страшная ностальгия по Аргентине, ведь пусть говорят как хотят, но моя Родина там, где я родился, вырос и учился, где прошло мое детство и молодость. Но я же не кричу и не возмущаюсь из-за всякой мелочи перед советскими людьми, которые хотят нам только добра. Ведь если они не предлагают нам то, чего мы хотели бы, то это только потому, что они еще не могут дать это своему народу. Многие аргентинцы ходят по министерствам, горсоветам, жалуются по любому поводу, даже стыдно быть одним из них. Много можно критиковать и стараться улучшить, я, признаюсь, и сам критикую, но нельзя кричать о том, как хорошо нам было в Буэнос-Айресе и как плохо здесь». Сергей тоже писал Андрею: «Я тут, в СССР, получил все то, что хотел, работу, жилье, учебу, друзей. Знаю, что не повсюду это так. Слышал, что в Донбассе было много шума среди аргентинцев. Надеюсь, что ты не относишься к этой группе, которая живет одной надеждой — вернуться в Аргентину. Андрей, какие есть причины для этого, что это все значит? Может, вас там не так приняли?»

Один из наших хороших друзей, Рауль Нуньес, аргентинский коммунист, который женился на белорусской девушке, приехал с женой, ее родителями и маленькой дочуркой. Начал сразу работать на тракторном заводе, отдавая все силы. Доработал до того, что рабочие завода встретили его в темном переулке и пригрозили, что если он будет так продолжать работать, они следующий раз так его побьют, что он не будет помнить, как его зовут. Вскоре он со всей семьей уехал обратно. Помогли ему сами аргентинцы, которые собрали деньги ему и его семье на проезд. В первые годы после возвращения многим, особенно молодым, конечно, было трудно начать жить на совершенно новом месте. Видимо, трудно было переключиться на что-то новое, непонятное. Многие семьи уехали обратно.

Многие наши друзья продолжали нам писать все эти годы из Буэнос-Айреса. Вот несколько строк, написанных нашей с Андриюшей подружкой Софией Сохатски, которая и по сей день жи-

вет в Оливосе: «Что касается пропаганды поехать в обетованную землю в 1955 г., то многие потерпели неудачу, но уже было поздно что-либо предпринимать. Они думали, что там, куда они ехали, будут течь молочные реки или все будет «связано колбасками», но это все оказалось не так, никто ничего не дает просто так, ни за что, а если и было что-либо лучшее, то у них, у этого народа, было кому это дать. Миллионам инвалидов, оставшимся после страшной войны, как премию за героическое сражение... конечно, не здешним, хорошо живущим, которые ожидали найти там рай... рай надо заработать, он нигде не легкий».

Григорий Скоропад, друг Андрея, тоже собирался ехать с семьей, но, как и многие, после откликов первых иммигрантов не решился ехать в СССР. В середине 1959 г. он написал письмо Андрею: «Ты спрашиваешь меня про Анну Левчук*. Так вот, вернувшись в Буэнос-Айрес из Италии, куда она поехала по каким-то делам, она устроила целый скандал, сказав, что клуб им. Белинского и другие клубы, где собиралась советская молодежь, дали ей денег на путешествие, а также давали деньги тем, кто хотел вернуться в Советский Союз, и в клубе велась огромная пропаганда, чтобы люди возвращались в СССР. Все это было опубликовано во всех местных газетах, где стали писать статьи с угрозами против Союза. Мне говорили, что все это было заранее спланировано до ее отъезда в Италию, и всю эту работу она проделала за большие деньги. Вся эта история пошатнула у многих веру, но со временем все это замаяли. Ты спрашиваешь меня, Андрей, хочу ли я поехать с родителями в Союз. Пока нет, со временем увидим, сейчас уже мало кто хочет ехать».

Читая эти строчки, есть над чем задуматься... Пропаганда была огромная со стороны руководства клубов советской молодежи, которые, в свою очередь, видимо, получали указания от советского посольства. Конечно, их можно понять. России после этой страшной войны, разрухи нужны были во всех областях хорошие молодые специалисты. Но это все личные выгоды, которые со временем понемногу подтверждались...

г. Минск. 2 июня 2005 г.

* А. Ляўчук — адзіная з рээмігрантаў, хто сышоў з карабля (у Генуі) падчас пераезду з Аргенціны ў СССР. Пасля яе вяртання ў Буэнас-Айрэс у прэсе з'явілася шмат публікацыяў, якія асуджалі прапаганду «заманьвання аргенцінцаў у СССР».

№ 9

Анна-Тереса Евгеньевна Садовская

Мой папа, Садовский Евгений Гаврилович, родился 20 сентября 1909 г. в д. Каминщина Глубокского р-на Витебской области. Благодаря трудолюбию семья папы была достаточно состоятельной. Сделав всю работу на своей земле, братья шли работать к другим. В семье была одна девочка и четыре парня. Бабушка была на 12 лет старше дедушки, который умер рано. Дедушка участвовал в японской войне и в армии он отслужил 25 лет. Был георгиевским кавалером.

Моя мама, Жолуд Домна Захаровна, родилась 20 июля

1914 г. в д. Гниляки (теперь Новая Роща) Глубокского р-на Витебской области. Бабушка вышла замуж за вдовца, у которого была дочь от первого брака. У них было 2 дочери и 3 сына. Моя мама была самой младшей в семье. Дедушка умер также рано от очень высокого давления, а бабушка дожила до 86 лет и дождалась свою младшую дочь, мою маму, которая более 20 лет прожила в Аргентине.

Жили мои родители в то время, когда Беларусь была территорией Польши. Политическая и экономическая жизнь начала меняться. В Вильно появилось в печати объявление о приглашении на работу в Аргентину, Парагвай, Уругвай. Мой отец, узнав об этом и будучи тогда юношей 18 лет, решил отказаться от своей доли наследства и поехать в Аргентину, чтобы заработать там деньги и устроить свою жизнь. Было это в 1928 г. В Аргентину разрешали ехать только неженатым и незамужним, а те, кто имел семью, ехали в Парагвай и Уругвай.

И вот он приехал... Время было очень трудное... Великая депрессия 29 года... Работу найти нельзя. Все уезжали в сель-

скую местность, так как там можно было найти работу (уборка кукурузы и т. д.), за которую давали только кров и еду.

Постепенно ситуация стала меняться к лучшему. Все стали переезжать в Буэнос-Айрес, потому что там было больше возможностей устроить свою жизнь. Отец нашел работу на текстильной фабрике и стал ткачом. Первое время молодые люди из Беларуси старались жить вместе, так как было гораздо дешевле платить за квартиру, да и готовить еду тоже. Там папа познакомился с братом моей мамы Иваном, который тоже приехал на заработки в Аргентину. Так прошло несколько лет. Теперь папа снимал квартиру один и копил деньги, так как у всех все-таки была мечта когда-нибудь вернуться на Родину.

Вот теперь я хочу рассказать о том, как создавалась семья моих родителей. Папа увидел фотографию моей мамы. Она ему очень понравилась, и он решил с ней познакомиться, но так как она жила еще в Беларуси, знакомство началось через письма. Он послал ей свою фотографию, а она отвечала на письма. Папа решил поговорить с ее братом Иваном, который к тому времени уже женился, и попросил у него помощи. Они решили так: Иван делает маме приглашение, а мой папа оплачивает дорогу в Аргентину. Так решилась судьба моей мамы. Она с большой радостью уезжала, так как все последние годы, начиная с 15 лет, она батрачила в Латвии со своим другим братом Максимом. Ей было тоже 18 лет (пришлось даже менять возраст в метрике, так как пускали только тех, кому исполнилось 20 лет). Очень трудно было расставаться с родными, ведь не знали, на сколько лет расстанутся и увидятся ли когда-нибудь.

И вот в 1935 г. мама уезжает в Варшаву, оттуда во Францию. Все было в диковинку: и гостиницы, и пароход, и разные люди, которые тоже ехали в Аргентину. Впервые за все годы досыта ела на пароходе, познакомилась с украинцами и поляками, которые направлялись также как и она на заработки. В порту ее встречали брат с семьей и мой папа. Мама сразу узнала своего брата, а вот папу узнала с трудом. Одно дело фотография, а другое дело увидеть наяву. Все поехали на квартиру к брату и там уже познакомились поближе. Прошло буквально 2 недели, и мои родители поженились, хотя женихов там было очень много. Ведь все белорусы хотели взять в жены только девушку из Беларуси или славянских кровей. Но их было очень мало.

*Імігранты, якія падрыхтавалі сумесны абед ў клубе
(пачатак 1950-х гг.)*

Многие ребята так и остались холостяками. Предложений было много, но мама осталась верна отцу.

Так началась их семейная жизнь. Уже в 1936 г. родился мой брат Георгий. Потихоньку стали копить на свой дом. Мама хотела идти работать, но отец был очень упрям. Он хотел, чтобы мама была все время дома и не работала. Он очень любил ее, и эту любовь я видела у него в глазах до самых последних минут его жизни.

В Аргентине стали объединяться белорусы, украинцы и русские. Они организовали свои клубы (землячества), в которых они могли бы собираться вместе. Первое время они были все вместе. Потом представители каждой национальности организовали свой клуб. В выходные дни они устраивали совместные обеды, танцевали, пели песни. Позже, когда уже стали подрастать их дети, открыли курсы белорусского и русского языков. Приходили учиться и взрослые, так как многие были безграмотны или имели образование только 2–4 классов. Мама пела в хоре, приходила слушать новости, которые им читали из газет.

Когда в Европе началась война, была организована постоянная помощь: собирали одежду, продукты. Потом все собирали в посылки, которые отправлялись бесконечно. Только посылки и денежные средства. Женщины, которые сидели дома, вязали носки, варежки и остальное. В том, что Советский Союз по-

*Анна-Тэрэса разам з бацькамі
ў Буэнас-Айрэсе*

бедит, были уверены на сто процентов. Это было очень патриотично.

Папа работал очень много. Он начинал работу в 2 часа ночи и заканчивал в 2 часа дня. И так все годы, которые он прожил в Аргентине. Через 12 лет их совместной жизни, 5 августа 1949 г., появилась на свет я, Садовская Анна-Тереса Евгеньевна.

За несколько месяцев до моего рождения тяжело заболел мой папа: у него образовалась опухоль в головном мозге (к счастью, опухоль оказалась доброкачественной). Отца положили в больницу, операции делали одна за другой, но все безрезультатно.

Потом пригласили профессора, который решил удалить вместе с опухолью и часть черепа (12 кв. см.). Было сделано 8 операций, и только после этого прекратился рост опухоли. В общей сложности папа находился в больнице 2 года. Он потерял обоняние. Маме в этот период пришлось идти работать в богатую французскую семью, так как папе оплатили только 6 месяцев, а потом очень помог нашей семье клуб белорусов — они собирали для нас деньги.

Постепенно папа поправился и начал работать, но надежда собрать деньги и купить дом таяла с каждым годом. Мой брат, закончив 7 классов, начал работать, а было ему всего 12 лет. Но так уж приучены мальчики в Аргентине, что они работают с малых лет, начиная с семи: разносят газеты, всевозможные товары, рекламки и т. д.

С аргентинцами отношения у иммигрантов были нормальные (нас все называли «полякос» — мы там не были «белорусами»).

И в школе у нас кличка была «полякос», как дети называют: «алеман», «еврей» и т. д. Родители оставались польскими гражданами, никогда не голосовали. У них и паспорта там как такового не было: паспорт был только у меня и брата (мы там родились). А у родителей — что-то вроде удостоверения личности, которые они затем поменяли на советские... А очень хорошие отношения, как моя мама рассказывала, были с итальянцами: их очень много было (и в нашем районе), они очень общительные. Мои двоюродные сестра и брат создали свои семьи с итальянцами. То есть дети уже, переживившись, смешали кровь.

В Аргентине открылось посольство СССР, которое активно стало помогать белорусскому землячеству и начало агитировать белорусские семьи возвращаться в Белоруссию. Первые семьи поехали сразу же после смерти Сталина, т. е. после 1953 г. Похороны Сталина при посольстве были организованы грандиозно: в посольстве стоял гроб, стоял большой портрет Сталина, и потоком шли люди. Я этого не помню, но рассказывали об этом мои родители. Сотрудники посольства рассказывали о жизни в СССР, какие там условия жизни, как там все хорошо, обещали практически «рай». Представители посольства и в клубы приходили: если бы посольство не открылось, такого бы наплыва возвращающихся на родину не было. Наш знакомый в Иваново переехал в 1953 г., а самый большой наплыв был в 1956–57 гг. Потом, когда переселенцы уже стали писать письма в Аргентину, этот поток прекратился.

*Анна-Тэрэса разам
са сваёй стрыечнай сястрой
у Буэнас-Айрэсе*

И вот в 1956 г. начался массовый выезд белорусских, украинских семей. Переезжать в Советский Союз решались не все. Мой дядя, мамин брат, остался: его жена (она белоруска, из той же деревни, что и мой папа) была категорически против. В моей семье мама не очень хотела ехать, больше всего хотел вернуться на Родину папа. Все зависело от решения моего брата. Он поверил папе и согласился уехать. Ему тогда было 19 лет, а мне — шесть с половиной. Думаю, что это была ошибка тех родителей, у кого были взрослые дети, для которых Аргентина уже стала Родиной. И получилось так, что родители страдали по своей Родине, а когда приехали в Беларусь, то дети страдали по Аргентине.

И вот в марте мы сели на пароход, который шел в Италию. Путешествие длилось 2 недели. Осталось много впечатлений от этой поездки, так как мы пересекали экватор, потом был очень сильный шторм, и к нам шли на помощь другие корабли. Очень хорошо помню, как все пассажиры просто лежали пластом, никто не ходил. Помню, как я кормила рыб. Мы везли с собой много вещей, но сундуки находились в багажном отделении. Они там были открыты, и по приезду мы обнаружили, что вместо вещей (ткани везли шерстяные, костюмные) лежали камни.

Мы приехали в Италию. Помню только то, что очень хотела купить говорящую куклу. Потом мы на поезде поехали в Белоруссию, последний пограничный пункт был Чоп. Там у нас забрали все документы, но каким-то чудом сохранилось мое свидетельство о рождении. И вот 30 марта 1956 года мы приехали в Подсвилье Витебской области. Там нас встречали моя двоюродная сестра Мария и ее папа. Было очень холодно, много снега, а я была одета в летнее пальтишко и резиновые сапожки. Два километра шли по полю в деревню, где жила моя тетя Анна, сестра моей мамы. Меня, конечно же, тянули на санках. Помню, как плакала моя тетя, как она отогревала мои ноги. Потом меня посадили на кровать, где я неделю сидела как кукла, и все соседи приходили смотреть на нас, «мерьканцев».

Здесь мы побыли 2 месяца. За это время я научилась говорить по-русски (до этого знала только два слова: «вилка» и «лялька»), так как мой двоюродный брат Иван усиленно взялся за мою учебу. Не выпускал на улицу до тех пор, пока не выучу урок. Я не чувствовала сильных неудобств, мне все было интересно. Видимо, так чувствуют все дети. Потом мы поехали

в Латвию, где жил старший брат моей мамы Максим. Но там не понравилось моему брату, так как кроме русского языка нам пришлось бы учить и латышский (по-русски тогда он плохо говорил, хотя и ходил на курсы в клубе имени Белинского).

Через два месяца нас отправили в д. Илово Молодечненской области. Дали 2 комнаты в деревянном бараке, корову. Родители и брат пошли работать на винзавод, а я пошла в первый класс в школу, расположенную в шести километрах от нас. Было очень трудно и голодно. Один раз в месяц отец ходил на рынок, чтобы купить пару килограмм сала и лука. Сахара не было вообще. Мой брат там выдержал только 6 месяцев. Он решил ехать в Минск и устраиваться там. Он нашел работу на камвольном комбинате, несколько месяцев жил на квартире у знакомых «аргентинцев». После того как получил комнату в коммуналке, он вызвал нас, и мы переехали в Минск. Вот с этого момента я хорошо помню всю свою жизнь.

В сентябре 1957 г. я пошла во второй класс. Родители пошли работать на камвольный комбинат, где и работали до самой пенсии. Мы очень подружились с нашими соседями — тетей Ниной (которая была узницей Освенцима во время войны) и дядей Борисом. Потом нам дали уже две комнаты в трехкомнатной квартире, а когда женился мой брат, то отдали и третью комнату. Хорошо помню, что когда переехали в Минск, ко мне было более внимательное отношение со стороны преподавателей: учительница приходила домой, смотрела, навещала. Другим детям казалось, что это что-то вроде блага, и им думалось, что мне иногда оценки завышались или еще что-то... В коммунальной квартире с нами жила одна моя одноклассница, которая однажды сказала: «Я скажу кому надо, что к вам учительница приходит». Как будто у человека закваска какая-то — доложить, сказать кому-то. И я почувствовала, что как-то страшно мне стало.

Потом я пошла учиться в белорусскую школу № 29 на улице Солнечной около камвольного комбината. Помню, как стыдно стало учиться в белорусской школе (это времена Хрущева) и как все дети начальников быстро перевелись в русские школы.

Училась я хорошо, участвовала в самодеятельности. Потом мне посоветовали идти в танцевальный кружок во Дворец профсоюзов. Нашим руководителем была знаменитая балерина Бельзацкая. К тому времени я закончила 4 класс. Мне предло-

жили поступать в хореографическое училище при театре оперы и балета, но так как там принимали детей после 3 класса, мне пришлось повторять 4 класс. Но я об этом не думала, я была счастлива, что учусь там. Шесть незабываемых лет, столько интересного. Было очень трудно, так как уходила я в восемь утра и возвращалась в восемь вечера. Но не всем дано столько узнать и увидеть. Были занятия классическим танцем, историческим и характерным, участие в спектаклях, отчетных концертах. Кроме того мы занимались музыкой. В моем классе учились будущие народные артисты, такие как Троян Юра, Комков и другие. У нас были замечательные преподаватели, такие как Млодзинская, Красовский, Давыдов, Семилетникова, Захарова. Мы были счастливы, когда нам специально шили костюмы и всегда очень волновались. У нас был очень дружный класс, были ребята из Борисова, Барановичей. Они, такие маленькие, уже жили в общежитии, без родителей.

Могу сказать, что это были самые счастливые годы.

Родители рады были вернуться на Родину, мама успела увидеть свою маму, которую не видела двадцать пять лет. И еще два года пожить с ней. Для нее это было счастье. А мамин друг (они из одной деревни) по фамилии Жук уехал в Аргентину на заработки, оставив в Беларуси в Гниляках жену и дочь. И он вернулся к ним через двадцать пять лет. Потому что раньше нельзя было: война началась, совершенно другая политическая ситуация.

Кажется, в Аргентине жизнь была лучше. Хотя не знаю, не могу судить... Например, моя двоюродная сестра вышла замуж за парагвайца Пилипука, который переехал в Аргентину, а потом приехал сюда с отцом. В 1968 г. он вернулся в Аргентину с моей сестрой и дочкой (там у него были родственники). И через шесть лет он вернулся сюда. Видимо, уже тяжело было. После двадцати пяти лет очень трудно начинать жизнь заново, с нуля.

Здесь переселенцы из Аргентины поддерживали между собой связь: приезжали в гости, отмечали вместе праздники. В гости ездили, пока были молодые: у нас дома постоянно было много ребят из Аргентины, с которыми общался мой брат. Но власти всячески препятствовали объединению наших переселенцев... У наших друзей, Катушонков, на дне рождения их дочери Аниты, я познакомилась со своим будущим мужем —

Григорием Скрипелем, тоже переехавшим из Аргентины. Мое замужество было целенаправленно: мне хотелось, чтобы семья создалась цельная, чтобы была одного духа.

Мой свекор, Яков Игнатъевич Скрипель, из Дрогичина приехал в Буэнос-Айрес на заработки, как и мой отец. А когда ему уже исполнилось тридцать лет, но он не мог там жениться, он поехал в Парагвай за невестой. Нелегально переплыл Парану, а там жили семьи переселенцев из Украины, Белоруссии, которые ехали в джунгли. (Я говорила, что в Аргентину пускали только холостяков, а женатых вообще эта страна не принимала). Там, в Парагвае, Яков Игнатъевич познакомился с большой украинской семьей переселенцев из-под Ровно, где было девять детей, в большинстве своем девочек. Девочек выставили, и он выбрал себе жену, Нину Тимофеевну. Посадил ее в лодку и привез в Буэнос-Айрес. А позже переехала в Буэнос-Айрес и вся остальная их семья. Мой будущий свекор был строитель, своими руками построил два дома в центре Буэнос-Айреса: один для себя, а второй стоял во дворе и предназначался сыну, когда тот женится (то есть моему мужу, если бы он там остался). А здесь он всю жизнь проработал строителем на часовом заводе.

Ни моя мама, ни будущая свекровь в Аргентине не работали: это считалось как бы позорным — жена должна была сидеть дома и смотреть за детьми. Свекровь прекрасно выучила испанский язык: когда дети пошли в школу, она с ними язык изучила. Редко женщины работали: например, жена Катушонка работала ткачихой (ей муж разрешил). А сам Степан Катушонк работал, по-моему, краснодеревщиком. Он все делал своими руками, они очень хорошо жили — в Буэнос-Айресе у них была просто вилла. Для того чтобы переехать в СССР, они все хозяйство продали (как и мои родители). А здесь Катушонки получили на ул. Розы Люксембург квартиру... Они сожалели о том, что переехали в СССР. И мой муж очень сильно страдал по Аргентине: как родители там страдали по Белоруссии, так он страдал здесь.

← Скажите, а религиозный момент играл какую-то роль при объединении иммигрантов в Аргентине?

Думаю, что играл: мы все крещеные в православной церкви (там была православная церковь). Но мои родственники, которые остались в Аргентине, сейчас уже от православия отошли, празднуют религиозные праздники по католическому календарю.

— *А почему Ваши родители, бывшие граждане Польши, переезжали в Советский Союз, а не в Польшу?*

Они Польшу не любили: они же белорусы, а жили под поляками. Дома разговаривают по-белорусски, а в школе нужно учить польский язык. И всю жизнь они себя ощущали белорусами — никакими не поляками. Писали — да, по-польски — как учились. Отец у меня был более грамотный, способный к учебе. Он очень хорошо знал польский, и его сестра всегда писала в Аргентину к нам письма по-польски.

— *А с поляками какие-то отношения были в Аргентине?*

Этого я не знаю. Знаю, что с украинцами пытались вместе организоваться — ничего не получилось. Было желание объединиться белорусам, украинцам, русским, сделать один клуб более мощным и солидным — не получилось, все развалилось. Национальные противоречия все же дали о себе знать. В клубе «Белинский» они существовали отдельными группами. Не знаю, как раньше, но затем уже украинцы с белорусами не встречались: если какой-нибудь праздник, то одни белорусы (или украинцы). Произошли внутри клуба какие-то события, и они не находили общего языка: украинцы любят командовать, а белорусы не сильно поддаются.

г. Минск. 14 августа 2007 г.

№ 10

Елена Ивановна Гницевич

Я родилась в 1931 г. в городке Вилья Анхель де ла Чако, который расположен от Буэнос-Айреса на расстоянии как Минск от Москвы. В Аргентину все ехали на заработки. И мой папа, и мама. Папа, Хуан Вакарук, из-под Киева, а мама — полька, Каролина Лисяк, родом тоже где-то с Киевщины (не помню, какой поселок). Папа был крестьянином и приехал в Аргентину еще до революции, раньше, чем мама. Они познакомились в Аргентине и поженились.

Папа работал строителем, мама стирала одежду богатым, капиталистам. В нашей семье было шестеро человек, я самый старший ребенок. Когда подросла, работала поваром у наших приезжих, которые открыли там кафе-ресторан. Наши в то время все ехали на заработки: хлопок убирали, кукурузу. Но папа сразу работал строителем. Племянник моего хозяина познакомил меня с будущим мужем, который старше меня на 18 лет, — Иваном Сидоровичем Гницевичем. Он белорус. Ему было 16 лет, когда он с отцом поехал туда. Отец вернулся назад, а он остался со своими друзьями: работали вначале на поле (кукурузу убирали). Там работы много — нет зимы. Круглый год скот пасется, зимой и летом овощи растут, фрукты: лимоны, мандарины — одна желтая, другая цветет... А когда ему исполнилось 17–18 лет, он пошел на производство: у одних евреев работал ткачом. Муж холостой еще был и построил хороший большой дом в центре Буэнос-Айреса (кредит для этого брал), принял аргентинское гражданство. Через три недели после того, как мы познакомились, мы сыграли свадьбу. Мне тогда было где-то двадцать лет. Потом я поехала к мужу в Буэнос-Айрес, родила сразу Маргариту (1952 г.), в 1956 г. Марину и в 1959 г. Каролину.

В Буэнос-Айресе у нас был комитет, который организовала коммунистическая партия: собирали деньги, одежду. Все подпольно делали и только наши люди. Коммунистическая деятельность была постоянно: то помощь, то лекарства, то одежда. Деньги больше собирали по знакомым, потом передавали в посольство, а посольство передавало в Советский Союз. Деньги после получки приносили то к одному человеку, то к другому — в одном месте не собирали. Потом все песо собраны — и я несу их в посольство. А посольство отправляло сюда.

— *Песо — это много или мало?*

— За песо можно купить много — там хлеб, одежда дешевые. Даже что-то из одежды можно купить за песо. Мой муж зарабатывал ткачом 500 песо.

Мы с мужем ходили в клуб Белинского: он очень красивый, в центре находился, на улице Санта-Мария. Чуть дальше был клуб Островского (минут сорок надо было ехать), а Маяковского — еще дальше от центра. Мы часто общались между собой: одну субботу-воскресенье гуляли в одном клубе, другую — в другом и т. д. Концерты проводили там, в Буэнос-Айресе, как

*Святочные мероприятия ў гонар 40-годдзя Кастрычніцкай
рэвалюцыі ў клубе імя Вялінскага (1957 г.)*

здесь: в честь Октябрьской революции. В клубы ходили все наши люди без различия национальностей: кто к какому клубу ближе жил, в тот клуб и ходил. Взносы платили. Но белорусов больше было в «Белинском». Клубу и посольство помогало: при строительстве много денег дало. Клуб «Белинский» большой: когда я приехала в Буэнос-Айрес, клуб еще не строился. Только через лет пять купили это место, а потом начали строить клуб на этом новом месте (раньше он был не там). Посольство помогало и многодетным женщинам, которые не работали: нам давали деньги на детей, чтобы мы не жалели и покупали что-нибудь детям. Это не было ежемесячно, могло быть один раз в три месяца, или в пять месяцев. Бывало, из Советского Союза для посольства передавали одежду, продукты — тогда продукты давали для наших детей.

— *Так ведь продукты есть в Аргентине.*

Продукты есть, но их же надо покупать за деньги, а так бесплатно давали. И когда мой муж был в заключении, я, когда забирала литературу из посольства, то всегда получала деньги, чтобы купить мужу продукты и в посольство передать, как с ними обращаются. И посольство, видно, заплатило деньги (там

часто взятки берут), чтобы наших выпустили из тюрьмы. И отпустили.

Я тайно из нашего посольства брала всю литературу в клуб. Ни разу не попалась. Аргентинская полиция меня уже подозревала, что я связана с посольством. Меня уже караулили последнее время — они же коммунистов ненавидели. Гончаров, наш посол, мне сказал: «Знаете, Лена. Вы пока не приходите за литературой». наших детей учила русскому языку Спиридонова. Это бывало и у нас дома. Она мне советовала, как принести секреты в клуб, говорила мне, что надо брать в посольстве, могла записку передавать Гончарову подпольно.

Литературу, которую проносила из посольства, нам читали на собраниях, лекциях. Больше всего передавали в «Белинский», а «Белинский» передавал это остальным. От «Маяковского» не приходили на лекции — то у них времени нет, то у них другое. Было и так, что концерт проходит в клубе, а в это время мы, коммунисты, тайно проводим свои собрания. К нам и Гончаров приходил на концерты, на эти собрания. Он и ко мне домой приезжал: брал какую-то простую машину, одевался

*Святкаванне Новага году ў клубе імя Бялінскага.
Піянеры на сцэне: спявае ў цэнтры і крайняя справа —
сёстры Гніцэвіч (сярэдзіна 1950-х гг.)*

по-простому, и приезжал смотреть, как Спиридонова проводит занятия с детьми.

— *А национальные клубы там были?*

Были украинские клубы, но они с нами не дружили, мы их считали фашистами.

Мои родители и муж были партийными людьми, а коммунистов капиталисты там не уважали. Мне было 18 лет, когда меня в Чако приняли в партию (в СССР я стала коммунисткой переводом). Собрания коммунисты проводили подпольно. Я была очень активная, и посольство говорило, что мне нужно запретить так активно работать. Я говорила: «Ничего, не попадусь!». Правда, мужа забрали: их десять человек коммунистов проводили собрание в клубе. Это кто-то из наших передал в полицию. Подозревают, что это был Жданеня: он сам был партийным, но в полицию передал. Жданеней было три брата: Василь, Иван и, по-моему, Петр.* Василь приехал сюда, но потом вернулся в Аргентину.

— *А Вы встречались с теми, кто приехал в Аргентину из Советского Союза после войны?*

У нас такая соседка была, мы это знали. Но мы у них ничего про СССР не спрашивали — нам не разрешали с ними общаться, чтобы мы не наговорили чего про нас. Мы просто дружили как соседи.

— *А кто запрещал общаться?*

Наши руководители не разрешали. Мой муж ходил помогать соседям по хозяйству, но и то старался не идти: расспрашивали его про все. Но мой муж такой, что ничего не скажет... Мы не общались и чтобы не знали, кто ко мне приходит. Ведь приходила к нам Спиридонова и человек пятнадцать учила.

Из Аргентины много людей уезжало. Поехали мои самые лучшие знакомые, моя кума (крестила моих детей), кум (председатель нашего клуба) — они поехали в Херсон. Некоторые не хотели ехать: у них там свои дома, дети. Моему мужу писала мать, а тут нас преследуют. И я сказала мужу: «Мне надоело все. Давай поедem к тебе на родину». А он мне: «А что ты будешь делать? Вся твоя родня здесь, а ты поедешь в далекую страну». Я говорила: «Не пропадем!»

---

* Браты Жданені: Іван, Васіль, Кастусь і Зміцер.

— *А Вы не интересовались перед отъездом у тех, кто переехал, как живет в СССР?*

Мои кумовья писали из СССР, что все хорошо. Но Федор Родион (председатель нашего клуба) писал, что будет тяжело, что буду делать такую работу, которую раньше не делала. Но я говорила: «Не пропадем!» (конечно, пока привыкали, тяжело было). В посольстве тоже говорили: подумайте, хорошо ли будет то, что Вы поедете, а Ваша вся родня здесь живет. И там тяжело... Ехали в СССР с таким условием, что целый год будем работать на целине. А в Минске жил моего мужа родной брат, на тракторном. Но мы составили договор, что поедем на целину, как все советские люди. То есть посольство нас заставило на целине работать год. А потом сказали, можно будет переехать в Минск к брату мужа. И в Минске тогда должны дать жилье, так как мы все выполнили.

Мы уехали оттуда самые последние, где-то в 1959 г. (тогда еще спутники пускали). Мы, шесть семей, вместе на французском пароходе ехали во Францию, по-моему, в Марсель, а из Франции в Москву поездом. На родину не заезжали, ни с кем не встречались. В Москве встретили и посадили аж до Чимкента, в совхоз им. Ленина. Приехали — зима. А я везла Каролину маленькую, которой три месяца. Там, конечно, с нами плохо поступили. Не выполняли и половины того, что посольство говорило: что нас встретят, создадут условия и т. д. Мы в совхоз ехали на грузовой открытой машине четыре часа в кузове. Хорошо, что на пароходе мне дал капитан одеяло, в которое я завернула малую. Хорошо, что шофер снял свою фуфайку для того, чтобы я хорошо укрыла дитя. А одна старая сказала: «Я уже старая, дети выдержат, а я пойду в кабину». А шофер не может ее выгнать.

Когда приехали, приезжие приходили смотреть на нас, может, есть знакомые. И меня узнала знакомая из нашего района в Буэнос-Айресе. Она кричит: «Лена! Лена!» — и говорит, что надо спасать замершее дитя. И она уже нас не пустила в барак, а забрала к себе домой. Это Гликерия Садовская, однофамилица Садовских. Она вызвала врача, приехали очень хорошие врачи, ребенка забрали в больницу, где пробыли неделю. К этим людям у меня чувство огромной благодарности.

Когда приехали, то там был только один большой барак, три домика и индивидуальные дома тех, кто был наказан после вой-

ны, кого выселяли. Мы жили у Садовских, пока сдавался домик их, финский. Потом Садовская переехала в Ташкент, но приезжала к нам часто (там полтора-два часа езды). В этом домике была мебель, кровать, одеяла — все. Первые приезжие хорошо устроились, потом не хотели уезжать оттуда в города. Они так и остались. Потом я встретила одного из наших переселенцев, и он сказал, что они переехали в Ташкент. Например, Бобрик — хороший был хлопец.

В этом доме мы жили с высланными казаками (там дом на две стороны — одна наша, другая их). Казаки эти нам много помогали, я про них ни одного плохого слова сказать не могу. Про них говорили — «фашисты», но это неправда. Председатель нас хорошо принял, помогал: давал нам молоко (для ребенка), его жена, казачка, смотрела за моей дочкой. Не хотели брать ни копейки. А у них кушанье, непривычное нам, из конины. Бывает, принесет нам, а дети узнали, что это конь, и отказываются есть. Казачка говорит, чтобы не заставляли, бо непривычные. Очень хорошие люди. Нам отказываться неудобно, берем, чтобы не обидеть. А ночью мой дед вставал закапывать, чтобы только не увидели, чтоб не обидеть.

Муж пошел на строительство, ему тяжело было, он никогда не работал строителем. Ткачом работал, работа чистенькая. Я работы не боялась. В совхозе мы собирали хлопок. Пришел сезон, я сказала, что буду собирать хлопок, пока дети встанут. Там в четыре часа уже солнце. Я иду наберу мешка два, а потом они уже сами развешивают. А председатель сказал, чтобы больше я не ходила собирать хлопок, что даст работу здесь — шить мешки большими иглоками, на хлопок. «И муж будет приходить с работы тебе помогать, и малая будет рядом с тобою». Я боялась того, что там большие каналы, а малая лезет в каналы, и как бы не утопилась (там двое детей наших приезжих утопилось). Денег не хватало — мы продавали свои вещи. Из Аргентины мы сапоги взяли, туфли кожаные (это натуральная кожа). Нас сразу спрашивали: «Откуда ты это взяла?», боялись у нас брать. Мы говорили, что приезжие, и тогда у нас покупали смело. Они сразу узнавали наши вещи: раньше не было таких кофт (это натуральная шерсть), а мы этого много привезли.

— *А Вы это везли для себя, не думали, что продавать будете?*

Конечно, не думали! Но денег ведь не хватало. Так мы перенесли самый тяжелый момент в Казахстане. Потом дети уже

пошли в школу. Помню, ночью видно было, как ракеты пускают. Мне однажды сказали: «Смотри, человека в космос запустили!». Я не поверила, но мне дали радио послушать — точно, человек полетел в космос!

Кончился год, уже и брат мужа хочет нас видеть, пишет, чтобы мы приехали. Решили переехать в Белоруссию. Провожали нас очень хорошо: продукты дали нам с детьми, председатель дал деньги: купишь что-нибудь детям по дороге. Очень хорошие люди.

— *А им уезжать нельзя было оттуда?*

Нет, они были наказаны. Но там уже многое построили — клуб, завод — там хорошо жить стало. Туда и комсомольцы приезжали. Мы же сначала в общежитии с комсомольцами жили, которые добровольно туда приехали. Они еще меня одеялами накрывали, ведь там зима бывает, к которой я еще не привыкла. Некоторые из комсомольцев мне встречались потом и в Минске, мы адресами обменивались.

С целины только мы в Белоруссию приехали. Я поехала с младшими дочками к сестре мужа в Дрогичин. А муж остался у брата в Минске со старшей дочкой, которая пошла в школу. Он устроился на комбинат. Мы ждали, когда нам дадут квартиру, но целый год нас водили за нос: дома сдавались, а мы квартиру не получали. Наш директор, Мария Степановна, говорила: «Сидорович, я не видела такого тупого мужчину, как Вы. Вы как приезжий имеете право на квартиру. Смотрите: там дом сдали, там сдали. Шарапов должен Вам дать квартиру». Муж пойдет, ему обещают-обещают — и опять не дают.

В Аргентине случилась такая история. У Лены Юрчик умер муж (Владимир Юрчик) накануне отъезда — сердце больное. Сегодня умер, а завтра уезжать. У нее двое детей. Мужа мы помогали хоронить. Через месяц она поехала: посольство отговаривало, но она уже собрала сундуки, вещи. Уже в порту были ее сундуки. И она приехала с двумя детьми сюда, работала тоже на камвольном комбинате. Она получила сразу по приезду две большие комнаты. Мой муж хотел привезти меня из деревни, а пока не дали квартиру нужно где-то жить. Брат мужа говорил, что потеснимся, еще и не так люди жили.

В Минске нас пригласили на обед Садовские, и брат Аниты Жора сказал: «Познакомим ее с Леной, может она возьмет их на квартиру». Мы вместе поехали звать ее на обед. Она открывает

двери — а это же Лена Юрчик, которую мы провожали! (Жора из другого клуба, он не знал, что мы знакомы). Она кинулась ко мне, и сказала: «Лена! Откуда ты явилась?» — а я ей: «Оттуда, откуда и ты». А Жора удивился: хотел познакомить, а они сами познакомились. Она у меня спросила, где я живу. Я сказала: «На Тракторном в комнате у брата дедова» («дедом» мы звали моего мужа). Она сразу говорит: «Ничего не хочу знать. Вот, это будет твоя комната». И отправили потом сказать на квартиру к брату мужа, что мы не придем ночевать (телефона ведь не было). И мы жили у Лены полтора года — нас все водили за нос.

Когда сдавался этот дом, к Шарарову пошла уже я с мужем. И сказала: «Если Вы меня не заселите, то потом вы сами за мной бегать будете. Мы работали на Родину честно везде. Мы на целине работали, как договаривались». Моему мужу сказали, что в этом доме давать квартиру не будут, а в следующем точно. А Гончаров к этому времени уже приехал в Москву и дал адрес, чтобы знать, как нас устроили. Я правильно писать по-русски не умела, написала Гончарову по-испански: если Вы нам не поможете, то мы в этот дом, который скоро сдается, не заселимся. Я еще давала деньги девушке-проводнице, только бы письмо завтра было в Москве. Так проводница сказала, что

Сем'і Гніцэвіч і Юрчык у Мінску

сама понесет письмо по тому адресу. Наутро (муж уже ушел): две черные машины стоят около дома. Мы на улице были, и моя хозяйка быстренько поднялась, спросила, кого ищут. А это нас ищут. Лена Юрчик сказала: «Муж пошел к Шарапову, а на улице только жена». Ей в ответ: «Я Шарапов! Мне нужна Елена Ивановна!» Я говорю: «Так это я. А что это Вы за нами бегаєте: два года за нос водили, а тут так интересно себя ведете?» Позвонили моему мужу, он приехал и спрашивает: «Что случилось, Лена?» Он боялся, что теперь вообще квартиру не дадут. И я ему сказала, что достаточно его за нос водили, и рассказала ему про письмо, которое отправила Павлу Михайловичу Гончарову.

И давали нам квартиру в этом доме на углу, две комнаты. Мы пошли с хозяйкой, только почистили одно окно — приезжает машина с Шараповым: не та квартира. Я по-русски плохо понимала, обругала его, думала, что не дадут опять квартиру. Но он сказал, что квартира в среднем подъезде. Мы заходим: «Лена! Трехкомнатная!» Ну, тогда хорошо.

Через несколько дней сказали, что мне надо будет поговорить с Москвой. Я пошла в райсовет, меня связали. «Лена Ивановна, ну, как Вы там?» «Павел Михайлович! Я Вас не узнала». «А я тебя узнал. Почему ты мне раньше не написала, что у вас такие проблемы два года? Хорошо, что проводница зашла ко мне, не хотели пускать ее. А так осталась бы опять с носом». «Большое спасибо, Павел Михайлович! Я потом напишу обязательно, как устроились». «Напиши обязательно. Вам должны ссуду дать на мебель и т. д. А когда устроитесь, приду к вам на сто грамм». «Да я Вам целый ящик поставлю, только приходите».

Когда надо было выписывать ордер, Шарапов сказал, что ордер будет только на меня. Я сказала:

— Нет. Мой муж ходил два года к Вам, ордер выписывайте на него.

— Я не имею права, мне сказали, на Елену Ивановну давать.

— Они сказали, потому что я написала, что Вы нас водите за нос. Вы бы мне не дали квартиру, скажите честно?

— У-у, какая боевая!

— Если бы я не была боевая, меня бы с моей родины бы не выгнали. Я там носила, хранила тайну. И в первую очередь то, что мы партийные люди. Я не буду получать ордер, опять напишу Гончарову, что Вы не хотите давать моему мужу квартиру.

— Ну ладно, пишите ордер на мужа.

— Вы так на меня не размахивайтесь. Как Вы обращаетесь со мною, я расскажу.

— *А как это Вас с родины выгнали?*

Дело в том, что перед самым отъездом из Аргентины полиция меня поймала. Я литературу из посольства передала, а меня потом остановили. Я призналась, что несла литературу. Я уже знала, что уезжаем, скоро на пароход. А в тюрьму меня не могут взять, потому что я с маленьким ребенком. Мне и сказали: «Через 24 часа на пароход!» Так и получилось. Но у нас уже была виза, нам посольство все сделало...

Через некоторое время Гончаров позвонил моей хозяйке, спрашивал, как мы устроились: «Передайте ей большой привет и скажите, что бессовестная: даже не написала». Лена Юрчик мне сказала: «Лена! Злы на тебя, потому что не написала». Я говорю: «Занята была на работе, то одно, то другое. Попрошу извинения в письме». И мы уже жили здесь два года, и Гончаров приезжал к нам смотреть, как мы устроились. Злой на меня был: «Надо было мне писать сразу, как первый дом сдавался! Я бы быстро нашел на него управу». Выпил кофе и пошел.

В Минске много было наших приезжих из Аргентины: Савицкий работал ткачом на тонкосуконном (в Аргентине он, как и мой муж, работал ткачом). А мой на камвольном — его Жора Садовский устроил. Карчик здесь жил, Мирончуки, другие. В Минске нам помогали: раньше был дефицит продуктов, нам в первую очередь давали карточки — мы покупали, особенно, у кого маленькие дети, как у меня трое малолеток. Всегда были обеспечены продуктами. Профсоюз помогал. наших людей не обижали — и до сегодняшнего дня: мне вчера передали гуманитарную помощь, которую пенсионерам передавали. Кто работал честно — никто не убегал.

А Лена Юрчик уехала в Аргентину потому, что ее уговорила сестра. И я откровенно скажу: она всегда плакала о том, что муж там похоронен, а дети не знают, где батька лежит. Не то, что ей здесь не нравилось (наоборот, ей хорошо здесь помогали), но сестра ее уговорила. А сестра была не в силах оплатить ей дорогу, и ей помогли наши власти: она с детьми поехала на пароходе через Польшу в Аргентину.

Недавно я ездила на полгода в Аргентину, к сестрам в Буэнос-Айрес и к брату в Чако. Все прошло как один день!

Всех видела: бывшего ухажера, взрослых племянников — меня сразу узнали. Клуб стал еще красивее: достроили второй этаж. В клубе много новых, и это все дети наших людей, которые в Советский Союз не приезжали (аргентинцев там нет). Я мало кого знала, только Жданеню Василия видела. Туда вернулись считанные люди: с «Островского» вернулось три семьи, а от нас только Жданени. Но они там были фашисты и здесь тоже: родину продали, позорят ее.

г. Минск. 29 августа 2007 г.

№ 11

Дмитрий Кузьмич Жданеня

Родился я в 1933 г. в деревне Латыши, теперь это Ганцевичский район Брестской области. Мой отец — Кузьма Яковлевич, мама — Евдокия Дмитриевна. В 30-х гг. Польша закупила в Бразилии земли и участками их продавала. В 1937 г. отец продал корову, купил кусок земли в Бразилии. Мы заехали туда, но прожили там не больше месяца: условия на юге Бразилии жуткие (это на границе с Аргентиной, около реки Парана). Мое первое воспоминание такое. Все ушли на работу (отец и братья Иван, Василий, Костя), а я игрался в песочке. И какой-то индеец ради хохмы поводит перед моим лицом и шеей серпом — я, конечно, испугался. Отец потом подождал этого индейца и отлупил как следует.

Потом отец кому-то заплатил, и мы ночью на лодке переплыли Парану — и уже в Аргентине. Работали месяца три-четыре, и там случилось наводнение: вода поднялась на метров десять. Нас моторной лодкой спасли. Приехали мы в Бериссо, где были наши родственники по фамилии Ленковец, которые приехали

Святочнае застолле ў доме Жданеняў

еще в 1910 г. Мы сняли квартиру; отец и братья работали на скотобойне «Swift». Отец работал в морозилке: на улице + 40°, а в морозилке — 30°. Потом Василий и Иван уехали в Буэнос-Айрес, работали ткачами. А в 1943 г. они забрали нас, и мы сразу купили дом на севере Буэнос-Айреса (район Вилья-Девото), в котором жили до приезда в Советский Союз.

Дом наш был площадью десять на двадцать пять метров. В 1948–49 гг. мы пристроили мастерскую, где Иван, Василий и Костя работали с алюминием и бронзой (люстры делали). Василий женился на украинке где-то в 1947 г., купил дом и сразу переехал. Иван позже женился, тоже на украинке: он долго искал (ему уже 36 лет было), поехал в Парагвай и привез оттуда невесту. Тогда уже ткачами не работали. В своей частной мастерской (наша фирма «Zdanienia Hermanos»*) работа была с девяти утра до пяти вечера: позже нельзя было высоким напряжением пользоваться. Заказывали нам люстры, лампы. Я помогал: часа два-три сверлил на станке. Мы обеспеченно жили: мне давали на расходы, если перечислить в доллары, то это 200–300 долларов. В середине сороковых килограмм мяса стоил два — два с половиной песо. Чуть позже отец, когда еще работал на строи-

* «Браты Жданені» (ісп.).

тельстве, получал 60 песо в день. Тогда килограмм мяса стоил 7–8 песо. С продуктами питания проблем не было, ну а техника всегда была дорогая. Я позволял себе иметь не один костюм, а пять-шесть.

Мы жили в кварталах десяти от тюрьмы, в которой сидел мой брат Василий три месяца. Посадили его за политику. Все же в компартии участвовали: и Василий, и Иван. Был один югослав — Хуансито, который носил всегда с собой пистолет, а оружие там строго запрещено иметь. Его поймали, страшно били, и он раскололся. К нам пришла полиция с обыском, и мы боялись, как бы не нашли пистолет, который прятали в подполе. Мать стала на крышку, которая вела в подполье, и стояла там во время обыска. Ивана и Василя арестовали. Ивана потом выпустили, а Василя три месяца держали в Вилья-Девото. А тот югослав в тюрьме года два сидел: его и выпустили с условием, что уедет в Югославию. Потом через три года приехал обратно, пришел к нам и сказал: «Не езжайте туда». Так братья сказали: «Иди вон!».

— *А Ваш отец в политике участвовал?*

Нет, он ведь 1888 г. рождения.

В Бериссо белорусов было много (там и клуб был свой), а на севере Буэнос-Айреса белорусов было мало. Но на южной стороне Буэнос-Айреса (например, район Помпежа), жило много наших украинцев и белорусов, которые перебрались из Парагвая, где условия жизни были тяжелые. И там были клубы имени Максима Горького и имени Островского. Когда мы приехали в Буэнос-Айрес, наши все клубы были запрещены. Мы открыли белорусский клуб на Саенс-Пеня (там еще Василий справлял свадьбу: человек триста пришел). Потом клуб закрыли, и мы открыли общество «Павло Тычина» — и через год-полтора его тоже закрыли. И только в 1953 г. мы купили дом для клуба «Белинский», и он до сих пор там стоит. Одновременно открылся и «Максим Горький»: власти уже разрешили наши клубы.

Клуб Белинского выглядел так: два этажа, большое (30 метров) закрытое пространство. Зал был, где концерты давали, — каждую субботу танцы и концерты. Самостоятельность, в общем. Клубы посещали белорусы, украинцы, литовцы. Белорусов было большинство. Русских не было: русские появились сразу после войны, и, сами понимаете, мы их никак не могли принять. У нас в семье тоже был случай, когда пришло письмо из Англии:

наш родственник просил, чтобы мы забрали его. Мы ему категорически отказали, потому что он был против Сталина. Когда приехали сюда, то узнали, что он сотрудничал с немцами. Он так и остался в Англии.

Между представителями разных национальностей отношения были нормальные где-то до 1953–54 г. Тогда разгорелся скандал, суть которого в следующем. Каждый год избирается руководство клуба: предварительно собираются активисты и составляют список руководства (кто президент, кто секретарь, *tesorero* (бухгалтер), пять *vocales* (члены правления)). А затем общее собрание клуба голосует за этот список: эти бумажки со списком каждый член должен кидать в урны. Активисты, как обычно, сформировали список руководства на следующий год. Но был распушен слух, что есть подложный список, в котором одни украинцы. Выступал Андрей Киндрук, который говорил, что видел этот подложный список. Это был целый скандал: мы на солнышке сидели не один час. Но никто не видел отпечатанных этих бумаг, этого другого списка. Наверное, вообще этого не было, это было подстроено. После этого отношения были напряженные.

— *А активисты — это кто?*

Активисты — это наиболее деятельные члены клуба. Они, например, каждую неделю ходят на собрания; кто-то готовит пикники, буфеты, концерты. Активисты ходили по всем украинцам и белорусам с просьбами дать денег на строительство клуба. И кто сколько мог, столько и давал. И много давали, ведь это двухэтажный клуб. Наша семья дала несколько тысяч (имеется в виду в долларовом исчислении)... Такого официального статуса — «активист» — нет. Кто занимает должность — тот занимает. И на собраниях активистов, когда возник вопрос о якобы втором списке, начались споры — и пошло-поехало. Якобы Сенчина и другие были в этом списке подпольном. Я думаю, что это всю эту заваруху сделало советское посольство, потому что между нами не было никогда разницы, кто украинец, а кто белорус.

— *Активисты клуба были связаны с партией?*

Нет. Посольство категорически запретило участвовать в жизни компартии. Ведь мы же советские подданные. До этого у нас были польские паспорта, потом получили советские. Паспорта получили даже раньше, чем появилось советское

посольство. Наши составили список и поехали в Уругвай, где уже было советское представительство. И где-то через полгода после того, как мы стали советскими гражданами, приехал советский посол в Аргентину. Встречали посла в порту украинцы и белорусы, мы всей семьей там были. Народу было так много, что, помню, полиция порядок наводила... Я советский паспорт показывал в колледже, в университете — все было нормально.

— *А многие стали советскими гражданами?*

Я одно время перепись вел в посольстве: приходил раз в неделю и перепечатывал в посольстве анкеты. Меня попросили, потому что я неплохо печатал на машинке (окончил академию «Питман», где учился на стенографа). В анкете писали фамилию, год рождения, где родился, номер паспорта. И точно не помню цифру, но тогда было около 10 тысяч советских граждан в Аргентине.

— *Посольство СССР с клубом тесно сотрудничало?*

Нет. Очень редко к нам приходили: я раза два-три видел представителя посольства на наших концертах или на пикниках. Посольство вело очень замкнутую жизнь. В район Тигре, где Парана, они ездили отдыхать. И всё. А мы устраивали часто пикники: чуть ли не каждую неделю приезжали в Кильмес, район около реки Ла-Плата. А на пикниках мы в лесу около реки на арендованном участке, огороженном проволокой, делали асадо (мясо на решетке); было вино, пиво, танцы, игры. Допустим, в футбол команда «Белинского» против «Горького». На пикник приезжали только советские граждане.

Но самый грандиозный пикник был в 1947 г., когда праздновали тридцатилетие компартии Аргентины. Два дня гуляли в Ла Скончас. Конечно, от советского посольства там никого не было. Праздновало несколько тысяч человек: приехало руководство КПА, знаменитые аргентинские музыканты. Больше всего было итальянцев и испанцев, а по количеству украинцы и белорусы шли после них. Каждая национальность готовила свои национальные блюда: мне запомнилось, что у югославов готовилось 18 баранов. Я еще подумал, что не съедят. И что Вы думаете: всё съели.

— *А кого Вы можете вспомнить из руководства клубов?*

Среди руководителей «Белинского» был мой брат Василий, Киндрук, остальных я уже забыл. Допустим, мы в Бериссо ездили в шахматы играть клуб на клуб, и меня не интересовало,

кто там председатель. Ляшук и Бойко — это считалась вершина нашего движения. Бойко потом в Москве жил, вместе с Гончаровым (первым секретарем посольства СССР) написал книгу про Аргентину. Довольно объективная. А про Ляшука были очень противоречивые сведения: якобы он покончил с собой. Я не знаю, насколько это правда. Он здоровый мужик был. Ляшук для нас был эталон: его приглашали в клуб, на концерт. И он обязательно произносил речь... Не сказал бы, что «Белинский» политикой занимался. Концерт, танцы, молодежь. Естественно, что Родину хвалили: это само собой понятно. Были провокаторы: стал членом клуба «Белинский» украинец (имеет же право). И он приходил в клуб и нес ахинею против Советского Союза. Его взяли за шкуру и больше не пустили.

— Среди клубов какой был, на Ваш взгляд, самый сильный?

По членству самым многочисленным был «Горький». А если по подготовке, то на концерты: один номер готовит «Белинский», другой — «Островский» и так далее. Мы поддерживали связь: концерты проводили в том или другом клубе, а иногда и кинозалы снимали. Я однажды тоже участвовал в сценке: долго изучал эту роль на русском языке, ведь это не родной мне язык. В «Островском» я был два раза: эту публику парагвайскую не очень хорошо знал. Ехать туда далеко. Один раз на танцах был,

Гурток самадзейнасці: зправа — Зм. Жданеня

второй раз — на концерте самодеятельности. И в «Горьком» раза два был. Один раз побывал в польском обществе: меня пригласили посмотреть советский фильм «Молодая гвардия» (каким-то путем они его достали). Это общество существовало тоже на районе Сан-Мартин. И в немецком обществе я был, на танцах.

— *А на каком Вы языке там общались между собой? На испанском?*

Нет. То есть это был ломаный язык. Отец, мать, Иван усвоили язык не очень хорошо: возраст такой, что трудно было. «Перейти улицу» — «Курсовать улицу»*. И не белорусский, и не русский, и не испанский — это смесь была. Мы в семье только по-русски разговаривали.

— *На русском языке?*

Не на русском, конечно, но и не на белорусском. Как у нас в деревнях разговаривают.

— *А в названии клуба «Виссарион Белинский» было слово «белорусский»?*

Нет, слова «белорусский» или «украинский» не было.

В Аргентине я закончил школу (7 классов), среднюю школу (колледж) — 5 классов и два курса университета. Запомнилось, что в школе мне дали пальто. Там детей и кормят бесплатно: дают мате (только его заваривают, а не пьют, как обычно, через трубочку) и булочку. Я сменил несколько школ, так как семья часто переезжала. В школе меня называли «поляко», ведь я приехал из Польши. Это не было ругательным словом: там дети разных национальностей, и называют кого «еврей», кого «немец» и т. д. Если ребенок родился в Аргентине, то он становится «аргентино». Только японцы оставались японцами: при японском посольстве (это считается территория Японии) был роддом, и они всегда там рожали. И японцам запрещалось вступать в смешанные браки. У меня друг-одноклассник был японец, который влюбился в польку. Но его родня была против, и он сделал себе харакири. Запомнилось, что когда мы пришли на похороны, японцы нас встречали улыбками, как будто у них случилось что-то приятное. Мы там недолго побыли (неудобно было) и поскорее ушли.

Когда я учился в колледже, то мог посещать студенческий городок: только показываешь свой студенческий — и можешь

* «Crusar» (ісп.) — перайсці.

проходить (учащихся университетов это не касалось). В городке можно было взять велосипед и покататься, играть в разные игры, выпить биду (национальный напиток). Перон однажды запретил продавать кока-колу в Аргентине, потому что это американский продукт. Запрет длился два года. Он говорил: «Imperialista roja y imperialista Americana no pasaran en la Argentina»*. Рядом со студенческим городком была резиденция президента, по которой он ездил на мотороллере. В этом студенческом городке я на банкете однажды сидел недалеко от Эвиты Перон. По-моему, был день студента, 21 сентября: это в Аргентине начало весны. Банкет там обычно устраивали, и я туда попал. Всех не пригласят — кто первый попал, тот и сел.

Учеба в университете в Аргентине бесплатная, но книжки самому надо покупать — они дорогие. И надо оплатить экзамен: покупай марку, приклеивай — и сдавай экзамен. В специальном отделе полиции на меня была анкета после ареста Василя и Ивана. Когда была забастовка в университете из-за двух преподавателей, которых, как мы считали, незаконно выгнали, меня вызвали в «Комисьон эспесьяль дэ ла полисия фэдэраль» и сказали, чтобы не лез в эту забастовку. В Комисьон эспесьяль меня вызвали и перед отъездом в СССР. Целый час уговаривали остаться, говорили: «Ладно, твои родители уезжают. А тебе это зачем? Ты уже здесь жизнь прожил, что тебе там надо?». Я им: «Поеду», а они — «Ну, нет так нет. Передавай привет Хрущеву». И я, вообще-то, поехал только потому, что родители поехали. А так бы я никогда не поехал. Больше всего за возвращение были братья — Иван и Василий. И тот и другой: у них дети болеют, но всё равно пойдут на собрание. Оба были среди руководства.

Приехали в СССР в 1955 г. в июле месяце. Тогда ехала наша семья и семья Ивана. Мы продали дом (85 тысяч песо), выехали 26 июля. Запомнил дату хорошо, потому что это день смерти Карла Гарделя — в Буэнос-Айресе знаменитый певец танго, который в 1935 г. разбился. Плыли на французском пароходе «Британник». В Советский Союз ехало нас человек тридцать. Киндрук с нами ехал в Белоруссию. Мы сначала в Уругвай приплыли, потом в Сан-Паулу. Там нас встречали наши украинцы

* «Чырвоны імперыялізм і амерыканскі імперыялізм у Аргенціне не пройдуць» (ісп.)

и белорусы; они зашли на наш пароход. Мы не имели права выхода в порт, потому что сказали, что с советским паспортом выходить нельзя. Но в другом городе — Байи — я вышел... Мы ехали по маршруту Сан-Паулу — Сантос — Рио-де-Жанейро — Байи — Дакар — Барселона — Марсель — Генуя. В Генуе мы вышли и поездом до Вены. В Вене пробыли три дня, там как раз окончился срок нахождения наших войск, и все советские оттуда уезжали. И нам не хватало мест, чтобы ехать дальше. Потом мы вместе с военными и приехали сюда, в Чоп.

— *Какие были Ваши впечатления, когда приехали сюда?*

В Чоп? Я увидел, как ходят босые, спросил у начальника: почему так? «А это те, кто работать не хочет», — отвечает. Первые впечатления были нехорошие, а дальше еще хуже. Не сравнить уровень жизни, который был в Аргентине, и тот, который был здесь. Аргентина тогда была на высоком уровне жизни, не думаю, что в США тогда питались лучше, чем в Аргентине.

После Чопа поехали в свою деревню Латыши. Через недели три мы с Иваном приехали в Минск (жили у знакомых по Латышам в районе тракторного завода) и хлопотали о квартире. В декабре нам дали квартиру на улице Ленина. Отец работал еще здесь, на заводе автоматических линий, мама тоже год где-то работала.

Родители постепенно разочаровывались в том, что вернулись. А первым разочаровался Иван: когда мы выходили из Совета Министров, где хлопотали о квартире, то он так начал ругаться нецензурно по-испански, что я даже от него такого никогда не слышал и говорил: «Ты что, Иван?»

Василий сразу не поехал в СССР, потому что посольство не разрешило. Он был президентом «Белинского», и ему посольство, видимо, сказала доделать дела, которые там оставались. Его семья приехала позже нас, а он сам — еще через полгода. Это было в 1956 г. Василий, когда приехал, месяц вроде еще ничего. Меня ругал, что я написал в Буэнос-Айрес письмо своему другу, художнику-карикуристу Янину, который сотрудничал с журналом «Рико тип». Это был известный художник, я с ним просто дружил, мы вместе ездили: он на работу, а я в университет. Ему написал письмо о том, что дела здесь в СССР плохие, и хотел, чтобы он походатайствовал о моем возвращении. Он пошел в посольство, но его, конечно же, там выпроводили. Так Василий мне это напомнил, когда приехал сюда: мол, написал

что-то, в посольство ходил какой-то и говорил, что ты хочешь назад уехать. А потом Василий сам уехал в 1963 г.*

— *По какой причине он уехал?*

Причина, по которой Василь поехал обратно, была такая: дети здесь болеют (особенно сын Сергей — его и в санаторий отправляли). Причину же надо было найти: не скажешь же, что тебе не нравится. И вначале не было возможности вернуться, а затем было соглашение с Аргентиной — и начали их отпускать. А у меня уже была семья (жена моя из Кургана), дочь уже была.

После приезда сюда я хотел устроиться в Москве. За мной, естественно, следили. В общежитии Министерства высшего образования десять дней жил, с меня ни копейки не взяли. Москвы не знал совсем, и мне помогало аргентинское посольство. На посольской машине я ездил в иняз (с деканом иняза разговаривал) — не получилось там устроиться. Потом секретарь посольства Аргентины созвонился с Борисом Вельяминовичем, который вел передачу на испанском языке из Москвы на Латинскую Америку. Мне надо было заработать деньги: у меня не было ни копейки, чтобы вернуться в Минск. «Хорошо! Напишите о положении студентов в Аргентине», — он по-испански хорошо говорил. Я написал, а мне на следующий день: «Вы знаете, это уже не актуальная тема (там произошел переворот, Перона выгнали). Напишите о положении трудящихся...», — я уже положил трубку. Посол Аргентины дель Карриль после того, как я ему все это рассказал, посмотрел на меня и сказал: «Я видел придурков, но таких придурков еще не видел». Достал где-то 500 рублей, отдал мне: «Езжай в свой Минск». Я так и приехал. Этого посла потом объявили персоной нон грата: он целую семью (таких, как мы, переехавших) спрятал на аргентинском грузовом корабле. Но их, конечно, прихватили. И объявили посла персоной нон грата.

— *Я дам прочитать Вам статью из газеты, где упоминается Ваша фамилия. Что Вы думаете по этому поводу?**

* Жданеня Васіль (1920–2003) — актыўны грамадскі дзеяч прасавецкай беларускай дыяспары ў Аргенціне (Буэнас-Айрэс). Арыштоўваўся аргенцінскімі ўладамі. Старшыня клубу «Бялінскі». З 1956 г. у БССР (Мінск). У 1963 г. вярнуўся ў Аргенціну, памёр у Буэнас-Айрэсе.

** Прапануецца прачытаць артыкул з «Бацькаўшчыны», які змешчаны ў раздзеле 1, № 29.

Это полный бред! Не было такого, что тебе кто-то в уши складывал, что Ляшук или Бойко нас сагитировали. Мы сами себя агитировали. Они руководители, но мы сами себя агитировали. И даже в то время, когда клубы были закрыты, мы: как там Родина, как там дела хорошо идут... Это чушь в статье. С советским консулом у нас были нормальные отношения: каждый год на 7 Ноября нас приглашал консул на торжества. Это и в конце сороковых и в пятидесятые годы. Приглашали на праздники на банкет всех руководителей, и Иван и Василий все время ходили.

— *А какие издания выходили в Аргентине?*

Наша газета выходила «Наш Голос»: Бойко там был редактором, и Спиридонова в ее работе участвовала. Я пару раз забирал эти газеты из типографии в клуб, чтобы распространять. Мы же распространяли там по квартирам эту газету.

— *Это было легально?*

Легально: и типография легально, и распространяли. Я знаю, что газету компартии «Ориентасьон» закрыли, потом «Ла Ора» тоже закрыли... В газете «Наш Голос» сотрудничала Спиридонова, которая проверяла правильность русского языка. Она была из дворянской династии, нас учила русскому языку, а я дружил с ее сыном Мигелем. Он ездил в Японию (рыбками аквариумными торговал и закупал их в Японии), приезжал к матери в СССР, но в Минск не заезжал. Матери в Аргентине сказал: «Я аргентинец, я отсюда никуда не уеду».

Сюда в гости из Бериссо приезжали Денисени: Карлос и Хосе. Хосе был здесь тайно. Моя жена его видела, потому что она работала в турбюро в гостинице. Ему сказали: «Это жена Мита» (Мита — это я). Потом отец их (Демьян) приехал, а недавно и мать приезжала. Денисени наши родственники: жена Карла Авдотья — племянница моей матери.

В Минске я работал на заводе автоматических линий чертежником. В 70-х гг. я ушел на завод по ремонту вычислительной техники, работал до пенсии механиком. Василий работал на тонкосуконном заводе, а Иван и Костя работали на камвольном. Иван умер в 1990 г., Костя в 1975 г. Василий вернулся вместе с семьей: с тестем, тещей, женой и тремя детьми (Сергей, Ольга и Алисия). Они купили недалеко от старого дома себе дом в рассрочку. Там в рассрочку купить дом проще простого: мы, когда строились, то отдали десять тысяч, а потом взяли в рас-

срочку в ипотечном банке тридцать пять тысяч под три процента. Тем более что инфляция идет, и это уже не деньги... Сергей сейчас имеет фотостудию, Ольга работает на «Фиате», Алисия работает архитектором. Дети в клуб уже не ходили, а Василий, естественно, ходил.

— В клубе на него не смотрели как на предателя Родины?

Нет. Он же сразу пришел. Да и клуб уже не тот, что раньше. Я у него спрашивал в письме: «Что ты там делаешь?» — а он мне: «В карты играем».

г. Минск. 13 сентября 2007 г.

№ 12

Иосиф Иванович Пронько

Родился я в 1940 г. в городе Коровель Вогадо (Парагвай). Мой отец Иван Никодимович Пронько — крестьянин из Западной Беларуси (деревня Домаша Ляховичского района). Его старший брат Александр при Польше состоял в каком-то обществе, которое было за освобождение Беларуси, против поляков — что-то в этом духе. Где-то в 1937 г. все братья и сестры семьи — Александр, Иван, Николай, Шура и Аня — уехали в Парагвай. При Польше там земли какие-то покупали — точно не знаю. Пожили в Парагвае год-два,

работая на земле, и перебрались в Аргентину. Моя мама-полька (Антонина Плавска) тоже переехала в Парагвай. Она вроде бы из Пружанского района, но маму я мало помню.

В Аргентине семья сразу осела в Буэнос-Айресе. Все братья (Александр, Иван и Николай) работали в пиццерии, которая принадлежала тоже какому-то эмигранту-«поляку». Делали

пиццу, «empanadas» (как наши чебуреки: на тесте, а внутри котлета — очень вкусно). Переселенцев из Польши всех называли «поляко», а евреев «русо». Если идем в магазин к еврею, то говорим: «Идем к русскому». А белорусы — это «поляко».

Мои родители развелись, когда мне было шесть лет. Я остался с папой. Он был простой деревенский мужик, но таких людей больше нет. Приведу один случай. Когда мне было лет семь, ребята на улице решили купить мячик. Мяч для футбола обычно делали сами: в чулок бросали разное (тряпки, бумагу) и играли. Пока мамы нет, папа на работе, я открыл шкаф, из кармана пальто взял мелочь (мячик тогда стоил песо-полтора). Купили мячик, играем. Пришел отец с работы — я боюсь: вдруг узнает. Назавтра садимся обедать — хлеба нет. Кушаем, я спрашиваю: «Папа, где хлеб?» — «Хлеба нет, сынок, — спокойно так отвечает. — Понимаешь, какой-то негодяй в автобусе или где-то еще залез ко мне в карман и достал последние деньги. Как раз они для хлеба и нужны были». Я молчу, без хлеба ем. Ужинаем потом без хлеба, завтракаем без хлеба, обедаем без хлеба. И он не ест хлеба. Мне жалко стало: из-за того, что я взял деньги, папа хлеба не ест. На третий день сказал: «Папа, эти деньги я взял». Я ожидал, что он возьмет ремень, будет меня бить. Но он: «Ты не мог меня попросить? Я бы знал, сколько дать на мячик, сколько оставить на хлеб. Так больше не делай: ведь я о других людях плохо подумал. Видишь, какой у тебя поступок нехороший». И все: ни ремня, ни крика... Какой человек: «О других людях плохо подумал!» Какой урок мне на всю жизнь преподдал! После этого в жизни я ничего не украл.

У нас были клубы: наш назывался почему-то «Белинский»; были «Горький», «Павло Тычина». В клубах были хоры русские, я ходил на кружок русских народных танцев (нашим преподавателем был Каличко). С танцами мы выступали в наших клубах на праздниках, среди которых самым большим был 7 Ноября — День Революции. Мы выступали в своем клубе, могли поехать, допустим, в клуб «Горький» и выступить на вечере, который там организовывали. Клубы были для развлечений, где собирались общие компании. Было весело. Мы также делали пикники, маевки: много тысяч людей собирались на берегу Рио-де-ла-Плата или на берегу моря. Могли делать мясо паррижада — на решетках, или асадо — это большой кусок мяса, который на кресте можно сделать. А паррижада можно сделать чинчулины

(колбаски). Встречались друзья, земляки. На праздники в клуб или на пикник приходил и посол СССР.

— *Вы себя белорусом считали в Аргентине?*

Никогда над этим не задумывался. Аргентина — страна, где много национальностей. И никого не волнует, кем ты себя считаешь. Человек! У меня не было никаких проблем с этим... В клубах мы общались на испанском, а родители на своем русско-польско-белорусско-украинском смешаном языке. Например, что такое «железко»?

— *Железо.*

Нет, это «утюг». Когда я приехал сюда и мне говорили «утюг», я не знал, что это такое. Для меня это было «железко» или «plancha»*. Вот такой там был язык. Клуб «Белинский» был для меня как второй дом: в него ходил три-четыре раза в неделю — это же был наш досуг. В клуб ходили только наши люди; хотя я однажды пригласил на пикник и друга итальянца — он тоже поехал. Советская пропаганда была такая: как хорошо в стране советской жить. А в политической жизни Аргентины мы не участвовали. Но среди наших людей симпатии были на стороне Коммунистической партии Аргентины. И влияние коммунистическое, безусловно, было.

— *А к Перону как относились?*

Я к Перону хорошо относился. Но Перон ведь и к социализму шел, при нем в Аргентине лечение и учеба были бесплатные.

— *Вы помните день, когда умер Сталин?*

Помню. Меня взял с собой отец, и мы пошли в советское посольство. Стояла очередь в посольство, как в Москве в мавзолей. В посольстве стоял портрет, и была книга, в которой писали соболезнования. Все шли с цветами к портрету — эта очередь запомнилась. И запомнилось еще: когда Хрущев разоблачал Сталина, вышли газеты с заголовками: «Вторая смерть Сталина» (это в газете «Clarín»). Доклад Хрущева, что у нас в секрете держалось, там был напечатан. Я жил в Союзе, этого здесь не знали.

— *А власти преследовали наши клубы?*

Не сказал бы. Были какие-то стычки с, как мы их называли, «белогвардейцами» — у них был тоже какой-то один клуб. Да

* «Plancha» (исп.) — прас (утюг).

и в наш клуб приходил один литовец, который всегда спорил с отцом... Хотя, когда я был маленький, был какой-то шум, и на время закрыли наш клуб: забирали книги. Что-то такое было. И родители говорили: «Вот сейчас некуда ходить. Какого черта лезем в аргентинские дела. Живем здесь, но наша Родина в Советском Союзе. Мы должны ее не забывать: по-нашему петь, танцевать. В клубах будем делать, что хотим. Зачем трогать эту страну: конечно, они за это будут нас бить». Такое было, это я помню.

— *Можно сказать, что Ваши дядья были политизированные люди?*

Мне кажется, можно. Потому что они были большие патриоты. После того как Западная Беларусь стала советской, они даже паспорта сделали советские. Посольство СССР выдавало заграничные советские паспорта, и они стали советскими гражданами. А во время войны они собирали вещи, деньги, одежду в помощь СССР. Была какая-то организация, куда всё это сдавали, и посылки посылали. Тетя рассказывала, что мои детские вещи, из которых я вырос, посылали в Советский Союз другим детям.

Когда была советская выставка в Аргентине, мы туда шли еще и потому, что белогвардейцы колеса могли в МАЗах порезать. То есть мы были негласной охраной, следили за порядком. Был один эксцесс: кто-то хотел порезать колесо МАЗа, здоровенной машины (тогда, кажется, уже был двадцатипяти-тонный)... Водку пшеничную «Московскую» покупали, и дома она лежала как лекарство. Дядя Коля пил ее как лекарство: выпьет чуть-чуть — о, хорошо кровь пошла!

— *А они были коммунистически настроены?*

Да. Я был пацаном и распространял среди своих журнал «Union Sovietica»*, «Огонек». Никаких политических действий при этом не было. И за эти издания не платили — бесплатно раздавали. Но их мы получали из посольства, а сами издавали газеты «Наш голос» или «Наша газета». Как раз Елизавета Спиридонова (она нас учила русскому языку) была одна из тех, кто ночью слушал Москву. Потом она писала и публиковала статьи в этих газетах.

У нас было и общество взаимопомощи — «Ayuda mutua bielorusa» (белорусская взаимопомощь): я даже к врачу ходил

* «Union Sovietica» (ісп.) — Савецкі Саюз.

через это общество. У меня заболел зуб, пришел в общество, и оттуда меня направили к аргентинскому врачу (ему, наверно, платили). Сказал: «Я из «Ayuda mutua», — и меня приняли.

— *А в церковь наши люди ходили в Аргентине?*

Да, ходили. И я два раза там был мальчиком. Кстати, у нас в Бресте служит в церкви на «Востоке» отец Евгений. Он был в Аргентине, строил там церковь.

— *А почему Вы поехали в Советский Союз?*

На Родину отца. К тому же, в шестнадцать лет интересно ехать на другой конец света через океан. Мне по душе движение, познание нового. Поэтому я и люблю свою работу.

— *А как Вам представлялся Советский Союз?*

Вы смотрели фильм «Кубанские казаки»? Вот так и представлялся, как в этом фильме. Отец меня раз пять на него водил. В Аргентине показывали в кинотеатрах «Волга-Волга», «Садко» — масса советских фильмов. И мне представлялось, что в СССР всё твое, всё народное: все танцуют, все смеются и поют. Правда, мой сосед в Аргентине, старый итальянец говорил: «Хосе, ты уезжаешь из Аргентины. Плохо. У вас здесь есть дом, ты учишься, брат заканчивает учебу. А там придется все заново начинать». Я отвечал: «Дон Паскуаль! В этой стране человек эксплуатирует человека! Это невозможно!» А сосед: «О-о! А там еще хуже: там государство эксплуатирует человека. Против человека бороться можно, а против государства — ох как трудно».

— *Он прав оказался?*

В то время — конечно.

В СССР мы отправились в апреле 1956 г.: дядя Николай, тетя Паша (жена дяди Александра, мама Володи), Володя и я. Через год приехал дядя Александр. Остальным родственникам мы дали знать, чтобы не ехали. У одной тети была собственная мастерская, а у второй тети муж — столяр-краснодеревщик высшего класса: у него заказывают спальню в стиле Людовика XIV, и он по эскизам делает эту спальню. Они хорошо жили.

Когда плыли на корабле «Энтре Риос», мы изучали книгу «Сто вопросов и ответов о Советском Союзе», выучили гимн СССР на испанском языке. Когда наш пароход заходил в Одессу, нас встречали с оркестром, который исполнял гимн СССР. И мы хором в тысячу голосов начали петь гимн по-испански. А в порту все к этому отнеслись с полным безразличием: все сидят.

И мы после первого куплета перестали петь. В Аргентине если играет гимн, то все встают. В Буэнос-Айресе в кино сидишь, смотришь журнал: там флаг аргентинский поднимают, — и все встают, аплодируют. Это было священо... То же удивление было, когда нас переселили на пароход («Тбилиси», по-моему). В двенадцать часов там организовывали ужин, и по радио начал играть гимн. Мы все встаем, а официанты ходят с подносами. Думалось: как так можно?

В Одессе нас два дня держали на пароходе. Мы вышли в город, на улицу — для одесситов мы одеты как совсем другие люди. И за спиной слышалось: «У-у. Это американские шпионы». Было очень обидно. Некоторые хотели сразу на пароход и вернуться назад: мы же всегда были советские патриоты, а тут — «шпионы». Не знаю, миф это или правда, но впоследствии среди нас ходил слух о том, что один человек спрятался на корабле, который возвращался в Аргентину. Но корабль еще был в советских водах, его остановили, нашли беглеца и жестоко избили.

Из Одессы всем давали направления; там комиссия какая-то была: были и те из наших, кто раньше приехал. Нас направили в Глубокский район Витебской области. Дядя Николай согласился — он был среди нас старший. На поезде мы доехали до Молодечно, а там увидели мужиков с торбами хлеба. Дядя спрашивает: «Откуда вы?». «С Глубокого, из колхоза «За Родину». А это тот колхоз, куда нас направили. А зачем вести хлеб в деревню? Пелена с глаз спала мгновенно. Дядя Николай сразу решил, что туда мы не поедем, а поедем в Минск. Володя остался в Минске (жил у Димы Жданени), а мы уехали в Барановичи (Николай, мама Володи и я). Потом нас Володя забрал в Минск.

В Аргентине я закончил школу (7 классов), а затем учился в технической школе. Там учили на токаря, после ее окончания можно было поступать в университет. А на советском заводе работал учеником токаря, где много было непривычного. Например, дали мне вытачивать гайки: точку, с каждой гайки фаску снимаю. А мастер ходит-ходит, и говорит: «Что ты делаешь? Не нужно этого делать. Мне надоело подкладывать тебе гайки, надо план выполнять». «Но как же так? Ведь человек может палец порезать». «Ерунда! Палец заживет, а норму надо выполнять». То есть качество не главное, главное — план... Потом я перешел на киностудию, где работал Володя. Сначала рабочим, по-

том осветителем, ассистентом оператора, потом перешел на работу оператора Брестского телевидения. В Минске у меня был шеф — знаменитый оператор, лауреат госпремии Войнерович Иосиф Наумович, у которого я работал ассистентом. Он ко мне очень хорошо относился.

В Аргентине мы все были вместе, а в СССР оказались разбросаны: кто-то живет в Бресте, кто-то в Минске, кто-то еще где-то. И однажды к нам приехали в Минск ребята из Бреста: в футбол сыграть, потом поужинали вместе. После этого договорились, что мы сделаем ответный визит в Брест. Через месяца три мы поехали (это было не позже 1960 г.). По приезду в Брест нас, человек пятнадцать парней и девушек, сразу отвели в отделение милиции на транспорте. Там мы просидели до вечера: уточняли, кто мы, зачем приехали. Они считали, что, может, это какая-то организация — баптисты или еще кто-нибудь (тогда баптистов преследовали). Мы объясняли, что приехали просто в футбол играть. Вечером нас отпустили: пришли наши брестчане, просили: «Столько еды приготовили, они же голодные целый день. И девушки еще». Нас отпустили покушать, но чтобы в одиннадцать уехали на автобусе. Приехали на квартиру — бах, свет погас. В других подъездах свет есть, а в нашем нет... Потом поехали в Минск, билеты уже у нас были на руках.

После того как приехал сюда, хотелось вернуться в Аргентину, не мог привыкнуть. После такого города как Буэнос-Айрес, где друзья, любимая девушка, тут — очереди за хлебом, почти ничего не было (всё дефицит). И по сравнению с Буэнос-Айресом мы бедно жили. У нас был багаж: большие сундуки, обитые кожей толщиной в 6–7 мм. Отбивали эту кожу и на толкучке в Минске продавали: сапожники покупали ее для подошв. Продавали материалы, которые были для пошива костюмов, пальто. В моде был габардин: мы отрезывали этого материала себе покупали для костюмов, а тут продавали. Сапоги продавали. Трудно жить было. Да и среди других жителей мы выделялись, потому что одеты были во все модное в Аргентине. А тут одеты по-другому. Нас называли стилистами. Мы ходили на танцы, и дружинники могли забрать: «Почему такие брюки?» Могли даже разрезать брюки.

Думал уезжать назад и у ребят спрашивал (у тех, кто уже ездил в посольство), как мне туда попасть. Они говорили, что в аргентинское посольство надо предварительно позвонить,

консул или еще кто-то выйдет на улицу тебя встречать и тогда проводит. А иначе тебя милиционер не пустит. Мне номер телефона посольства дали. Поехал в Москву, позвонил, меня встретили — все прошло хорошо. В посольстве сказал, что хочу вернуться в Аргентину. Отдал документы, а там написано, что я родился в Парагвае, а национальность — поляк. Отношений с Парагваем у СССР не было, потому что там у власти был фашист Стресснер. Мне сказали: «Мы ничего не сможем сделать, но мы можем выйти на Парагвай, они нам дадут разрешение, чтобы вести Ваши дела. Но это долго. А раз Вы поляк, то сейчас поляки выезжают в Польшу (разрешили тогда выезжать), пойдите лучше в посольство Польши». Это было где-то в 1959–60 г., только переехал из Баранович в Минск.

Я решил пойти в посольство Польши, и сказал: «Меня могут забрать, когда выйду из посольства». Они говорят: «Мы знаем: всех, кто приходит, берут затем в милицию. Но Вам повезло: у нас был посланник (или консул) США, он сейчас будет выезжать. Мы скажем, чтобы медленно ехали, и ты можешь спокойно идти до улицы Маяковского». То есть при консуле США арестовывать не станут. Вышел на улицу, машина поехала, мы на Маяковского только разминулись. И замечаю, что кто-то в штатском за мной идет. Но я готов к этому: зашел в метро — он зашел в метро, на следующей станции я вышел — он тоже вышел, но я успел обратно зайти в вагон — а он не успел. Так от преследователя оторвался.

Из-за всех этих событий от волнения я забыл, где находится польское посольство, и пошел в госсpravку на Белорусском вокзале. Ждал эту справку минут десять. И только отхожу от госсpravки, ко мне подходит какой-то майор: «Здравствуйте, Ваши документы». — «А что случилось?» — «На белорусском вокзале украли часы, и приметы преступника похожи на Ваши». «Пожалуйста, но я приехал сюда для того, чтобы уехать в Аргентину. Скучно мне здесь, а в Аргентине живет моя мать, надо ее увидеть — столько лет прошло». Он записал мои паспортные данные: там еще было записано, что работаю на Минском инструментальном заводе. Говорю: «Вы ошиблись. Я работаю уже на киностудии». Он поблагодарил, а я у него спрашиваю: «Как мне добраться до этого польского посольства?» Он мне объяснил, и через две троллейбусные остановки я вышел у польского посольства.

Интересная деталь: у польского посольства стоит милиционер и мерзнет (холодно, зима же). А я иду в короткой аргентинской кожанке — и он мне честь отдает. В посольстве я все объяснил: мама полька, Плавска ее фамилия. Начали делать документы: заполнил анкеты, прочее. Все заняло минут сорок. Мне сказали, чтобы ехал домой, что пришлют мне бумаги по почте. А тогда очень много поляков уезжало: был какой-то договор, что они могут выезжать в Польшу (а уезжало, кстати, много евреев). Выхожу на улицу, этот бедный милиционер, дрожа от холода, спрашивает: «Ну, как там дела в Минске?» — «А что там у Вас?» — «Да дочка у меня там учится». То есть перед моим приходом ему не успели сообщить, что придет такой-то, а теперь уже сказали. Говорю: «Ничего, в Минске тоже холодно».

— *А почему в паспорте написано, что Вы поляк?*

Это совсем другая история. Когда я заполнял документы на паспорт во Фрунзенском РОВД г. Минска, написал, что родился в Парагвае, — и всё как есть. А когда получил паспорт, то в графе «национальность» было написано «парагваец». Сказал: «О, хорошо: уеду в Парагвай». У меня тут же выхватили паспорт и через минут тридцать приносят новый, где написано «поляк». Спрашиваю: «Простите, а почему? Парагваец же было написано». Мне отвечают: «Ты же только родился в Парагвае. Мама полька? Полька. А если лошадь родиться в коровнике, то она корова или лошадь? Вот и ты: мама полька, ты — поляк».

А в Минске спустя неделю после моей поездки в Москву вызвали меня в отдел кадров и говорят: «Надо поговорить. С работы Вас освободят, пойдёте со мной». И пошли мы в здание КГБ — от киностудии, которая была в Красном костеле, это недалеко. Зашли, со мной побеседовали около двух часов. Молодцы ребята, все мне объяснили. Говорят: «Тебе повезло, что не сталинские времена, иначе неизвестно, где бы ты был». Спросили, почему хочу уехать. Отвечаю: девушка моя там, друзей у меня здесь нет, пить я не умею, не могу. Скучно здесь, и хочется назад. «А почему в Польшу?» Объясняю, что так посоветовали в аргентинском посольстве. «А что тебе здесь не нравится? Работа?» — «Нет, работа хорошая, люди отличные. Но ностальгия и жить негде: живу у тети, прихожу поздно, конфликты возникают». Они меня уговорили. Я сказал, что в Польшу не поеду, но что мне делать, когда придет почта с документами. Сказали, чтобы просто не отвечал (что спустя три месяца

я и сделал). А через недели две после этого разговора в КГБ мне предоставили комнату в двухкомнатной квартире. Но там я мало прожил. Вскоре поехал в командировку в Брест: снимали первый белорусский широкоэкранный документальный фильм «Утро над Бугом». И здесь познакомился на танцах со своей будущей женой. А в это время в Бресте открывалась местная телестудия, где нужен был оператор. И я переехал в Брест, с осени 1961 г. здесь и живу.

— *А что, в Аргентине меньше пьют, чем у нас?*

В Аргентине была свадьба на тысячу двести человек в клубе «Белинский». Отец говорил: много, аж шесть литров водки выпили (шампанское и вино не считалось). А тут бутылку водки на двоих могли разделить. А в Аргентине три тоста: Salud; Salud y plata; Salud, plata y amor*. В Аргентине жарко — невозможно много пить.

После моего переезда в Брест возникли сложности с трудоустройством. Я уже поменял ту комнатку в Минске на трехкомнатную квартиру в Бресте. Прихожу на телевидение, мне говорят: «Мест нет, все уже занято». Как же так: я уволился с таким трудом из Минска, поменял жилье — а тут «занято». Выхожу расстроенный: что теперь делать? И мне ребята сказали: «Дудко, председатель комитета по радиовещанию, узнал, что ты из Аргентины, а тут граница. Поэтому не хочет брать». Вот тут мне пригодилась одна фотография, оставшаяся после работы на минской киностудии. Однажды в Минск приехали Ли Шаоци, премьер-министр Китая, и премьер-министр СССР Брежнев. Мой шеф дал мне камеру, и я снимал средние планы. Снимаю, отхожу — кому-то на ногу наступил. Оборачиваюсь — а это Брежнев. Я говорю: «Извините!» — а он: «Ничего-ничего, работайте». А в это время корреспондент «Знамя юности» нас сфотографировал: получился я в обнимку с Брежневым.

Беру я ту фотографию с Брежневым и иду в Бресте к начальнику КГБ генералу Сазонову. Пропустили меня к нему, я по-русски плохо говорю из-за волнения, но сказал: «Куда я приехал? Хочу уехать назад немедленно! Помогите мне уехать: вот этот человек мне доверяет, а какой-то Дудко не принимает на работу». И показываю фотографию с Брежневым. Конечно,

* «Salud; Salud y plata; Salud, plata y amor» (исп.) — Здароўя; Здароўя і грошай; Здароўя, грошай і каханьня.

рассказал ему всю свою историю с переездом в Брест. Со мной побеседовали, сказали: «Тут граница, проверяют тщательно человека». А от КГБ до радиокомитета примерно сто метров. Прихожу туда, а меня встречает Дудко на улице: «Где ты ходишь, Иосиф Иванович? Я тебя ищу! Давай, иди работать!». Он уже приказ успел написать задним числом, что я работаю со следующего дня после увольнения с киностудии в Минске.

— *Вас просили в советское время рассказать в какой-нибудь газете об Аргентине?*

Я говорил: «Если плохое хотите услышать про Аргентину, то я ничего не скажу. Только хорошее». Даже на футболе всегда и до сих пор болею за сборную Аргентины. Ну, тогда было так: не хочет человек — и не надо. А многие были такие, что писали такие статьи, а потом уехали назад. Были такие. Тот же Жданеня: в нашей газете в Аргентине он написал статью о том, что дядя Александр, Володя и я такие-сякие бездельники, не хотим работать в СССР, хотим вернуться. А потом сам уехал. У кого-то был отрывок из той газеты.

А родственники мои в Аргентине жили после нашего отъезда как и раньше. Со стороны властей изменилось отношение, когда брат Хуансито побывал у нас где-то в 1974 г. вместе с отцом в гостях (пожил месяца три). Из-за этого ему стало плохо в Аргентине. И дядя Сергей (муж тети Шуры) сказал ему: «Мне не нравятся эти гориллы, ходят возле нашего дома. Ты лучше уезжай». Дал ему денег, и брат улетел в США. Там и остался жить.

г. Брест. 24 сентября 2007 г.

№ 13

Анна Петровна Балахонова.

Я, Анна Петровна Балахонова, в девичестве Бетько, родилась 30 марта 1945 г. в городе Буэнос-Айрес. Мои родители в 1937 г. выехали в Парагвай из Западной Беларуси (теперь это Брестская область, Ляховичский район, деревня Большое Подлесье). Эта часть Беларуси была занята поляками. Отец, Бетько Петр Геннадьевич, 1905 года рождения, с 12 лет был сирота, без матери, затем служил в польской кавалерии. А мама — Надежда Климентьевна — родилась в многодетной семье в 1915 г.,

тоже из Большого Подлесья. Они были крестьянами, но земли было мало, жизнь нелегкая, плюс ко всему были преследования из-за того, что они защищали белорусский язык. Мама читала стихи, выступала, а отец как бы охранял эту группу. Главное давление во время Польши было то, что православных заставляли принять католицизм. Деревня родителей не приняла католицизм, хотя из Западной Беларуси переходили в католическую веру. Мой дядя пострадал: он был старший в семье и отказался ходить в польскую школу. Его вызвали и выжгли (или что-то такое сделали) католический крест на середине головы. И после этого многие годы вокруг волосы росли, а в выжженном месте не росли, и крест высвечивался. К тому же, в то время (как мне объясняли родители) была агитация белополяков, которые показывали красивую жизнь в Аргентине, Парагвае. И играли на этой крестьянской струнке, говоря, что в Парагвае будет дано очень много земли. И они уехали в Парагвай на корабле через Гданьск.

Первое, что поразило родителей и что они увидели по приезде в Асунсьон, это то, что была тюрьма, и ходили почти обнаженные люди, но со шпорами на ногах. В Парагвае им выделили огромное количество земель, сказав: «Берите мачете, сколько

вырубите, вся земля будет ваша». Они нашли тех людей, которые были изображены на агитационных фотографиях. И оказалось, что эти люди жили в бедности, а за фотографирование им пообещали много денег. И родителям сразу стало ясно, куда они попали и какую фортуны они нашли. Там и страшно было: дикие животные, обезьяны. Многие там не выдерживали и сходили с ума. От этого недалеко был и мой отец, но его поддерживала мама, которая была сильнее духом.

Первой мыслью было вернуться назад: мама была прекрасной рукодельницей, и она продала все ткани. Когда же она, совершенно не зная языка, пошла покупать билет, то ей выдали один билет и захлопнули окошко. В итоге не уехали ни мать, ни отец, поскольку одного супруга не оставить, и остались они без денег. Приняли такое решение: наняли на последние деньги мужчину, который на каноэ их переправил в Аргентину.

В Буэнос-Айресе мама поступила на службу к евреям, которые знали русский язык (они приехали в 1917 г. или 1918 г.), и работала у них в доме. Отец долго был без работы, потом работал на мебельной фабрике. Родители часто не хотели рассказывать о тех трудностях, которые им пришлось испытать. У них долго не было детей, я родилась только в 1945 г.: им самим очень трудно было жить, куда уж тут дети. В Аргентине постепенно, выучив кое-как язык, папа работал на мебельной фабрике инкрустатором-краснодеревщиком. А мама работала швейнадомницей: ей давали какие-то выкроенные вещи, курточки такие, и она их шила. Под колыбельную швейной машины я и росла. И, когда мне было пять лет, мы построили домик около Буэнос-Айреса (Вижа Бош).

Мне родители всю жизнь рассказывали о Родине, которая есть (они употребляли это слово не в прошедшем времени, а в настоящем). И они мне настолько привили эту любовь, что для меня это тоже была Родина: это я родилась в Аргентине, но все равно чувства мои были с Беларусью, с тем кусочком природы, о котором мне рассказывала мама. И родители говорили на смешанном белорусско-польском языке (не чисто белорусском). И я, так как росла дома, почти не знала испанского языка. Поэтому когда я по исполнению шести лет пошла в школу, дети надо мной стали смеяться. И я сказала, что не буду ходить в школу. Моя мама вынуждена была все деньги, которые были, собрать и отдать меня в первый год обучения в частную школу.

Квіток Беларускага дэмакратычнага камітэту падчас збору сродкаў на рэканструкцыю шпітэля ў Мінску

Время сейчас, конечно, другое, отношение другое, но во мне осталась эта боль, рана от того, как относились к нам, русским эмигрантам. Это часто проявлялось в школе: кто-то подерется, разобьет стекло, а виноватой оказывалась я. На самом деле я была тихим, смиренным ребенком. К этому меня приучили: ты здесь чужая, и, пожалуйста, никогда не вмешивайся ни в какие дела. А вслед мне очень часто звучали оскорбления, такие, простите, как «дерьмо русское».

У нас была отдушина: общества, которые назывались «Клуб Горького», «Клуб Белинского», то есть в основном они носили имена наших русских писателей. Мои родители ходили туда еще до моего рождения. Сначала в клуб имени Горького, но это было тогда, когда они жили где-то в центре, и я этого не помню. Во время войны, отец говорил, что постоянно следил за информацией: что сделали, что освободили, все время болели душой за Родину. Чувство патриотизма было очень высоко. Отправляли деньги, вещи (мама вязала варежки). Доходило ли это — мы не знаем. Мама рассказывала, что нельзя было отправлять новые вещи, и отец надевал туфли и ночью ходил, чтобы они не имели вида. Натягивали платье или юбку, чтобы тоже выглядело ношенным. А как послать старое, у мамы руки не поднимались: там сестры остались, младший брат на фронте был. Посылали в деревню (одна посылка дошла до бабушки), а также приносили пожертвования в общество. Мама говорила,

что был сборный пункт, откуда отправляли посылки и деньги в помощь СССР.

В эти клубы объединялись люди такой же судьбы, как и мои родители. Эмигрантов волны до 1918 г. я не помню. Но были и люди военного времени, после 1945 года. Это люди, которые находились в плену. Нам рассказывал, как сейчас помню, Попов (мы позже встретились с ним на пароходе, они были оба танцовщики из Большого театра). Из уст этих людей я слышала, что они оказались в лагере. Там их вызывали и задавали вопросы. По лагерю прошел слух, что, если говоришь, что мне все равно, где жить, им оставляли жизнь и отправляли в какие-то страны. Они попадали к кому-то в дом убирать, на поле, выполняли любую работу. А если люди говорили с чувством патриотизма (не меньший патриотизм был и у людей, которые попали в Аргентину), что хотели на Родину, то людей расстреливали. То есть были и люди, которые после войны оказались в Аргентине, но в основном это были эмигранты периода до 1939 г.

В клубах были все славяне: поляки, чехи, белорусы, украинцы. Клуб был местом наших знакомств, кусочком нашей Родины. Различий у нас не было: откуда бы ты ни был (белорус, украинец, русский), ты «русский», «наш». А чисто украинских

*Сярод сяброў у клубе імя Бялінскага. А. Бецько
(сядзіць у цэнтры) абдымае сяброўку-українку Ю. Паўлік*

или белорусских обществ националистических в Аргентине я не знала. Детей учили русскому языку. Но учителями были те, кто шесть классов закончил (высшего образования у них не было). И они давали уроки русского языка, мы писали там диктанты. Это были смешные уроки: я сейчас погляжу то, что мы писали, и нахожу ошибки в тех диктантах, которые после меня проверяли. Пели русские и белорусские песни, в основном те, которые были до войны. Я хорошо помню, как мама пела «Зорку Венеру». В организациях праздновали Новый год 30, 31 декабря, а могли и 1 января. Кроме Нового года отмечали, например, годовщину Октябрьской революции.

Члены общества платили взносы ежемесячные (они были незначительные, потому что они были доступны нашей семье). У нас были членские билеты, где ставили штамп: заплачено за полгода, за три месяца и т. д. На взносы и на ту сумму, которую собирали к новому году вечером, снимали огромный зал, ставили столы, и все дружно собирались. Концерты были перед этим (говорю, потому что я была участницей художественной самодеятельности, танцевала). А нынешний директор Белорусского театра оперы и балета Сергей Кортес был руководителем хора у меня в клубе имени Белинского. У меня сохранился членский билет общества. Иногда были мероприятия бесплатные. Но зал рассчитан на определенное количество людей. Но если людей было много, мы с этим билетом проходили, у кого не было билетов, тот уже или платил или не пропускали. Но фильмы советские были уже и в аргентинских кинотеатрах.

Здание клуба было такое: обязательно салон, как говорят по-испански, большая площадка, двор (там жарко, поэтому часть закрытого помещения была, часть двора). Сцена была, и на втором этаже несколько административных помещений, бухгалтерия, комнатки, где проводили уроки русского языка, кружки пения и т. д. В клубе висели портреты Сталина, Белинского, поскольку в его честь назван клуб. Я помню девочку из Чехии, то есть двери этого общества не были закрыты, мог прийти человек, которому нравилась эта культура. Даже были люди не славянской национальности: они тоже могли, например, учить русский язык.

В Аргентине мои родители посещали православную церковь. Я помню, что это была квартира с двориком. Я после рождения была крещена в православной церкви. И собирались там

не столько потому, что это была вера, а для них это было место встречи всех славян. И не только: моя крестная мама литовка, подруга моей мамы (они познакомились в клубе). Она до сих пор живет в Аргентине. А когда мне исполнилось шесть лет, я пошла в школу, где был предмет «Закон Божий». И я сказала маме, что меня заставляют на этот предмет ходить. А мама учила, что надо жить с Богом в сердце, поэтому никакого греха ты не совершаешь. Мы соблюдали те заповеди, хотя постов не соблюдали. Как говорят испанцы «Керьендо пэро но практикантэ», то есть верующий, но не практикующий. И я там приняла ин-конференцию в католическую веру, поскольку посещала уроки «Закона Божьего». Когда мне исполнилось девять лет. Считается, человек уже может совершать самостоятельно грех, и ты первый раз исповедуешься.

Помню, как мы с отцом пошли в советское посольство. Посол был высокий, с кучерявыми светлыми волосами. Он очень хорошо относился к нашей семье, сказал, еще до смерти Сталина: «Подождите немножко. Что-то должно поменяться. Если Вы сейчас поедете, то Вы не попадете к себе на Родину». Отец всю жизнь, сколько мы там были, когда узнал, что можно как-то вернуться, у него было желание вернуться в Белоруссию, на Родину, освобожденную от поляков. И помню, как в 1953 г. умер Сталин: я была в белом платьице, и у всех, и у моего отца, были такие черные траурные ленточки (в Аргентине так принято: если траур, то мужчинам пришивают черную ленточку на рукаве, а у женщин должен быть какой-нибудь траурный бантик). Мы возле советского посольства выстроились и колоннами проходили, отдавали честь. ◊

Нам много рассказывали об СССР, показывали фильмы, мы и ходили на советские теплоходы, которые приходили в Буэнос-Айрес. И это было для нас как общение с Родиной. Я помню свое состояние: прекрасное чувство, как будто ты находишься на вершине. Нас на кораблях угощали: чаем или русскими конфетами, — мне казалось, что это все из какого-то другого мира. Для меня это был огромный контраст: ведь ко мне относились в Аргентине плохо. Нам показывали разные фильмы, и с каким удовольствием мы ходили смотреть эти фильмы! «Садко», например, мы видели. Их в клубе показывали, это был праздник. Любое событие в этом клубе — это был праздник: мы всегда нарядно одевались и долго об этом потом вспоминали. А хо-

дили мы на все мероприятия, которые там были (1-2 раза в месяц). А я ходила на все репетиции, вначале с мамой или отцом. В клубах не было никакого духа национализма. Дети больше общались на испанском. Хотя, когда отец моей подруги Юлии Павлик говорил по-украински, я его понимала. Мне даже не верится, что могут быть отдельно белорусы и украинцы. До того как мы уехали, уезжали наши знакомые. Уехала и моя подруга-украинка Юлия Павлик.

Когда была советская выставка в 1955 г. в Буэнос-Айресе, мы купили палку советской колбасы. Вкус этой колбасы, а столько лет прошло, я еще помню. И в том же году были политические события по свержению Перона. На заводы приезжали грузовики, чтобы защищали президента Перона. А мои родители, до того как стали оформлять документы на выезд в СССР, жили не имея аргентинских документов. Никаких документов на работе не требовали. У меня было аргентинское свидетельство о рождении. А уже перед отъездом родители оформили документы для эмиграции (здесь пришлось их переделывать). И отправили мы документы, и папа с тревогой полгода спрашивал в посольстве, не пришли ли документы на выезд. А тогда шла проверка: кем мы были, кем были родители до того как выехали. После войны на Родине остался только старший брат Николай, и он подписался, что согласен принять. Люди здесь тоже опасались: девятнадцать лет человека не было, а что он теперь будет требовать. Может, мама будет на что-то претендовать при разделе наследства, знаете, такая крестьянская жилка. А когда приехали, моя мама ни на что не претендовала.

Мы продали дом, который у нас был, для того чтобы переехать сюда, и в 1956 г. переехали. Мы приплыли на еще довоенном пароходе на 23 день. Приплыли в Одессу и там совершили ошибку: когда спрашивали: «Куда поедете?» — мама сказала: «В деревню Подлесье». Из Одессы шли поезда, и поезд специальный был: не по расписанию, а вне расписания. Он оставлял людей с этого парохода, развозил их по тем точкам, где люди указали, что хотят жить (на Украине и в Беларуси). А перед этим мы стояли на теплоходе «Ленсовет» в Одессе. Это была для нас гостиница, мы семьей жили в каюте. Нам выдали сумочки, мы должны были прийти туда и показать те деньги, которые у нас были. Менялись деньги. Но, когда мы отплывали из Буэнос-Айреса и поднимались по трапу на пароход, у отца

вытащили бумажник. Нас обворовали. И наши друзья, которые приехали нас провожать, что могли собрали, связали в кулек и перебросили нам на пароход. Но это же была мелочь, и нам дали суточные и на том же пароходе кормили. Из этого парохода мы могли выйти в город, у нас было разрешение. И мы один раз только пообедали на теплоходе, потому что цены были большие. Поэтому ходили в рабочую столовую, которая была в порту.

За переезд мы заплатили, видимо, колоссальную сумму, продав дом, и везли только необходимое. Мы прекрасно понимали, что война здесь все разрушила, но все же мы ехали в неизвестность. И когда приехали в Одессу, много непривычного бросалось в глаза. Первое, что запомнилось, сидел молодой человек, отрастил себе огромную бороду, небритый, невымытый, и просил милостыню. Столовая в одесском порту, куда мы ходили, была чистенькая, аккуратненькая, но мы были заметные люди, одетые по-другому. У всех одежда была добротная, но из-под топора сделана. А у нас она менее добротная, но изящная. Там к нам однажды подсел мужчина, который сказал: «А зачем вы сюда приехали?»

Мы приехали на Родину, в колхозе пошли нам на встречу: выделили помощь, древесину, чтобы строили дом, по более низкой цене. Люди помогали. Отчуждения абсолютно никакого не было. Помню, в тот день, когда мы приехали, я бегала по деревне и как будто не могла надышаться. Чувство раскованности, свободы. Потом, конечно, увидели, когда в Барановичи поехали, что очередь за белым хлебом. Но нас эти трудности абсолютно не испугали. Отец потом пошел работать на мельницу, мама почувствовала здесь себя здоровьем лучше. Когда папа работал, то с ним не хотели становиться в пару работать, потому что папа там работал от зари до зари, а здесь поработали немного — и перекур. А папа не курил, и говорил: «Надо же сперва сделать!»

Родители так и остались в деревне. Они приезжали в Минск, но им сказали, что не могут дать квартиру, это трудно. (Почему я и говорю о том, что ошибку совершили в Одессе, когда указывали место, куда поедут жить). Поверьте, нам, репатриантам, уступали, люди жили где-то в подвалах, а нам предоставляли такую возможность. Сказали, что могут предоставить барак. Мама при слове «барак» испугалась, потому что она знала те

бараки, што былі в Аргенціне. Она не знала, што барак — гэта звычайны драўняны дом, но не с умовамі. Но жыць там можна было, і работу маглі сразу даць абoім, но полгода прйдзеця пожыць в бараке. І родітэлі не сагласілісь. А я в 1957 г. уехала в Мінск, пoтoму што я была ўдaстніца хуdожэствeннoй самoдeятeльнoстi. Пpіeхaл Гeннaдiй Цитoвич, рoукoвoдiтeль бeлoруccкoгo хoрa, и увидeл, кaк я тaнцyю. Он пoдoшeл кo мнe, спpocил, гдe мoи рoдiтeли. Пoшли к мoим рoдiтeлeм, и скaзaл, чтo у мeня тaлaнт, и я дoлжнa пoстyпiть в хoрeогрaфичeскoe yчилищe в Мiнскe. И я пpіeхaлa с oтцoм пoстyпaть, и мeня пpиняли. Я жилa в Мiнскe, в дeтcкoм дoмe № 8, кoтopый нaхoдился нa Кoмcoмoльскoй 21. Этo был дoм для oдaрeннoй дeтeй: ктo-тo пeл в хoрe, ктo-тo игрaл нa мyзыкaльнoй iнстpyмeнтax. И тaм я жилa дo вoсeмнaдцaти лeт, a зaтeм в oбщeжитии. И в дeтcкoм дoмe я ничeм нe oтличaлaсь oт oстaльнoй дeтeй, тaк кaк пoдчинялaсь oбщим пpaвилaм, кoтopыe сyщeствoвaли.

В Аргенціне oстaвaлись тoжe мнoгo: ктo-тo бoялся нeизвeстнoстi, ктo-тo yжe кpeпкo стoял нa нoгax. И чeм старшe лyди стaнoвятcя, тeм тaкiе пepeезды тyжeлee. Нo, oткpoвeннo гoвoря, мoи рoдiтeли нискoлькo нe жалeли o тoм, чтo пepeeхaли. А нeкoтopыe yexaли oбpaтнo в Аргeнтинy, нo мы с тaкими лyдьми нe oбщaлись.

г. Мінск. 20 фeвpaля 2003 г.

№ 14

Карлос Григорьевич Шерман*

Мой отец Григорий Шерман родом из Пинска. Он служил в Красной Армии, и в походе дошел до Нижнего Новгорода, а потом попал в плен к полякам. В 1921 г. он эмигрировал и, когда уезжал, уже знал, что это ошибка. Приехал он в Монтевидео, где женился на уругвайке, в жилах которой текла индейская кровь. Затем семья переехала в Буэнос-Айрес.

В семье все говорили на испанском языке, хотя отец на нем говорил плохо. Эмиграция — это всегда трагедия, потому что часто возникают сложности, когда хочешь выразить свои мысли. Отец все время с тоской вспоминал о родине. Мама ему подавала огромную рыбу эльдорадо, а он ворчал: «Ну разве это рыба? Линь — вот это рыба!» Ему давали яблоки, красные, калифорнийские (каждое завернуто в салфетку — экспортный товар!), а он говорил: «Да вы не знаете, что такое белый налив. Антоновка!» Когда началась война, отец собирал деньги в помощь родине — эмигранты целый корабль помощи отправили. У отца была карта, на которой он флажками, сделанными из зубочисток, отмечал линию фронта. Он в войну ночью ловил московское радио, так как разница во времени составляет 7 часов. И если дети шумели, то мать говорила, чтобы не мешали, так как папа слушает радио.

Про антисоветскую эмиграцию я ни разу в Аргентине не слышал. Бывало, в прессе промелькнет сообщение о том, что протестуют против празднования советских праздников или еще что — тогда отец говорил, что это провокация. Он с несоветскими эмигрантами не общался: их мало, и если общаться, то, думаю, могли быть сложности с возвращением на родину. Отец посещал клуб советских граждан имени Белинского, но я туда практически не ходил. Только два раза туда сходил ради де-

* Карлас Шэрман (25.10.1934, Мантэвідэа, Уругвай — 2005), беларуска-іспанскі перакладчык, літаратар і праваабаронца. Нарадзіўся ў сям'і рабочага — выхадца з Заходняй Беларусі. Вучыўся ў Нацыянальным інстытуце імя М. Марэна (Буэнас-Айрэс) па спецыяльнасці «філалогія». Працаваў у аргенцінскіх газетах. У 1956 прыехаў у Беларусь. У 1964–1980 — загадчык рэдакцыйна-выдавецкага сектару Фундаментальнай бібліятэкі імя Якуба Коласа АН БССР. З 1989 — віцэ-прэзідэнт Беларускага ПЭН-цэнтра. Сябра Саюзу пісьменнікаў СССР (з 1979).

вушки. Клуб — это дом, который снимали за деньги, где после ремонта делали небольшие залы на приблизительно 80 человек. Хор был детский: пели «Катюша», «На рейде...» по-русски и по-испански. В клубах сильно было влияние посольства, но это поняли только по приезде в СССР. Было нудно: доклад читался несколько часов о том, сколько надоили, сколько металла выпустили... Только затем банкет. В клубе были и советские книги на испанском языке, но перевод был очень некачественный. Журналы были «Работница и крестьянка», где можно было увидеть пышногрудых девушек. Думалось, что в СССР рай на земле.

Аргентинские власти не препятствовали работе клубов, а затем выезду их членов в СССР. Они считали нас дурными, потому что уезжали из спокойной, нормальной страны в разруху.

— *Но ведь в Аргентине случаются военные перевороты?*

Перевороты? Бывает, это происходит так: офицер зайдет в казарму, выстрелит два раза в потолок, прикажет всем солдатам лежать или идти за ним — вот и весь переворот. В Аргентине на первом месте футбол, ипподром и другое. Вы можете спокойно идти на завод, а в это время происходит переворот. Поэтому я нормально отношусь и к тому, что у нас происходит...

Отец выехал в СССР в 1955 г.: для него идеологического (в смысле коммунистического) в этом ничего не было, просто тоска по родине. Мне же уезжать не хотелось — я работал в газетах корреспондентом по вопросам индейцев, ездил по всей Латинской Америке. И русского, тем более белорусского, языка я не знал. Но родители звали меня: они состарились, и сыновний долг требовал ехать к ним. При выезде из Аргентины в СССР нужно было получить документы в политической полиции, а это занимало несколько месяцев. И выехал я только в 1956 г.

Когда приехали в СССР, первое впечатление еще в Одессе: женщины в робах разбивают булыжник, а возле машины стоят крепкие мужчины. Это невозможно представить в Аргентине. Затем — очереди за хлебом. Мы приехали из хлебной страны, а тут хлеб липкий, его и хлебом назвать трудно. Кругом нищета: иметь шкаф в доме считалось роскошью, вешали же всё на гвозди... Отец работал на заводе в Пинске. Он попал в ту же прежнюю жизнь: даже город тогда не изменился. Это сейчас там многоэтажные дома. В 5 часов он ходил на речку, покупал у рыбаков рыбу, то есть был на своем месте.

— Скажите, в Аргентине белорусы изучали белорусский язык? Ведь у тех же украинцев, если ты не знаешь украинского языка, это расценивается негативно. А как у белорусов?

В Соединенных Штатах, Великобритании, Канаде это так. В Южной Америке — меньше. Потому что люди, видимо, больше пережили, трудно поднимались на ноги, приходилось им больше внимания отдавать работе. Украинцы держались за свой язык и за веру, за церковь держались всегда. А белорусы, не поймешь почему, но не очень-то тянулись к этому. Я не слышал ни от кого за все годы моей жизни там слово на белорусском языке. Национальное было размыто: отец был «поляко» (приехал из Польши), а затем «руссо». В клубах вводился русский язык: проводились учебные курсы русского языка, посольские выступали по-русски. Я глубоко сомневаюсь, что хоть один белорус был среди работников посольства.

Белорусы — это работяги, которые там копили на хозяйство, недоедали. В середине 50-х гг. они выезжали в СССР, всё продали. А в СССР деньги обменяли по официальному курсу — обман был страшный... А потом, если удалось вернуться в Аргентину, приходилось все начинать сначала. И в прежние клубы эти люди уже не записывались. Когда я в 1988 г. был в Аргентине на праздновании 1000-летия крещения Руси, то не нашел белорусов ни в Буэнос-Айресе, ни в Кордобе. А украинцы на нашей книжной ярмарке были.

Я писал большие очерки, посвященные моему путешествию из Аргентины в СССР и поездке в 1988 г. в Аргентину, где есть некоторые реминисценции, связанные с белорусской колонией. Они напечатаны в журналах, а затем вошли в книгу «Таямніцы почырку». Почитайте, мне трудно добавить что-либо еще...

г. Минск. 20 апреля 2002 г.

№ 15

Елена Иосифовна Карчик

Мои родители — простые люди, из крестьянских семей. Папа, Иосиф Герасимович Карчик, из Гродненской области, деревня Волковичи (около Новогрудка). В Аргентину он уехал в 1934 г. Папа к этому времени уже имел профессию — был портным. Профессию приобрел в раннем возрасте: он был спо-

собный, и в 13 лет его послали учиться к евреям. По его воспоминаниям, он там нянчил ребенка, а потом уже приобрел профессию. В Бериссо у него была своя мастерская, богатая клиентура. В Бериссо он поехал потому, что там уже несколько лет жил его брат — Иван Герасимович, который имел собственный дом. Брат папы женился в 1937 г., у него был ребенок. Бериссо в настоящее время считается столицей иммигрантов, там и сейчас живут мои родственники.

Мама, Надежда Федорона (в девичестве Калинчук), уехала в 1937 г. (она из Ровенской области Украины). Ее отец (мой дедушка) продал землю, которую имел, и семья уехала искать лучшей жизни. В то время много людей выезжало в Парагвай, но дед туда поехал и сказал, что там невозможно жить. Для поднятия Аргентины нужны были рабочие руки, и семья поехала туда. В Аргентине у них был деревянный дом (это потом уже стали делать кирпичные дома), весь участок был посажен эвкалиптами. Они жили всей семьей, в которой было пятеро детей (шестая, самая младшая, Олечка, умерла, когда только приехали). Мама как старшая вышла замуж: ее сразу выдали, чтобы легче было деду. Деду было тяжело, потому что работал на мясокомбинате грузчиком. Он был здоровый, сильный — таскал на себе эти туши. Мясокомбинат был один французский, «Армор», а второй — «Свифт» (американский). Это было время экономического бума, особенно во время войны, потому что Аргентина экспортировала много мяса.

Родители поженились до войны; я 1938 г. рождения. Мама с семьей приехала в марте, а в декабре они уже поженились. А знакомы были три-четыре месяца.

— *Родители принимали аргентинское гражданство?*

Нет, паспортов не было. У них были метрики, и на основе этих метрик они могли получить свидетельство (седула де ин-

дентевидад) — вид на жительство как бы. И там было записано, что он «поляк», даже отпечатки пальцев. Нас называли «поляками» или «русскими». Но «русскими» называли и евреев, потому что они были из России. А вокруг жили представители всех народов: напротив нас болгарин, рядом еврей, итальянец, албанец, опять итальянец — я как сейчас помню.

После школы я училась в лицее при университете, и среди моих одноклассников коренных аргентинцев были считанные люди. Сами аргентинцы из глубокой провинции, жили беднее: не очень любили работать, не имели способностей. Это как бы другой класс. Хотя наши иммигранты тоже были бедные, из крестьянской среды. Но работа была, и они работали на комбинатах. Все наши, кто был в обществе, работали на фабрике.

Во время войны был комитет помощи Родине: все наши оказывали помощь Советскому Союзу. Каждый шил своими руками, отправляли посылки в СССР. Но сколько здесь ни спрашиваю, про это никто не знает. Вот на фотографии Хунта де ла Виктория: женщины шили одежду и отправляли.

— *Хунта де ла Виктория: там были только женщины-иммигрантки или аргентинки были тоже?*

Хунта дэ ла Вікторыя збірае дапамогу для СССР

Были аргентинки тоже. Это совсем другая организация, к белорусам никакого отношения не имеет.

— *А эта организация имеет отношение к коммунистической партии Аргентины?*

Некоторые там были в партии. И мои родители тоже были в Компартии Аргентины, пока Советский Союз не запретил. Раньше у Аргентины не было дипломатических отношений с СССР. Руководители белорусских организаций, например, Иван Шоц (он потом жил в Белоруссии) набрали целый чемодан польских паспортов и поехали в Уругвай. Там дипломатическое представительство СССР было, и они отдали паспорта на регистрацию. Это где-то в 1945 г. Иван Шоц жил в Буэнос-Айресе, женился там на белоруске. Он был нашим другом: замечательный человек, очень спокойный, разумный. В то время он был вице-председателем, заместителем Ляшука.

— *Он был коммунистом?*

Наверняка.

— *А почему Вы так думаете?*

Потому что почти все они были из людей, которые не боялись показывать свою симпатию к компартии. Говорят, что папу до его отъезда в Аргентину даже разыскивали за коммунистическую деятельность, и это поспособствовало тому, что он быстрее уехал к брату. Эти симпатии к советскому, демократическому, как они считали, были естественными. Папа давал деньги на компартию, нелегально. Они приходили, и папа им давал. В тюрьму ни дядя, ни папа не попадали: попадали, в основном, кто помоложе. Помню, по крышам мальчишки убегали от полиции — коммунисты, наши (тоже белорусы): никакие запреты им нипочем.

В Бериссо у нас сначала было просто «культурное общество», потом оно стало «Георгий Скорина». Отдельно было украинское общество, отдельно белорусское, отдельно литовское, а было еще реакционное украинское, которое против Советского Союза, — «Просвіта». «Просвіта» всегда была отдельно, а попозже белорусы, украинцы и литовцы объединились в одно советское общество. Но это было завуалировано «советское» — в названии так и осталось «культурное». Последнее название, которое я знаю, было «Георгий Скорина».

Папа, сколько помню, был бессменным председателем комитета этого общества, а мама — председателем Женсовета.

Кіраўніцтва Беларускага Падкамітэту дапамогі Радзіме ў г. Бэрыса (1946 г.). Сядзяць у цэнтры Іосіф і Іван Карчыкі

Родители были очень активные. Клубное помещение снимали: фасад здания был каменный, а остальной весь дом был деревянный. Взрослые там собирались: у них комиссии были, хор, оркестр народных инструментов. Были курсы русского языка, где я начинала его учить. Нашей учительницей была Любамирская — еврейка по национальности, из России. Она была очень приятная, старалась дать как можно больше. Ходили на занятия в белых халатах — это униформа школьников Аргентины.

В обществе организовывали танцы, если было много народу, то снимали большее помещение. Там была греческая община: она побогаче, чем наша. При греческой церкви снимали большой зал, там проводили концерты, делали инсценировки, танцы. В обществе отмечали все праздники — даже Пасху Христову. Православной церкви в Бериссо не было, но и в греческую наши не ходили — они все атеисты были. А отмечали по традиции, что ли.

— А членами общества могли быть аргентинцы?

К нам приходили те, кто был в Компартии Аргентины; мы и дом потом продали аргентинцу, который был партийным.

Вучні курсаў рускай мовы Таварыства імя Георгія Скарыны ў г. Барыса (1947 г.)

Мы получали много литературы для распространения из посольства: там была Конституция Советского Союза, труды Ленина, Сталина. А мы жили на территории, которая была как военная зона. Близко строились корабли, был порт, специально построенный для этих двух мясокомбинатов, резервуары нефти. Это как бы режимная зона. Узнали как-то, что будут проверять дома. Что делать? Открыли мы полы, и всю литературу, которая у нас была, положили под пол. Если покопать, то легко было ее найти. Но не проверили. Однако слухи ходили, и я помню: целый день шел дождь, на меня надели простую мужскую рубашу (12 лет мне было, наверно). Под рубашу положили книги, подпоясали, надели большущий плащ, и это я переносила литературу из дома в дом.

— *А можно сказать, что вас полиция преследовала?*

Нет, аргентинская полиция не преследовала. Единственно, когда мы выезжали, готовили документы (пальчики все оставляли), то один полицейский сказал: «Что вы делаете? Куда вы возите детей? Они же аргентинцы». Даже когда в школе объявила, что уезжаю (оставалось учиться месяц и один год), из учителей никто ничего не сказал. Личное дело каждого.

— *А в Бериссо было славянское движение?*

Как же, было — Комите Еслава.

— *А чем они занимались?*

Всё то же самое: собирали деньги. Я только не знаю, для чего (этим занимались родители), это мимо меня проходило. Я пошла учиться, и времени не было. Если я ходила, то ходила в общество: мне там нравилось.

— *Молодежи было много?*

Да, много. Общаться нравилось, потому что особых развлечений не было. Держались вместе и женились потом между собой. На стороне не было много знакомых: я училась, а потом, если что, ходила в общество.

— *Почему Ваша семья переехала в Советский Союз?*

Надо сказать, что советская пропаганда была сильная. Была волна возвращения на Родину. Мы материально жили нормально: любая профессия дает достаток. Можно было спокойно жить, уже собирались этот дом продать, купить в другом месте получше. Но папа с мамой были активистами, они не могли остаться морально. Они считали, что не имеют права.

— *Настоящий патриот должен вернуться на Родину?*

Да. Но и воспитание такое было: по рождению и по закону я аргентинка. А дома говорила по-украински: это мой первый язык, на нем я говорила с бабушкой.

Завязалась переписка племянницы моего папы, она из Городечно. Папина сестра вышла замуж за сибиряка, уехала с ним в Сибирь, там родилось трое детей, а потом они вернулись на Родину. Они построили себе дом. Таня, племянница, стала писать: мы хорошо живем, у нас дом, вы можете все к нам приехать. Нас четверо (родители и я с сестрой), дедушка, бабушка и две тетушки. Жили в Аргентине мы все вместе, после того как папа купил дом (папа решил, что нам нужно быть всем вместе). Дом был двухэтажный, на верхнем этаже жили мы, а внизу — семья дедушки. В доме жили и квартиранты: одна семья еврейская, жил араб. Жили там вместе, вместе приехали и сюда, куда нас позвала тетя. И это был, конечно, ужас. По нашим понятиям, дом, в котором мы там жили, — это дом. А тут... Было трудное время, это же 1955 г.: мама с тетей каждый день пять километров ходили пешком от Городечно до Новогрудка покупать хлеб. Пять километров туда и пять километров обратно...

В СССР мы плыли через океан на шикарном итальянском пароходе «Конте Гранде». Нас, реэмигрантов, было всего 20 человек: это после или до нас набирали целые пароходы.

— *Послевоенные переселенцы были среди возвращавшихся?*

Нет.

— *А Вы встречались с теми, кто приехал в Аргентину после войны?*

Нет, таких не было. Вот испанцы были, которые во время гражданской войны приехали. Тоже заходили к папе за деньгами: коммунисты, наверное. Папа всем помогал, я говорила: «Мама, как это можно?». Но он человек с профессией, рабочий человек не смог бы, наверное, помочь.

— *А русские по национальности там были?*

Нет, не было. Я знаю только Сергея Кортеса из тех, кто переехал.

Мы приехали 1 ноября 1955 г. Через Италию, Венгрию до Украины — станция Чоп. Первое впечатление было ужасное: фуфайка на нас произвела ужасное впечатление. Толпа серая, с едой плохо было.

Когда мы приехали, были еще деньги: мы в Бериссо продали дом и платили за дорогу через океан и за дорогу по Европе. Советские представители нас встречали в каждой стране, говорили: «Меняйте деньги, меняйте деньги!» Мы в каждой стране меняли деньги на валюту той страны, и деньги всё больше обесценивались.

— *А местные жители в Беларуси к вам как относились?*

Называли: «американцы». Частушечки про нас сочиняли: «Ой, дядька-дядька, дядька богатый!» (потому что «американцы»). Односельчане к нам нормально относились, но у нас было много родственников. С языком особых проблем не было: мой первый язык украинский, потом я училась, много читала по-русски (другой литературы не было). Читала все, что попадало под руку: сказки Толстого, например.

Там я лицей не закончила (один год оставался), занималась музыкой. Когда мы приехали, мама пошла устраивать меня учиться в школу. И как-то сказала, что я музыкой занималась: меня определили в музыкальную десятилетку.

— *В Новогрудке?*

Нет. Мы в Новогрудке жили месяц. Были люди, которые приехали до нас, у нас были адреса, и папа поехал в Минск на

разведку. Нам же надо учиться, а я что, пойду в деревенскую школу? Через месяц мы уехали. Но мы там съели всё: то, что привезли с собой, всех индюков, которые были у тети. Такая орава приехала!

Приехали, заплатили за гостиницу (на ул. Комсомольской, по-моему, «Минск»). Вначале жили: четверо в одной комнате, четверо в другой. Потом деньги кончились, мы ввосьмером жили в одной комнате. Потом пришел багаж — и багаж с нами. Был тихий ужас, конечно. Потом что-то из вещей стали продавать. Наконец мама стала стучать по столу в горсовете: во-первых, дайте работу; во-вторых, дайте жилье. «А кто вас сюда звал?» — это была главная фраза в ответ. Сначала ничего не делалось, а потом пошло.

В школе меня хорошо приняли. Мне понравился здесь уровень образования: гораздо выше, чем в Аргентине. Конечно, я попала в элитную музыкальную школу, которую окончила по классу арфы. Но и общее образование здесь выше. Папу на работе тоже хорошо приняли: он работал в ателье по специальности. Мама в Аргентине не работала: папа обеспечивал, мама просто была домохозяйка. Она вышла замуж молодой, специальности не имела, образование — только 5 лет польской школы. Здесь папа ее научил, и она пошла работать в ателье брючницей (вначале работала на швейной фабрике имени Крупской, потом в ателье).

— *А после приезда папа вступил в компартию Советского Союза?*

Нет. По-моему, никто из них не вступал в КПСС. А Вы знаете, что многие уехали обратно, не выдержали?

— *Я об этом хотел Вас спросить.*

Моя мама была очень умная. Почему-то она считала, что в России все равно не будет так, как было в Аргентине. Когда мы собирались, она даже метлу хотела с собой взять.

— *Родители не жалели, что приехали? Обратно не собирались в Аргентину?*

Нет, обратно не собирались. Но папа был в трансе: сидел, уставившись в одну точку. Это когда мы жили в гостинице: неустроенность, денег не было. Неизвестно было, чем кормить: мы селедку ели, по-моему. И готовился каждый день борщ. Потом нам дали квартиру в новостройке на ул. Розы Люксембург. Мы соседями были с Савицкими, тоже переселенцы из Аргентины.

А моя тетя приехала беременная (в деревню, в Белоруссию). Ее муж остался, потом приехал. Но он архитектор: получил работу, квартиру и не захотел здесь жить. Он считал, что всё плохо. Они прожили здесь лет пять-шесть и где-то в начале 60-х гг. уехали: старший двоюродный брат как раз пошел в школу, а второй еще нет.

— *А реэмигранты в Минске встречались друг с другом?*

Да, один раз в два года...

Теперь приезжали в гости уже те, которые уезжали обратно. Володя Мацкевич, который был коммунистом, жил в Херсоне. Он сюда приехал в гости в 1991 г., а тут распад СССР — для него это была большая трагедия.

г. Москва. 11 декабря 2007 г.

№ 16

Иван Николаевич Теребей

Мой отец, Николай Теребей, 1909 года рождения, родом из Полесья — Ивановский район, деревня Ляховичи. В то время для желающих поехать на заработки проводилась реклама выезда в Южную Америку. Мой отец в 1929 г. таким образом и попал в Аргентину: собрали какие-то деньги, и он поехал на заработки. А мать моя, Зинаида Ивановна, 1923 г. рождения, со своими родителями уже из Новогрудского района уехала в 1939 г. в Парагвай. Отец ее был из крестьян, дедушка по матери тоже из крестьян. Привезли их в Парагвай практически в джунгли. Хорошо, что были какие-то бараки, в которых они временно устроились. Барак, как я видел на фотографии, приблизительно метров 10 шириной, метров 40 длинной, и там жило бесчисленное количество семей переселенцев: каждый свой уголок занимал, на земле спали.

Потом им выделили наделы: это к краю леса подвели, шириной 20 м, а в глубину столько, сколько сможешь обработать. Процесс обработки земли происходил следующим образом. Валили деревья на корню, так как жарко, то это все моментально высыхало, и потом поджигали. Сгорало все это, а через неделю снова что-то подымалось — тогда снова рубили и жгли. И вот среди пней сажали кукурузу: отверстие проделывали палочкой, бросали зернышко. Впоследствии пни выкорчевывали. На осво-

*Членскі білет арганізацыі
«Беларускае вогнішча», які
належыў Мікалаю Церабею*

*Членскі білет клуба імя
Мікалая Астройскага, які
належыў Зінаідзе Церабей*

бодившемся месте строили деревянно-металлический сарай, который назывался домом. Там зимы как таковой не бывает, поэтому больших требований к теплозащите не было. Строилось все из дощечек, картона. Со временем обзаводились курочками, еще чем-то, одно время и корова была у моих дедов.

Отец все время жил в Аргентине в Буэнос-Айресе: он как одинокий мужчина сразу устроился на работу. Но он попал в период мирового кризиса, это 30-е гг., во время, когда все голодали, когда всем было очень плохо и работу найти было невозможно: люди умирали прямо на улице. Ужасное было время. Моему отцу удалось устроиться у кого-то домработником, выполнял всевозможные работы по дому, не до амбиций было. Его там кормили, жил в каком-то подсобном помещении. Потом этот кризис пошел на спад, началась какая-то промышленная деятельность. У него было очень много производственных специальностей, надолго на одном месте не задерживался. Кровати какие-то собирал металлические, пружины, панцири, еще что-то. Но наиболее успешно у него пошло столярное дело.

Думаю, что в 1940–1941 гг. он начал задумываться о семейной жизни, и, не знаю, по какой причине, поехал в Парагвай. Или с земляками встретиться, или еще что-то. Проблем с границей не было, все формально. Увидел мою мать, познакомился, сделал предложение родителям: на ней женюсь и забираю в Аргентину. Так и произошло. Но сначала поехали не в Буэнос-Айрес, где дорого квартиру снимать, а в провинцию Чако, недалеко от Парагвая, в городок Резистенсия. Там я и родился. А потом переехали в Буэнос-Айрес где-то в 1943 — начале 1944 г. (в феврале 1944 г. родилась уже моя сестра в Буэнос-Айресе). Все время жили в комнатках на частных квартирах.

На окраине Буэнос-Айреса был такой «картонный» район (Вижа Картон). Он так назывался потому, что люди там сами захватывали земли и кто как мог строили лачуги: кто действительно из промасленного картона, кто четыре колышка забивал, обтягивал проволокой, наверх что-нибудь набрасывал, а с бочков просто мешковиной обтягивал, какой-нибудь глиной обмазывал, чтобы не дул ветер. Так люди и жили. Мой отец был мастеровой, поэтому где-то в 1950 г. на этом районе дом у него получился более капитальный: из реек был сделан каркас, был такой просмоленный картон, типа шифера, стенки обшил и крышу сделал из этого картона. А внутри упаковочным картоном обил, и получилось такое жилище. Наш дом выгодно отличался от других: симпатичный, красивый.

В то время отец уже устроился на более интересную работу, более денежную: занимался кузовными работами на автомобилях. В то время кузова как делали: деревянный каркас — и обтягивали жестью. Он занимался деревянным каркасом. А мать работала на текстильной фабрике. А когда еще сестричка родилась, она надомным трудом занималась: привозили ей заготовки, и она шила рубашки. Когда отец подзаработал денег, то этот домик продал и купил участок в другом месте, в районе Караса. Там строил домик из кирпича. Строить там просто: все стены делали из четверти кирпича: полный кирпич — это 25 см, а четверть кирпича — это 6 см. И из этого лепили стены в целях экономии. Одна стена только от соседа была в полкирпича, а остальные все — в четверть. А чтобы дом не разваливался, по углам делали железобетонные столбики, а к этим столбикам лепились кирпичи. А крышу делали железобетонную, плоскую с небольшим наклоном для стока воды. Белорусское земляче-

ство было там довольно серьезное, знали друг друга по всему Буэнос-Айресу.

— *Когда Вы говорите «землячество», Вы имеете в виду только белорусов?*

Нет, и украинцев, и русских... Клич бросили, землячков собрали человек 20, и в течение дня заливали крышу полностью. Кто-то занимался арматурными работами, кто-то битый кирпич разбивал на крошки, кто месил бетон, кто подавал, кто таскал. И в течение дня заливалась крыша небольшого домика размером, скажем, 6х6. После этого «шашлык» (как у нас здесь говорят, а там мясо жарилось на решетках: большие куски мяса жарились) и сухое вино символически.

А вообще землячество строилось потом по районам: в каждом районе собирались пожертвования, снимали в аренду какое-то помещение. Знаю, что в нашем районе было землячество, был клуб Николая Островского. Был клуб Максима Горького, клуб Белинского, еще какие-то клубы... Собирались там все, кто жил примерно в этом районе, и не только. Допустим, в этот выходной тут организуется мероприятие, например, празднование какой-нибудь годовщины Дня Победы, 1 Мая, религиозные... Выпускалась газета «Наш Голос», и там объявления печатали, что в этот выходной будет такое-то мероприятие. Самодеятельность, концерт, потом танцы. А на танцы молодежь приезжала со всего города. Редко приезжали и аргентинцы, все же старались говорить на родном языке. Собирались там все: белорусы, украинцы, русские, литовцы... Общались на смешанном языке: кто мог, на русском, кто на украинском, на аргентинском (я говорю на аргентинском, потому что испанский и аргентинский языки немного отличаются). Более пожилые общались на своем родном языке, а молодежь уже на испанском.

В этих клубах обучали русскому языку, истории, географии, но все в таком советском патриотическом духе. Группы по обучению языку делились по возрастам, делались удобные расписания, в основном это были вечерние школы, потому что выходные дни уходили на спортивные мероприятия. Была такая цель: отвлечь детей от улицы. А каким образом? Обучить детей русскому языку, вовлечь в какие-нибудь спортивные мероприятия (баскетбол, волейбол, акробатика, гимнастика). Там была открытая площадка, где проводились спортивные мероприятия. А на крытой площадке проводились собрания, торжественные

мероприятия. Ну и, например, у кого-то свадьба. Снимать где-то накладно, так дешевле и удобнее в своем клубе. Если свадьба, то спортивные мероприятия уже отменяются. Людей приходило очень много, знакомились. У детей было дневное время, а вечернее было для взрослых. Были дружинники, которые следили за порядком, потому что всегда было желание проникнуть кому-нибудь из местных; потом надебоширят. Все это делалось официально, власти к этому относились спокойно. Когда готовились мероприятия, то всегда согласовывались с местной полицией, чтобы в случае какого-то дебоша вмешалась бы полиция. Были попытки провоцировать какие-то стычки (народ горячий, южный), но чтобы серьезные столкновения были, я не помню.

Думаю, что это патриотическое направление зародилось примерно в 40-х гг., когда началась война в 1939 г., когда была угроза всеобщей мировой войны. Тогда среди людей начались волнения, потому что это касалось каждого, так как родня на родине осталась у каждого. Было сложное время. Хотя Аргентина и говорила о нейтралитете, но ни одна страна не могла быть нейтральной. Там было очень сильное и английское влияние, и, естественно, североамериканское, но заметно было и немецкое влияние: какие-то колонии были, эти колонии сохранились и после войны и в Аргентине, и в Парагвае, и в Чили. И вот они кто кого перетянет. По мере того, куда перемещались театры военных действий, Аргентина симпатизировала той или иной стороне. Было очень сложно, и нашим было очень сложно, «высовываться» было опасно, потому что были всякие случаи провокаций, задержки и прочее. Мне кажется, в это время и зародилось такое течение по оказанию помощи землякам, Советской власти. Знаю точно, что энтузиасты собирали деньги, одежду, обувь, какие-то продукты питания. Все это складировали в каких-то местах и потом арендовали за деньги суда и отгружали в направлении Советского Союза.

Знаю, что отец был активистом, ходил деньги собирал, но это было сопряжено с неприятностями. Собирали и после войны, но тогда было проще: война кончилась, Аргентина после войны определилась и была в лагере победителей. Но во время войны было очень серьезно. Белорусы, русские и украинцы тогда были вместе. Но некоторые занимали абсолютно нейтральную позицию: моя хата с краю, не хотели ничего знать, боясь репрессий,

а у каждого семья и неизвестно, чем закончится война. А были смелые и отчаянные, которые занимались этим делом.

Во время войны перезнакомились друг с другом и начали встречаться. А после войны пришло более спокойное время, возникла идея организации таких клубов-землячеств, где они встречались, собрания проводили, показывали друг другу письма. Конечно, письма с родины приходили невеселые, не все, конечно, проходили. Проходили иносказательные письма, например: «Мы живем хорошо, у нас все нормально, все живы, здоровы. Мы живем как, если помнишь, Петров». А Петров был самый нищий в деревне.

Тем не менее, патриотические чувства не были задушены ни войной, ни послевоенной разрухой. Мало того, было такое движение после войны, как принятие советского гражданства. Мои родители жили как эмигранты, паспорта были аргентинские, писалось: такого происхождения, национальность — такого понятия нет. Кстати, и поляки входили в наше землячество: у них было свое, но поляки из Польши входили и в наше землячество (те, кто симпатизировал послевоенному переустройству). Но я считаю, что работа в клубах была политизирована только отчасти: это было движение души. То есть ностальгия по родине, ведь 90% уехало не от хорошей жизни, а от нищеты, очень многие от польских преследований. Как мой дедушка рассказывал матери, польские преследования были сильными. Допустим, преследовалось за то, что ты следуешь белорусским традициям, что православный, за высказывания недовольства властью (стукачество же было развито). Сказал: «Пан Пилсудский — нехороший человек», — всё, его преследуют. Если какая-то провокация, то его берут, таскают.

Кто получше жил, уезжали в Канаду, Австралию, а в Аргентину уезжала наиболее бедная прослойка населения. Поэтому белорусское землячество было патриотично, демократично в той части, что особого различия между белорусами, украинцами, русскими, практически не было. И поляки тоже. Если поляк выезжал в Аргентину, то уезжал на последние деньги в поисках лучшей жизни. В нашем клубе был и литовец, инвалид. Когда проходил какой-либо вечер, то он продавал сигареты, и мы старались поддержать его: нужны или не нужны сигареты, все равно покупали у него. Говорил там на испанском. В клубах были некоторые из аргентинцев, кто связал себя семейными узами с белорусами, русскими.

— *А можна сказаць, што беларусов в клубе Островскаго было большае паловіны?*

Мне трудна сказаць, таму што я с трудом отличал, хто беларус, хто украінец. Хоця ўнутры клуба было какое-то свое ўнутранае землячэства. І іногды землякі-беларусы сустрачаліся на каком-то мерапрыятці ў каком-то клубе. Я ведаю, што выезжалі беларусы ў клуб імяні Горькага, на какое-то мерапрыятце ці на годавішчыну кога-то. Мой дядя там быў, гаворыў: «Беларусы сустрачаюцца». У другой раз яны ў клуб Островскага прыезжалі. Тэрытарыяльна ў той ці іншай клуб вна незалежнасці ад проісходжэння прыходзілі тэ, хто быў большае пажылой, сямейныя. А ўжэ па інтэресах сабіраліся ў апрадэляеаннае врэмя, дапусцім, сустрачаліся беларусы па какому-нібудзь паводу.

— *А как складаліся ў Вас адношэння с аргенцінцамі?*

С аргенцінцамі адношэння, чэстна гаворы, складаліся не ачынь. Мне было немага прощэ, чэм родітэлям. Тут была аязыковая праблема — у магери меншэ (она помоложе), а у аца хужэ: он по-іспанскі гаворыць научылся, но можна сказаць, што до конца его хорошо так и не выучил. Я понимал и разговаривал по-испански. Между собой родители общались на смешанном языке, допустим: «Зина, пофундуй мне мату». «Фундуй» — это «подай», «мате» — «чай».

— *А была какаы-нібудзь гасударствённая праграма по абуаченію аязыку?*

Нёт. Вся Америка — это сплошные эмигранты, это надо тогда вводить программу для всех, а для этого нужны преподаватели, социальные пособия, деньги. А в то время не до жиру: каждый как мог, так и выживал. Помогал язык жестов, пробы, ошибки.

А чыстых аргенцінцёв там мало — это люди из сельской местности, ассимилированные индейцы. Если это Буэнос-Айрес, то это уже не индейцы, а метисы. И они, как правило, жили в своих районах, а по соседству вокруг нас жили испанцы, итальянцы, англичане, то есть вся Европа. По внешнему виду аргенцінцы аотлічаюцца: на вид яны прымерна как кавказцы. Тіп ліца, цвёт кожы, большэ смуглыя, чэрноволосыя. А паведэніем яны сільна не аотлічаліся. Нас, дэтэй, да і вэрослых, чэсто дразнілі: «гнилой поляк». То есть «поляками» нас называли. А кто такіе беларусы, яны панятыя не імелі. Русскіх маглі бы аещэ прэдставіць. Нас называлі ці «русскімі», ці «поляка-

ми». А так чтобы говорили «белорусы», «украинцы», такого не было. Поэтому все обиды мы переносили вместе.

Аргентинские праздники, которые они отмечают — День Независимости (9 июля), День Колумба (вся Латинская Америка его отмечает), День Матери (8 Марта не отмечают, а День Матери есть). В клубах же мы отмечали все советские календарные праздники, которые отмечали здесь, а аргентинские праздники мы не отмечали. Новый год в клубах отмечался не активно: считалось, что это семейный праздник.

Мои родители приняли советское гражданство в 1947 г.: это было как-то естественно, без принуждения. Посольство, мне кажется, вообще мало принимало в этом участия. У моих родителей был советский паспорт зарубежного образца. И с получением паспорта у многих было желание сразу уехать, вернуться в Советский Союз. Но посольство от этого всячески отговаривало, не поощряло. И все это тянулось до середины 50-х гг., ведь надо было обустроить, а в СССР разруха. Я думаю, что политики, которые занимались этим, все понимали и вели себя довольно ответственно.

— *А Вы помните день, когда узнали о смерти Сталина?*

Да, для земляков и для тех, кто сочувствовал Советскому Союзу, был траур. Там были и те, кто не сочувствовал СССР: после войны была большая волна эмигрантов, тех, кто во время оккупации принимал участие в оказании помощи немцам. И в Аргентине мы с ними не пересекались, возможно, только молодежь по незнанию. А старшие держали каждый свою сторону. Одним из мест пересечения были церкви. Я был крещен в 6 лет в православной церкви в Буэнос-Айресе. Были там церкви капитально построенные, а были церкви домашние, которые устраивали, не имея возможности построить капитальный собор. Это обычная комната, но ставится иконостас, иконы развешиваются, и ведутся службы. Мои родители были религиозны, но в церковь не ходили. Они православные, соблюдали церковные обряды, праздники, на Пасху пекли караваи, красили яйца. Я же единственный раз был в церкви, когда меня крестили.

Я окончил шестилетнюю школу в 1954 г. (в ней учился с пяти лет) и сразу пошел работать, понимая, что дома трое детей. Там была одна мастерская по плетению корзин, хозяин которой был земляк, по-моему, украинец (мы общались по-испански), полностью нейтрализовавшийся от наших общественных орга-

низаций. Он был надомник с лицензией на плетение корзин. Из мягкого пористого камыша, который закупап и предварительно запаривал, он плел корзины сам и давал плести мне и еще двум мальчикам. У него были шаблоны, по которым мы плели, вначале простые, затем сложные: были домашние корзинки для рынка (типа сумочки), мягкая корзиночка получалась, потом она красилась, лаком покрывалась. Потом он продавал эти изделия и нам платил. Время работы было не ограничено: и по восемь часов работали, и по семь. То есть детский труд эксплуатировался нещадно.

В это время отец строил какие-то баулы, какие-то сундуки — я знал, что собираемся, и уже шли разговоры о разрешении на переезд в Белоруссию. Отец, еще когда приехали в Буэнос-Айрес, начал перевозить семью моей мамы из Парагвая: вначале двух ее братьев и устроил их на работу. Когда братья обустроились, стали думать, как перевезти всех остальных (было еще четыре сестры). Купили в картонном районе картонный домик, обмазанный глиной, недалеко от нас, и перевезли всю оставшуюся семью. В ноябре 1955 г. мы переехали в Советский Союз. Когда возвращались в Советский Союз, мы ехали все вместе. Только старшая из младших сестер матери, которая вышла замуж за земляка и которая не готова была ехать из-за неподготовленности документов, осталась и приехала через год. За пару месяцев или полгода отец продал дом и переехал к одному своему земляку-белорусу, который не собирался переезжать (он архитектор был). У него был большой дом, участок, и мы у него некоторое время жили до самого отъезда. В это время отец продавал все остатки, все, что было (инструменты и прочее). Собрал несколько чемоданов и сундуков для перевозки нашего скарба, и в октябре 1955 г. мы сели на итальянский корабль, обычный пассажирский теплоход, и отплыли.

Мы ехали как пассажиры, и переезжавших наших земляков было пару десятков. До Генуи доплыли, а из Генуи мы поехали до Будапешта через Италию и Австрию. В Будапеште встретил представитель посольства. То есть это было оговорено, нас все время отслеживали, и посольство нас сопровождало. В Италии представитель посольства знал, что приезжает группа эмигрантов (по одному они не отправляли): нас встретили, помогли добраться до вокзала, посадили на поезд. В Будапеште встретили, тоже помогли сесть на поезд до Чопа (это уже советское За-

карпатье), и уже оттуда каждый добирался до родных мест. Нам нужно было добраться до Иванова, Брестской области. Из Чопа у каждого было свое направление. В Аргентине в Буэнос-Айресе нас спрашивали, куда мы хотели бы переехать. Были любые варианты: сказали бы в Минск, тогда записали бы в Минск, где дали бы квартиру. Но отец был настолько патриотичен, что он захотел вернуться в свою деревню, не понимая выгоды другого решения. Ему казалось, что все равно, где жить. А дедушка был более продвинутый и сказал, что хочет переехать не в свою деревню, а в Новогрудок. Хотя была возможность написать и Минск, и Гродно, и Брест, любое место — там бы и приняли.

Таким образом, мой дедушка поехал со всей семьей в Новогрудок, а мы поехали в деревню, откуда родом отец. Там нас родственники приняли не очень тепло, так как получалось, что мы претендуем на наследство: по вековым традициям дом родителей остается младшему сыну, а в нем уже жила старшая сестра со своей семьей. Отец в деревне долго не пробыл, чувствуя такую напряженную обстановку, уехал в Новогрудок, нашел работу и забрал нас — мы в деревне прожили всего несколько месяцев. В Новогрудке нам дали пятиквартирный деревянный дом: дедушка жил в одной квартире, мы в другой, и в трех квартирах жили другие жильцы. Это была бывшая школа, а до войны это был частный дом на улице Мицкевича.

По приезде все было как-то странно: не такие люди, всё не так. Люди какие-то коллективные. В Аргентине каждый за себя, все прагматики, думали, как заработать, как построить дом побольше, на общине с другими шли крайне осторожно. То есть каждый замыкался в своем гнезде. А здесь каждый друг, товарищ и брат. В Аргентине познакомиться с кем-то — это очень долго: надо присматриваться, выжидать какой-то момент, думать: не будет ли из этого какого-то подвоха или еще чего. Люди старшего поколения, живущие по соседству, часто не знали, как зовут соседа, не шли на контакт и сразу старались отгораживаться стеной. По меньшей мере двухметровой стеной, чтобы не знать, не общаться с соседями. Если стена из сетки, то делались насаждения, чтобы не видеть и меньше общаться. Иногда здоровались, иногда нет, то есть мой дом — моя крепость. А здесь все друг к другу лезут в глаза: ты скажи то, потом это. В первое время надоедало отвечать: как там жили, какие там люди, а скажи что-нибудь. В Аргентине этого нет, там

вмешиваться в частную жизнь — преступление. Если пожалуются, то за это может быть и уголовное преследование. А здесь все лезут в обнимку. И пьянство. Там пили по большим праздникам, преимущественно вино. Сухое домашнее вино каждый день пили, но в маленьких дозах и разводили водой. Например, отец летом наливал грамм 20–30 вина и заливал стакан полностью газированной водой (газированная вода продавалась в двухлитровых бутылках, сифонах). Это утоляло жажду и помогало пищеварению: мяса ели очень много, а вино, как считается, помогает расщеплению мяса. Особенно говяжий жир — он же в организме не усваивается, а маленькие дозы вина помогают расщеплять говяжий жир. Разрешали и детям: на дне пару капель вина и газированную воду. А здесь — водочка, да еще уговаривали пить.

Мой дедушка первое, что сделал, когда приехал в Аргентину — это построил русскую печь. И в русской печи бабушка пекла пироги, бабка мне очень нравилась. А ежедневная пища там — кусок мяса с костью в кастрюле и очень много овощей (сладкий картофель, тыква, зелень). Все это варилось, потом доставалось: мясо в одну тарелку, овощи в другую, а жидкость разливали (это первое блюдо). А на второе — картошка, кусок сладкого картофеля, кусок тыквы (разминала и растительным маслом поливала). А в качестве мясного подавали говядину. Свинины там мало, привыкли к говядине. Говядина отличается от нашей: если ее продавали, то ее не рубили, а резали только ножовкой (в более богатых лавках электрические ленты режут мясо). И допустим, бифштекс: это спинную часть нарезали на куски, потом — на решетку, где солят, перчат, жарят с одной стороны, потом с другой. И обязательно с кровяной. Есть еще «асадо» — реберная часть: резали полосами поперек (получается кусочки) и тоже жарили. Там же старая говядина не шла на продажу мяса: там только бычков молодых. У нас же корова пока доится, получают молоко, а перестала доиться — на мясокомбинат. В Аргентине корова либо шла в дойное стадо, либо через пару месяцев шла на телятину (до года экономически невыгодно держать корову, лучше бычков, которые дают больший рост). А старые коровы, старый бык-производитель шли на колбасы, фарши, паштеты, а на продажу мяса шли только молодые бычки. Такого, что жуешь и жестко, или зуб сломаешь, — там такого не было.

Мы уезжали летом, а приехали поздней осенью. Зима в Буэнос-Айресе «плюсовая», но иногда зимой под утро были заморозки до 1 градуса. Иногда замерзали лужи, и нам интересно, пытались даже есть лед из этих луж. Снег впервые я увидел здесь.

— *А где было жить безопаснее в 50-е гг.: в Аргентине или в СССР?*

Скажу так: вечером в Аргентине детей на улицу не пускают. Женщина в одиночестве ночью не пройдет ни под каким предлогом. Тут преступности хватало, но здесь был порядок.

— *Скажите, а Вы не пожалели, что переехали сюда?*

Постоянно наталкиваюсь на этот вопрос. Мой отец не жалел ни одного дня: он как был патриотом, так и остался. Он был трудяга, до последних своих дней не знал, что такое отдых. Он считал: где бы ты ни жил и ни работал, тебя могут прокормить только твои руки. И голова. У него было три класса образования, а так бы он мог стать хорошим инженером. Он там работал на нескольких работах. И здесь он прирабатывал столяром: в сарайных условиях делал прекрасную мебель, столярничал и потихоньку продавал кровати, шкафы, тумбочки, столы, секции. Все с инкрустацией, из разных пород дерева.

Из тех, кто приехал из Аргентины, некоторые возвращались. В нашей семье моя тетя, которая переехала позже на год, приехала с мужем и его родителями в Лиду. Они устроились на мебельную фабрику, дали им квартиру, тоже в деревянном домике (дом на два конца — один они заняли). Они пожилы здесь лет десять и уехали. Вернуться было не так просто: не выпускали, уговаривали и прочее. Но у мужа сестра в Аргентине вышла замуж за аргентинца, а отпускали только тех, у кого были там родственники.

— *А по какой причине уезжали?*

По той же, по которой приезжали сюда родители. Ведь уезжало младшее поколение, те, кто родился там. Не все приспособились к жизни здесь, ведь это сложно. Мой отец был от труда, ему одинаково было, где работать: и там был тяжелый физический труд, и здесь был тяжелый физический труд. Не знаю, из каких соображений историки описывают жизнь. Считается, что Перон диктатор, при нем жилось очень плохо. Насколько же я понимаю по своему детскому разумению, тогда была стабильность, жилось хорошо и с каждым годом все лучше. Было что-

то, перекликаюцца з Советскім Союзам, напрыклад, былі пяцілетнія планы. Но Перон меў большую падтрымку рядовага насельніцтва. Калі умерла яго жэна, там быў траур неўдольга, усе плакалі.

— *І сярод Ваіх землякоў такія настроенія былі?*

Наіх землякі нармальна к яму адносіліся. Во ўсяком случае, пры нем ніхто не притесняўся, у ўсіх была работа, нармальнае перемещение было. Можа, я чаго-то не ведаю, дысідэнты ўвесьде былі. І наіх праследавалі за што-то. А, калі Перона сьвергнулі і прыйшлі к ўладзі военныя, пачаліся праблемы. Ёсці лічацца, што пры Пероне была дыктатура, то пры военных стало ёсці жэстчэ, коменданцкае ўрэмя ўводілось і т. д. І некаторыя, прыехав з СССР чэрез дэсяць лет і ўвядев другую сітуацыю, вярталісь аднаўно.

г. Мінск. 28 іюня 2005 г.

№ 17

Зінаіда Івановна Тэребей і Тамара Александровна Маток

Тамара Александровна: Мне ёсці не было 4 лет, калі выехалі моі родіталі ў Парагвай. Мне расказывалі, што ўдзесь бедна лілі: дзе зэмлі хорашыя, там ўсё польскыя помешчыкі

Тамара Маток (злева) і Зінаіда Цэрабей

жили. А тогда семьи были большие, а земли не купишь, так как помещики всё позабирали. И отсюда мы выехали в 1938 г. Заехали в Парагвай, жили в сарае. А позже приехала и семья Зинаиды Ивановны. Около нас было очень много белорусов. И украинцев. В школе мы говорили на испанском языке, но дома родители общались на своем языке. Некоторые подстраивались под украинский язык. Когда я выросла и стала что-то помнить, то было хорошо. Но по рассказам, вначале было очень тяжело.

Местные — люди хорошие. Мы жили с ними, на работу их брали: вреда нам никто не причинил, чужого не брали. Им этого не надо, им бы только день прожить. Там зимы нет, где посидел, там и поспал. А ранчо сделают из бамбука, а из пальмы крышу сделают, штакетов наставят, то есть забор сделают, чтобы животные не ходили.

Школа у нас была — сарай такой. Учились там, четыре класса кончали. В Парагвае на Катами был клуб. Если свадьба, все приходят, всех зовем к себе. Жениться старались между собой или с украинцами, поляками. Парагвайцы наших любили очень, много наших девушек замуж побрали. В Парагвае потом я вышла замуж за земляка, который был из Мира*. Степан Александрович Моток. И сына сюда привезла из Парагвая.

Зинаида Ивановна: Когда мы приехали, то было много земляков: из Кореличей, Щорсов**. А по приезду куда пойдешь — до земляка.

Было нас трое детей, четвертая девочка родилась потом уже в Америке. Отец, Иван Стома, на родине взял в ссуду землю, а оплатить мы ее не могли. Земля неурожайная, налоги большие. И я, хотя и маленькая, но уже много работала. У нас не было ни детства, ни юношества. Приехали в Парагвай мы на последнем пароходе из Польши в 1939 г. У нас не было денег, которые были бы гарантом того, что мы не уедем из Парагвая в Аргентину. По приезде мы два дня после Буэнос-Айреса в 1939 г. жили в Асунсьоне. Там и коровы ходили. Трамвай был, он едет, а на дороге корова лежит. Он звонит-звонит, а корова лежит. Особенно вечером, когда прохлада: животным холодно, а май месяц — это,

* Мiр — знакамiтае мястэчка, дзе знаходзiцца палац Радзiвiлаў (Карэліцкі р-н Гродзенскай вобл.).

** Карэлічы, Шчорсы знаходзяцца ў Гродзенскай вобласці, каля Навагрудка.

считай, зимний месяц. Буйволы и коровы, когда их распрягают, ходят где захотят, самопасом. Комаров полно, в казарме две ночи ночевали, где одеяла грязные, пыльные. Кровати в несколько ярусов, а может, там была тюрьма. На ногах парагвайцы носят тапочки такие, «шпаргаты» (альпоргатос). Они брезентовые, а внутри намотана трава: жара 40 градусов, а нога не прееет. Ходили там, видели, как молодая женщина широкий стол положила на голову ножками кверху и несет.

Тамара Александровна: Или 10-литровый жбан на голову поставит, двое детей по бокам, и идет. А муж сзади на коне едет.

Зинаида Ивановна: Отец взял участок тропического леса, где и обезьяны водились. Мы начали рубку мачете (они как пашки). В магазине можно было купить кукурузу (маниоку), нам ее дали на первый урожай те, кто приехал раньше. Для местных парагвайцев никакого заработка не было, и они за малую сумму мачетевали наш участок. Когда лес свалили, то его подожгли. Чакра — это участок, который купили и разрабатывали землю.

Когда приезжали, то нас все называли «грингос». Евреи назывались «русскими», а мы были «полякос». Мы жили в специальном большущем сарае: несколько семей там жили на два конца. Три км от Катами. Переселенцы были только с Польши, в основном были белорусы и украинцы.

А в 20–30-х гг. приезжали в Аргентину холостяки. И из Полесья приехал один парень к нам, и понравил он меня. И я вышла замуж в семнадцать с половиной лет, и он сразу забрал меня в Аргентину. У мужа в провинции Чако в городке Баракерос был маленький ресторанчик, бильярд. А когда началась война, производства было очень мало, литейный завод, лилось олово, и люди уже мало брали. На книжку записывали на пятнадцать дней, потом нужно оплатить — это пятнадцатидневка. Но не оплачивали. И за долги все забрали у него, и бильярд забрали.

— *А парагвайцы и аргентинцы отличаются друг от друга?*

Зинаида Ивановна: В Аргентине больше культуры, хотя тоже есть места заброшенные. Некоторое время спустя, когда мы чуть пережили, муж начал искать земляков (он из-под Пинска). Не хватало нам денег до Буэнос-Айреса. Приехал мой брат, мы остановились в городе Резистенция. Поработали немножко: муж работал на литейном заводе, а брат работал механиком

на машинах. А раньше автомобили были с ручкой, и он сломал руку. Ему заплатили страховку, и нам хватило доехать до Буэнос-Айреса. Там нашли, как говорят «пайсанос» (земляков). В Буэнос-Айресе тоже развозили разные овощи, фрукты, хлеб. И приехал тот, кто хлеб развозил, белорус из-под Вильно. Белорус Дрозд, но католик. Он добрая душа, мы переехали к ним. У нас ничего не было, так они нам дали кровать. Он забрал нас к себе, дал «гаранту» в продовольственный магазин. Каждые пятнадцать дней платили аванс, и пятым числом платили зарплату. Потом мы перебрались на другую квартиру. А брат мой работал в пансионате, обслуживал отдыхающих, где давали и чаевые.

Мы ходили в клуб «Янка Купала», в районе Авельянеде, Карасас. Клубы были и украинские, которым давали имена, например, Тараса Шевченко. Но там не было «наших»-«ваших», туда входили все желающие, все наши. И украинцы, и белорусы, даже литовцы были. Рабочие давали по 5 пезо — это пожертвования. У нас были клубы, ассоциации такие, приходили — и кто сколько может. И я хоть не работала, но давала 50 центов, а муж давал пезо в месяц. Власти про это может быть и не догадывались. Когда было уже посольство, то была защита. Посольство встречали очень много народа, полиция разгоняла. Так они залазили на деревья высоко. Но я не была.

Во время войны противодействия со стороны властей были для тех, кто собирал средства. Мы вначале собирали подпольно. Приходили домой брали деньги и клеивали марки. И все это было тихо. Но, например, был активист Павел Бойко, который провел три года в застенках в Аргентине.

— *А в клубе «Янка Купала» были только белорусы?*

Нет, были и украинцы. Надо сказать, что украинцев и в Аргентине, и в Парагвае было больше, чем белорусов. И в Буэнос-Айресе было большинство украинцев. В клубах не было только тех, кто после войны убежал, они для нас были предателями. До 1955 г., когда мы уехали, эти клубы-ассоциации не очень преследовали, давали работать. Лишь бы не было коммунистов. А кто же будет говорить, что он коммунист или сочувствующий. Русских белогвардейцев в клубах не было, они устраивались по-другому. Они ненавидели то, что мы были больше к коммунизму. После войны приезжали те, которых мы называли «недобойки», они сделали свои организации. И не все же были

такие патриоты как мы. Когда мы возвращались на Родину, пришел мужик, смотрит на мою дочку и говорит: «Куда вы едете? Такой ребенок, такой ребенок. Вас же загонят в Сибирь, может быть, и расстреляют».

Но когда можно было выезжать, само посольство нас не пу- скало. «Война кончилась, люди еще землянок своих не имеют. А где мы вас посадим?» Я с отцом поехала, с Иваном Федо- ровичем, который сказал: «У меня два сына, у меня два зятя. Мы коммуной все сделаем». Ему в ответ: «Не горячитесь, Иван Федорович. Не сделаете. Погодите годик-два».

Как умер Сталин, что творилось: огромное количество лю- дей в очереди в посольстве, лишь бы пойти посмотреть на пор- трет его. Некоторые подписи ставили. Жара стояла, некоторые не могли дожидаться.

Приняли мы советское гражданство как только приехало посольство СССР. Сначала мы ездили в Уругвай. Мой буду- щий шурин, Михаил Михайлович Сидорович, ездил в Канаду, там было посольство. И там сказали: «Погодите, будет еще и в Буэнос-Айресе». Такие мы были патриоты. Правда, он таким патриотом долго не побыл. Он делал прекрасную мебель, умел делать рояли, хотя в то время их было мало. Вернулся в Арген- тину, где осталась сестра, которая вышла замуж за итальянца. А там глубокий кризис, и устроиться на работу мебельщиком невозможно. Он работал на самых тяжелых и грязных работах. И назад ни за что, и там невозможно.

Тамара Александровна: В Парагвае было много белогвар- дейцев. У нас был такой Васильев, делил нам лѣты (участки земли). Я в Парагвае служила у Беляева*, белогвардейца, ко- торый выиграл там войну с Боливией за Чако. Он организовал войска. У него жена заболела (у нее стал огромный зоб), я была девочкой, и он меня взял присматривать за женой. Он был ма-ленького роста с хорошим характером.

Зинаида Ивановна: Беляев где-то в 1944 г., когда заболела моя сестричка, пристроил ее в больницу, а моего папу устроил работать агрономом, учить индейцев пахать и сажать, как зем-

---

* Беляеў І. Ц. (1875–1957) — рускі генерал, удзельнік Грамадзянскай вай- ны ў Расіі на баку «белых». З 1924 г. — у Парагваі, дзе займаў адказныя дзяржаўныя пасады, адстойваў правы індзейцаў. З’яўляўся ініцыятарам перасялення рускіх белаэмігрантаў у Парагваі.

лю обрабатывать. Отца индейцы встречали на работу и проводжали с работы домой, чтобы никто не напал. Они ему подарили красиво выделанный пояс, а это говорило о том, что они отца очень уважали. У индейцев богатство всё такое: жена могла всё на голове перенести, а муж на лошади, и пистолет на боку. Она ребенка на бедро посадит, которые младшие, берут мать за юбку, а кто постарше — идут впереди матери. Рыбой питались, дичью, обезьян даже ели.

Та земля, где мы осели, была не парагвайская, а называлась Колония Фрам. Какая-то полька проводила обмеры, проводила улицы, а между ними было расстояние километра два. И эта полька продавала по одному парагвайскому пезо (он был дешевый) за гектар земли. У нас было здесь десять гектаров земли, а там у нас хватило денег на восемь гектаров. Но урожайность там была постоянно хорошая. Земля красная была, кирпичная, жирная. Если пройдет дождь — возом не поедешь. И навоз вносить не надо, зимы нет. Выращивали в основном кукурузу, маиоку.

Тамара Александровна: Мы жили между «Е» и «F», до-рога была шестая. И украинцы, и поляки, и русские, и белорусы — все были. И с Полесья. Ехали же тогда тысячами, потому что землю, землю людям надо было. В основном выращивали хлопок (альгодон). Только с него можно было и жить. У нас и скота много было, и памаранчей (апельсинов), и дураны (персики), и виноград, и чего только там не было. А сбыта всему этому нет, и садишь все это только для себя и для скота. У нас четыре лошади было. И скот есть у каждого. А за вату* — за вату мы что-нибудь уже и купим.

В свободное время в Парагвае так вот сидим и разговариваем: пьем мате, семечки лущим, фисташки, «Правду» читаем. Когда в гости приходят, то могут принести каню — т. е. водку простую. Ее пили понемножку, губы только смочат и мате за-пьют.

Зинаида Ивановна: Там дешевое мясо, больше говядина. Свинину не употребляют, потому что она жирная, а там используют растительное масло. Делали на улице печки, слепят из глины. Мы не видели ржаного хлеба, только в Аргентине и то редко. Помню, когда только приехали, как раз хлеб пекли из

* Маецца на ўвазе бавоўна.

кукурузы. Сначала хозяйка кукурузу прокручивала, как на мясорубке, а потом сварила фасоль и потушила: что было, то и сделала.

Тамара Александровна: А мой батька там 20 лет прожил: «Ничего мне не надо, поеду на родину, на «котлішча» свое, помру там — и всё». А в Парагвае посольства не было, и мы с мужем поехали в Аргентину. И делали здесь документы, а родители там всё продавали. В это время приехало много японцев. Отец рассказывал, что они взяли пилы, стали очищать лес — очень хорошие работники.

А когда сюда в 1957 г. приехали, мне как-то страшно стало: говорить хорошо не умею, пойду в магазин — и не знаю, что сказать. Вместо масла наберу маргарина. А потом ничего: устроились на работу на «Маспошив» в Новогрудке (мужа взяли в столярный цех). Обжились, дали помощь нам — койки купили, взяли на работу.

Зинаида Ивановна: Мыплыли итальянским пароходом до Италии, а оттуда ехали по железной дороге до дома. Когда я ехала сюда, я была готова ко всему, ведь война была ужасная. А люди, которые здесь жили, над нами посмеивались, пальцем тыкали. Тогда же были огромные очереди, в которых стояли часами. А в очередях говорили: «Вот, американцы, так вам и надо».

г. Новогрудок. 14 августа 2005 г.

№ 18

Щерба Анна Петровна

Я родилась в 1931 г. в деревне Бартники Городищенского района Брестской области, недалеко от Баранович. Эта территория была под Польшей, когда наша семья 14.01.1938 г. уезжала в Бразилию. Уезжали по той же причине, что и все остальные: многодетная семья, земли мало, а во-вторых — безработица. Отец был кузнецом и еще шабашничал (строил дома). Как он мне рассказывал, польские правители давали право только побираться по деревням. Или принимай католицизм.

Мы уехали в Бразилию, где к тому времени уже были наши родственники. Семья состояла из родителей (Петр Александрович и Мария Семеновна), брата Николая (он сейчас живет в Ба-

*Ганна Шчэрба разам з дачкой,
якая нарадзілася ў Мінску*

рановичах) и меня. Приехали в Бразилию не в город, а в Санта-Роса — это сельва в Мату Гросу, тропический лес, который надо было вырубить для того, чтобы что-то посеять, построить дом. Это целина, которую осваивали эмигранты из Европы, особенно из Западной Беларуси и Западной Украины. Там жил брат отца с супругой, и брат моей мамы — Иван Семенович Хаменюк. У дяди Вани была большая семья, они там и остались. Дети, когда выросли, разъехались по городам (один даже уехал в США), в Санта Росе остался только старший сын, тоже Иван. Заниматься сельским хозяйством там трудно, потому что саранча в один день уничтожила то,

что с большим трудом выращивали год. Такая туча спускается на землю, такая темень, как в ночи, а потом вдруг поднимается, улетает — и поле пустое, одни корешочки.

Поскольку в Санта-Росе мама тяжело заболела, а фельдшер не справлялся с ее болезнью, нас отпустили в город. Приехали мы в портовый город Порту-Алегру, который расположен на юге Бразилии. Мама поправилась и пошла работать на завод эмалированной посуды. Это был тяжелый труд. А отец работал кузнецом на немецком металлургическом заводе. Жили мы, снимая комнатку у приезжих из Украины (они там так и остались жить). Там я начала учиться в школе, училась на португальском.

В апреле 1941 г. мы переехали в Аргентину, где был второй брат мамы — Дмитрий. Мы жили в Буэнос-Айресе: отец работал на крупном заводе «La Cantabriga» кузнецом в горячих це-

хах. Мать работала ткачихой, мы учились в школе, и не только учились. Я всю жизнь была активная, общительная. И в Аргентине, и когда приехали в Союз. И помимо наших украинских и белорусских клубов, где собиралась наша диаспора, я еще участвовала в движении студенческой молодежи и в прогрессивном движении.

— *А что Вы там делали?*

А чем занимался комсомол во время войны? Или тогда, когда еще не было Советской власти? Тем мы и занимались: пропагандой, сбором средств, организацией митингов, распространением газет и журналов («Nuestra palabra»). В принципе, этим мне нельзя было заниматься — потому что иностранка, мало-летка. Но я делала и тем самым подвергала опасности своего отца. Брат Николай был больше в клубах, а я не только в клубах, и родители за меня очень волновались и хотели поскорее уехать. Моя мама говорила: «Я знаю, когда ты уходишь, но не знаю, ты вернешься или тебя вернут лапками вперед».

Мы ходили в клуб имени Луцкевича (располагался недалеко от клуба им. Горького, который был на Террада), поскольку он был рядом с нашим домом. В клубе мы с братом учили русский язык и играли на балалайках, я пела в ансамбле и занималась стенгазетой. Среди участников ансамбля, помню, был и Антонио Шайко. Когда мы выступали, моя коронная песня была «Капитан». Так как девушек по имени Анита было много, меня еще называли «Анита Капитан». Кстати, когда известный скульптор Эрзя собирался переехать в Союз, мой отец и брат ездили и готовили ящики, куда складывали все его произведения. А потом они были на прощальном вечере.

Клуб им. Луцкевича был немного опальным...

— *Почему?*

Не отвечу на этот вопрос. Я в то время была в юном возрасте, училась и была вовлечена в политическое движение. Для меня клуб им. Луцкевича был отдушиной, как связь с родной землей. Никто там об антисоветских вещах не говорил. Наоборот, это был абсолютно просоветский клуб. Основная масса тех, кто был членом клуба, получили советские загранпаспорта. Они собирались ехать домой. Почему его считали опальным и чуть ли не реакционным, грешна — не знаю. Да меня это и не волновало: я в этом клубе участвовала в танцевальной группе, в струнном оркестре, который состоял из 15 человек и которым

руководил Константин Стахевич, замечательный музыкант, виртуозно играющий на балалайке (он был из первой волны русской белой эмиграции). Потрясающий скромный человек, да и Елизавета Михайловна Спиридонова была из этой эмиграции. О ней можно сказать, что это была удивительная женщина, настоящий просветитель. Преподавала русский язык в клубах имени Луцкевича и имени Горького, самыми последовательными ее учениками были Павел Бойко и Анна Щерба. Елизавета Михайловна занималась изданием прогрессивной периодики на русском языке (еженедельники «Русский в Аргентине», «Наш голос» и т. д.). Приходилось менять название каждый раз, как открывались после очередного закрытия. В молодежной страничке этих изданий я тоже участвовала.

У меня тогда, наверное, не хватало злости на эти внутренние распри среди наших организаций. Особое отношение к клубу им. Луцкевича проявлялось больше среди руководящей верхушки. Это, по-моему, сугубо личные амбиции. Все хотели быть начальниками. Нашим клубом руководили достаточно образованные люди, знающие белорусский язык и говорящие на нем.

Актыўісты Бібліятэкі імя Івана Луцкевіча (1946 г.)

Меня всегда интересовали глобальные проблемы, и я больше участвовала в прогрессивном студенческом движении. А в клуб ходила изучать русский язык, на репетиции в оркестре, а на вечера мы ходили в разные наши клубы. Наш оркестр выступал на мероприятиях разных клубов. С Павлом Бойко и другими молодежными активистами организовали совместные вечера нашей молодежи.

Позже был создан Славянский Союз, в который объединились все наши клубы. Проводились конференции и встречи, тогда надо было выступать от женщин или от молодежи, а делать это надо было на русском языке, это поручалось мне.

Распри среди руководителей наших клубов были для меня далекими. Я единственная из «луцкевичей», кто занимался на всю катушку в аргентинском комсомоле. Участвовала во всех демонстрациях, митингах, протестных шествиях, как, например, в защиту врача-коммуниста Ингалинелла (шествие с факелами по улице Крентес (одна из центральных в Буэнос-Айрес)), которого уничтожила специальная полиция. Когда студента химического факультета Марио Браво (мы были знакомы) изуродовала полиция, я шагала в первых рядах в манифестациях в защиту Марио. Его специальная полиция до такой степени изуродовала, что здесь, в Москве, в институте неврологии еле слепили из него чего-то. И когда мы с ним совершенно случайно встретились на Кубе, то обнялись и крутились, наврное, минут пятнадцать в холле «Гаваны Либре».

— *А Вам знаком «Белорусский центр помощи Родине»?*

Конечно! Там из «Луцкевича» был Василевский (он наш сосед), мой папа, дядя (Хаменюк Дмитрий Семенович), другие. Мама шила: мне, девчонке, оставляла все прямые швы, и после школы я делала. Все сложные вещи (рукава и другое) делала мама. Мы вязали носки, свитера, шили платья и детские костюмчики, собирали деньги. Василевский кроил. Во время и после войны приходили наши пароходы — «Ушаков» и другие — и мы отправляли помощь через аргентинскую организацию «Виктория». Это крупная организация, которой передавали всю эту помощь Родине, а также от частных лиц.

Одна из активных фаз моих в комсомоле Аргентины: я проводила политзанятия докерам в Буэнос-Айресе, а также азы философии. И меня слушали. Из нашей группы одного парня арестовали, и нам с папой пришлось всю нашу политическую

литературу в баке в клеенке в курятнике закапывать под гнездами (мы жили за городом). К счастью, к нам не пришли, но, как говорится, береженного Бог бережет. С Советским Союзом я была связана больше через компартию, нежели через наши клубы. На клубы люди смотрели скорее как на что-то такое развлекательное: ну приехали, пообщались между собой, свои же люди. Но меня наполняло совсем другое. Я много читала по-русски: помню, когда я закончила читать «Молодую гвардию», у меня была просто истерика. Я ревела, мама возмущалась: «Что это такое!» — а папа сказал: «Пусть отплачется».

У меня надолго остались связи с Компартией Аргентины. Когда в Москву из Аргентины в советское время приезжали по чужим паспортам (в высшую партийную школу), то этим слушателям не разрешали никуда ходить. Но ко мне приходили все, поскольку с ними я была знакома там.

— Скажите, а в Буэнос-Айресе Вы разделяли, кто украинец, а кто белорус?

Там люди жили и искали не повода, чтобы разбежаться, а чтобы объединиться. Славянин — это брат, это наш. У нас в клубе и в Славянском Союзе был хор, в котором пели болгары, югославы, украинцы, литовцы, белорусы — все вместе. Пели и русские песни, и белорусские — всякие. А руководил этим хором югослав — шикарный дядя, просто прелесть! Меня интересовало больше вот это: объединение, благополучие для всех. Поэтому обращать внимание на то, что один руководитель клуба недолюбливал другого руководителя клуба, — меня это не трогало, это общей пользы не приносило.

Когда мы жили в Порту-Алегру, родители были на работе с утра до ночи. Мы жили в окружении украинцев, и я фактически говорила не по-русски, не по-белорусски, а по-украински. И потом дядя Митя, наш сосед, когда приехал в Буэнос-Айрес и начал со мной говорить по-украински, я все понимала, но отвечала ему по-русски. И он говорит: «А где ж твой украинский язык?» Я говорю: «Остался в Порту-Алегру». Я быстро приспосабливаюсь. Мы однажды поехали в гости в провинцию Энтре Риос к нашему земляку — Курдун его фамилия (он сельским хозяйством занимался). И ко мне тут же прицепился местный говор. Два года я проработала на Кубе — у меня был говор кубинский. По-испански я говорю как испанка, потому что была замужем за испанцем.

— *А по-белорусски Вы слышали, чтобы в Аргентине говорили?*

Конечно. У меня мамаля любила по-белорусски говорить. Она особенно ругалась по-белорусски: «Каб цябе халера!», «Каб цябе карбун!», «Старая варова!» А в нашем клубе говорили по-белорусски, по-русски, по-украински...

В 1956 г. мы переехали в Советский Союз. С нами на пароходе плыли кто-то из Трушкиных, Хуана Литвин (она затем проработала у нас в радиокомитете в Москве), семья Феликса Вербицкого. Они могут рассказать, как Анна Петровна проводила мероприятия на пароходе от Буэнос-Айреса до Одессы. Во-первых, мы организовали ансамбль, играли на балалайках и пели русские песни: «Катюша», «Огонек», «Эх, дороги», «Сердце», «Очаровательные глазки» и другие наши песни.

Во-вторых, поскольку я одна из немногих среди молодежи умела читать и писать по-русски, то читала газеты и журналы для наших стариков на пароходе. И с детишками занималась, читала русские сказки: что наизусть, а что по книгам.

В-третьих, поздно по вечерам проводила собрания с моряками, которые составляли команду парохода. Это скорее были политинформации. Среди них были испанцы, аргентинцы, итальянцы. Они великолепно реагировали на это, просто шикарно.

— *А какие Ваши первые впечатления об СССР?*

Потрясающие впечатления! Мы с одесситами встречались, и они бывали у нас в гостях. Помню, мама им наливала в маленьких рюмочках водку. У нас был кок, который говорил: «Ну, Мария Семеновна, кто же русскому моряку в наперстках водку подает? Надо граненый стакан!» А мама даже не знала, что такое граненый стакан. И на пароходе мне дали граненый стакан, принесла его домой и сказала: «Вот, мама, мерка для русского моряка».

Мы приплыли на «Санта Фе», а был еще «Энтре Риос» — это пароходы итальянского агентства. Представитель и священник на «Санта Фе» были итальянцами: я болтала на итальянском с удовольствием. В Одессу они привозили наших, а потом в Италию заезжали и забирали эмигрантов в Аргентину. В Одессе нас расселили (поскольку не было такой большой гостиницы) на круизном пароходе (по моему, «Россия»). И у мамы в первую ночь «увели» новые туфли, чему мы были страшно рады: нам

одесситы говорили, что в Одессу надо приезжать и смотреть даже за подошвой, так как подошву на ходу оторвать могут.

Я много читала про Одессу, и мне было просто потрясающе приятно ходить по улицам (ходила по Дерibasовской!) и слышать, как маленькие дети говорят по-русски. И говорят хорошо. Ой, это была такая зависть, такое просто потрясающее впечатление! А с нами ехали люди, которые не знали языка. Вот в Минске жил Карлушка Шерман, переводил поэзию. Он ехал с женой, тоже еврейкой, и двумя детьми. Его жена никак не могла привыкнуть к советской жизни, и потом она с детьми уехала, а он остался. Он на пароходе не знал ни слова по-русски. Мы издевались над ним и посылали его за жареным мороженым. Одесситы, они же юморные, это очень хорошо воспринимали.

В Аргентине я закончила школу и поступила в университет на медицинский факультет, а когда приехала сюда, то сразу поступила в Минский медицинский институт, в котором проучилась 3 года, а потом по семейным обстоятельствам перевелась во второй Московский медицинский институт на педиатрический факультет.

— *С языком проблем не было?*

В том-то и дело. Я училась в медицинском институте с Сергеем Тихоном и Стефаном Ермаловичем, и когда дошла до первой сессии, то уже говорила без акцента. У меня никто не интересовался: откуда приехал, зачем приехал — меня спрашивали по предмету. А их спрашивали: ах, а как там в Аргентине? Они всегда легко выкручивались, а я даже физику пересдавала. А самым легким предметом у меня в институте была «История КПСС» и марксистская философия. Наш преподаватель по «Истории КПСС» в минском медицинском институте, Павлов, восторгался, когда я отвечала, — настолько хорошо знала текущую политику: план Маршала (что у нас не знали). На экзамене он мне задавал дополнительные вопросы, поставил отлично.

Есть люди, которые приехали и жили воспоминаниями, прошлым. А я включилась сразу в новую жизнь, жила в общежитии в Минске, ездила на картошку, в 1957 г. поехала на фестиваль молодежи в Москве. И через шесть месяцев, встречаясь с нашими реэмигрантами (не говорю о Сереже Тихоне или Ермаловиче — они со мной в общежитии жили), мне казалось, что Аргентина была так давно и так далеко.

Мне запомнилось, как нас с Сергеем принимали в Минске в комсомол. У нас был один товарищ секретарем партии курса,

который был против того, чтобы нас принимать в комсомол. Потому что мы «говорили неправду»: будто мы говорили, что плохо в Аргентине, а строители на работе каждый день едят мясо и запивают вином. Это правда, но мы так не говорили — не знаю, откуда он это взял. А у меня язык всю жизнь был хорошо подвешен (ведь агитацией и пропагандой занималась), и я ответила: «Не знала, что благополучие страны, людей взвешивается стаканом вина и куском мяса». И он «заткнулся».

— *Из всего Вашего рассказа следует, что барьера по вхождению в советское общество у Вас не было.*

Совершенно никакого. После Одессы мы приехали в деревню к родным, а потом остановились в Барановичах у двоюродной сестры. Оттуда я уехала в Минск учиться. И получать квартиру, где жить, — это мне было все равно. Крыша над головой есть, делаю любимое дело, живу в стране, в которой стремилась жить, среди тех людей, с которыми разделяю всё. Единственно я себя неловко чувствовала — это то, что у меня были шмотки заграничные. Я их разделила среди девочек и сшила себе какое-то пальто, только бы не выделяться среди своих товарищей. Меня это угнетало: их — нет, меня — да. Потому что когда мы ехали в трамвае с двоюродным братом, а я была одета в шмотки, которые оттуда, и меня кондуктор обозвала стилиягой, я была готова провалиться сквозь землю.

Меня привлекало сюда не то, что хочу жить лучше, чем там, — я хочу жить в более справедливом мире, это совсем другая мотивация. Поэтому люди, которые не влились в эту жизнь, которые не приспособились, не могли привыкнуть, что чего-то не хватает. Один писал оттуда своим родственникам: «А сколько может стоить маленький совхозик?» (чтоб купить его в собственность, когда приедет сюда). Это люди, которые думали, что приедут в свою деревню и на фасаде своего дома магазинчик откроют.

— *Такие люди были?*

Да. И среди тех, кто были идеологами наших клубов. Они до смехотворного себя вели. В аргентинской полиции на их персональное дело не ставили красное «С», как на моем деле. А на моем личном деле в полиции было красное «С» — это значит «коммунист». Во-первых, потому что на слуху мое имя в комсомоле. И когда мы проводили какие-то мероприятия в этих же клубах и выступали на русском языке, у нас там был такой

Васерман. Это специальная полиция, шпик, которому давали удобное место (у него пузо было, как у лягушки — отвратительный, до сих пор его ненавижу). И этот Васерман усядется и слушает все выступления. От всех выступлений его не корбило, а от моих его почему-то корбило. И на моем личном деле у меня было «С». В пятнадцать лет я хотела поступить в среднюю школу. А там, чтобы после начального образования поступить в среднюю школу, надо принести из полиции так называемую «справку о хорошем поведении» (certificado de buena conducta). Мне этот сертификат не давали, и пришлось обратиться в центральную полицию. И в центральной полиции мне его не дали. Но у нас был один земляк — по фамилии Поляк — из соседней деревни с нашей, который имел маленький мебельный заводик. И он делал шикарный гарнитур не для кого-нибудь, а для самого Рохаса (шеф центральной полиции). И когда он с ним общался, он говорил: у моего земляка дочка, такая умница, так хочет учиться, а ей эту справку не дают. Ну сделай по-человечески. Через какое-то время тот приходит и говорит: «Этой девчонке даже я не могу ничего выписать».

— *А как же Вы дальше учились?*

А дальше пришел Перон, и пришла Эвита, которая открыла вечерние школы для рабочей молодежи. По соседству с нами жила многодетная семья, и я дружила с сестренкой, а были братья, которые не тянули математику. Я их подтягивала по математике. А отец их работал в Министерстве образования. И он удивлялся: «Что ж ты такая умная и не учишься?» «Да вот, не дают мне «справку о хорошем поведении»». И он меня специальным рекомендательным письмом из Министерства образования отправил в эту вечернюю школу, в лицей № 7, который я закончила через пять лет. Самое забавное: в школе этой (что значит молодость) я агитки расклеивала, проводила работы...

— *Коммунистического характера?*

Конечно! И на уроке социологии, когда преподаватель рассказывал о Карле Марксе, что он утопист, я дискуссию с ним проводила. Поскольку я хорошо училась, и меня любили преподаватели, они за это меня не «тюкали». Когда физик, а физику я всегда любила и соображала, говорил: «Первый искусственный спутник Земли будет запущен американцами», я ему говорила: «Сеньор Перасо, и не надейтесь! Первый искусственный спут-

ник Земли будет запущен Советским Союзом!» Вот что значит молодость!

— Скажите, Вы организовывали вокруг себя молодежь, а кроме Вас там были какие-то организаторы, противоположные Вам?

Нет.

— То есть перонистов там не было?

Перонисты были, но их организовывали при «*cede local del partido*»*. А у нас «*locales del partido*» не всегда были, а если были, то подпольно.

Я уже здесь, в Союзе, работала на комсомольской работе (внештатным инструктором райкома комсомола), легально, — вкус не тот... Работала долго, а в партию не поступала: казалось, что не созрела, это ведь все же серьезно. А когда меня представили в партию и посмотрели, что занимаюсь агитацией среди врачей уже долгие годы, на секретаря так напали в райкоме — куда ваши глаза глядели? Я говорила: а что я такого сделала? Приняли без разговоров. Но потом, ох, я им заботу давала — ведь могла не соглашаться с чем-либо. Меня вызывали на ковер, и говорили: «Откажитесь от своих слов». Никогда в жизни!

В Доме Дружбы с Павлом Бойко мы сначала были в Обществе «СССР — Латинская Америка», а потом отдельно открыли «СССР — Аргентина». И я была в правлении общества дружбы «СССР — Аргентина». Везде успевала, тем не менее не со всем соглашалась. А когда Горбачев придумал свою Перестройку, а инфляция взлетела на тысячи, я написала заявление, что мне не по пути с такими руководителями. И вышла из партии.

— Некоторые уехали из СССР обратно в Аргентину. А чем они это обосновывали?

Вот, например, Мартынюки. Они жили в Бресте, и они из тех, кого в Аргентине считали самыми патриотичными патриотами. Дочка Соня была одной из немногих, которая со средним образованием, а не только с начальным. Вероятно, они решили, что Сонечка со средним образованием будет хватать звезды с неба. Но такого ничего не было, приспособиться к тому, что было, они не смогли — и вернулись. Они скучали по асадо на Пласа Лонсе, а я на Пласе Лонсе асадо не ела, а участвовала в

* Мясовая партийная организация (ісп.).

открытии «Института культурных связей Аргентина — СССР». Вот такое мероприятие стоит внимания, а не асадо на Пласа Лонсе. Это у меня ассоциируется с историей одного испанского философа. Он поехал в Мадрид и там ходил в министерство узнать, как бы ему, марксистскому философу, получить кафедру в университете. И ему сказали напрямую: «Ты нам здесь со своей марксистской философией нужен, как тореро на Красной площади». Вот это мне напоминало: у людей разные взгляды на жизнь. Я могу вспомнить как Компартия Аргентины организовала грандиозный пикник в Морено (1955 г., по-моему) во время забастовки. Но что мы там ели — не вспомню. Помню, там был Орасьо Гуарани, фольклорист, который хорошо играет на гитаре и которого хунта выгнала в Испанию. Он там участвовал, и мы всей компанией с ним пели. Он как раз участвовал в Московском фестивале в 1957 г. Но какая там пицца в Италии — это не главное. Каждый человек живет своими идеалами, и эти люди не могли тут приспособиться.

Я с аргентинскими коммунистами с тринадцати лет, была и на взрослых собраниях. Никогда не забуду, как один старый коммунист сказал: «Советский Союз — для советских людей». Там такие условия (климатические и все остальные), что только советский героический народ может с этим справиться. Еще до переезда в СССР из Аргентины ездили на Пражский фестиваль наши ребята, а потом они были в Советском Союзе. По возвращении они, конечно, рассказывали всё так, как есть. И меня это не пугало. У нас в советском консульстве был второй секретарь — Бударин — который говорил отцу: «Петр Александрович, а почему Вы так стремитесь? У Вас здесь крыша над головой, неплохо здесь живете. Подождите». Отец отвечал: «Нет, я не могу ждать. Хочу, пока у меня есть силы, построить и себе, и еще кому-то крышу». Поэтому если кто-то на готовенькое ехал, то это одно. А если ты ехал для того, чтобы погрузиться в общую массу, чтобы что-то сообща делать, то это совсем другое. У меня всегда вызывал улыбку вопрос: «А не хотела ли ты вернуться в Аргентину?» Куда возвращаться?

— *Анна Петровна, но ведь разные судьбы были у переселенцев. Некоторые в советское время были так запуганы, что и теперь боятся рассказывать о прошлом.*

Знаете, я всю жизнь встречалась с аргентинцами, кубинцами и другими. И у меня здесь ни разу не спросили документов. Мо-

жет, физиономия у меня такая, может, еще что-то. Бывало так, что в Доме Дружбы выходные, а люди приехали. Значит, с ними надо встретиться и надо провести беседу. Собираю их в холле гостиницы и провожу с ними встречу, отвечаю на их вопросы о нашей стране и никто никогда ни из работников КГБ, работников гостиницы не сказал: «Вы кто такая? Что Вы тут делаете? Покажите документы!» Никогда! Я никогда ни с кем не боялась встречаться. Только в Аргентине я боялась попасть в «policia especial» — потому что они уродовали людей. Это же фашисты! Они уничтожали, калечили. Вот этого боялась. А чего я должна бояться в своей стране?

В заключение мне хочется вспомнить моих родителей, простых рабочих и малообразованных, но очень мудрых людей, которые воспитали нас с братом в интернациональном духе и в любви и уважении к своим корням и к малой родине. И хотя и пришлось «помогаться» по белому свету, не позволили нам стать «Ваньками безродными». Научили нас уважать другие народы и культуры и любить и помнить родную землю и наших предков.

ЖИВЕ БЕЛАРУСЬ!

г. Москва, 2 апреля 2009 г.

№ 19

Гарустович Константин Константинович

Мой отец, Гарустович Константин Игнатьевич, — из деревни Клетное Пружанского района. В 19 лет он остался круглым сиротой. В то время поляки проводили среди жителей такую агитацию: «Что вы тут будете умирать от голода или тифа. Нужно ехать в Америку, сейчас наш пароход отплывает». И отец изъявил желание ехать. Двоюродные сестра и брат говорили: «Куда, Костя, едешь? Ведь ты не знаешь, как там жить». А отец:

«Руки есть, голова на плечах есть — проживу». Поехал он в Канаду, но почему-то оказались они в Аргентине.

Приехал в Буэнос-Айрес и увидел, что там совсем не рай капиталистического мира, как обещали. Совсем нет! Это был 1928 г., там международный кризис начался. Отец сдружился с иммигрантами-славянами, и когда капиталист приходил кого-то брать на работу (болгар, чехов), те просили, чтобы взяли и моего отца. Так отца нанимали на работу, и он объехал всю Аргентину. Кем он только не работал: и плотником, и сантехником, и строителем, и на дорожных работах. Даже поваром был.

Когда отец работал поваром у одного богача, то познакомился с моей матерью. Он белорус, а моя мать чистокровная аргентинка — донна Гертрудис Базилика Рамирес де Гарустович. Она была сиротой, приехала из городка Берон де Астрада, который находится в провинции Корьентес. Работала посудомойкой, и окружающие могли ее обидеть, а отец все время хотел ее защитить. Дружили так, а потом поженились. В 1941 г. в Буэнос-Айресе родился я (район Вилья де Лино), а после мой брат Сергей.

Когда мне было три года, семья вынуждена была переехать на север страны в провинцию Формоса, что на границе с Парагваем. Брат Сергей в Формосе умер. Он заболел, его тошнило, а поедешь за несколько километров к врачу, тот скажет: «Ничего страшного, ничего страшного». А потом братик умер — до сих пор не знаем, от чего. Следующие братья родились в Формосе: Николай, Михаил и последняя сестра Маша. Маша, к сожалению, в 1999 г. погибла. Она работала в туристической фирме и одна из первых организовывала регулярные туристические авиарейсы Беларусь — Испания.

В Формосе отец занимался сельским хозяйством: обрабатывал землю. Сначала брал землю в аренду у богача, а после того как собрал несколько хороших урожаев хлопка, купил у этого богача землю. Потом сами построили дом. Выращивали для себя всё, что необходимо: кукурузу (это основная пища аргентинских крестьян), картошку, батат (сладкий картофель), маниоку (такой корнеплод, сварить — получится вкуснее картошки). А на продажу — хлопок. В Аргентине есть районы, где земля красного цвета, но мы жили там, где чернозем. Держали в хозяйстве корову, бычка — мясо там практически ничего не

стоило. И без коня крестьянин там — как цыган без коня. Как и все крестьяне, садили гуаява (плоды такие), можно посадить апельсины, мандарины, бананы. Посадишь — и быстро растет, как сорняк.

Так я и рос в Формосе: учился в средней школе, а потом уже в городе Формоса пошел в третий класс. Школа в городе была лучше, чем на селе: как земля и небо. Вроде одни и те же предметы, но качество преподавания гораздо лучше. Мне пришлось пойти в третий класс, хотя я уже отучился три класса. Так потерял год, а потом нормально окончил все остальные — четвертый, пятый, шестой классы. Шестым классом там заканчивается начальная школа, потом идешь в среднеспециальную школу. Я поступил (если перевести в нашу шкалу) в педагогическое училище. Год проучился, а потом родители переехали в Буэнос-Айрес (мечта была вернуться в Советский Союз). Родители оставили мне денег, и я на пароходе по Паране через три дня приплыл в Буэнос-Айрес.

Отец с первого дня хотел вернуться в Беларусь. Он тридцать пять лет прожил в Аргентине, собирал деньги, чтобы вернуться на Родину. В 1955 г. вышло постановление о репатриации, и мы приехали в Буэнос-Айрес, стали на очередь, чтобы переехать в Советский Союз. Четыре года прожили в столице Аргентины перед переездом в СССР. Кто-то переехал в 1955 г., кто-то в 1956 г., мы переехали в 1958 г.

Мой отец не принимал аргентинского гражданства, он был советский гражданин. Но по-испански настолько хорошо научился говорить, что коренные аргентинцы принимали его за своего. Только говорили, что «Гарустович» — какая-то странная фамилия: не Лопес, не Гомес. Аргентина — крупнейшая капиталистическая страна в Южной Америке, а во власти там, конечно, крупные олигархи. А коммунистов всегда «гоняли», потому что они за права рабочих. Компартия работала то подпольно, то легально, потом снова подпольно. Дискриминация полная! Отец был членом коммунистической партии Аргентины. Помню, соберутся крестьяне, он поднимется на табурет и начинает говорить. В Формосе была коммунистическая ячейка. Отец организовал кооператив, и за два-три года построили там школу, чтобы дети могли учиться.

— *А периодичу на русском или украинском языке отец читал?*

Ежедневно (подпольно как-то находил). И на испанском языке находил коммунистическую газету. Что происходит в СССР, он знал очень хорошо.

— *А Ваш отец был религиозный человек?*

Нет. Он был православный, мать католичка, а при заключении брака надо обвенчаться. В Аргентине все католики: в костеле узнавали, можно ли отцу венчаться. Сказали, можно, еще спросили, откуда он, и как услышали, что из Польши, сказали: «О, Польша же католическая страна». Отец не хотел, но чтобы работать в компартии, чтобы полиция тебя не преследовала, надо было как-то маскироваться. И в коммунистической партии спросили: «От того, что ты венчаешься, твое убеждение не изменится?» — «Нет, не изменится» — «Так сделай, чтобы было всё нормально». Он работу такую развернул, что хотели его выбрать секретарем района, и не дай Бог, что они пронюхают, что он не аргентинский подданный, да еще решат, что послан из Москвы... А мама, когда приехала в Советский Союз, каждое утро перед работой в Академии наук ходила в костел. Но от отца скрывала, потому что отец этого не одобрял. Он был атеистом. Дома религиозные праздники не отмечали.

В Аргентине отца посадили в тюрьму один раз: за то, что он одного местного фашиста избил. Там много фашистов было. Немецкие фашисты создали свою организацию «Такуара» (на эмблеме была свастика). Такуара — это камыш в Аргентине с острыми краями.

В Формосе были представители и других славянских народов — с украинцами встречались как братья. Говорили на родном языке. И рядом в Парагвае много наших соотечественников. Они, чтобы переехать в СССР, должны были приехать в Буэнос-Айрес, ведь в Парагвае у власти был фашист Стресснер.*

Отец говорил: «Я буду умирать, но добьюсь, чтобы все мои дети получили образование». В Буэнос-Айресе я учился на втором курсе, а надо платить. Там записано, что бесплатная учеба, но платить надо за учебники (двенадцать учебников), за форму, в фонд школы, за еще что-то... И отец на семейном совете сказал: «Простите, дети мои. Я обещал вам образование, но,

* Стресснер Альфрэда — прэзідэнт Парагвая (1954–1989 гг.). Усталяваў дыктатарскі рэжым, які жорстка падаўляў палітычную апазіцыю.

к сожалению, один работаю, не хватает денег на питание. Вот приедем в Советский Союз, там бесплатное образование».

— *А мама Ваша не работала?*

Нет, ведь маленькие дети были. В Аргентине женщины почти не работают. Молодые, которым где-то двадцать лет, могут работать до замужества. Но как только дети пошли — надо за ними смотреть, тогда же не было детских садиков (только для богачей, может, были).

Надо искать работу, и я взял газету с рубриками «требуется». Иду устраиваться на престижные работы, пройду комиссию, мне говорят: «Жди дома». А неделя проходит, другая — ничего не слышно. Тогда пошел устраиваться на крупный полиграфический комбинат «Fabrill Financiera». Приехал на фабрику на самом раннем автобусе в пять утра. А там уже человек сто стоит. Дождался своей очереди где-то в 11 часов. Спрашивают, какое у меня образование; отвечаю, что окончил школу и два класса лицея. Они очень удивились: там идут устраиваться на работу в основном те, кто закончил два класса начальной школы. Да и неграмотных людей в Аргентине, считай, половина, особенно в сельской местности. «А спортом занимаешься?» — спрашивают. «Ну, футболом, баскетболом (научился в клубе «Максим Горький»)». Меня с радостью приняли на работу, работал учеником пять месяцев.

В последующем было первенство завода по футболу, и было семнадцать команд (по количеству цехов). Кстати, мой друг из подпольного коммунистического Союза молодежи Аргентины был среди инициаторов этого футбольного первенства. Он знал, что мы собираемся переезжать в СССР, и был со мной более откровенным, чем с другими. Наша команда стала чемпионом завода, и в ней я стоял на воротах. Затем играл вратарем в аргентинской четвертой лиге в клубе «Lanus oeste». Но даже люди, которые играют в третьей лиге, продолжают работать на заводе. Потому что платят мизерные деньги. А вот во второй лиге уже деньги платят приличные.

В Буэнос-Айресе мы снимали квартиру: один русский белоохранец имел гнилые сараи и сдавал их. Говорил: «Я помогу своим соотечественникам», — да какая тут помощь, хотел из людей выжать последнее... В Аргентине, если работаешь много лет на заводе, имеешь специальность, то платят хорошо. А если нет, то после сорока лет никто тебя на работу не возьмет. Нико-

му не нужен: можно подметать улицы или работать на стройке. Отец хорошие деньги мог заработать только на стройке. А это опасно. Читаем, и по радио передают: там свалился один и погиб, в другом месте несчастный случай. Техники безопасности никакой.

В Буэнос-Айресе мы жили на улице Итапиру и посещали клуб имени Максима Горького, который был рядом с нашим домом. В клуб «Максим Горький» ходили люди разных национальностей, у нас был даже один армянин — Крикор (Григорий) Париджанян. У меня близкие друзья были братья Жарские. Изучали в клубе русский язык, но я, когда выехали в СССР, знал только два слова — «Да» и «Нет». Трудно он мне давался. А говорили все на испанском, хотя песни пели на русском (в основном народные песни).

Когда я приехал из Формосы, в клубе «Максим Горький» организовали танцевальный кружок, где исполняли гопак, русский перепляс. Кружок любительский: по книге кто-то читает, разбирается, и затем танцуют, например, «Барыню». Одним из руководителей был Вася Жарский. Были в клубе и спортивные секции. Тогда в клубах никто ничего толком не знал об аргентинской культуре. А я в школе в Формосе уже занимался в танцевальном коллективе, и меня назначили руководителем танцевального кружка в клубе. Так трудно мне было научить ребят бить чечетку. Но за месяц научились.

В клубе еще отмечали советские праздники, смотрели советские фильмы. Один из них — «Судьба человека» — меня взволновал и остался со мной на всю жизнь. Сколько раз я его смотрел, но если его будут показывать по телевизору — обязательно посмотрю еще раз. А еще запомнились «Верные друзья». Фильмы демонстрировали на русском, но они шли с субтитрами на испанском.

Однажды в Буэнос-Айрес приехал балет Большого театра СССР. С ними была знаменитая балерина — то ли Уланова, то ли Плисецкая — и члены наших клубов помогали: из клуба Максима Горького, Николая Островского, Белинского, Пушкина распространяли афиши или что-то в этом роде.

В 1957 г. в Буэнос-Айрес приехал с гастролями Арам Хачатурян. Мы отобрали лучшее из лучшего. От каждого клуба брали номера художественной самодеятельности: кто-то струнный оркестр, кто-то танцевальный коллектив, кто-то хор, капел-

лу — кто что мог. Остальные клубы ничего аргентинского не показывали, а от нашего клуба мы исполняли три аргентинских народных танца: маламбо, чакара и самба (не такую, как в Бразилии, а аргентинскую — плавно танцуют). Это и костюмы аргентинские — сапоги гармошкой, штаны широкие как украинские шаровары, пояс, на поясе за спиной — кинжал. Шляпу можешь одевать — можешь не одевать. В самом крупном театре Аргентине — «Колон» — аудитория была полностью заполнена нашими людьми, членами посольства. Хачатуряна пригласили и посадили на почетное место. Четыре часа длился концерт, потом в подвале (там огромный зал) был организован банкет (так принято). На банкете там обычно подают вермут, мягкие булочки (с надрезом посередине, и тоненько-тоненько нарезанная моргаделла (колбаса) — вкусно). И когда дали слово Араму Хачатуряну, он сказал: «Благодарю за концерт! Впервые в жизни я видел аргентинские народные танцы. Мечтал — и увидел. Когда приедете в Советский Союз, у вас там будет больше возможностей развивать это искусство».

В августе 1958 г. мы приехали в Советский Союз. Отец продал все свое имущество, и 36 тыс. песо не хватило. Только благодаря посольству, которое заплатило, мы приехали. В Буэнос-Айресе в посольстве определили, что едем в Гродно, хотя все, кто в наше время переезжал в СССР, ехали в Казахстан. В посольстве СССР они говорили, что хотят ехать в Москву, Ленинград. Им отвечали, что там мест нет и можно ехать в Казахстан.

Плыли мы на пароходе «Бретань», третьим классом (внизу). На пароходе было 57 аргентинских семей, направлявшихся в Советский Союз. Мы доехали до Генуи, неделю были в Италии. Перед этим останавливались в Барселоне, где я целый день гулял по городу. Отец не выходил, потому что у него паспорт советский, а были случаи, что полиция задерживала, и ты там остаешься. Из Генуи поехали поездом через Альпы, и первый советский город на Украине — Чоп. День там побыли, и поехали в Гродно.

Приехали где-то в семь часов вечера в Гродно (только одна наша семья). Приехали, а в городе тишина: по сравнению с шумом предыдущих городов это удивляло. Мать с нами говорила по-испански, кто-то услышал, разнесся слух, и к нам пришли Шелешко — семья, переселившаяся из Аргентины раньше нас. Мы познакомились, и первый день провели у них в гостях. По-

том в райисполкоме нам выделили место в гостинице «Гродно» (недели две жили). Потом дали общежитие: одна комната и общая кухня. Шесть человек в одной комнате, туалет на улице. Год прожили там, пока не получили трехкомнатную квартиру на улице Дарвина.

— *Вы по приезде русского языка не знали? А Вы где его выучили?*

Пошел на футбол, и хочешь не хочешь, а выучишь. Там повторяют одно и то же по десять раз. «Мяч-мяч-мяч!». Я уже знаю, что «pelota» — это по-русски «мяч». Потом в вечернюю школу пошел, работал на гродненской фабрике литографии. Пошел в седьмой класс: должен был в восьмой класс, но директор посоветовал пойти в седьмой — там заканчивался русский язык. И так проучился с седьмого по десятый класс. Посменная школа была: если вечером работаешь — значит, утром идешь в школу, если утром работаешь — то на учебу вечером. Сначала трудно было: отец читал по-русски и мне переводил на испанский. Когда он мне перевел, я знаю, о чем речь. Старался наизусть выучить текст, смысл которого отец мне объяснил. И так потихоньку выучился.

— *Жизнь в Аргентине отличалась от советской? Что Вам бросалось в глаза?*

Знаете, я боялся, что будет как в Аргентине: там, если какой-нибудь иностранец появился, который не знает испанский язык, то это предмет для издевательств. «Скажи что-нибудь по-испански», — и ха-ха-ха, — смеются. Думал, что здесь то же самое будет. А я ведь по-русски ничего не говорил. А тут всё наоборот: все стараются помочь мне. И один, и второй, и третий, четвертый. И никто не смеется. Мне даже не по себе было, как можно сравнить: в Аргентине издеваются над иностранцами или просто из деревни — приезжаешь в город, отличается речь деревенская — и «деревенщина» пойдет, и то, и сё. Издеваются как могут. И хотя я говорил: «В какую дыру мы приехали? Гродно по сравнению с Барселоной». А потом смотрю: отношение человеческое, вот здесь тебя человеком считают, а там нет. Вот в чем преимущество. Отец рассказывал: когда он работал строителем у одного богача, то увидел следующую картину. Хозяин говорит кому-то: «Смотри, как я со своими подчиненными. Эй, Педро, иди сюда!» Педро подходит, а хозяин: «Ты собака!» — Педро, кланяясь: «Да, сеньор.

Да, сеньор». Вот так там обращались с простыми рабочими, как с людьми даже не второго сорта. А у богача, у которого отец работал, было двадцать человек прислуги. И повар.

Отец пошел на гродненскую фабрику «Стройдетали», пока не переехал в Минск. А мама работала сначала посудомойкой, а потом перешла в гродненскую школу-интернат. Там училась моя младшая сестра — бесплатно благодаря Советскому Союзу. А отец в школе-интернате был председателем родительского комитета. Мать сначала в интернате работала ученицей повара, потом помощницей, а под конец стала поваром. И ее любили: если написано, что требуется для блюда мяса столько-то, жира столько-то и так далее, то она всё точно так и делала. А другие повара что-то домой несли, так и вкус уже не тот. Поэтому, как только ее смена приходит, ей: «Дона Василика, дона Василика!» И у нее еще оставалось для добавки! А в Минске работала гардеробщицей в Академии наук, а отец в театре Янки Купалы столяром.

В Гродно я танцевал в доме офицеров (там танцевальный коллектив). Потом меня пригласили в самодеятельный коллектив табачной фабрики «Неман». А я хотел выступать от «Литографии», у которой ничего не было. Решил показать танец «Маламбо». Комиссия народного творчества, которая просматривала номера, ничего такого никогда не видела. И после этого приняли меня танцевать в финал. Уговорили танцевать в городском ансамбле «Неман», стал там солистом. Ездил с ансамблем на ВДНХ в Москву, в Польшу. К нам приезжал из Минска балетмейстер из государственного ансамбля танцев и выбрал для выступления меня и мою партнершу. А я в это время еще не закончил школу. Все же танцы — это хорошо, но это до 40–45 лет, а потом? Образования нет. И решил оставить танцы.

Когда закончил школу, приехал к нам на экзамен Илья Израилевич Альтман (заведующий испанским отделением французского факультета в институте иностранных языков в Минске). Поговорил он со мной минут десять, сказал: «Да что у него принимать экзамен! Он ведь прекрасно по-испански говорит. Такие люди нужны у нас на факультете». И после этого я поступил в Минский институт иностранных языков. Там училось несколько человек таких же переселенцев из Аргентины: старше на год учились Николай Ленивко и Пстыга (он из Бреста, потом (во время практики) утонул в Березине), со мной училась Анита

Ансамбль «Нёман» прадстаўляе Гродзенскую вобласць БССР на ВДНХ у Маскве (у цэнтры — К. Гарустовіч)

Теребей. Учыўся там і Миша Кобринец. Некаторыя учыліся, а потым перавеліся на заочнае аддзяленне ці ўвоўсе ўшлі.

— *В пачале 1960-х гг. некаторыя уехалі в Аргентину...*

Многія уехалі. Напрыклад, в Гродно жила большая семья Симоновичей (особенно старик очень был настроен против жизни в СССР). Они говорили, что здесь плохо, скучно; в Аргентине у него был дом, а здесь ничего нет. Они все работали на гродненском тонкосуконном комбинате, не могли привыкнуть. И поехали в Аргентину, пошли там на работу. А полиция приходит каждую неделю узнавать: как это приехали из СССР, может, шпионы? А с другой стороны рабочие: а, ты предал Советский Союз. Они хотели даже обратно в Советский Союз, но им отказали. А тем, кто дом имел в Аргентине, в посольстве говорили: живите в Аргентине, есть же люди, которым действительно нечего терять. А у вас дом есть, зачем вам переезжать? «Нет, я на Родину хочу, буду хоть в окопах, хоть в землянке жить. Лишь бы в Советском Союзе». А тут обратно уехали. Непорядочно поступили: к тебе хорошо относятся, ты же отвечай тем же.

г. Минск, 16 апреля 2009 г.

ДАДАТАК ДА РАЗДЕЛУ 3

№ 1

Зенона Константиновна Забчук

Я родилась в городе Обера, провинция Мисьонес. Мой папа, Константин Адамович Артюх, переехал в Аргентину в 1926 г. из белорусской деревни Катминовцы, которая недалеко от Баранович. В семье папы было три брата и сестра, а земли было мало. Поэтому Константин Адамович вынужден был выехать за границу. Сначала отец приехал в Буэнос-Айрес, где подружился с одним украинцем, Григорием Миколойчуком: вместе они работали на железной дороге в Буэнос-Айресе. Но это им не нравилось, ведь они хотели работать на земле,

а землю для обработки предоставляли в Мисьонес за тысячу километров от столицы. Они 22 или 23 дня ехали и шли пешком до Мисьонес. В городе Обера, где мы живем, тогда было всего три дома — полиция, аптека и магазин. А вокруг джунгли. Полицейский сказал: «Пожалуйста, занимайте 25 га земли, где вам нравится». Они выбрали участок недалеко от речки, где была хорошая вода, сделали дом из дерева (из дерева делали

*Зянона Забчук (злева) з Сільвіяй
Картэс-Пелех у Таварыстве
«Радзіма» (Мінск, 2008 г.)*

всё) и там остались. После этого надо было корчевать лес, так как губернатор наш Лянусе прислал в Буэнос-Айрес бумагу, где просил эмигрантов, которые будут разрабатывать Мисьонес. За два года проходят размер, записывают этот участок на эмигранта, и тогда начали платить налоги, маленькие налоги. Так и началось: сосед соседу помогал, они ездили, посмотрели, как работают те, кто несколько лет уже прожили, и садили чай, джерба-мате, маниоку (она очень вкусная и растёт, как картошка, только длинная).

В нашей провинции насчитывается 900 тысяч населения, и считается, что из них 50% славян: русские, белорусы, поляки, украинцы. Первая эмиграция прибыла в 1897 г. — это была украинская эмиграция. Они жили недалеко от нас, в 60 км. А в 1900 г. прибыл второй пароход, на котором были мои деды Качаловы из Западной Украины. Когда папа устроился, они поехали туда искать жену и — нашли маму, которая родилась в Аргентине в 1906 г. Она была из семьи тех, кто приехал вторым пароходом в 1900 г. В 1930 г. они поженились и жили на том участке, который папа обработал (в Аргентине он называется «чакра»). Сразу очень трудно было, потому что папа очень любил борщ, но из чего его сварить? С мясом проблем не было, и рыба была в речках, и зверей убивали и пекли мясо. Но надо борщ. А там есть такое растение под названием «треболь», оно кисленькое и растёт в лесу. И из этого мы делали борщ. А потом была уже и свекла. И ещё проблема была — выучить язык, хотя мама хорошо знала язык. Сложно было, но все они пережили, разрабатывали, богатели...

Мы сейчас собираем материал и будем писать книгу о женщине-эмигрантке, которая работала даже больше мужа: стояла рядом с мужем и рубила дерево, а надо было и детей растить, и коров подоить, и свиней покормить. И одна женщина мне рассказывала, как тигры*, которых много было в джунглях, не трогали наших людей, нюхали — и это им ничего не указывало на то, что это люди. А вот когда начали стрелять — тогда уже стали нападать. Это я узнала два месяца назад: как это жить в джунглях вместе со зверями — и нет никакой проблемы.

— *А крокодилы у вас водятся?*

* Тыграм у Лацінскай Амерыцы называюць ягуара.

Крокодилов у нас было немного, потому что нет больших рек — это Парана, Уругвай, это далеко, да и не далеко — в 50 км...

Мой папа много рассказывал про Беларусь, и я всё помню. Я очень дружила с ним, потому что мои сестры были старше меня и если что случиться, меня оставляли с папой. Например, был случай, когда папа ногу сломал, и я постоянно была с ним дома. Он научил меня писать по-русски, по-испански и мы много разговаривали. Я читаю прекрасно и по-белорусски. Бывало вечером: мама с сестрой пошли корову доить, а папа сидит с папиросой — и слезы у него на глазах. И он говорил, что плачет, потому что очень скучает по родине.

Там много есть белорусов, тех, кто приехал через Буэнос-Айрес, а последние — через Парагвай. Про Парагвай есть очень интересная книга, про славян в Парагвае: как их принимали, как они жили, то есть история, похожая на нашу*.

— *По-моему, в Парагвае была только одна колония Фрам?*

Нет, не только в Фрам, есть и в столице. Это последняя эмиграция белорусов: от 1935 до 1937 г. Через Парагвай переезжали (и через Бразилию тоже), потому что в Буэнос-Айресе закрыли эмиграцию. И из Бразилии переехало много белорусов тоже. Из Витебска, например. Я собираю все даты на эту книгу женскую, и выявляется много белорусов. Я помогаю при работе над этой книгой. Насчитывается четырнадцать почетных консулов в Мисьонес, и нас просили через посольства это всё узнать. Я даже интересовалась у посла, ведь была такая политика: посылали из Польши, Белоруссии и Украины в Сибирь. И родители моего мужа из Украины — Забчуки — поехали из Сибири в Бразилию в 1910 г. Из Витебска переехали Малиновские (есть две семьи), белорусская семья Кривонос — все они ехали в Сибирь, а в 1910–1912 г. поехали в Бразилию, потому что Бразилия тоже приглашала эмигрантов для прокладки железной дороги. И Малиновские, которые родом из Витебска, они хорошо там жили. И отец женщины, которая мне это все рассказывала, узнав о войне, взял билеты туристические. Они рассчитывали приехать после войны, но в итоге вернуться им не удалось. А когда началась

* Верагодна, маецца на ўвазе кніга Б. Мартынава «Русский Парагвай» (М., 2006).

Вторая мировая война, мой муж рассказывал: они работали, высылали одежду, деньги.

Есть много славян в Чако: украинцы, есть даже большая колония русских, которые поселились там. У нас в Обера нет такой одной колонии русских, у нас все: и белорусы, и украинцы, и русские. В Уругвае тоже есть много русских: большинство из тех, кто был побогаче, из приехавших еще до Первой мировой войны белогвардейцев, которые не остались в Буэнос-Айресе и переехали в Уругвай. А те, кто приехал в Аргентину после Второй мировой войны, осели в основном в Буэнос-Айресе, у нас их нет. В советское время газеты выходили в Буэнос-Айресе, они нам присылали. И у консула можно было взять литературу и много материалов. А в настоящее время я получаю только «Голас Радзімы» из Общества «Радзіма».

В нашей семье говорили не на испанском, поэтому я и сохранила русский язык. Пока не помешались, не переженились с представителями других национальностей, все говорили по-украински или по-русски. А наши дети мало разговаривают на языках своих предков: если, допустим, русская женщина вышла замуж за японца, то они в семье не говорят ни по-японски, ни по-русски. В Буэнос-Айресе есть Русский Дом, и там проходят курсы русского языка. У нас есть одна женщина-переводчик, которая может обучать языку. Но мы не можем собрать группу, которая бы постоянно ходила на курсы: многие по прошествии времени бросают занятия.

Там, где папа разрабатывал участок, местных аргентинцев не было, ну а там, где они были, аргентинцы не отвергали эмигрантов, а только смотрели на наших людей. Отношения не были враждебными, никаких эксцессов не было. Только родители моего мужа мне рассказывали, что случилось в 1936 г. Это были очень страшные события. Моему мужу было пять лет, и его мать маленьких детей укрывала под кроватью, потому что стреляли. Это было из-за каких-то проблем, связанных с выращиванием табака. Была манифестация, и были раненые, даже убитые. Но там вмешалась полиция. История эта очень запутанная: в Бразилии были волнения, и прибыли к нам из Бразилии революционеры, и немцы, и «марогато» (индейцы, жившие в лесу). И они были настроены против славян в Бразилии, а бразильская граница расположена в 20 км от нас, и она свободно переходится. Были тяжелые времена, потому что они ненави-

дела всех белых, которых называли «русскими». Это нигде не зафиксировано в документах, но люди говорят, что из Бразилии вмешались в эту манифестацию, и они были связаны с полицией. Но полиция и манифестанты не хотели стрельбы: организаторы шествия и выступившие люди хотели только поднять цену на табак. А прибывшие из Бразилии начали стрелять... Больше таких кровавых событий у нас не происходило. Например, два года назад была манифестация за джербу-мате: вышли люди, приехали на тракторах, грузовиках. Народ ничего страшного не просил, только чуть-чуть поднять цену на джербу-мате: сходили к губернатору, сидели на площади две недели, их там кормили. И в конце концов они добились своего, и цену подняли.

В 1928 г. был основан наш город Обера, когда сделали большой кооператив, в котором были все (и русские, и белорусы), которые жили на чакрах, привозили свои продукты, и тогда начались связи и с миром, и с другими людьми. Встречались, приезжали на аргентинские праздники: 9 июля (День Освобождения), 20 июня (День Флага) и многие другие. Празднуют в Аргентине, конечно, и Рождество, и Новый год. Только у нас нет снега, нет ёлочек. В это время тепло, хорошо. А мы на искусственную ёлочку накидаем вату, чтоб было похоже на снег. Наше объединение называется «Русская Община», в которую входят белорусы, украинцы и русские. Но украинцы «нормальные», те, кто любит славянскую культуру. А есть еще и украинцы-националисты, которых называют «бандеры». Они не любят русскую культуру, они постоянно нас ругают, называют коммунистами. А мы никогда не были коммунистами. В Мисьонес никто не занимается политикой, это только в Буэнос-Айресе занимаются политикой.

У нас проходит большой федеральный Праздник Иммигранта в сентябре месяце. У нас есть национальный парк на окраине города, где нам выделили участок земли 50x30. И надо было сделать национальный дом из дерева (мы говорим «почадо»). Мы сделали большую русскую избу на 300 человек. Мы имеем музей: маленькую избушку, которую сделал иммигрант в 1930 году. Мы её перевезли целиком: там были гвоздики только деревянные. Это искусная работа, стены расписаны, прекрасно сделано. В национальном парке есть японцы, испанцы, украинцы — и с ними мы дружно живем. Но они ходят с желто-голубым флагом, как и у футбольного клуба «Бока Хуниорс».

У нас есть два самых известных клуба в Аргентине — «Ривер Плейт» и «Бока Хуниорс». Мы стараемся мирно жить, потому что не надо друг другу делать неприятности. Наша работа честная: мы сохраняем национальные блюда, искусство, танцы... Мы готовим известные русские блюда: пельмени, блины, борщ, вареники; драников пока нет. У нас есть танцевальный коллектив «Метелица», который исполняет русские и белорусские танцы. Украинских танцев исполняем мало.

Мы это землячество сделали в 1987 г., а другие начали где-то в 1980 г. Когда у нас проходил праздник тысячелетия принятия христианства на Руси, было 12 тысяч человек. И тогда приехал генеральный консул из Буэнос-Айреса, из посольства. И он меня уговорил сделать землячество (мне помогали клубы). 28 февраля 1987 г. мы уже официально сделали свою Русскую Общину, объединившую русских, украинцев и белорусов.

В настоящий момент председатель Федерации бывших советских граждан в Аргентинской Республике F. I. C. S. A (Federación de Instituciones de Ex-Ciudadanos Soviéticos en la República Argentina)* Леонид Шевчук. Он мой хороший знакомый: украинец, который родился в Аргентине, потом в 1956 г. приехал в Советский Союз, а потом обратно поехали в Аргентину. В Буэнос-Айресе, наверное, 7 таких клубов. Аргентинские власти заинтересованы в том, чтобы сохранялась национальная культура. Например, наш муниципалитет в Обера не просто связан с нами — он проделывает с нами огромную работу по подготовке празднества в нашем парке. И муниципалитет, и полиция тогда помогает, ведь приезжают гости из Буэнос-Айреса, Бразилии, Парагвая — и всех нужно встречать. А полиция помогает в том, что когда выступает какой-то знаменитый артист, надо охранять гостей. У нас есть и «эскадрон» — подразделение, охраняющее границу, которое помогает и нам.

В Буэнос-Айресе есть храм раскольников, который расположен на улице Бразилиа. Это не старообрядцы, а те, кто связан с Соединенными Штатами Америки. А есть храм на улице Бульнес, сейчас там митрополит Платон. В Обера есть православ-

---

* У 2004 г. FICSA спыніла сваё існаванне. З 2004 г. дзейнічае FISIBRU (Federación de instituciones culturales inmigrantes belorrusas, rusas y ucranianas) — Федэрацыя культурных арганізацый беларускіх, рускіх і украінскіх імігрантаў.

ная церковь, и есть пять в нашей области, а в настоящее время делают шестую. Наш священник парагваец, он читает и ведет службу по-русски. Только ему трудно говорить по-русски.

Отмечу также, что городами-побратимами Обера являются Можайск и Молодечно (с 4 ноября 1994 г.). Это способствует культурному обмену и другого рода коммуникациям. Хорошо было бы наладить бизнес, но пока мы его не наладили, хотя заинтересованность в этом есть. В Молодечно есть школа с испанским уклоном, и мы встречались там с ребятами и общались с ними. Я даже предложила им поехать к нам: пусть бы приехало пять учеников и одна учительница. Потом бы приехали наши ученики — ведь такой обмен был бы очень полезен.

г. Барановичи. 10.11.2008 г.

№ 2

Ніна Пятроўна Лабунька і Марыя Іванаўна Вярковіч.

Ніна Пятроўна Лабунька: Мой свёкра Станіслаў Лабунька быў добры чалавек, вечны пакой яму. Прыйшлося пра яго ўспомніць, няхай Пан Бог дасць яму ўсяго добрага.

Ніна Лабунька (справа) і Марыя Вярковіч

Сям'я яго была вялікая: іх чатыры браты (Антоній, Станіслаў, Адольфа і Янка), а ён адзін паехаў у Амэрыку. Адзін з братоў, Антоній (нежанаты), быў як апякун над сынамі Станіслава — Казімірам і Мішам, яны ж малыя засталіся.

Спецыяльнасці ў Станіслава не было, але ён быў абразаваны: хадзіў у мілашоўскую школу два гады, быў башкаваты. Можа ў 1928 г. мая свякроўка кольца прадала і карову, і ён паехаў ў Аргенціну, у Буэнас-Айрэс. Можа ездзіў і па краіне: трэба ж чалавеку ўсё ведаць. Работал ён там прастым рабочым, казаў: «Звару бульбачкі — і мне ўжо добра». Пабудаваў дамок, але грошы там, казаў, мяняюцца. І дзяцей не забываў. Мая свякроўка (была дужа добрая, вечны ёй пакой) казалі: прыходзіла двойчы ў месяц па 8 далараў — яна дзяцей і адзене, і карову купіць. Станіслаў грошы слаў і пісьмы слаў. Ён хацеў іх забраць. А жонка пабаялася, што Казя не гаворыць (пасля менінгіту застаўся

Культкамісія па выданні «Белорусскаго иллюстрированнаго календаря на 1947 г.». Сядзіць трэці справа Станіслаў Лабунька (1946 г.)

на ўсё жыццё без слыха і голаса): «Куды я з ім паеду?» А пасля пачалася вайна, ён ўжо ня змог ні сам прыехаць, ні іх забраць.

Пасля вайны перапіска ўзнавілася: ён зноў працаваў. Яму Владусь Гайлевіч памагаў. Гайлевіч у Лебедзева жыў недалёка — тры дамы ад нас, і там у іх быў прадседацелем, а Станіслаў Лабунька — сакратаром. Там ён змагаўся супраць паноў. Ён крэпка не расказваў пра гэта, але казаў, што восем дзён сядзеў у турме за гэта. А турма там, дзетка, — казаў: і куры, і шашлыкi, і ўсё на свеце.

Калі мой свёкра прыехаў, нічога не казаў: баяўся, што яго павязуць у Сібір. Раней жа як прыйшлі бальшавікі, так цераз Двіну і папёрлі. Колькі ж вывозілі людзей! І ў 1940-м, і ў 1941 г. І тых, хто маліліся, — і гэта врэдна было! Ксяндзоў усіх: можа, дзесяць ксяндзоў, і бацюшку таксама. Сцеражы Божа, што было!

— *А ў якім годзе Станіслаў Лабунька вярнуўся на Радзіму?*

Дзесьці ў 1962 годзе. Яго яшчэ не было, а з Мёр (ці блізка Мёр*) прыезджаў адзін такі ж, з Амэрыцы, расказваў**.

Свёкра хацеў ехаць, казаў: «Я там не хацеў памерці, хацеў памерці, дзе нарадзіўся, дзе пун закапаны». Але яму там не далі дакументаў — тады Гайлевіч зрабіў. Гайлевіч там даў на 15-20 чалавек абед, а пасля свёкра на пароходзе прыехаў (праз Італію). У яшчыку прывез, думаў, што здесь няма, кожны. А ў яшчыку кавадлы, і інш. (50 кг быў яшчык). Сям'я яго сустрэла ў Мёрах: свякроўка яго як сустрэла, так самлела. Прыехаў мужык, па-настаяшчаму.

— *Ён адрозніваўся ад астатніх?*

Адрозніваўся і па ежы, і па адзежы. Хацеў, каб кожны дзень хлеб пяклі: «Пячыце хлеб кожны дзень». А тады ездзілі аж у Дзвінск за хлебам. Высокі, здаровы, пальто на ём (ці плашч?). Любіў светлую адзежу: улетку ў яго было ўсё белае. Але ў нас зіма, што ж ты хочаш. Размаўляў па-беларуску, як і мы. Мог і па-гішпанску.

* Маецца на ўвазе горад Міёры — раённы цэнтр у Віцебскай вобласці.

** Па словах унука Станіслава Станіслававіча Лабунькі — Станіслава Казіміравіча Лабунькі — з Мёр прыезджаў да дзеда нехта Брэскі. Верагодна, гэта Канстанцін Брэскі — ураджэнец Браслаўскага р-ну, актыўны дзеяч пракамуністычнага аб'яднання беларусаў у Аргенціне. К. Брэскі ў 1946 г. з'яўляўся сакратаром «Союза беларускіх культурных арганізацый», у 1950-я гг. вярнуўся на Радзіму.

Калі прыехаў, то не працаваў, быў на пенсіі. Нашу пенсію яму давалі 20 руб., і колькі-та давалі пенсіі з Амэрыкі (Аргенціны). Пенсія з Амэрыкі ішла ў Маскву. Ён па пенсіях кожны месяц не ездзіў, а складаваў на машыну. Калі памёр, у Маскву паехалі сын і жонка. І толькі 5–6 даляраў не хапіла гэтай пенсіі на машыну. Свякроўка падзяліла гэтыя грошы паміж усімі.

— *А што ён расказваў пра аргенцінскае жыццё?*

Благодарыў Бога, што тут пражыў і там пражыў. Пра аргенцінскае жыццё не расказваў, бо вызывалі ж суседзей і пыталі: што расказвае «мэрыканец»? Ён толькі паціхоньку мог расказваць. Можа, у яго і там былі дзеці, але нічога пра гэта не вядома. Ды што я буду на яго гаварыць: там як мог, так жыў, прыехаў — маіх дзяцей уважаў, на мяне нічога ніколі не казаў. І я благодару Бога за гэта. Сын мне кажа, што я замнога Бога ўспамянаю. А мая сяброўка кажа: «Бог не кілішак! Вось кілішкаў замнога дрэнна. А Бога дзякаваць трэба!»

Гэта рэдкі выпадак, калі чалавек прыехаў з Амэрыцы. Туды толькі з Лебедзева пяць ці шэсць чалавек паехала. І з Дзедзіна* ехалі: прыезджаў агент, збіраў усіх — і паехалі. Многа хто не вярнуўся: сяброўкі (тут у суседчыне) два браты, Гайлевіч, маткі маёй два браты (Найдзёнкі Зыгмунт і Янка) — і ніхто не вярнуўся. Толькі ён адзін.

— *Скажыце, Лебедзева — каталіцкая вёска? А раней лічылася, што калі каталік, то паляк. І Гайлевіч, і Ваі свёкар — каталікі. А ў Аргенціне яны ўтварылі беларускую арганізацыю.*

Так, тут ўсе каталікі — не было ні маскалей, ні іншых. Толькі пасля ўжо... А ў Аргенціне яны бароліся за бедны клас. І па шэсць-сем дзён у турме сядзелі. А ў турме там кармілі нядрэнна — нават шашлыкі былі.

— *Скажыце, у кампартыю тут Станіслаў Лабунька не ўступіў?*

Не. Яго і не ўзялі б. Ён баяўся, каб не вывезлі ў Сібір. Калі б ён прыехаў не ў 1962 г., а ў якім 1948–49 г. — усё, вывезлі б.

— *Станіслаў Лабунька быў рэлігійны чалавек?*

Паехаў у Амэрыку: павянчаўся, выспаветаўся — як паложана. Прыехаў: у касцёл хадзіў, не скажу, што зусім ня верыў. Падходзіць яму смерць (гангрэна была) — пайду раз, другі раз да яго. Ён кажа: «Пачакай троху. А ці ўздагаю за сорок гадоў

* Дзедзіна — буйная вёска за кіламетр ад Лебедзева.

усяго, бо ня быў». А яго жонка пажобная была. Трэба ж усё ўспомніць. «А ці пажагнаецца ты?», а ён: «Даражэнькая мая, у 1910 гаду я хадзіў ў Друю з Бабарык (дзе служыў), ведаю, калі друйскае касцёл пабудаваны. Я не забыўся, я проста не хадзіў. Я помню Бога, хачу быць у сповядзі». І наш ксёндз з ім часа два разгаварываў.

Ну хто табе болей раскажаў, як я?

Марыя Іванаўна Вярковіч: Два мае старэйшыя браты, Мар'ян і Аляксандр Барысёнкі, паехалі ў Аргенціну. Пісьмы слалі, быў адрас такі — «Буэнас-Айрэс». У мамы было восем сыноў, а дачкі толькі дзве (я самая меншая). Старэйшы брат Мар'ян (здэсьці з 1906 г. года нараджэння) паехаў раней (мне было гады два, а я з 1925 г. нараджэння), а пасля паехаў і Аляксандр (ён з 1910 г.). Набіралі тут — прыезджаў агент. Білет быў дарагі: тата казаў, што карову прадаў. Па першаму, як паехалі, пісалі, што няма работы, што хоць пад поезд лажыся. А потым работа нашлася — простымі рабочымі на фабрыцы працавалі. Як паехалі, то даляры слалі. З тых часоў усё долары-долары. І зараз — ганяюць усё ў даляры, а нашы гэты «зайцы» не трэба. Я ўсё думаю: жывем у Савецкім Саюзе ці ў Беларусі, а навошта ганяюць гэтыя даляры ці еўра?

— Чаму браты паехалі ў Аргенціну, не ў ЗША?

Дзе былі знаёмыя, туды і ехалі. З Лебедзева там пяць чалавек было. І Владзіслаў Гайлевіч, мой кросны айцец, у Аргенціну паехаў. Калі ён паехаў — ня ведаю, але ў іхней арганізацыі Лабунька быў сакратаром, Гайлевіч прадсядацелем. А дробязкі не ведаю.

Пакуль быў жывы брат Мар'ян, то пісалі па-польску — я ў школу польскую хадзіла. Дома мы гаварылі, як сейчас гаворым. А школы былі польскія. Мар'ян пісаў: «Вемы, што вы жывеце

*Магіла Станіслава Лабунькі
ў вёсцы Лебедзева*

в Звёнзку Радзецкім». Калі дзесьці ў 1962 г. (тады яшчэ Мар'ян быў жывы) прыехаў яе свёкар Станіслаў Лабунька, яны прыслалі праз яго пасылку. Плаццыя такія харошыя, бацінкі такія чырвоныя, матэр'яла там, з якога мы шылі, для дзяцей таго-сяго з адзежы (у мяне іх дванаццаць). Платок быўшы прыслаўшы дужа модны — у нас такіх не было.

— *А што расказваў пра Ваішых братоў Лабунька?*

Ён са мной крэпка не абшчаўся — у мяне ж рабяты малыя... Ведаю, што Мар'ян там ажаніўся: жонку звалі Савіна, і ў іх там два сыны былі. На фота яны зняўшыся: два сыны небальшэнькія (Ян-Караль, а другі — не помню як зваць). А потым Мар'ян пад машыну папаў. Малодшы брат — ён без работы, любіў выпіць, нежанаты (неважны такі, хваліць нечага) — што з малодшым было, ня ведаю.

Як Мар'ян загінуў, тады мне пісаў Владыслаў Гайлевіч, які ўмеў па-польску. Ён пісаў, бо жонка Мар'яна не ўмела, валодала толькі гішпанскім языком. І я па-польску пішу Гайлевічу, а ён братаві перагаварываець па-іхнему. Так у нас сувязь вялася да смерці Гайлевіча. Там дзесьці і зараз мае пляменнікі жывуць.

Вёска Лебедзева, Мёрскі р-н.

5 студзеня 2009 г.

№ 3

Максим Евгеньевич Скурко

Родной брат моего деда — Фаддей Федорович Скурко — приехал из Аргентины в 1939 году. Мой отец* в своих «Листках календаря» пишет: «...тут еще усложнились домашние обстоятельства: вернулся из Аргентины дядя Фаддей, и отцу будет труднее помогать мне...» — а это запись за 1939 г.

Дядя Фаддей родился в 1885 г., был высокий, красивый — при царской власти

* Скурко Яўген Іванавіч (псеўданім Максім Танк) (1912–1995) — выбітны беларускі паэт і грамадскі дзеяч, старшыня праўлення Саюзу пісьменнікаў Беларусі (1967–1990).

стоял в карауле у Кремлевских ворот. Даже часы были подарены царем на стрельбищах, с гравировкой. Потом его послали в Чехословакию учиться на ветеринара, и он приобрел там образование. Много позже, когда тут уже были колхозы, он работал ветеринаром, и очень хорошим ветеринаром. Люди приходили — один свинью принесет, другой корову приведет — и он их лечил. У него настои были, травы. И когда в колхоз прислали ветеринара с советским дипломом, люди все равно к нему ходили...

В Чехословакии у него были проблемы с правительством: он вступил в какую-то организацию, даже его якобы приговорили к расстрелу. Дядя сбежал в Германию и там нанялся на работу к кому-то, в сельском хозяйстве. Был на хорошем счету, долго работал, а потом уехал в Аргентину. В Южную Америку тогда набирали людей как рабочую силу, но денег у многих на билет не было. Человек приходил в порт, показывал руки — если они в мозолях, значит, тебя туда отправляли. А стоимость билета в этом случае отработывали по дороге на корабле кочегаром или кем-нибудь еще.

В Аргентине он был 10 лет, сменил много профессий. Работал таксистом, говорил, что город был поделен: если «ткнешься» в другой район, то будут проблемы. Работал и на каком-то заводе (автомобильном?) на конвейере: там на обед даже не отпускали, надо было «вкалывать», так на шее у каждого рабочего была подвешена коробка от консервы, чтобы поесть в перерыв (чуть ли не на ходу). Потом работал в сельском хозяйстве на какой-то ферме: в Аргентине, говорил, коровы круглый год пасутся в поле. Объезжал еще диких лошадей — так рассказывал, может, что и придумывал.

Между моим дедом и его братом Фаддеем дом был разделен надвое. Они были дружные: если надо на косьбу, иную работу — идут вместе. Я с дядей был очень дружен: если на сеновале спал, то он мне все байки травил. Мне, малому, рассказывал еще про «Титаник»: «Какой большой корабль был — по нему трамвай ходили». А я еще говорил: «Не может быть!» Он не женился, бобылем прожил. Я спрашивал: «А почему не женился?» Он рассказывал, что в Аргентине была у него девушка, жили с ней, было все хорошо. Но ему же надо было сюда ехать, землю эту покупать, поэтому: «Посмотрел: она в наших условиях не выживет». А когда сюда вернулся, началась война, установи-

лась Советская власть, и все деньги, которые заработал, пропали. Это ведь тоже трагедия...

Дядя был очень простой, среди остальных сельчан не выделялся. Но он знал чешский, польский (в совершенстве эти языки), немецкий и испанский. Привез из стран, где когда-то жил, много книг. Дома на хуторе стояла этажерка, где были книги на испанском, немецком, касающиеся растений, химии (с медицинским уклоном). Когда я уже стал старше и учился, приезжал на хутор, он проверял, как я знаю химию. Отвечу ему, он тогда: «Да, ведаеш, ведаеш» (дома все по-белорусски разговаривали). Во время войны, можно сказать, что знание языков спасло семью: когда приходили немцы, то дядя с ними говорил по-немецки, и это их к нему располагало*.

После войны он очень любил выступать на всех колхозных собраниях. Часто приезжал на такие собрания секретарь райкома. Секретарь рассказывает что-то, заканчивает и спрашивает: «У кого какие вопросы?» И дядька выходит и говорит: «Вот что он говорил, колхозники, это всё ерунда! А надо делать так, так и так!» Он все время говорил: «Я удивляюсь: что за власть! Можно сделать дело тремя способами — и эти коммунисты выберут самый плохой!» И отца вызывали в ЦК в то время и просили: «Успокой ты своего дядьку! Потому что он тебя доведет... до сам знаешь чего». И отец приезжал и говорил: «Ну помолчать ты можешь или нет?» (это я точно помню). Можно сказать, что Советская власть была дяде поперек горла — свободы никакой.

У нас дома всегда стояла котомка с сухарями: отца ночью вызывали и забирали в КГБ (Цанава и кто после него был). Отец рассказывал: «Меня приведут в КГБ, в какой-то зал (все это ночью — где-то в два часа ночи брали). Бильярд стоит, шары расставлены. Выходит Цанава (или кто тогда был во главе КГБ) и говорит: «Евгений Иванович! Давайте в бильярд сыграем». А у меня уже руки колотятся. Ну, покатаешь шары. А во время игры он спрашивает: «Что Вы думаете об этом писателе, что Вы думаете об этом?» И я все время в таком напряжении: думаешь, как бы не ляпнуть чего». Тогда ведь садили одного за другим. К утру смотришь — отца вернули. И так много раз. Это делали

* Падчас вайны Максім Танк з жонкай выехалі ў эвакуацыю (іх сын — Максім Яўгенавіч — нарадзіўся ў 1941 г. у Саратаве), а астатнія родныя засталіся на радзіме ў Пількаўшчыне.

по доносам, конечно. Я даже знаю, кто доносил, тем более что Машеров отцу показал все документы, кто на него доносил из писательской организации. Это делали такие люди, что удивляешься. Я их называть не буду, так как эти документы не видел.

А дядя умер, когда ему было лет под восемьдесят. Он страшно сильный был физически: в 65 лет свободно подымал бидон молока на грузовик. Умер от астмы, похоронен в родной Пильковщине Мядельского района. Там, согласно завещанию, похоронен и мой отец.

г. Минск, 29 января 2009 г.

№ 4 Галина Волос

Мой отец, Иосиф Степанович Волос, родился в селе Воля Верещинска, уезд Влодава, губерня Холм, Польша. Сын Степана Павловича Волос и Параскевы Иосифовны Музычук. Семья состояла из родителей, брат Алексей Степанович, Иван Степанович, Иосиф Степанович и Елена Степановна.

В войну 1914 года вся семья была эвакуирована в Каспийскую область, город Ашхабад. По поводу климатического изменения и болезни вывезли в европейскую часть.

В 1915 году вывезли через Каспийское море в Саратовскую губерню, Вольский уезд, село Кражин. В 1916 году вся семья выехала в Уфимскую губерню, к родным отца. Там отец заболел и помер в городе Уфе.

В 1917 году мать и 4 детей поехали в Самарскую губерню, Бузуцкий уезд, станция Богатое, село Павловска к дедушке Иосифу Музычуку. Там устроились: мать работала в маслобойне, брат Алексей — переписчиком на элеваторе, брат Иван — курьером в кооперативе «Труд и Борьба», Иосиф и Елена ходили в детский сад.

В 1920 году сокращался штат служащих, предложили выезд, куда хотели: на Украину или в Сибирь. Там был хороший урожай, но дедушка и вся родня обдумали и вернулись на место рождения, которое в то время было занято поляками. И так опять очутились в Польше.

В 1929 году вместе со своим братом Алексеем Степановичем и его супругой Александрой, Иосиф Степанович поехал

в Аргентину. Там поселился в районе Док-Суд, провинция Буэнос-Айрес, и начал работать на металлургическом заводе. Был активным членом в синдикате и в Союзе украинских и белорусских рабочих организаций (СУБРО).

Ночью, 29 апреля 1934 года, Иосиф Степанович расклеивал афиши с призывом на Первого мая, это было на улице Сархенто Понсе, в районе Док-Суд. Полицейские пули прекратили жизнь молодому борцу за счастье и свободу человека. Ему тогда было только 24 года. Похоронен на кладбище Авельянеда. Рассказывали, что много товарищей и друзей провожали на кладбище. До сих пор его тело отдыхает вместе со своим братом Иваном Степановичем и его золовкой Анной Павловной.

Буэнос-Айрес. Передано 30 марта 2009 г.

ІМЕННИ ПАКАЗНІК

А

Абрамчук, Т. 113
Абрамьшин, Федор 71
Азарко, Иван 51
Александрович 162
Альварес, Арнедо 221
Альсевіч, Іосіф 40
Арес, Оскар 130, 230
Артюх, Константин 345

Б

Байда, Еўдакія 116
Байда, Павел 116
Балахонова (Бетько), Анна 284,
288
Барабаш, С. 63
Барысёнак, Аляксандр 355
Барысёнак, Мар'ян 355
Белькевич, Геннадий 133, 135,
136, 139
Беляев, Иван 321
Бенуа, Ольга 125
Берняковіч (Bierniakowicz), М.
13, 18, 56, 71
Бетько, Пётр 284
Бірко, Сергій 102, 104
Білевич, Д. 60
Білей, П. 63
Бобрик, Александр 123, 129, 258
Богданов 206, 207
Божко 162
Бойко (Бойка), Павел 17, 92, 114,
115, 129, 193, 268, 273,
320, 326, 327, 333
Бойко, Иван 101, 103
Браво, Марио 327

Брэскі, Канстанцін 353
Бударин 220, 334
Букарев, Борис 123, 128
Бунь, А. 68

В

Вабель, П. 68
Ваврисевич, Г. 61
Вакарук, Хуан 252
Валконскі 17
Васерман 332
Василевский 327
Василко, Платон 40
Вербицкий, Феликс 329
Вілковський, О. 61
Віткалюк, Ананій 59
Войнерович, Иосиф 280
Волкович, Андрей 179
Волкович, Игнатий 191
Волос, Галина 128, 157, 359
Волос, Иосиф 359
Волос, Степан 359
Волчок, И. 162
Волянюк, Арсентий 99
Волянюк, Берта 98, 100
Волянюк, Семён 98
Волянюк, Степан 99, 100
Вороняк 162
Вярковіч, Марыя 157, 351, 355

Г

Гайлевіч, Уладзіслаў 14, 37,
353–356
Галюки, Пётр, Освальд, Михаил
97
Гарустович, Гертрудис 336

- Гарустович, Константин
     Игнат'евич 335
 Гарустович, Константин
     Константинович 335, 344
 Гвай, Иван 212
 Герасимчук, Павел 66
 Герберов, Михаил 232
 Гиольди, Орест 221
 Гиольди, Родольфо 221
 Гницевич, Елена 252
 Гницевич, Иван 253
 Гончаров, Валер'ян 233, 268
 Гончаров, Павел 255, 260–262
 Горог Григорий 39
 Григор'ев 214
 Грицюк 162
 Грыбоўскі, Юры 7
 Гуарани, Орасьо 334
 Губарчук, Панас 5
 Губчик, Я. 106
 Гузіч, Л. 36, 159
 Гусинская, Офелия 197
 Гусинская, Роза 197, 226
- Д**
- Дашкевич, Иван 51
 Дель Карриль 272
 Денисеня, Карлос 273
 Денисеня, Хосе 273
 Ди Франко, Клара 127
 Дидек, П. 60, 61
 Диокас 190, 223
 Дмитришчын, Николай 70
 Драмазонак, Антон 21, 22, 166,
     198, 199
 Драбоскі, К. 60, 61
 Дрозд 162
 Дрозд 320
 Дубчук, У. 99
 Дудко 283, 284
 Д'яконов, Дмитрий 221
 Дягис 190
- Е**
- Ермалович, Стефан 330
- Ж**
- Жаловаго, Лидия 129
 Жарский, Василий 340
 Жданеня, Васіль 256, 263, 284
 Жданеня, Зміцер 256, 263, 279
 Жданеня, Иван 256, 264
 Жданеня, Кастусь 256, 264
 Жидкий, М. 68
 Жолуд (Садовская), Домна 243
 Жук 250
- З**
- Забчук, Зенона 157, 345
 Зошук, Андрей 123, 129
 Зубеня, Р. 60
- И**
- Игнат'ев, Олег 231, 233
 Ингалинелло 327
 Искарро, Рубен 163, 221
 Истомина (де Галанта),
     Екатерина 215, 216
- І**
- Иванюк, С. 61, 62
 Ізразцоў, Канстанцін 16, 128
 Ільяшэвіч, П. 36, 159
 Іртышук, Уладзімер, Тацяна,
     Алена 116
- К**
- Кажано 127
 Казіол, П. 156, 157
 Калининчук (Карчик), Надежда 297
 Каличко 275
 Карпович 223
 Карчик (Карчык), Иосиф 75, 77,
     262, 296, 300
 Карчик, Елена 296
 Карчик, Иван 300
 Катоўскі, Анатолий 5
 Катушонок, Степан 251
 Качаловы 346
 Качан, Савка 40
 Качарга, В 13
 Керезь, А. 67

Килбасник, С. 68
 Киндрук, Андрей 266, 267
 Кисилёв, Кузьма 70, 91, 95, 180
 Кицун, Дмитрий 141, 143, 144
 Кицун, Марія 141
 Коберська, Лідія 99
 Кобринец, І. 63
 Кобринец, Михаіл 344
 Ковшик 111, 112
 Ковыльчук Александр 40
 Кодовилья, Витторио 221
 Козловський, Б. 63
 Козюк, Сидор 70
 Кокотко, Илья 39
 Кондратович 164
 Коретко 111–113
 Корнейчук, Михаіл 40
 Корнелюк 111, 112
 Кортес, Сергей 193, 222, 238,
 289, 303
 Кортес-Пелех, Сильвия 228
 Косевич, Н. 68
 Костылев 91, 92
 Кошуба, Константин 39
 Кравценюк 111, 112
 Красовский 111, 112
 Кремер, Иза 233
 Кривдик 124, 126, 127
 Кривонос 347
 Крук, Н. 113
 Крукоўскі, Вінцэнт 14, 50, 51,
 73, 165
 Кузьмич, Тимофей 40
 Кукавский, М. 68
 Кукаро, Орландо 206, 207, 213
 Кулик, Максим 40
 Кунда, П. 5
 Кунторас, А. 105
 Курдун 328
 Курьоловіч (Курилович), У. 156, 161
 Кутас, Кастусь 24, 139, 143
 Кучинский 111, 112

Л

Лабунька, Ніна 157, 351
 Лабунька, Станіслаў 351–356

Ларионова, Алла 218
 Левчук, Анна 242
 Ленивко, Николай 343
 Ленивко, Фёдор 145, 146
 Ленковец 263
 Леоник, Александр 73, 188, 193,
 199, 212–214, 219
 Леоник, Пётр 188
 Лисяк, Каролина 252
 Литвин, Хуана 329
 Ліскавецкі, В. 80
 Лозицкие 216
 Луб, С. 65, 165
 Луд, Иван 122
 Лунис, Лидия 129
 Любамирская 300
 Лясецкий 164
 Ляшук, Трафім 21, 22, 73–75, 92,
 113–115, 160, 161, 165,
 187, 197–199, 209, 210,
 219, 268, 273, 299

М

Максимчук, Б. 68
 Максимовіч, Валянціна 226
 Малиновские 347
 Мальская-Венцель 127
 Мандрик, Константин 140
 Мандрик, Сергей 140, 144
 Маркушевский 73
 Мартынюки 333
 Марцинкевич 214
 Мацкевич, А. 96
 Мацкевич, Владимир 305
 Мацкевич, Игнатий 71
 Мацкович, Алексей 113
 Мельничук, О. 60, 61
 Мелюг, Иосиф 71
 Мерляк, Кастусь 6, 20, 23, 25,
 34, 75
 Мизин, Николай 207
 Миколойчук, Григорий 345
 Микуцкий, Иван 40
 Мирончик, Александр 209
 Мисюк 106
 Мишук, Виктор 66

Міляновіч, Антон 58, 59
 Міранчук, Пётр 226
 Мовчан, Михаіл 166, 175, 182, 193
 Монахов, Константин 232, 233
 Моток, Степан 318
 Моток, Тамара 317
 Музычук, Іосиф 359
 Музычук, Параскева 359
 Мярэчка (Меречко), Мікалай 14,
 46, 71

Н

Найдзёнак, Зыгмунт 354
 Найдзёнак, Янка 354
 Налівайка 27
 Наумчик 210
 Неделько, Іосиф 51
 Немировский 211
 Нетудыхата, Димитрий 40
 Нечепор, В. 63
 Николаева, Татьяна 219
 Никончук 127
 Нистюкович 166
 Ничипорук, Кирилл 40
 Новойчик, К. 68
 Новосад, Лидия 128
 Нуньес, Рауль 241

О

Одинец, Емельян 66
 Ойстрах, Давид 219
 Окулик, Дмитрий 206
 Окулик, Юстин 66
 Орлов 207

П

Павлюкович 166
 Панасюк, Стефан 212, 219
 Паржаюк 126
 Париджанян, Крикор 340
 Паўлік, Ю. 288, 291
 Пелех, Андрей 232, 235, 240
 Перон, Хуан Дамінга 18, 22, 176,
 177, 186, 190, 211, 212,
 218, 234, 270, 276, 291,
 316, 317, 332

Перон, Эва 212, 235, 270
 Петер, Хосе 165, 209, 221
 Петрушкевич, Станислав 71
 Петрушко, Степан 143, 145
 Пивень-Пилепук 111, 112
 Пилипук 250
 Пилипук, Василий 39
 Підгайний, Іван 100
 Плавска, Антонина 274
 Полесская, А. 47
 Поляк 332
 Попов 288
 Пранько (Пронько), Іосіф 156,
 163, 274
 Припутневич, Станислав 51
 Прокша, Л. 147, 148
 Пронько, Александр 73, 156, 163
 Пронько, Іван 274
 Пстыга 343
 Пыжик, Мария 124, 128
 Пятручак, Я. 14, 77

Р

Рамановіч, Вольга 226
 Рахель 162
 Римский-Корсаков 128
 Родион, Федор 257
 Романович, Василий 199, 205,
 226
 Романович, Михаил 184, 188, 189
 Рудэнка, Анатолий 4, 6, 12, 156
 Рязанов, Михаил 233

С

Савицкий, Вячеслав 51, 65, 156,
 164
 Савчук, Агафья 106-109
 Савчук, Евдокия 108
 Садовская, Анна-Тереса 243, 246
 Садовская, Гликерия 257, 258
 Садовский, Евгений 243
 Садовский, Жора 262
 Сайкевич, В. 63
 Салаўян, Хуліяна 29
 Саливончик 73
 Самасюк, Сцяпан 32, 132

Самусевіч, А. 115
 Сафігероа, Сарита 126
 Свірыдзюк, Аляксей 118
 Севостянюк 111
 Семенюк, Д. 68
 Сенчина 266
 Сергеев, Михаил 76, 220, 233
 Серожик, Николай 39
 Сидорович 196
 Сидорович, Михаил Михайлович 321
 Сидорчук, А. 68
 Силвонюк, Д 61
 Симоновичи 344
 Синица, Е. 43
 Сініковіч, Марыя 115
 Скоропад, Григорий 242
 Скрипель, Григорий 135, 251
 Скрипель, Нина 135
 Скрипель, Яков 135, 251
 Скурко, Максим 157, 356
 Скурко, Фаддей 356
 Скурко, Яўген (Максім Танк) 356, 358
 Слепухин 127
 Сосновская, Наталья 127
 Сосновский, Петр 39
 Сосюра, В. 162
 Сохатски, София 241
 Спесьян, Лідія 102
 Спірыдонова (Спиридонова), Елізавета 87, 122, 125, 194, 232, 255, 256, 273, 277, 326
 Старцун 111, 112
 Стахевич, Константин 326
 Степанюк, П. 59
 Стефанович, Павел 102, 103
 Столяров, Сергей 218
 Стома, Иван 318
 Стралко, Андрэй 5
 Стрельчук, Евгений 232
 Стресснер, Альфредо 281, 338
 Сухимецкий, Степан 134, 135
 Сухимецкий, Фёдор 134-136
 Сыс, П. 113
 Сюсюра, Феодосий 39

Т

Тарасюк, К. 162
 Тенчон, Яков 59
 Теребей (Церабей), Зинаида 306, 317
 Теребей, Анита 344
 Теребей, Иван 305
 Теребей, Николай 305, 306
 Терехович, Михаил 194
 Тереховичи (Цераховічы) 188, 195, 210
 Тихон 115
 Тихон, Сергей 330
 Томасевич, Евстафий 39
 Томина, Виктория 215, 234
 Торчиник 115
 Третьак 104
 Третьак, Станислав 66
 Трукшин 214
 Трукшина, Вера 213
 Тупин 215

У

Унглик, Альберто 40

Ф

Фёдоров, Антон 130
 Філютовіч, Сцяпан 25, 49
 Фролович (отец) 209
 Фролович, Евгений 212, 223

Х

Хаменюк, Дмитрий 327
 Хаменюк, Иван 324
 Харитонюк 212
 Хасон, Куприян 40
 Хачатурян, Арам 340, 341
 Хлебников 221
 Хомич, И. 162

Ц

Цетлин, Е. 49
 Ціхаміраў, Аляксандр 7, 8
 Цюнель, Н. 68
 Цябуць 75

Ч

Чернышов, Виктор 221
Чикалевский, Антон 39
Чирук 124
Чумак 209

Ш

Шайко, Антонио 325
Шалястовіч, Кастусь 9
Шарапов 180, 237, 259–261
Шашкель, Семён 146
Швец, Л. 107
Шевчук, Леонид 350
Шелешко 341
Шерман, Григорий 294
Шикайло, Иван 39
Шишка, В. 39
Шмідт, Т. 100
Шостаковская (Кортес),
Людмила 130, 228, 233
Шостаковская, Евгения 228, 233
Шостаковский (Шастакоўскі),
Павел 5, 17, 21, 62, 76, 130,
192, 193, 222, 228, 230, 234
Шоц, Иван (Шок, Хуан) 22, 51,
65, 71, 299
Шоцкий, Аркадий 222
Шпак 162
Шубский 111
Шэрман, Карлас 6, 193, 294, 330

Щ

Щерба, Анна 323, 326
Щербач, Павел 66

Э

Эрзя 325

Ю

Юрчик, Владимир 259
Юрчик, Елена 259–262

Я

Якимчук, Григорий 128
Ялоза, Александр 129, 193, 194,
219
Ялоза, Яков 129, 219, 220
Янин 271
Янович, Юльян 70
Яремчук, Василь 102
Ярмаковіч, Антон 119, 120
Ярмаковіч, Иван 119
Ярмольчук, И. 68
Ярмушик, И. 113
Ясюкевич, I. 63

К

Kulachok (Кулачок), Т. 56

U

Ulczik (Ульчык), А. 56

ЗМЕСТ

Уводзіны. Беларуская дыяспара ў Аргенціне	3
Раздзел 1. Беларускія імігранты ў Аргенціне (1930 – сяр. 1950-х гг.)	33
Раздзел 2. Беларускія рээмігранты (1955–1960-я гг.)	87
Раздзел 3. Успаміны рээмігрантаў з Аргенціны	156
П. Козиол	157
И. Курилович	161
А. Пронько	163
В. Савицкий	164
Михаил Алексеевич Мовчан	166
Михаил Филиппович Романович	184
Василий Афанасьевич Романович	199
Сильвия Альбертовна Кортес-Пелех	228
Анна-Тереса Евгеньевна Садовская	243
Елена Ивановна Гницевич	252
Дмитрий Кузьмич Жданеня	263
Иосиф Иванович Пронько	274
Анна Петровна Балахонова	284
Карлос Григорьевич Шерман	294
Елена Иосифовна Карчик	296
Иван Николаевич Теребей	305
Зинаида Ивановна Теребей и Тамара Александровна Моток	317
Щерба Анна Петровна	323
Гарустович Константин Константинович	335
Дадагак да Разделу 3	345
Зенона Константиновна Забчук	345
Ніна Пятроўна Лабунька і Марыя Іванаўна Вярковіч	351
Максим Евгеньевич Скурко	356
Галина Волос	359
Іменны паказнік	361

Навуковае выданне

Бібліятэка Бацькаўшчыны

Кніга 17

Шабельцаў Сяргей Васільевіч

**Беларусы ў Аргенціне:
грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР
(1930–1960-я гг.)**

Зборнік дакументаў і ўспамінаў

Адказы за выпуск *У. Сілянок*
Камп'ютэрная вёрстка *Ю. Андрэева*
Дызайн вокладкі *А. Лінькова*
Карэктар *К. Маціеўская*

Падпісана да друку 19.11.2009. Фармат 84x108 1/32.
Папера афсетная. Гарнітура Times. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 20,9. Ул.-выд. арк. 17,4.
Наклад 300 ас. Замова 409.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
сумеснае таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт».
ЛВ № 02330/0548592 ад 09.07.2009.
ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008.
Вул. Ціміразева, 9, 220004, Мінск.